

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

№ 2 (113) 2025

Учредитель: Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 38836

Издается с июня 1997 г.

Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Адрес типографии: 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Тел./факс (3952) 410-215

e-mail: esiirk_vestnik@mvd.ru

www.vestnikesiirk.ru

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2025

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:

О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:

А. Н. Шаламова, канд. юрид. наук, доц., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

Ответственный секретарь:

Р. Р. Мухина, главный редактор научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Восточно-Сибирского института МВД России

Члены редакционной коллегии:

А. В. Варданын, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России

О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф., ректор Байкальского государственного университета

Ю. В. Гаврилин, д-р юрид. наук, проф., зам. начальника управления научных исследований – начальник отдела организации научных исследований ЭКЦ МВД России

Б. Я. Гаврилов, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области

В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета

И. В. Минникес, д-р юрид. наук, проф., главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета

И. А. Минникес, д-р юрид. наук, доц., зав. отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета

В. В. Николук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., гл. научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия

С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доц., заведующий центром уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., заведующий отделом криминологических исследований Института правовых исследований Байкальского государственного университета

Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, проф., директор Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

И. В. Смолькова, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Юридического института Байкальского государственного университета

Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета

З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Карагандинской академии МВД РК имени Баримбека Бейсенова

Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, доц., зам. начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе)

В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета

А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 27 июня 2025 г. Дата выхода в свет 30 июня 2025 г.

Цена свободная

Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 38,0.

Тираж 1000 экз.

Первый завод 35 экз. Заказ № 17

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

VESTNIK OF THE EAST SIBERIAN INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 2 (113) 2025

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registered with the Federal service
for supervision of communications, information technology and mass communications
(Roskomnadzor)

PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

Since June 1997

The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, 110 Lermontov St.
Tel./fax (3952) 410-215,
e-mail: esiirk_vestnik@mvd.ru
www.vestnikesiirk.ru

© East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2025

Editors

Chief Editor

O. A. Avdeeva, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Deputy Chief Editor

A. N. Shalamova, candidate of legal sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Executive Secretary:

R. R. Mukhina, Editor-in-Chief of the Research and Editorial and Publishing Department of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Members of the Editorial Board

A. V. Vardanyan, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation

O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor, Rector of Baikal State University

Yu. V. Gavrilin, Doctor of Law, Professor Deputy Head of the Scientific Research Department - Head of the Scientific Research Organisation Department of the ECC of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

B. Y. Gavrilov, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Department of the Management of Crime Investigation Units, Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

A. Yu. Golovin, Doctor of Law, the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Tula Region

V. S. Ishigeev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University

I. V. Minnikes, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Institute of Legal Research, Baikal State University

I. A. Minnikes, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Institute of Legal Research, Baikal State University

V. V. Nikolyuk, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Justice Department of the Russian State University of Justice

S. L. Nudel, Doctor of Law, Associate Professor, head of the center of the Department of Criminal, Criminal Procedure Law; Judicial Proceedings of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, ead of the Department of Criminal Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

A. L. Repetskaya, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminological Research Department of the Institute of Legal Studies of the Baikal State University

E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

I. V. Smolkova, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Pro-Curatorial Supervision of the Law Institute Baikal State University

D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminology, Forensic Examinations and Legal Psychology of the Baikal State University

Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Barimbek Beisenov

N. N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head for scientific affairs of the Law Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

V. V. Chuksina, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University

A. V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.

The republication is allowed after the Editorial board permission only.

Publication is for free. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on 27 th June 2025. Publication date 30 th June 2025.

Price: free

Format 60 × 84/8

Conventional printed sheets 38,0. Issue 1000 copies First issue 35 copies. Order No. 17

Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Гавриленко А. А. Эволюция системы транспортных прокуратур в России в 1991-2001 гг.....	9
Гаврюшкин К. А. Правовые ценности как фактор прогрессивного развития современного общества: теоретико-правовой аспект	20
Огорелков Д. А. Войска и органы НКВД СССР в обороне Севастополя 1941-1942 гг.: состав, функции, значение.....	28
Тепляшин И. В. Задачи и формы взаимодействия правоохранительных органов и институтов гражданского общества	37

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Лапов И. Н. Особенности административной ответственности граждан, имеющих специальное право на управление транспортными средствами	52
---	----

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Акименко П. А. Особенности возникновения феномена изоляции от общества и его основные характерные признаки	65
Белецкая Ю. В. Способы совершения мошенничества, сопряженного с получением социальных выплат, как ключевой элемент криминалистической характеристики.....	74
Брянская Е. В. К вопросу о критериях оценки допустимости и недопустимости доказательств по уголовному делу	88
Гапонова В. Н. К вопросу о следственном осмотре: проблемы теории и практики	101
Гуськова А. Б. Уголовный процесс и содействие правосудию: стратегия обеспечения справедливости	114
Зайцев В. Н. Явное затягивание обвиняемым времени ознакомления с материалами уголовного дела, как закономерный итог злоупотребления обвиняемым своими правами в период его расследования.....	126

Калюжный А. Н. Векторы реализации потенциала информационных технологий в деятельности оперативных и следственных подразделений	140
Карпов К. Н. Подходы к пониманию социального контроля в сфере уголовно-правового регулирования	150
Кондратюков С. С. Уклонение от уплаты налогов частными охранными организациями (криминологический подход)	165
Кузнецов Е. В. Лицо, пропавшее без вести: понятие, правовое регулирование	175
Кукасов М. В. Анализ правил квалификации специальных составов преступлений.....	189
Маркова В. В. Методические аспекты судебно-бухгалтерской экспертизы при расследовании преступлений в сфере железнодорожного транспорта	201
Молчанова Т. В. Информационно-телекоммуникационные технологии как фактор трансформации преступности в сфере экономической деятельности ...	212
Саламов Н. М. оглы. Задачи и принципы уголовного законодательства Азербайджанской Республики: генезис и эволюция.....	232
Середа О. В. Некоторые особенности расследования коррупционных преступлений в сфере лесопромышленного комплекса	248
Сорокун Н. С., Сидорова Е. З. О борьбе с рецидивной преступностью на современном этапе.....	259
Шаевич А., Бельков В. А. Отдельные проблемы участия психолога и педагога в уголовном судопроизводстве	270
Щеглов А. И. Понятие и признаки профучётной преступности	286
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	298

CONTENTS

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Gavrilenko A. A. Evolution of the system of transport prosecutor's offices in Russia in 1991-2001	9
Gavryushkin K. A. Legal values as a factor of progressive development of modern society: theoretical and legal aspect	20
Ogorelkov D. A. Troops and organs of the nkvd of the ussr in the defense of sevastopol 1941–1942: composition, functions, significance	28
Teplyashin I. V. Tasks and forms of interaction between law enforcement agencies and civil society institutions	37

5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences)

Lapov I. N. Peculiarities of administrative responsibility of citizens with a special right to motor drive vehicles	52
---	----

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Akimenko P. A. Peculiarities of the emergence of the phenomenon of isolation from society and its main characteristic features	65
Beletskaya Yu. V. Methods of fraud related to receiving social benefits as a key element of criminalistic characteristics	74
Bryanskaya E. V. The criteria for assessing the admissibility and inadmissibility of evidence in a criminal case	88
Gaponova V. N. The issue of investigative inspection: Problems of theory and practice	101
Guskova A. B. Criminal proceedings and promoting justice: strategy for ensuring justice	114
Zaitsev V. N. The defendant's apparent prolongation of the time Of familiarisation with the materials of the criminal case, As a natural outcome of the accused's abuse of his rights during the investigation period	126
Kalyuzhny A. N. Vectors of realizing the potential of information technologies in the activities of operational and investigative units	140

Karpov K. N. Approaches to understanding social control in the sphere of criminal law regulation.....	150
Kondratyukov S. S. Tax evasion by private security organizations (criminological approach).....	165
Kuznetsov E. V. Missing person: concept, legal regulation.....	175
Kukasov M. V. Analysis of the rules for the qualification of special crimes	189
Markova V. V. Methodological aspects of forensic accounting expertise in the investigation of railway transport offences	201
Molchanova T. V. Information and telecommunication technologies as a factor of transformation of crime in the sphere of economic activity	212
Salamov N. M oglu. Objectives and principles of the criminal legislation of the Republic of Azerbaijan: genesis and evolution	232
Sereda O. V. Some features of the investigation of corruption crimes in the timber industry.....	248
Sorokun N. S., Sidorova E. Z. On combating recidivism at the present stage	259
Shaevich A. A., Belkov V. A. Some problems of participation of a psychologist and pedagogue in criminal proceedings	270
Shcheglov A. I. Concept and characteristics of recorded crime	286
INFORMATION FOR AUTHORS	298

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 9–19.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no. 2 (113). Pp. 9–19.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 347.963

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ТРАНСПОРТНЫХ ПРОКУРАТУР В РОССИИ В 1991-2001 ГГ

Гавриленко Артем Александрович

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация,
616661@mail.ru

Введение. В статье исследуется эволюция правового регулирования организации и деятельности транспортной прокуратуры в России после распада СССР, акцентируется внимание на трансформации ее структуры и нормативной базы в условиях новых политико-экономических реалий. Основное внимание уделено периоду 1991-2001 гг., когда реформирование правоохранительной системы потребовало адаптации правовых механизмов, к новым реалиям.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили нормы законодательства Российской Федерации, ведомственные акты прокуратуры Российской Федерации, статистические данные, архивные документы, научные статьи исследователей. Методологической основой исследования являются методы познания, в том числе, диалектический, историко-правовой, системный и сравнительный, что позволяет комплексно оценить динамику развития исследуемого института в указанный период. Проведен анализ законодательства, ведомственной документации, статистики.

Результаты исследования. Исследование позволяет заполнить пробел в историографии, фокусируясь на узкоспециализированном институте прокуратуры в контексте системного кризиса, что позволяет глубже понять механизмы адаптации правоохранительной системы к радикальным социальным изменениям.

Выводы и заключения. Проведенное исследование на основе реконструкции событий позволяет провести критический анализ успехов и провалов проведенных реформ, что актуально для современного обсуждения роли прокуратуры в России. Выявлены основные факторы, обусловившие развитие и трансформацию транспортных прокуратур в период 1991-2001 годов.

Ключевые слова: история прокуратуры, надзор за исполнением законов на транспорте, специализированные прокуратуры, транспортные прокуратуры, транспорт

Для цитирования: Гавриленко, А. А. Эволюция системы транспортных прокуратур в России в 1991-2001 гг. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 9–19.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

EVOLUTION OF THE SYSTEM OF TRANSPORT PROSECUTOR'S OFFICES IN RUSSIA IN 1991-2001

Artem A. Gavrilenko

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, 616661@mail.ru

Introduction. The article studies the evolution of the legal regulation of transport prosecution organization and activity in Russia after the collapse of the USSR, focuses on the transformation of the structure and regulatory frameworks under the new political and economic realities. The main attention is paid to the period of 1991-2001, when the reform of the law enforcement system required the adaptation of legal mechanisms to the new realities.

Materials and Methods. The research materials included the norms of the legislation of the Russian Federation, departmental acts of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, statistical data, archival documents, scientific articles of researchers. The methodological basis of the study is the methods of cognition, including dialectical, historical-legal, systemic and comparative, which allows a comprehensive assessment of the dynamics of the development of the institution under study in the specified period. Legislation and departmental documents were analysed.

The Results of the Study. The study fills a gap in historiography by focusing on the highly specialised institution of the prosecutor's office in the context of systemic crisis, which allows for a deeper understanding of the mechanisms of adaptation of the law enforcement system to radical social changes.

Findings and Conclusions. The study based on the reconstruction of events, allows for a critical analysis of the successes and failures of the reforms carried out. This is relevant to the modern discussion on the role of the prosecutors in Russia. The main factors that determined the development and transformation of transport prosecutor's transport offices in the period 1991-2001 were identified.

Keywords: history of prosecutor's offices, supervision of law enforcement on transport, specialised prosecutor's offices, transport prosecutor's offices, transport

For citation: Gavrilenko, A. A. Evolyutsia sistemy transportnykh prokuratur v Rossii v 1991-2001 [Evolution of the system of transport prosecutor's offices in Russia in 1991-2001] Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 2 (113), pp. 9–19.

Ключевая роль транспортной инфраструктуры в нашей стране обусловлена пространственными характеристиками государства. Протяженность транспортных сетей, разнородный и многочисленный кадровый состав лиц, вовлеченных в транспортные схемы, сложность координации потоков, огромная роль транспорта в формировании политико-экономических связей между регионами и т. п. – все эти факторы требовали налаженной системы контроля как через органы управления в

целом, так и посредством специально создаваемых государственных структур. В последнем случае речь идет, прежде всего, о транспортной прокуратуре.

Цель данного исследования состоит в анализе процесса формирования, институционального развития и функциональной эволюции транспортной прокуратуры России в период 1990–2001 гг. в контексте трансформации правовой системы, государственного устройства и социально-экономических условий постсоветского государства. Исследование призвано развить фактологическую базу, обусловленную фокусированием на узкоспециализированном институте прокуратуры в условиях системного кризиса, что позволит глубже понять механизмы адаптации правоохранительной системы России к коренным социальным изменениям.

Для достижения данной цели поставлены следующие задачи:

- изучить предпосылки реорганизации советской прокуратуры в условиях распада СССР и формирования новой правовой системы Российской Федерации;
- определить влияние политических, экономических и законодательных реформ 1990-х гг. на структуру и полномочия транспортной прокуратуры;
- установить взаимосвязи влияния реформирования транспортной системы (прежде всего железных дорог) на организацию транспортных прокуратур; проанализировать архивные материалы, отражающие развитие системы транспортной прокуратуры в Восточной Сибири в период происходящих реформ;
- определить роль транспортной прокуратуры в обеспечении правопорядка на критически важных объектах инфраструктуры в переходный период.

Анализ нормативной базы и организационных мероприятий в 1990–2001 годах.

Реформы периода конца 80-х гг. XX в. отразились на развитии транспорта. Происходили как позитивные изменения в сфере организации работы транспорта. Например, внедрялись принципиально новые методы организации функционирования хозяйственного механизма¹. Так были и решения, которые негативно отразились на дальнейшем развитии всей экономики государства, в том числе и на развитии транспорта, прежде всего, в силу отсутствия четкого понимания перспектив происходивших изменений². Министерство путей сообщения СССР указало на необходимость перехода железных дорог на полный хозяйственный расчет, но этого не произошло, ввиду отсутствия правовых и организационных условий самофинансирования [1, с. 9]. Накануне прекращения существования СССР отсутствие позитивных изменений в деятельности железных дорог, было отмечено высшим руководством страны. Железные дороги хронически не обеспечивали потребности грузоотправителей подвижным составом, что приводило к существенным потерям национального дохода, оценивавшего в размерах 10-12 млрд. рублей [2, с. 1]. Как отмечалось, перебои в работе железнодорожного транспорта «лихорадили все народное хозяйство» [3].

¹ Белорусский метод маршрутизации // Белорусская железная дорога : Официальный сайт. URL: https://history.rw.by/zheleznnye_dorogi/beloruskij_metod_marshrutizatsii/ (дата обращения: 21.01.2025).

² О государственном предприятии (объединении) : закон СССР от 30 июня 1987 г. № 7284-XI // Ведомости ВС СССР. 1987. № 26. Ст. 385.

Последовавший после распада СССР переход к рыночным отношениям только усугубил имевшиеся в транспортной системе фундаментальные проблемы. Например, в гражданской авиации была ликвидирована сложившаяся еще с 1930-х гг. вполне эффективная система управления гражданским воздушным флотом. В силу новой экономической политики снизился поток грузопассажирских перевозок речными судами, прекратились сквозные морские перевозки по ключевым артериям (например, Северному морскому пути). Таким образом, состояние транспортной системы в целом можно назвать шоковым³.

Процессы общей государственной трансформации, затронувшие транспортную систему, не могли не отразиться и на организации системы транспортных прокуратур.

Современный этап развития системы российской прокуратуры берет свое начало с принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР и последовавшими за ней Постановлением Верховного Совета РСФСР от 15 ноября 1991 г. № 1879-1 «Об образовании единой системы органов Прокуратуры РСФСР»⁴ и принятием Закона РСФСР от 15 декабря 1990 г. № 423-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР»⁵, согласно которым была введена должность Генерального Прокурора РСФСР, а вся система органов прокуратура, была исключена из юрисдикции Генерального Прокурора СССР. В результате, все транспортные прокуратуры, находившиеся на территории РСФСР, вышли из подчинения Генерального прокурора СССР, и вошли в эту систему как специализированные прокуратуры в сфере надзора за транспортом.

В итоге формирования системы органов прокуратуры Российской Федерации четырехзвенная система транспортных прокуратур, трансформировалась в трехзвенную.

Предшествовавшие этим решениям события крайне негативно сказались на текущей деятельности транспортных прокуратур, расположенных на территории СССР. Ввиду несовершенства процессуального законодательства, неразрешенности организационных вопросов взаимодействия территориальных и транспортных прокуратур, было существенно затруднено, если не парализовано, осуществление надзора за исполнением законов при рассмотрении дел в судах⁶. На союзном уровне это было связано и с тем, что в конце 80-х годов XX века часть транспортных прокуратур по факту стала межреспубликанской и перешла в подчинение Прокуратуры Союза ССР [4].

³ Российский статистический ежегодник 2011 г. // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b11_13/IssWWW.exe/Stg/d4/17-08.htm (дата обращения: 21.03.2025).

⁴ Об образовании единой системы органов Прокуратуры РСФСР : постановление ВС РСФСР от 15 нояб. 1991 г. № 1879-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 48. Ст. 1661.

⁵ Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР : закон РСФСР от 15 дек. 1990 г. № 423-1 (утратил силу) // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 29. Ст. 395.

⁶ Докладная записка Восточно-Сибирского транспортного прокурора по итогам 1989 г. // Государственный архив Иркутской области Ф. Р 3474. Оп. 1.ед. хр. № 164. л. д. 6.

В целях повышения эффективности прокурорского надзора на объектах транспортной инфраструктуры (объекты ВСЖД) происходило развитие базового звена транспортных прокуратур. Так, были учреждены Черемховская⁷, Байкало-Ангарская и Нижнеудинская транспортные прокуратуры⁸, что скорее было остаточными процессами набранной динамики совершенствования организационной компоненты транспортных прокуратур.

В начальный период становления нового государства и предшествующий ему период распада СССР обсуждение дальнейшего развития непосредственно транспортных прокуратур практически не велось, так как имела место дискуссия о будущем прокуратуры в целом [5; 6]. Так, в конце 80-х – начале 90-х годов XX века в юридической науке активно велась полемика о дальнейшем местоположении прокуратуры в механизме государственной власти, а с принятием Постановления Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР»⁹ был актуализирован вопрос о модификации прокуратуры. При этом помимо поддержания обвинения все остальные функции прокуратуры, в том числе и прокурорский надзор, согласно позиции авторов данного акта, по сути утрачивались.

Конституционно-правовая регламентация статуса органов прокуратуры осталась на достаточно высоком уровне. В обновленной Конституции РСФСР была сохранена посвященная прокуратуре отдельная 22 глава, состоявшая из 4 статей, регламентирующих в том числе вопросы организации системы органов прокуратуры. Но никакие специализированные прокуратуры в конституционных нормах не упоминались¹⁰.

Такой подход свойственен отечественному законодателю, так как и в советский период развития российского государства в текстах Конституций СССР и РСФСР отсутствовала детализация системы органов прокуратуры.

Еще одной проблемой стала кадровая. Начало 1990-х годов характеризовалось нестабильностью положения прокурорской системы и социальной защищенности ее работников (низкий уровень и нерегулярные выплаты заработной платы), увольнением состава военного и послевоенного периода, переходом прокурорских работников в частный сектор экономики и иные органы власти и управления, что негативно сказалось на укомплектовании кадров транспортных прокуратур. В целом штатная численность транспортных прокуратур была небольшой в сравнении с территориальными границами. Например, в 1991 г., штат Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры включал прокурора, заместителя прокурора и старших помощников: по организационным вопросам и контролю исполнения, по кадрам, по надзору за рассмотрением уголовных и гражданских дел в судах, по надзору за

⁷ Приказ Генерального прокурора СССР от 25 сентября 1990 г. № 621 // Государственный архив Иркутской области Ф. Р 3474. Оп. 1.ед. хр. № 192. л. д. 22.

⁸ Приказ Генерального прокурора СССР от 29 марта 1990 г. № 621 // Государственный архив Иркутской области Ф. Р 3474. Оп. 1.ед. хр. № 209. л. д. 21–22.

⁹ О концепции судебной реформы в РСФСР : постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

¹⁰ Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России: принята ВС РСФСР 12 апреля 1978 г. (ред. от 10 декабря 1992 г.) // Ведомости ВС РФ. 1978. № 29. Ст. 407.

исполнением законов о несовершеннолетних¹¹. Чуть позднее была введена должность старшего помощника прокурора по оперативному учету и статистике¹².

Импульс в развитии прокуратуры в целом и транспортной прокуратуры в частности был связан с принятием нового Закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹³.

В этом законе были закреплены новые принципы организации и деятельности российской прокуратуры, связанные с происходившими в то время коренными изменениями в общественной и политической жизни общества. Указанный закон предусматривал возможность создания Генеральным Прокурором РФ специализированных прокуратур, которые приравнивались к прокуратурам областей и районов. Кроме того, статьей 10 Закона о прокуратуре допускалось создание иных органов прокуратуры, не входящих в систему прокуратуры Российской Федерации, но только с согласия Верховного Совета РФ.

Шедшие в этот период дискуссии о будущем прокуратуры, очевидно, сказались на ее конституционной регламентации при принятии Конституции Российской Федерации 1993 года¹⁴.

В отличие от предшествовавшего Основного закона Российской Федерации в новом конституционном акте прокуратуре была отведена лишь одна статья в главе «Судебная власть». Такой подход законодателя очевидно свидетельствовал об отсутствии итогового решения о дальнейшей организационной и функциональной модели прокуратуры в России [7, с. 39].

Авторы Концепции развития прокуратуры Российской Федерации на переходный период обоснованно обращали внимание на недостаточность детализации конституционной регламентации прокуратуры [8, с. 76].

Применительно к теме исследования, отметим, что разработчики данной Концепции (в числе которых был и будущий генеральный прокурор Российской Федерации Ю. И. Скуратов) отстаивали идею нецелесообразности реформирования сложившейся модели специализированных прокуратур.

Вопросы реформирования прокуратуры и ее роли в борьбе с преступностью стали предметом рассмотрения в высшем представительном органе власти¹⁵.

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации дал негативную оценку попыткам реформирования прокуратуры Российской Федерации при отсутствии «цельной концепции прокурорского надзора», и несоответствующие жизненным реалиям положения концепции судебной реформы.

¹¹ Штат ВСТП на 1991 г. // Государственный архив Иркутской области Ф. Р 3474. Оп. 1.ед. хр. № 209. л. д. 2–6;. Л. 32.

¹² Приказ Генерального прокурора РСФСР от 16 августа 1991 г. № 595 // Государственный архив Иркутской области Ф. Р 3474. Оп. 1.ед. хр. № 209. л. д. 32.

¹³ О прокуратуре Российской Федерации : Федер. закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

¹⁴ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. // Рос. газ. 1993. 25 декабря.

¹⁵ О парламентских слушаниях «Борьба с преступностью и укрепление правопорядка в Российской Федерации» : постановление СФ ФС РФ от 08 апреля 1994 г. № 97-І СФ // Ведомости ФС РФ. 1994. № 4. Ст. 173.

В целях повышения эффективности борьбы с преступностью активно развивалось внутрисистемное взаимодействие территориальных и транспортных прокуратур. Так, в Уральской транспортной прокуратуре оно реализовывалось по следующим направлениям: совместное участие территориальных и специализированных прокуроров в разработке перспективных программ борьбы с преступностью в субъекте Российской Федерации; совместная разработка планов координационных совещаний руководителей правоохранительных органов и их реализация; проведение совместных проверок исполнения законодательства (о состоянии охраны общественного порядка на железнодорожных станциях, о конверсии оборонной промышленности и т. д.); совместное участие прокуроров в планировании следствия по наиболее сложным уголовным делам; обучение работников транспортных прокуратур в региональных учебных центрах при прокуратурах субъектов Российской Федерации; стажировки работников транспортных прокуратур в отраслевых отделах прокуратур субъектов Российской Федерации; проведение совместных научно-методических конференций, семинаров по различным направлениям прокурорской деятельности [9, с. 23-25].

Работе транспортных прокуратур по обеспечению укрепления законности на транспорте и в таможенных органах придавалось важное значение, что было отражено в актах Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, об усилении эффективности надзора в отношении закрепленных за специализированными прокуратурами сфер ведения¹⁶.

Интенсивность функционирования транспортной системы существенно снижалась. За период по отношению к 1990 г., в 1995 г. грузооборот (в млрд. тонно-километров) на железных дорогах снизился с 2523 до 1214, на морском транспорте с 508 до 326, на внутреннем водном с 214 до 91, на воздушном с 2,2 до 2,6¹⁷. Данные процессы детерминировали реорганизацию системы транспортных прокуратур. Например, в системе Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры были ликвидированы Ленская и Тиксинская транспортные прокуратуры, с передачей имущества Осетровской транспортной прокуратуре¹⁸. Позднее, ввиду ликвидации Байкало-Амурской железной дороги прекратила свою деятельность Байкало-Амурская транспортная прокуратура. Подчиненные ей транспортные прокуратуры перешли в состав Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры (Байкальская и Чарская транспортные прокуратуры) и Дальневосточной транспортной прокуратуры¹⁹.

¹⁶ Об улучшении организации работы транспортных прокуратур и повышении эффективности их деятельности : приказ Генерального прокурора РФ от 31 марта 1998 г. № 19 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации официальный портал «Кодекс» : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/58825937> (дата обращения: 21.03.2025).

¹⁷ Российский статистический ежегодник – 2011 г. // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b11_13/IssWWW.exe/Stg/d4/17-08.htm (дата обращения: 21.03.2025).

¹⁸ Приказ Генерального прокурора РФ от 13 июня 1996 г. № 177-ш // Государственный архив Иркутской области Ф. Р 3474. Оп. 1.ед. хр. № 302. л. д. 6-8.

¹⁹ Приказ Генерального прокурора РФ от 1 августа 1997 г. № 121-ш // Государственный архив Иркутской области Ф. Р 3474. Оп. 1.ед. хр. № 335. л. д. 11, 15.

В конце 90-х годов снова обострился вопрос поиска оптимального пути развития прокурорской системы. Предлагалось передать специализированные (в том числе и транспортные) прокуратуры, за исключением военных прокуратур, в подчинение территориальных прокуроров [10]. В обоснование данных предложений приводился довод о том, что структурная специализация должна была быть компенсирована предметным принципом организации надзора.

Такой подход получил поддержку некоторых территориальных прокуроров, по формуле «один субъект-один прокурор» [11, с. 55]. Также в пользу аккумуляции полномочий прокуроров субъектов приводился положительный опыт аналогичной реформы транспортных прокуратур, проведенный на территории Украины [12]. Но были сформулированы, хотя и немногочисленные, аргументы, в пользу существовавшей модели организации деятельности транспортных прокуратур. В качестве доводов за сохранение были приведены негативные результаты практики возложения на территориальных прокуроров надзора за рыбодобывающим флотом и выделения помощников прокуроров для надзора за сферами, связанными с золотом. Также обоснованной критике были подвергнуты доводы о меньшей нагрузке транспортных прокуроров по сравнению с территориальными [13, с. 19-20].

Несмотря на объективные данные деятельности транспортных прокуратур подходы реформаторов были реализованы. Возможно на принятие таких решений повлияли статистические данные деятельности железных дорог. Например, по данным отдела по надзору за исполнением законов на транспорте и в таможенных органах Генеральной прокуратуры Российской Федерации на 1997 г., по сравнению с 1996 г., убытки по всем железным дорогам сократились с 30 до 18 млн. руб., из них от хищений с 13 до 8,6 млн. рублей. За 9 месяцев 1998 г. убытки составили 6,5 млн. неденоминированных рублей (за 9 месяцев 1997 г., 9.7. млн. рублей), из них от хищений 3,2 млн. [14, с. 35].

Такие показатели в значительной степени были обусловлены существенным снижением грузооборота, распространённостью бартерных отношений, при которых расчеты по грузам между грузополучателями и грузоотправителями осуществлялись без участия железных дорог, изменением практики милиции по возбуждению уголовных дел о хищениях грузов. Транспортные прокуроры широко использовали имевшийся арсенал мер прокурорского реагирования, но эффективность их оставалась достаточно низкой. Это было связано с общим состоянием законности и правопорядка в стране в рассматриваемый период, а также доминированием позиции о избыточности существования отдельной подсистемы транспортных прокуратур.

В результате дискуссий система транспортных прокуратур подверглась коренной реформе: было ликвидировано соответствующее управление в Генеральной прокуратуре Российской Федерации, 17 транспортных прокуратур на правах областных, а транспортные прокуратуры на правах районных подчинены территориальным прокурорам.

Несмотря на весьма значительные преобразования штатная численность и компетенция транспортных прокуратур, передаваемых в состав прокуратур субъектов Российской Федерации осталась без изменений²⁰.

Подводя итоги исследования организационно-правовых мероприятий государства в отношении транспортных прокуратур в период с 1991 по 2001 гг. можно сформулировать следующие выводы:

1. На организацию деятельности транспортных прокуратур в рассматриваемый период оказывали влияние факторы:

– политико-идеологические: государственная трансформация, затронувшая и правоохранительную систему; отрицание возможности сохранения советской репрессивной системы, частью которой традиционно воспринималась прокуратура;

– экономические: дефицит средств на содержание органов власти в целом и прокуратуры в частности; существенное снижение показателей деятельности в поднадзорной транспортным прокуратурам сфере в силу имевшегося экономического кризиса;

– социально-управленческие: смена поколений кадрового состава, увольнение значительного числа работников прокуратуры, в связи с переходом в иные секторы экономики; низкая социальная защищенность работников прокуратуры.

2. Трансформация транспортных прокуратур в 2001 г. являлась элементом усиления контроля центра над стратегическими отраслями экономики и шла в русле общей политики правительства в направлении масштабного укрепления государственной вертикали.

3. Развитие транспортной прокуратуры происходило под влиянием общего состояния экономического развития государства, и прежде всего такого ее сектора как транспортная система. Снижение интенсивности функционирования транспорта привело к необходимости сокращения, как тогда казалось, «избыточных звеньев» прокурорской системы в целях экономии бюджетных средств.

4. На развитие транспортной прокуратуры также оказывала влияние идея ликвидации «советского наследия». В СССР транспорт был одним из инструментов сложившейся системы централизации управления, которая была направлена, в том числе, на контроль миграционных процессов и ограничение свободы передвижения граждан. В новом государстве такой тотальный контроль за перемещением населения не был необходим.

5. Направленность на преобразования системы прокуратуры в условиях идеи отсутствия необходимости и избыточности сложившейся совокупности специализированных прокуратур, и прежде всего транспортных. С учетом опыта отдельных стран постсоветского пространства, а также направление на интеграцию с транспортной системой ЕС (где нет идентичных отечественной транспортной прокуратуре надзорных органов), также оказали негативное влияние на решение о их реорганизации.

²⁰ Об изменении организации прокурорского надзора за исполнением законов на транспорте и в таможенных органах и реорганизации транспортных прокуратур : приказ Генерального прокурора РФ от 22 января 2001 г. № 2 // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=344065#sSqFjUGUgfnKZu> (дата обращения: 12.02.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

В целом, реформирование транспортных прокуратур в Российской Федерации в 1991-2001 гг. было иллюстрацией проблем, свойственных государственным преобразованиям данного периода, прежде всего – это отсутствие четкой программы развития прокуратуры вообще и транспортных прокуратур в частности. Результатом слабо ориентированного и непродуманного реформирования стали неполнота и незавершённость проводимых реформ, отсутствие системы и разнонаправленность принимаемых решений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зайцев, А. А. Хозяйственный механизм управления железной дороги в условиях формирования рыночных отношений : специальность 08.00.05 : науч. доклад ... канд. экон. наук. М., 1993. 36 с.
2. Выступление председателя Совета министров СССР Н. Рыжкова на Всесоюзном совещании железнодорожников // Гудок. 1989. 9 декабря. С. 1.
3. Шаталин С. С. Экономическая реформа: причины, направления, проблемы / С. С. Шаталин, Е. Т. Гайдар. Москва : Экономика, 1989. 110 с.
4. Жуков, А. Транспортный прокурор и суд / А. Жуков // Социалистическая законность. 1991. № 9. С. 25–26.
5. Кондрашков, Н. Н. Прокуратуре - новую концепцию // Социалистическая законность. 1990. № 2. С. 19–21.
6. Кондрашков, Н. Н. Разработка концепций системы правоохранительных органов // Социалистическая законность. 1991. № 11. С. 3–4.
7. Шишкин, С. И., Огородов, А. Н. К вопросу о месте органов прокуратуры в системе органов публичной власти Российской Федерации // Сибирский юридический вестник. 2023. № 4 (103). С. 36–41.
8. Концепции прокуратуры Российской Федерации (Концепция развития на переходный период) / в соавт. // В. Б. Ястребов Избранные труды / сост. Т. А. Диканова, Т. Ю. Изгагина, О. В. Сизеева; биограф. очерк Т. А. Дикановой; вступ. ст. А. Н. Ларькова, В. П. Рябцева ; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. Москва, 2019. С. 76–110.
9. Кукушкин, П. Взаимодействие территориальных и специализированных прокуратур // Законность. 1997. № 8. С. 23–25
10. Мыцыков, А. С. Прокуратура. Проблемы развития // Законность. 2001. № 1. С. 4–7.
11. Наумов, А. Надзор за законностью предварительного расследования преступлений на транспорте // Законность. 2007. № 4. С. 53–56.
12. Руденко, Н. Специализация прокуратуры в Украине // Законность. 2000. № 8. С. 50–52.
13. Баляба, В. Нужны ли транспортные прокуратуры? // Законность. 2000. № 10. С. 19–20.
14. Винокуров, К. Проверки на дорогах // Законность. 1999. № 6. С. 35–37.

REFERENCES

1. Zajcev, A. A. Hozyajstvennyj mekhanizm upravleniya zheleznoj dorogi v usloviyah formirovaniya rynochnyh otnoshenij : special'nost' 08.00.05 : nauch. doklad ... kand. ekon. nauk. [Economic mechanism of railway management in the context of formation of market relations: specialty 08.00.05: scientific report ... candidate of economic sciences.]. М., 1993. 36 p.

2. Vystuplenie predsedatelya Soveta ministrov SSSR N. Ryzhkova na Vsesoyuznom soveshhanii zheleznodorozhnikov [Speech by Chairman of the Council of Ministers of the USSR N. Ryzhkov at the All-Union Meeting of railway workers]. Gudok. 1989, 9 December, p. 1.
3. SHatalin, S. S. EHkonomicheskaya reforma: prichiny, napravleniya, problemy [Economic reform: causes, directions, problems]. Moscow, 1989, 110 p.
4. Zhukov, A. Transportnyj prokuror i sud [Transport prosecutor and court]. Sotsialisticheskaya zakonnost' – Socialist legality. 1991, no 9, pp. 25–26.
5. Kondrashkov N. N. Prokurature - novuyu kontseptsiyu [The Prosecutor's office - a new concept]. Sotsialisticheskaya zakonnost' – Socialist legality. 1990, no 2, pp. 19–21.
6. Kondrashkov, N. N. Razrabotka kontseptsij sistemy pravookhranitel'nykh organov [Development of concepts of the law enforcement system]. Sotsialisticheskaya zakonnost' – Socialist legality. 1991, no 11, pp. 3–4.
7. SHishkin, S. I., Ogorodov, A. N. K voprosu o meste organov prokuratury v sisteme organov publichnoy vlasti Rossijskoj Federatsii [On the question of the place of the prosecutor's office in the system of public authorities of the Russian Federation]. Sibirskij yuridicheskij vestnik – Siberian Law Vestnik. 2023, no. 4 (103), pp. 36–41.
8. Yastrebov, V. B. Kontseptsii prokuratury Rossijskoj Federatsii (Kontseptsiya razvitiya na perekhodnyj period) [Concepts of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Concept of development for the transitional period)]. Moscow 2019, pp. 76–110.
9. Kukushkin, P. Vzaimodejstvie territorial'nykh i spetsializirovannykh prokuratur [Interaction of territorial and specialized prosecutor's offices]. Zakonnost' – Legality. 1997, no. 8, pp. 23–25.
10. Mytsykov, A. S. Prokuratura. Problemy razvitiya [The Prosecutor's Office. Development challenges]. Zakonnost' – Legality. 2001, no 1, pp. 4–7.
11. Naumov, A. Nadzor za zakonnost'yu predvaritel'nogo rassledovaniya prestuplenij na transporte [Supervision of the legality of the preliminary investigation of crimes in transport]. Zakonnost' – Legality. 2007, no. 4, pp. 53–56.
12. Rudenko, N. Spetsializatsiya prokuratury v Ukraine [Specialization of the Prosecutor's Office in Ukraine]. Zakonnost' – Legality. 2000, no. 8, pp. 50–52.
13. Balyaba, V. Nuzhny li transportnye prokuratury? [Do we need transport prosecutor's offices?]. Zakonnost' – Legality. 2000, no. 10, pp. 19–20.
14. Vinokurov, K. Proverki na dorogakh [Roadside checks]. Zakonnost' – Legality. 1999, no. 6, pp. 35–37.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гавриленко Артем Александрович, старший преподаватель кафедры судебного права. Иркутский государственный университет. 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gavrilenko Artem Alexandrovich, Senior Lecturer of the Department of Judicial Law, Irkutsk State University. 664003, Irkutsk, K. Marx st., 1.

Статья поступила в редакцию 19.02.2025; одобрена после рецензирования 19.03.2025; принята к публикации 17.04.2025.

The article was submitted 19.02.2025; approved after reviewing 19.03.2025; accepted for publication 17.04.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 2 (113). С. 20–28.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no. 2 (113). Pp. 20–28.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 340.1

ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР ПРОГРЕССИВНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Гаврюшкин Константин Артемович

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация,
kiren1996@mail.ru

Введение. Изучение значимости категории ценностей с точки зрения теоретико-правовой науки на современном этапе развития общества является ключевым и значимым фактором как при формировании и укреплении демократического строя государства, так и при осуществлении правового регулирования общественных отношений. В рамках предложенной темы исследованию подлежит категория ценностей в ее соотношении с нравственностью и правом, а также стоит задача в определении и установлении значимости правовых ценностей как правовой категории в условиях прогрессивного развития современного общества с учетом политико-правовых изменений государства.

Материалы и методы. Настоящее исследование основано на применении комплекса общенаучных и частно-научных методов познания, соответствующих теоретико-правовому характеру работы. В качестве материальной базы использованы труды отечественных и зарубежных правоведов в области теории государства и права, философии права, а также нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие вопросы правовых ценностей и правовой политики.

Результаты исследования позволили сформулировать комплекс подходов к пониманию правовых ценностей, раскрывающих: значимость категории «правовые ценности» на современном этапе государственно-правового строительства; взаимосвязь нравственных, социокультурных и правовых ценностей в теоретико-правовой действительности; роль нравственных и правовых ценностей в правовом регулировании.

Выводы и заключения. Процесс исторического формирования нравственных ориентиров в общественной жизни, в основе которых был заложен философско-религиозный подход, предопределил создание системы правовых ценностей. Правовые ценности, являясь фундаментальным принципом осуществления правового регулирования современного общества, служат ориентиром в процессе правотворческой деятельности, в частности при определении целеполагания правовой нормы.

Ключевые слова: правовые ценности, правовая политика, правовое регулирование, правотворчество, теория права, государство

Для цитирования: Гаврюшкин, К. А. Правовые ценности как фактор прогрессивного развития современного общества: теоретико-правовой аспект // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 20–28.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

LEGAL VALUES AS A FACTOR OF PROGRESSIVE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

Konstantin A. Gavryushkin

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Irkutsk,
kiren1996@mail.ru

Introduction. The study of the significance of the category of values from the point of view of theoretical and legal science at the present stage of development of society is a key and significant factor both in the formation and strengthening of the democratic system of the state, and in the implementation of legal regulation of public relations. Within the framework of the proposed topic, the category of values in its relationship with morality and law is subject to study, and the task is to determine and establish the significance of legal values as a legal category in the context of progressive development of modern society, taking into account the political and legal changes in the state.

Materials and methods. This study is based on the use of a set of general scientific and specific scientific methods of cognition corresponding to the theoretical and legal nature of the work. The material base includes the works of domestic and foreign legal scholars in the field of the theory of state and law, philosophy of law, as well as regulatory legal acts of the Russian Federation regulating issues of legal values and legal policy.

The results of the Study made it possible to formulate a set of approaches to understanding legal values that reveal: the significance of the category of legal values at the current stage of state and legal construction; the relationship of moral, socio-cultural and legal values in theoretical and legal reality; the role of moral and legal values in legal regulation.

Findings and Conclusions. The process of historical formation of moral guidelines in public life, which were based on the philosophical and religious approach, predetermined the creation of a system of legal values. Legal values, being a fundamental principle of the implementation of legal regulation of modern society, serve as a guide in the process of law-making activity, in particular when determining the goal-setting of a legal norm.

Keywords: legal values, legal policy, legal regulation, law-making, legal theory, state

For citation: Gavryushkin, K. A. Legal values as a factor in the progressive development of modern society: theoretical and legal aspect // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia: scientific and practical. Journal. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (113). Pp. 20–28.

Развитие правовой политики на мировой арене предопределило реорганизацию и переориентацию общественных отношений. Данный факт обуславливает необходимость изучения вопроса соотношения ценностей с точки зрения нравственности и права. Значимость исследуемого вопроса также подчеркивается тем фактом, что расширение знаний о ценностях и ценностных ориентирах человека, формирование которых продолжалось на протяжении многих веков, позволит углубить знания об их месте и роли в правотворческой деятельности, определить многообразие подходов к пониманию правовых ценностей как теоретико-правовой категории.

Исследуя историко-правовой аспект ценностей, необходимо учесть, что процессы цифровизации всех сфер жизнедеятельности общества вызвали смещение ценностных ориентиров, которые с момента своего появления в праве основывались на устоявшихся нравственных нормах поведения. Начало процесса формирования ценностных ориентиров в области права было положено в начале XX века, когда в основе правового исследования лежало понимание о нравственности и морали. Одним из первых исследователей сферы нравственности в области юридического знания был Л. И. Петражицкий. Ученый подчеркивал влияние нравственных смыслов в области позитивного права, разделял нравственность на: а) законную; б) книжную; в) обычную; г) учительскую; д) примерную или образцовую [1, с. 607–609]. Таким образом, можно подчеркнуть, что в дореволюционный период нравственность с точки зрения права оценивалась в рамках философско-религиозного подхода, однако формирование знания о ценностях как правовом ориентире происходило немного позднее.

Процесс развития советской юридической науки предрек появление новых подходов к изучению категории «ценностей». Обращение к ценностям происходило по мере эволюции правовых взглядов, в частности с точки зрения философии права. На этой основе Г. В. Мальцев определял нравственно-ценностные ориентиры общественно-правовых отношений, в которых главенствующее место отдавалось свободе, справедливости и равенству. Автор подчеркивал взаимообусловленный характер нравственных и духовных ценностей, лежащий в основе мировоззренческих установок в обществе [2, с. 17].

Конец 90-х годов XXI века ознаменован процессом развития социалистического общества, в связи с чем наметились новые подходы к пониманию теории ценностей с точки зрения права. Анализируя значимость правовых ценностей, Н. Неновски, предложил рассматривать правовые ценности, характеризующиеся моральными, культурными и политическими свойствами, в рамках духовных ценностей. Наряду с этим автор предлагает определить важную роль социальных ценностей, среди которых: 1) гарантированное право на труд; 2) широкий доступ к правовой культуре; 3) уважение к достоинству и правам личности; 4) неуклонное расширение участия трудящихся в управлении; 5) забота общества о человеке от его рождения до глубокой старости [3, с. 11–12, 204–205].

Наряду с этим стоит выделить мнение И. Д. Мишиной, которая, исследуя вопрос о нравственных ценностях в праве, выдвигает концепцию, согласно которой ценности являются «явлением духовным». Автор относит ценности к сущностям особого рода, а не к бытию материального мира. При этом исследователь совершенно верно указывает, что ценность есть «конечное основание целеполагания», на основании чего подчеркивает регулирующее воздействие ценностей на нравственно-правовое сознание индивида, что придает еще большую значимость данной правовой категории в процессе правового регулирования [4, с. 28–29, 35].

На основе вышесказанного определим, что духовно-нравственный подход является основой в понимании и становлении ценностей в теоретико-правовой действительности советского периода, поскольку такие ценности являлись стандартом при формировании отношения гражданина к обществу и прививались на уровне государственно-правовой идеологии. В этот период в основу всей правовой политики были заложены принципы трудовой дисциплины и коллективизма. Однако в конце XX века процесс исторического развития советской государственности подлежал значительной трансформации, и на этом фоне в процессе правотворческой деятельности возникла острая необходимость переоценки многих ценностных ориентиров. Такая реорганизация ценностей была отражена в дальнейшем в Конституции Российской Федерации.

Анализ трансформации подходов к пониманию ценностей с точки зрения социальных наук (культурологии, социологии, философии и др.) позволил определить последовательность и вектор становления правовых ценностей, которые в конечном счете стали ориентиром современной теоретико-правовой действительности. Так, предшественниками правовых ценностей являются: теория нравственных ценностей, в основе которой лежат основные человеческие принципы справедливости и добра; теория социокультурных ценностей, в основу формирования которой положено многообразие подходов с точки зрения различных сфер жизнедеятельности человека (политической, экономической, социальной и духовно-нравственной). Однако на формирование ценностей в области права также оказали влияние исторические перемены в начале XXI века.

Несомненно, исследование учеными ценности с точки зрения нравственности внесло значительный вклад в её становление как фундаментальной правовой категории, лежащей в основе правового регулирования современного общества. Однако на фоне прогрессивного развития правовой политики на мировой арене, сопровождающегося экономическими кризисами и войнами, переоценке и изменению подверглась вся правовая система общества, в том числе и взглядов на ценностно-правовые ориентиры. Данный факт подчеркивает актуальность необходимости проведения анализа соотношения нравственных, социокультурных и правовых ценностей с точки зрения теоретико-правовой доктрины в современной правовой системе государства.

Значительный вклад в развитие теории правовых ценностей внес С. В. Михайлов, который, проводя анализ проблемы единства и различия правовых и морально-нравственных ценностей, пишет, что «в российском, традиционном правосознании происходит смешение правовых и нравственных ценностей» [5, с. 182]. Автор относит правовые ценности к «числу идеальных (субъективных) ценностей». При этом подчеркивается роль права, которое: придает ценностям реальность и практическую силу; обеспечивает условия для их осуществления; является средством достижения правовых ценностей; выступает гарантом их целостности и реализации [6, с. 118].

Анализируя ход государственно-правового строительства России, можно определить, что государство, являясь самобытной политической организацией общества, определяет правовые ориентиры законодательства с учетом исторического развития теоретико-правовой доктрины. Базовыми ориентирами правового регулирования общественных отношений, по нашему мнению, следует считать правовые ценности, в основе которых лежат исторически сложившиеся нравственные ценности, и при этом являются их неотъемлемой частью. Данная гипотеза имеет свое подтверждение в законодательных актах. Так, «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» закрепляют традиционными ценностями России такие, как: жизнь, достоинство, права и свободы

человека, патриотизм, гуманизм, высокие нравственные идеалы, справедливость и др.¹ Однако необходимо учитывать, что не все правовые ценности являются нравственными, поскольку нравственная оценка тех или иных идей и принципов обществом может не совпадать с закрепленными в праве ценностных установок, которые в свою очередь являются общеобязательными для всех [7; 8]. Право придает юридическое значение ценностям, которые по своей природе являются нравственными (в том числе моральными), социокультурными, политическими, экономическими и друшими. Следовательно, право является источником «прогрессивного поступательного развития общества», где ценностям придается особое значение при регулировании отношений на внутригосударственном, межгосударственном и международном уровнях.

На основе социокультурного подхода к пониманию сущности ценностей в теоретико-правовой действительности правовые ценности подлежат формализации с учетом сфер жизнедеятельности общества. Как указывает Т. В. Петрова, рассматривая сферы человеческой деятельности, ценности стоит классифицировать как: а) социальные ценности (социальная сфера); б) политические ценности (политическая сфера); в) экономические ценности (экономическая сфера); г) духовные/культурные ценности (духовная (культурная) сфера). В то же время автор акцентирует внимание на необходимости разграничения категорий «ценности права» и «правовые ценности» с учетом их функционального назначения [9, с. 139].

В современной теоретико-правовой науке внимание уделяется дискурсу о значимости правовых ценностей в праве как элемента развития современной правовой жизни общества. Правовые ценности занимают главенствующую роль в формировании правовой культуры и правосознании граждан. Они являются базовыми принципами в процессе законотворческой деятельности, так как лежат в основе построения правовых целей нормативного правового акта. От реализации правом фундаментальных правовых ценностей зависит устойчивость и прогрессивность современной правовой системы и общества в целом.

Несмотря на фундаментальность ценностных ориентиров в области правового регулирования, ценности современного общества, а в особенности молодого поколения, подвержены негативным факторам, диктующихся неолиберальным западом. В этой связи актуализации подлежит вопрос об охране традиционных ценностей. Такая охрана трактуется современным учеными как «защита от непредсказуемых социальных трансформаций», которые имеют свое распространение в любой точке мира, и характеризуется «десоциализацией» и «дегуманизацией» идей постмодерна [10]. Следует отметить, что в основе российского общества заложены базовые духовно-нравственные и культурно-исторические ценности. Они заложены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, и подлежат защите на законодательном уровне, нацеленной на: укрепление единства народов Российской Федерации и сохранение исконных общечеловеческих принципов и общественно значимых ориентиров социального развития².

Сформированные за большой исторический период теоретико-правовые подходы к пониманию сущности правовых ценностей позволяют нам отнести их к факторам

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей / Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

² О стратегии национальной безопасности Российской Федерации / Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 47 (ч. II). Ст. 5351.

прогрессивного развития современного общества. Данный факт обусловлен рядом фундаментальных причин, связанных с их функционально-сущностной ролью в жизни современного общества. Так, правовые ценности:

1) Закрепляют базовые социальные идеалы, посредством выражения в праве общественно значимых ценностей, способствующих формированию в сознании человека стремление к социокультурному поведению.

2) Формируют устойчивые ориентиры поведения в обществе, которые позволяют выработать правосознание граждан при повседневной их жизнедеятельности.

3) Заложены в основе правовой политики, которая базируется на приоритете фундаментальных исторически сложившихся ценностях, таких как защита прав и свобод человека, справедливость, гуманизм и др.

4) Способствуют укреплению социальных страт в обществе и их взаимоотношения.

5) Подвержены эволюции наравне с обществом, что подтверждается их трансформацией наравне с общеполитическими изменениями в мире, выраженными в смене приоритетов государственно-правовой политики.

На современном этапе развития юридико-правовой науки в рамках изучения ценностей как фактора, определяющего содержание правосознания человека, его установку на правовое поведение в обществе, а также уровень его включенности в правовую реальность, А. В. Скоробогатова раскрывает три формы бытия, в рамках которых правовые ценности следует рассматривать как: а) ценности, вырабатываемые общественным правосознанием, содержащиеся в юридических нормах и правовых обычаях; б) ценности, характерные для определенного локального сообщества, с которым себя идентифицирует индивид; в) ценности, характеризующие идеальное представление об интересах и притязаниях субъекта, которые он стремится реализовать в правовом поведении. Наряду с этим автор выдвигается концепция разделения двух систем правовых ценностей на: индивидуальную систему, отражающую индивидуальные принципы, нормы и установки гражданина; социальную систему, выражающую интересы и ценности группы, сформированные в ходе исторического развития, и обусловленные правовыми ментальностью и традициями [11, с. 17].

Исследование процесса формирования теории правовых ценностей на современном этапе государственно-правового строительства позволяет определить ряд факторов, оказывающих значительное влияние на их трансформацию. Среди прочих считаем важным отметить процесс цифровизации повседневной жизни общества, сопровождающийся: преобразованием правовых институтов, в связи с чем необходимостью адаптации законодательства; изменением форм социального взаимодействия; повышением требований к правовому регулированию общественных отношений, в особенности в сфере цифровых технологий; необходимостью выработки правовых норм с целью регулирования правоотношений в цифровой среде и др. Данные факторы детерминировали необходимость акцентирования внимания законодателя на сфере цифрового пространства, а именно на укреплении и защите нравственно-ценностных ориентиров. Так возникла задача в переосмыслении и адаптации к цифровой среде таких правовых ценностей, как: законность, справедливость, безопасность, защита личной жизни и др. Важным следует считать тот факт, что в российском законодательстве отсутствует прямое упоминание об укреплении и защите нравственных ценностей в цифровом пространстве. Единственным нормативным правовым актом, который этому способствует, является Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

В заключении следует подчеркнуть ряд выводов. Регулирование общественных отношений в условиях современного развития теоретико-правовой действительности осуществляется преимущественно посредством действия правовых норм, формирование которых происходит с учетом традиционных исторически сложившихся духовно-нравственных ценностей, занимающих ключевое место в системе правовых ценностей. Правовые ценности, являясь базовыми идеалами и нравственными ориентирами, выступают институционально-сущностной основой правового регулирования, и выражаются в социально-правовых явлениях, обеспечивая связь между правовой нормой и нравственно-культурными основаниями общественной жизни.

Наряду с этим отметим, что исторически-сложившаяся общесоциальная сущность права предопределила приоритетные направления в развитии категории правовых ценностей на современном этапе государственно-правового строительства. Правовые ценности, выступая фактором прогрессивного развития общечеловеческих правоотношений, следует рассматривать как один из основных элементов правового регулирования общественных отношений, являющегося ключевым фактором в определении вектора целеполагания в правотворческом процессе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. В 2 томах. Том 2. С.-Петербург, 1907. 347 с.
2. Мальцев, Г. В. Социальная справедливость и право. М. : «Мысль», 1977, 255 с.
3. Неновски, Н. Право и ценности / пер. с болг. Вступ. ст. и пер. В. М. Сафронова ; под ред. В. Д. Зорькина. М. : Прогресс, 1987. 246 с.
4. Мишина, И. Д. Нравственные ценности в праве : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 200 с.
5. Михайлов, С. В. Правовые ценности: теоретико-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2011. 200 с.
6. Михайлов, С. В. Классификация правовых ценностей // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 2 (51). С. 118–124.
7. Авдеева, О. А., Авдеев, В. А. Правовая политика Российской Федерации в сфере обеспечения безопасности мира и человечества // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 1 (104). С. 102–112.
8. Авдеева, О. А., Авдеев, В. А. Суверенитет государства и правовые меры обеспечения мира и безопасности в национальном праве (ретроспективный анализ) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 1 (112). С. 9–25.
9. Петрова, Т. В. Ценности права и правовые ценности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4 (104). С. 131–140.
10. Чирков, Ф. В. Традиционные ценности: идейная основа правовой интерпретации // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью : сб. мат-лов VII Всерос. науч.-практ. конф., Краснодар, 23 ноября 2023 года. Краснодар : Кубанский гос. аграр. Ун-т им. И. Т. Трубилина, 2024. С. 136–144.
11. Скоробогатов, А. В. Правовая ценность как юридическая категория // Правовая культура. 2017. № 3 (30). С. 15–24.

REFERENCES

1. Petrazhitzky, L. I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti / L.I. Petrazhickij. Tom 2 [Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality / L. I. Petrazhitzky. Vol. 2]. St. Petersburg, 1907. 347 p.

2. Maltsev, G. V. Social'naya spravedlivost' i pravo [Social Justice and Law]. Moscow:, 1977, 255 p.
3. Nenovski, N. Pravo i cennosti: Per. s bolg./ Vstup. st. i per. V. M. Safronova; Pod red. V. D. Zor'kina [Law and Values: Trans. from Bulgarian/ Introduction and Trans. V. M. Safronov; Ed. V. D. Zorkin]. Moscow: Progress, 1987. 246 p.
4. Mishina, I. D. Nравstvennye cennosti v prave : dis. ... kand. jurid. nauk [Moral Values in Law: Dis. ... Cand. of Law. Sciences]. Ekaterinburg, 1999. 200 p.
5. Mikhailov, S. V. Pravovye cennosti: teoretiko-pravovoj aspekt: dis. ... kand. jurid. nauk [Legal values: theoretical and legal aspect: dis. ... Cand. of Law]. Rostov-on-Don., 2011. 200 p.
6. Mikhailov, S. V. Klassifikaciya pravovyh cennostej [Classification of legal values]. Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki – Humanitarian and socio-economic sciences. 2010. No. 2 (51). Pp. 118–124.
7. Avdeeva, O. A., Avdeev, V. A. Pravovaya politika Rossijskoj Federacii v sfere obespecheniya bezopasnosti mira i chelovechestva [The legal policy of the Russian Federation in the field of ensuring the security of the world and humanity]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (104). Pp. 102–112.
8. Avdeeva, O. A., Avdeev, V. A. Suverenitet gosudarstva i pravovye mery obespecheniya mira i bezopasnosti v nacional'nom prave (retrospektivnyj analiz) [State sovereignty and legal measures to ensure peace and security in national law (a retrospective analysis)]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 1 (112). Pp. 9–25.
9. Petrova, T. V. Cennosti prava i pravovye cennosti [Values of law and legal values]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) – Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSAL). 2023. No. 4 (104). Pp. 131–140.
10. Chirkov, F. V. Tradicionnye cennosti: idejnaya osnova pravovoj interpretacii. Ugolovno-pravovye, ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie voprosy bor'by s prestupnost'yu : Sbornik statej po materialam VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Traditional Values: the Ideological Basis of Legal Interpretation. Criminal-legal, criminal-procedural and forensic issues of combating crime: Collection of articles based on the materials of the VII All-Russian scientific and practical conference]. Krasnodar, 2024. Pp. 136–144.
11. Skorobogatov, A. V. Pravovaya cennost' kak yuridicheskaya kategoriya [Pravovaya kul'tura]. Legal value as a legal category – Legal Culture. 2017. No. 3 (30). Pp. 15–24.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаврюшкин Константин Артемович, старший преподаватель кафедры физической подготовки. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gavryushkin Konstantin Artemovich, Senior Lecturer, Department of Physical Training, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 664074, Irkutsk, 110 Lermontov str.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 28–36.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
Vol. no. 2 (113). Pp. 28–36.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 93.94, 355.359

ВОЙСКА И ОРГАНЫ НКВД СССР В ОБОРОНЕ СЕВАСТОПОЛЯ 1941-1942 ГГ.: СОСТАВ, ФУНКЦИИ, ЗНАЧЕНИЕ

Огорелков Дмитрий Алексеевич

Омская академия МВД России, г. Омск, Российская Федерация, ogorelkov97@yandex.ru

Введение. В 2024 году в День 79-ой годовщины Великой Победы отмечалась еще одна ключевая дата – 9 мая 1944 г., ровно 80 лет назад, в ходе Крымской наступательной операции был освобожден город Севастополь. Но это не единственная юбилейная историческая дата, празднуемая всем российским народом в этом году. Совсем недавно, в марте 2024 года отмечался еще один знаменательный юбилей – десятилетие воссоединения Крыма и г. Севастополя с Россией: 16 марта 2014 г. народ Крыма и г. Севастополя на референдуме высказался за вхождение в состав Российской Федерации на правах субъектов.

Знаменательные юбилейные даты всегда обращают внимание на исторический контекст того или иного события. Триумф освобождения и возвращения территории Крыма и Севастополя на Родину всегда подчеркнут героизмом и стойкостью людей, во все времена мужественно встававших на его защиту. Особое значение в судьбе города принадлежит не только его возвращению в состав России, но и его обороне от немецко-фашистских захватчиков и их сателлитов в 1941–1942 годах.

Материалы и методы. В основу исследования легли научные труды по отдельным аспектам истории органов внутренних дел и войск НКВД СССР, правовые акты, регламентирующие организацию и деятельность отдельных подразделений, таких как истребительные батальоны, отчеты и статистические материалы по обороне Севастополя. В работе использовался исторический метод изучения познаваемых явлений, который дополнялся хронологическим методом. Системный метод позволил соединить разобщенные данные из исследований по смежным вопросам истории органов и войск НКВД СССР.

Результаты исследования. В статье раскрыты вопросы актуальности изучения роли и значения органов и войск НКВД СССР при обороне Севастополя в период Великой Отечественной войны. Автором освещены малораспространенные в научной литературе героические страницы деятельности войск и органов НКВД СССР в битве за Севастополь в 1941–1942 годах.

Выводы и заключения. На основе приводимых исторических фактов, анализа правовых источников и материалов научных исследований сделаны обобщающие

выводы о высокой роли органов и войск НКВД СССР в обороне главной черноморской цитадели.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оборона Севастополя, НКВД СССР, войска НКВД, органы внутренних дел, милиция, особые отделы, истребительные батальоны, заградительные отряды

Для цитирования: Огорелков, Д. А. Войска и органы НКВД СССР в обороне Севастополя 1941–1942 гг.: состав, функции, значение // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. 2025. № 2 (113). С. 28–36.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

TROOPS AND ORGANS OF THE NKVD OF THE USSR IN THE DEFENSE OF SEVASTOPOL 1941–1942: COMPOSITION, FUNCTIONS, SIGNIFICANCE

Dmitry A. Ogorelkov

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation, ogorelkov97@yandex.ru

Introduction. In 2024, on the 79th Anniversary of the Great Victory Day, another key date was celebrated – May 9th, 1944, exactly 80 years ago, during the Crimean offensive operation, the city of Sevastopol was liberated. But this is not the only historical anniversary celebrated by the entire Russian people this year. More recently, in March 2024, another significant anniversary was celebrated – the decade of the reunification of Crimea and Sevastopol with Russia: on March 16, 2014, the people of Crimea and Sevastopol voted in a referendum for joining the Russian Federation on the rights of subjects.

Significant anniversaries are always celebrated with attention to the historical context of an event. The triumph of the liberation and return of the territory of Crimea and Sevastopol to their homeland will always be emphasized by the heroism and steadfastness of people who have stood up for it at all times. Of particular importance in the fate of the city belongs not only to its return to Russia, but also to its defense against the Nazi invaders and their satellites in 1941–1942.

Materials and Methods. The research is based on scientific works on certain aspects of the history of the Internal Affairs Bodies and the NKVD troops of the USSR, legal acts regulating the organization and activities of such units as fighter battalions, reports and statistical materials on the defense of Sevastopol. The work used the historical method of studying cognizable phenomena, which was supplemented by the chronological method. The systematic method made it possible to combine disconnected data from research on related issues of the history of the organs and troops of the NKVD of the USSR.

The Results of the Study. The article reveals the relevance of studying the role and significance of the organs and troops of the NKVD of the USSR in the defense of Sevastopol during the Great Patriotic War. The author highlights the heroic pages of the activities of the troops and organs of the NKVD of the USSR in the Battle for Sevastopol in 1941–1942, which are not widely spread in scientific literature.

Findings and Conclusions. The article reveals the issues of relevance of studying the role and importance of the role and troops of the NKVD of the USSR in the defence of Sevastopol during the Great Patriotic War. The author highlights the heroic pages of the heroic activities of the troops and bodies of the NKVD of the USSR in the battle for Sevastopol in 1941-1942, which are not widespread in scientific literature.

Keywords: Great Patriotic War, defense of Sevastopol, NKVD of the USSR, NKVD troops, internal affairs bodies, police, special departments, fighter battalions, barrage detachments

For citation: Ogorelkov, D. A. Vojska i organy NKVD SSSR v oborone Sevastopolya 1941-1942 gg.: sostav, funkcii, znachenie [The troops and organs of the NKVD of the USSR in the defense of Sevastopol 1941–1942: composition, functions, significance]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 2 (113), pp. 28–36.

Город-порт Севастополь – главная военно-морская база Черноморского флота, как и весь Крымский полуостров, имеет стратегическое значение, именно поэтому в военной компании 1941-1942 гг. командование Рабоче-Крестьянской Красной армии и Рабоче-Крестьянского Красного флота сосредоточило имеющиеся силы для обороны базы черноморского флота и крупнейшего города Крыма от вторжения противника. Гитлеровские войска в свою очередь стремились во что бы то ни стало захватить военно-морские базы и объекты стратегического значения, развить инициативу на Черном море и подготовить точки развертывания для дальнейших действий в направлении Кубани и Кавказа, а также Сталинграда, где должен был определиться дальнейший вектор всей войны.

Немало научной и художественной литературы посвящено битве за Крым и обороне Севастополя. При этом в большей части крупные исследования и присутствующие в них выводы посвящены действиям военно-морского флота и Рабоче-крестьянской Красной армии при отражении штурмов противника, отдельным героическим личностям и подвигам бойцов и советских граждан в этой неравной борьбе. Однако до сих пор практически нет отдельных комплексных исследований о роли и значении органов и войск НКВД в Обороне Севастополя. Отчасти это объясняется объективными причинами: часть документального материала НКВД, особенно содержащая секретные сведения, была уничтожена при оставлении города, часть – утрачена при эвакуации, часть – захвачена оккупантами, часть – находится в спецархивах или только недавно была рассекречена, вследствие чего слабо освещена в научной печати. Есть и субъективные причины: основное внимание исследователей было приковано к действиям армии и флота как основным участникам любого вооруженного конфликта, а в советский период – еще и к деятельности советов и партийных органов. В постсоветский период деятельность НКВД СССР долго отождествлялась (и к сожалению, до сих пор еще отождествляется в массовом сознании) с репрессиями 1930-ых гг. и борьбой с инакомыслием в послевоенное время, поэтому героические страницы боевой деятельности солдат и сотрудников наркомата исследовались и освещались лишь косвенно, в контексте и на фоне подвигов солдат и матросов вооруженных сил. Однако в настоящее время все же наблюдается положительная тенденция появления, пусть и небольшого количества, научной литературы об участии НКВД в важнейших сражениях Великой Отечественной войны,

позволяющей формулировать некоторые обобщающие выводы относительно роли органов и войск НКВД в рассматриваемых событиях.

Изучение роли подразделений НКВД в ключевых сражениях Великой Отечественной войны в наше время особенно актуально, поскольку работа по установлению всех аспектов войны продолжается. Так, к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне Управлением МВД России по г. Севастополю была проведена большая архивная работа, в результате которой список милиционеров-защитников города, погибших или пропавших без вести, увеличился более чем в два раза (!), а достоянием общественности стали ранее неизвестные факты [1, с. 3]. Если спустя 75 лет и более мы в силах освещать судьбу ранее неизвестной половины защитников Севастополя из числа милиционеров, значит подобная работа должна продолжаться. Как тут не вспомнить слова, приписываемые великому русскому полководцу А. В. Суворову: «Война не окончена, пока не похоронен последний солдат».

Особенности повседневной деятельности органов и войск народного комиссариата внутренних дел СССР в обороне Севастополя состоят в том, что направления оперативно-служебной и боевой деятельности наркомата были существенно расширены. В битве за Севастополь сотрудники и бойцы не были освобождены от своих непосредственных обязанностей. Милиционеры охраняли общественный порядок, следили за уличным движением, боролись с общеуголовной, экономической и политической преступностью, вели учетно-регистрационную работу. Конвойные войска и подразделения по охране лагерей осуществляли перемещение подозреваемых, обвиняемых и заключенных, их содержание и охрану. Внутренние войска НКВД охраняли коммуникации и важные объекты инфраструктуры. Но с приближением фронта сотрудники и бойцы вступали в бой с противником, как в качестве самостоятельных боевых единиц, так и путем вливания в действующую армию, обеспечивали эвакуацию документов, ценностей, людей, осуществляли противодиверсионную и противоподрывную деятельность в тылу.

Роль НКВД в обороне Севастополя подробно выражается в действиях его подразделений.

1. Войска НКВД СССР. Современные исследователи отмечают: «Действия войск НКВД в период обороны Севастополя 1941-1942 гг. изучены и освещены в исторической литературе достаточно слабо. Специальных исследований, рассматривающих участие войск НКВД в обороне города, практически нет, в отличие от большого количества мемуарной и научной литературы по борьбе ВВС или РККФ, РККА» [2, с. 68].

Войска НКВД, принимавшие участие в обороне Севастополя, были представлены 456-м сводным полком НКВД [3, с. 185], куда вошли бойцы-пограничники НКВД, школа НКВД, отступающие подразделения 184-ой стрелковой дивизии погранвойск НКВД. В литературе также встречаются указания о именовании полка – сводный полк погранвойск НКВД³, так как большинство личного состава было из числа погранзастав, погранотрядов и погранкомендатур, отходивших в район

³ Отчёт по обороне Севастополя (ноябрь 1941 – июль 1942 гг.) : в 2 т. / сост., вступ. ст., коммент. А. В. Ефимова, А. А. Кохана, В. В. Лебединского ; СевГУ ; Ин-т востоковедения РАН, Центр крымских исследований ; отв. ред. В. В. Лебединский. М. : ФГБУН ИВ РАН, 2022. Т. 1. С. 28.

Севастополя. Полк выполнял задачи по обороне Балаклавы, подступов к Севастополю, как наиболее боеспособное подразделение оборонял командный пункт командующего Севастопольским оборонительным районом Ф.С. Октябрьского [2, с. 189], прикрывал отход остатков войск к мысам Фиолент и Херсонес и их эвакуацию. В битве за Севастополь полк понес колоссальные потери: так, 1 февраля 1942 г. в полку насчитывалось 1972 человека, а уже в начале мая 1942 г. осталось только 180-200 человек [4, с. 37-38]. Сам полк не эвакуировался, последние его бойцы почти полностью погибли на прибрежных скалах Херсонеса при прикрытии отхода основных сил, в том числе погиб и командир полка подполковник Г. А. Рубцов. Лишь немногие прорвались к партизанам или попали в плен.

В литературе имеются упоминания о 54-м Сталинском полку войск НКВД по охране железнодорожных сооружений [2, с. 69], некоторые подразделения которого были дислоцированы в Крыму. Однако данных о действиях этих подразделений в качестве самостоятельных боевых единиц найти не удалось.

Также имеются упоминания о батальоне школы НКВД, сдерживавшем врага в районе Балаклавы, Кадыковки, в котором сражались 25 человек из числа начсостава и 932 человека рядового и младшего начсостава, вошедшие в 383 стрелковый полк⁴.

Подразделения войск НКВД входили в состав Севастопольского оборонительного района, переформировывались в общевойсковые части и соединения, однако в отчете по обороне Севастополя имеется раздел «V. Части вне норм», согласно которому к началу третьего (решающего) штурма Севастополя к 20 мая 1942 г. в боевой состав Севастопольского оборонительного района вошли подразделения НКВД, НКПС, НКСвязи, Госбанка и НКТорга в составе 980 человек⁵. Скорее всего это было последнее пополнение защитников города, сформированное из не эвакуированных сотрудников государственных учреждений.

2. Милиция. Действия севастопольской милиции освящены в недавно изданном труде А. В. Неменко и О. А. Кашицыной «Павший севастопольский гарнизон». В их работе представлена подробная характеристика деятельности милиции, а также документы, письма милиционеров, списки милиционеров, погибших при обороне и освобождении города – все материалы представляют собой ценнейшие источники для дальнейшего изучения. Мы охарактеризуем деятельность милиции лишь в общих чертах. Важно еще раз отметить, что милиция продолжала выполнять все штатные функции, о которых мы писали выше, но с началом войны на нее легли дополнительные обязанности: по мобилизации граждан, тушению пожаров, ликвидации последствий бомбежек и артобстрелов города, организации местной противовоздушной обороны, формированию и руководству истребительными батальонами, борьбе с мародерами и дезертирами. При большом скоплении населения, беженцев и войск в Севастополе в конце 1941 г. на милицию была возложена функция регулирования уличного движения. Всего в ноябре 1941 г. в городе было 700 сотрудников госбезопасности и милиции на 80 тысяч жителей [1, с. 65-66, 71].

После окружения Севастополя большинство сотрудников милиции влились в действующую армию. Так, Севастопольский горотдел милиции вошел в состав 172-ой стрелковой дивизии [1, с. 71]. В последний период обороны милиция занималась

⁴ Там же. С. 23, 55.

⁵ Там же. С. 72.

организацией подполья, вербовкой агентурного аппарата, формированием партизанских отрядов. Эту задачу милиция выполняла на всей территории СССР, которая могла попасть под оккупацию, так как кто как не милиционеры владели навыками оперативной работы, умели вербовать осведомителей, создавать разветвленный агентурный аппарат, а самое главное – милиционеры знали, кому из населения можно доверять, а кто может сотрудничать с гитлеровцами. Севастопольские милиционеры, не ушедшие в подполье, в партизанские отряды или отказавшиеся от эвакуации, погибли в последней точке обороны – мысе Херсонес и на 35-ой батарее.

3. Особые отделы и заградительные отряды. В условиях войны особое значение приобретает деятельность оперативных подразделений, обеспечивающих режим секретности, бесперебойную работу и связь всех органов и подразделений, противодействие шпионажу, диверсиям и предательству. Для этих целей были созданы особые отделы НКВД. Сотрудники особых отделов боролись с пораженческой агитацией, трусостью и паникерством граждан и военнослужащих. Однако наиболее важным направлением деятельности было противодействие немецкой разведке и диверсиям. В дальнейшем трудной и значимой задачей стала эвакуация спецархивов, руководящих лиц обкома. Особые отделы НКВД насколько могли выполнили поставленные задачи. При завершении обороны города начальник особого отдела Черноморского флота Н. Д. Ермолаев докладывал: «все следственные дела закончены, арестованные по согласованию с прокурором расстреляны, дела вывезены» (4 июля 1942 г.), «посылаю трех оперативных работников с задачей забрать оставшихся секретаря обкома и прокурора Черноморского флота» (5 июля 1942 г.) [5, с. 247]. 56 сотрудников особых отделов эвакуировались из Севастополя, остальные 66 сотрудников остались на защите города и приняли свой последний бой на рубежах оборонительного района.

Заградительные отряды формировались из военнослужащих войск РККА и НКВД по охране тыла, в состав которых включались оперативные сотрудники особых отделов. Заградотряды задерживали бойцов, покидавших поле боя, выявляли дезертиров, трусов, паникеров, вели борьбу с диверсионно-разведывательными группами, десантами и агентурой противника.

При этом, на наш взгляд, здесь стоит акцентировать внимание на том, что заградотряды не имели каких-либо привилегий, более лучшего вооружения, большого количества автоматического оружия (как часто демонстрируется в художественных фильмах и сериалах и совершенно не соответствует истинной картине дел). В отношении заградительных отрядов исследователи отмечают: «...в одной из дивизий на 28 марта 1942 г. командованию Приморской Армией было доложено, что личного состава насчитывается 209 военнослужащих, у них на вооружении имелось 205 винтовок, 5 винтовок СВТ, 4 револьвера и 8 пулеметов ДП» [5, с. 247].

Итоги деятельности заградительных отрядов подкрепляются статистическими сведениями. За весь период войны в Крыму заградительными отрядами всего было задержано 4719 военнослужащих, из них 4301 направлен в распоряжение командования, 290 арестованы и осуждены, а остальные переданы прокуратуре; показательно перед строем были расстреляны 20 дезертиров, и еще 199 человек расстреляны во внесудебном порядке прямо на поле боя [6, с. 537]. Таким образом, из приведенной статистики видно, что основная мера воздействия, применяемая

заградотрядами – это возвращение бойцов и командиров на фронт, высшая мера наказания являлось экстраординарной и применялась как исключительное средство воздействия на боеспособность и моральное состояние окружающих бойцов и командиров.

4. *Истребительные батальоны.* 24 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление СНК СССР «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». В соответствии с данным Постановлением на органы НКВД возлагалась организация борьбы против парашютных десантов противника. Однако очень скоро выявились и другие задачи, возложенные на истребительные батальоны. Они были задействованы для противодиверсионной борьбы, охраны общественного порядка, борьбы с дезертирством, бандитизмом, поддержания режима военного положения, охраны важных объектов, сбора трофейного оружия, разминирования территорий после боев и оккупации и пр.

Для этих целей предписывалось при городских, районных и уездных отделах НКВД создать истребительные батальоны численностью от 100 до 200 бойцов из числа проверенного партийного, комсомольского и советского актива, способного владеть оружием; начальниками истребительных батальонов назначались оперативные работники НКВД и милиции⁶. Важно отметить, что деятельность истребительных батальонов не была постоянной, все бойцы-истребители продолжали выполнять обязанности по основному месту работы и в случае сигнала прибывали к штабу истребительного батальона, которым, как правило, являлся орган внутренних дел. Исследователи отмечают: «В Севастополе были сформированы два батальона – Севастопольский и Балаклавский. Командный состав севастопольских истребительных батальонов частично укомплектовывался за счет сотрудников горотдела НКВД, для формирования истребительных батальонов были выделены 16 сотрудников горотдела милиции» [7, с. 208–209]. После последнего штурма Севастополя бойцы истребительных батальонов, оставшиеся в тылу врага, действовали как партизанские отряды или диверсионные группы.

Подводя итоги, хочется отметить, что органы и войска народного комиссариата внутренних дел СССР имели существенное значение в обороне Севастополя и сыграли ключевую роль в этой неравной битве, существенно повлияв на ее продолжительность. Во многом уступая противнику, гарнизон города продержался более 250 дней, сковывая значительные силы противника и лишая возможности применить их на других стратегических направлениях – под Ленинградом и под Москвой. Если бы не серьезная работа оперативных подразделений, особых отделов, заградительных отрядов, героев-милиционеров, бойцов-истребителей – оборона города не могла бы быть такой эффективной и долгой. Сотрудники и бойцы НКВД обеспечили внутреннюю безопасность города в первый период обороны, способствовали поддержанию боевого духа и морально-психологического состояния защитников, при

⁶ О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе : Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 24 июня 1941 г. № 1738–746сс // Электронная библиотека исторических документов : офиц. сайт. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/177234#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 24.10.2024).

третьем штурме участвовали в боях за родной город. Можно считать, что органы и войска НКВД насколько это было возможно выполнили все поставленные задачи. Вечная память героям Великой Отечественной войны!

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Неменко, А. В. Кашицына, О. А. Павший севастопольский гарнизон : монография. Симферополь: ИТ «Ариал», 2021. 208 с.
2. Сидорчук, Е.А. Чекисты в плен не сдаются! Вклад войск НКВД в оборону Севастополя в 1941-1942 гг. // Сборник научных трудов «Россия в XVIII- XX веках. Историко-культурные аспекты». М.: Издательский дом ГУУ, 2017. С. 67–74
3. Сидорчук, Е. А. Деятельность войск НКВД в период обороны Севастополя 1941-1942 годов // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 1 (37). С. 183-190.
4. Слободянюк, А. А., Федюнин, В. В. 456-й стрелковый (сводный пограничный полк НКВД) 109-й стрелковой дивизии Приморской армии // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. 2015. № 3. С. 32-40.
5. Никоноров, Г. А. Сидорчук, Е. А. Роль особых отделов НКВД в обороне Севастополя в 1941-1942 гг. // Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России : сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. к 75-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией, Оренбург 23–25 апреля 2020 г. / Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург, 2020. С. 246–249.
6. Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии / отв. ред. В. С. Христофоров. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011. 756 с.
7. Невский, С.А. Организация и деятельность истребительных батальонов НКВД в годы Великой Отечественной войны // На службе отечеству: история органов внутренних дел: сборник материалов междунар. науч. конф., приуроченной к 305-летию полиции России, Москва 23 июня 2023 г. / Академия управления МВД России. Москва, 2023. С. 206-214.

REFERENCES

1. Nemenko, A. V. Pavshij sevastopol`skij garnizon [The fallen Sevastopol garrison]. Simferopol: IT «Arial», 2021, 208 p.
2. Sidorchuk, E. A. Chekisty` v plen ne sdayutsya! vklad vojsk NKVD v oboronu Sevastopolya v 1941-1942 gg. [The Chekists do not surrender! The contribution of the NKVD troops to the defense of Sevastopol in 1941-1942]. Rossiya v XVIII-XX vekakh. Istoriko-kul`turny`e aspekty`: sbornik nauchny`x trudov - Russia in the XVIII-XX centuries. Historical and cultural aspects: a collection of scientific papers. Moscow: State University of Management, 2017, pp. 67-74.
3. Sidorchuk, E. A. Deyatel`nost` vojsk NKVD v period oborony` Sevastopolya 1941-1942 godov [The activities of the NKVD troops during the defense of Sevastopol 1941-1942]. Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta - Proceedings of the Smolensk State University. 2017, no. 1, pp. 183-190.

4. Slobodyanyuk, A. A., Fedyunin, V. V. 456-j strelkovy`j (svodny`j pogranichny`j polk NKVD) 109-j strelkovej divizii Primorskoj armii [456th Infantry (NKVD Consolidated Border Regiment) 109th Infantry Division of the Primorsky Army]. Lokus: lyudi, obshchestvo, kul`tury`, smy`sly` - Locus: people, society, cultures, meanings. 2015, no. 3, pp. 32-40.

5. Nikonorov, G. A. Sidorchuk, E. A. [The role of special NKVD departments in the defense of Sevastopol in 1941-1942]. Velikaya Otechestvennaya vojna i problemy` nacional`noj bezopasnosti sovremennoj Rossii: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya k 75-letiyu Pobedy` Sovetskogo Soyuza nad fashistskoj Germaniej. Sbornik statej [The Great Patriotic War and the problems of national security in modern Russia: International scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of the Victory of the Soviet Union over Nazi Germany. Collection of articles, Orenburg]. Orenburg State Pedagogical University, 2020, pp. 246-249.

6. Khristoforov, V. S. Velikaya Otechestvennaya vojna. 1941 god: Issledovaniya, dokumenty`, kommentarii [The Great Patriotic War. 1941: Research, documents, comments]. Moscow: Publishing House of the Main Archival Department of the city of Moscow, 2011, 756 p.

7. Nevskij, S. A. [Organization and activity of NKVD fighter battalions during the Great Patriotic War]. Na sluzhbe otechestvu: istoriya organov vnutrennix del: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, priurochennoj k 305-letiyu policii Rossii [In the service of the Fatherland: the history of law enforcement agencies: a collection of materials from an international scientific conference dedicated to the 305th anniversary of the Russian police]. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023, pp. 206-214.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Огорелков Дмитрий Алексеевич, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства. Омская академия МВД России. 644092, г. Омск, пр. Комарова, 7.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ogorelkov Dmitry Alekseevich, Senior Lecturer at the Department of Theory and History of Law and State. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 644092, Omsk, Komarova Ave.7.

Статья поступила в редакцию 27.12.2024; одобрена после рецензирования 24.01.2025; принята к публикации 25.04.2025.

The article was submitted 27.12.2024; approved after reviewing 24.01.2025; accepted for publication 25.04.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 37–51.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Vol. no. 2 (113). Pp. 37–51.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 340.1:342.5:347.471

ЗАДАЧИ И ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Тепляшин Иван Владимирович

Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск, Российская Федерация
ivt-sl@yandex.ru

Введение. Правовая природа механизма взаимодействия государства и институтов гражданского общества отражает позитивное движение по пути закрепления принципов социальной солидарности, укрепления социального партнерства, взаимного доверия государства и общества. В лице правоохранительных органов государство обеспечивает вовлечение институтов гражданского общества в выполнение отдельных функций правоохранительного характера. В советский период создавалась система сотрудничества правоохранительных органов и общественности, граждане широко привлекались к охране общественного порядка, защите социалистической собственности, укреплению трудовой дисциплины. С этой целью формировались группы народного контроля, народные дружины и группы дружинников, действовали институты общественного поручительства, обвинения и наставничества, принимали решения товарищеские суды. Актуальность общественного присутствия в правоохранительной системе и решения задач правовой охраны сегодня не утрачена и сохраняется даже в условиях модернизации государственного и общественного строя.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство, приказы МВД России. В исследовании использовались научные статьи, монографии, учебные пособия ученых и специалистов в области правоохранительной деятельности. В основу методологии положены специально-юридический, логический, историко-правовой, функциональный методы, а также приемы наблюдения, сравнения, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили установить основные функции общественных структур, содействующих правоохранительным органам, а также задачи и формы взаимодействия правоохранительных органов и институтов гражданского общества. Констатируется необходимость включения граждан в

процессы правоохранительной направленности, создания условий для активной общественной деятельности в организации механизмов противодействия преступности, что способствует не только успешному выполнению компетентными органами своих профессиональных задач и функций, но и приобретению соответствующих навыков, умений со стороны граждан. В этом плане следует обратить внимание на организационный потенциал и стремление молодежи взаимодействовать с правоохранительными органами, претворяя таким образом в правовую жизнь механизм социализации молодых граждан, возможности воспитания у молодежи чувства ответственности, солидарности, сопричастности к процессам укрепления законности и правопорядка.

Выводы и заключения. Можно констатировать позитивные организационные начала и результативность действующих форм взаимодействия правоохранительных органов и институтов гражданского общества. Тем не менее потенциал сотрудничества и способы участия граждан в правоохранительной деятельности государства указывают на необходимость актуализации и системного исследования механизмов участия граждан в управлении делами государства через призму правоохранительной системы. Обращается внимание на возможность более широкого привлечения граждан к охране общественного порядка, профилактике правонарушений, а также установлении социально емкой системы поощрения в отношении отличившихся граждан.

Ключевые слова: правовое взаимодействие, правоохранительные органы, гражданское общество, общественные объединения, граждане, законность, общественный порядок

Для цитирования: Тепляшин И. В. Задачи и формы взаимодействия правоохранительных органов и институтов гражданского общества // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 37–51.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

TASKS AND FORMS OF INTERACTION BETWEEN LAW ENFORCEMENT AGENCIES AND CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS

Ivan V. Teplyashin

Siberian Law Institute of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnoyarsk, Russian Federation, ivt-sl@yandex.ru

Introduction. The legal nature of the interaction mechanism between the state and civil society institutions reflects a positive movement towards the consolidation of the principles of social solidarity, strengthening of social partnerships and mutual trust of the state and society. The state, represented by the law enforcement agencies ensures the involvement of civil society intuitions in the fuifilling certain a law enforcement nature. During in the soviet period, a cooperation system between law enforcement agencies and the public was

created, citizens were widely involved in the protection of public order, the protection of socialist property, and the strengthening of labor discipline. For abovementioned purpose, groups of people's control, people's guards and groups of guards were formed, also there were the institutes of public guarantee, accusation and mentoring, and the decisions were made by comrade courts. The relevance of public presence in the law enforcement system and solving the problems of legal protection today has not been lost and remains even in the context of modernization of the state and social system.

Materials and Methods. The normative framework of the research is the Constitution of the Russian Federation, criminal procedure legislation, and orders of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The research used scientific articles, monographs, textbooks of scientists and specialists in the field of law enforcement. The methodology is based on special legal, logical, historical and legal, functional methods, as well as methods of observation, comparison, generalization and description

The Results of the Study made it possible to establish the main functions of public structures assisting law enforcement agencies, as well as the tasks and forms of interaction between law enforcement agencies and civil society institutions. There is a need to include citizens in the processes of law enforcement, to create conditions for active public activity in the organisation of mechanisms of counteraction to crime, which contributes not only to the successful performance by the competent authorities of their professional tasks and functions, but also to the acquisition of relevant skills and abilities by citizens. In this regard, attention should be paid to the organisational potential and the desire of young people to interact with law enforcement agencies, thus translating into legal life a mechanism for the socialisation of young citizens, the possibility of fostering in young people a sense of responsibility, solidarity and involvement in the processes of strengthening law and order.

Findings and Conclusions. The positive organizational principles and effectiveness of existing forms of interaction between law enforcement agencies and civil society institutions are stated in the article. Nevertheless, the potential for cooperation and ways of participation of citizens in the law enforcement activities of the state indicate the need for actualization and systematic study of mechanisms of participation of citizens in the management of state affairs through the prism of the law enforcement system. Attention is drawn to the possibility of broader involvement of citizens in the protection of public order, prevention of offenses, as well as the establishment of a socially capacious system of incentives for distinguished citizens.

Keywords: legal cooperation, law enforcement agencies, civil society, public associations, citizens, legitimacy, public order

For citation: Teplyashin, I. V. Zadachi i formy vzaimodejstviya pravoohranitel'nyh organov i institutov grazhdanskogo obshchestva [Tasks and forms of interaction between law enforcement agencies and civil society institutions]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 2 (113), pp. 37–51.

Решение задач по обеспечению правопорядка и укреплению правоохранительной системы, эффективного гарантирования прав и свобод человека и гражданина реализуется посредством системы правового взаимодействия, осуществляемого между основными субъектами политической системы общества. Правовое взаимодействие является разновидностью правовой деятельности,

претворяется на практике различными субъектами права и характеризуется наличием содержательных компонентов: целью, задачами, формами, сферой (направлением) осуществления. Кроме этого, можно установить дополнительные составляющие правового взаимодействия: правовые средства, стратегию, модели, принципы, виды, правовой результат (складывающаяся практика).

В правовой системе общества взаимодействие обеспечивается коммуникативными ресурсами и согласованными действиями субъектов, оно направлено на достижение конкретного правового результата, который воплощает в себе взаимные права, законные интересы и стремления сторон. В свою очередь, правовое взаимодействие между государством и гражданским обществом отличается своей масштабностью. Оно характеризуется самыми различными организационно-правовыми конструкциями и моделями, обусловлено уровнем научно-технического прогресса, требованиями политической системы, состоянием правовой культуры общества. В пределах настоящего исследования следует исходить из партнерской модели взаимодействия, которая предполагает мотивирующие методы работы государственных структур с институтами гражданского общества, учитывающими и включающими в свою сферу любые позитивные инициативы общественных организаций [1, с. 154]. Партнерская модель отличается высокой социальной общностью, политической солидарностью и разнообразием политической жизни, что обеспечивается постоянным и системным соблюдением требований законодательства, поиском новых демократических процедур, научно-исследовательским сопровождением механизма принятия государственных решений при непосредственном участии гражданского общества в этих вопросах.

Среди государственных структур особое место отводится правоохранительным органам, которые осуществляют правоохранительную деятельность с целью охраны действующего законодательства, собственности, защиты личности, общества, государства от преступных посягательств, обеспечивают законность, безопасность и правопорядок. К правоохранительным органам, основной функцией которых является специализированная деятельность по охране законности и правопорядка, защите прав и свобод человека, общественных и государственных институтов, по борьбе с преступностью относятся государственные органы: МВД России, Ген прокуратура России, Минюст России, СК России, ФСБ России, ФСИН России и др. Судебные органы зачастую рассматриваются в контексте системы правоохранительной деятельности, но к правоохранительным органам не относятся. Тем не менее, эффективное обеспечение правового порядка, профилактика и борьба с преступностью в государстве и обществе достигается комплексной работой всех звеньев государственного аппарата, в рамках которой деятельность органов исполнительной власти, правоохранительных структур и функционирование судебных органов тесно связаны.

В специальной литературе допускается возможность отнесения к правоохранительным органам некоторые общественные организации, созданные для охраны права: адвокатура, частные детективные и охранные организации, частные нотариусы и др. Они не являются государственными органами, не обладают императивно-властными полномочиями, но по своему предназначению призваны

защищать права и законные интересы физических и юридических лиц [2, с. 23-24]. При этом в системе институтов гражданского общества можно указать и на такие структуры, которые оказывают организационное содействие, техническую и методическую помощь правоохранительным органам. Среди них общественные объединения правоохранительной направленности, добровольные народные дружины, молодежное сообщество, казачьи дружины, волонтерские организации, субъекты общественного контроля и др. Весомый вклад в правоохранительную сферу вносят предпринимательское сообщество и коммерческие организации. Участие в профилактике правонарушений, оказание воспитательного воздействия на граждан может осуществляться со стороны религиозных организаций, конфессиональных общностей, различных общественных комитетов, собраний, средств массовой коммуникации [3, с. 49-50]. Полагаем, что указанные субъекты и институты гражданского общества могут быть отнесены к вспомогательным участникам правоохранительной деятельности.

Стоит подчеркнуть, что в настоящем исследовании институты гражданского общества (гражданское общество) и институты общественности (общественность) можно уравнивать в силу того, что их институциональную и организационную основу составляют граждане, группы граждан, население, общественные объединения, а в советском прошлом – трудящиеся, трудовые коллективы, общественные обвинители и защитники, народные заседатели, которые представляют наиболее активную часть общества и на добровольных (общественных) началах участвуют в общественно-политической жизни страны, управлении делами государства. Для общественности и иных смежных категорий (граждан, институтов гражданского общества, общественных институтов, негосударственных структур) характерны потребность в общении, ориентация на коллективную деятельность, приоритет общественных интересов перед индивидуальными, активное выражение своей общественной позиции. Представляется, что синонимическое разнообразие в терминологии не вызывает критического различия между природой данных категорий и не снижает их функционального назначения в проводимых научных исследованиях. Представленная позиция в юридической науке также отражается в различных аспектах правоохранительной, образовательной, просветительской, муниципальной политики [см., напр.: 4, 5, 6].

Основные качественные особенности субъектов и институтов гражданского общества как участников правоохранительной деятельности состоят в том, что они обладают ограниченным объемом правовых средств и форм деятельности, имеют производный характер своего статуса, конструктивность их взаимодействия с правоохранительными органами зависит от политической обстановки и уровня правовой культуры общества, не располагают возможностью автономного использования правоприменительных действий и процедур, демонстрируют усеченное единство внутренней организационной структуры, обладают ограниченным охватом сферы правоохранительного воздействия.

Институты гражданского общества, призванные осуществлять правоохранительную деятельность, либо содействовать правоохранительным органам, реализуют основные и вспомогательные функции.

Основные функции: охранительная – направлена на охрану прав и свобод человека и гражданина, посредством находящихся в распоряжении институтов гражданского общества правовых средств и методов, предусмотренных законодательством; регулятивная – обеспечивает упорядочивание общественных отношений, связанных с развитием гражданского общества, посредством претворения в правовой жизни социально полезных и актуальных установок, идей, ценностей; организационная – вырабатывает эффективные способы и формы взаимодействия общественности с правоохранительными органами с учетом внутренних и внешних социальных факторов.

Дополнительные функции: институциональная – обеспечивает формирование новых, комплексных общественных структур правоохранительной направленности (союзов, ассоциаций, сообществ); контрольная – направляет стремления и усилия общественных групп на проведение мониторинга и общественную проверку деятельности правоохранительных органов, участие в антикоррупционном механизме; коммуникативная – устанавливает продуктивные связи между основными негосударственными субъектами правоохраны, апробирует инновационные способы сотрудничества с государственными органами; консолидирующая – объединяет интересы и стремления граждан, общественных объединений в вопросах создания эффективной правоохранительной системы, проведения справедливой правовой политики, формирования сильного гражданского общества; культурно-идеологическая – формирует организационно-правовую культуру и стиль деятельности участников правоохраны, повышает взаимное доверие и солидарность государственных и общественных структур в вопросах противодействия преступности и защиты прав граждан.

Специалисты в области правоохранительной деятельности под взаимодействием правоохранительных органов с общественностью понимают целеустремленную деятельность компетентных структур по вырабатыванию продуктивных связей с активными слоями населения, при поддержке которых формируются условия для улучшения деятельности правоохранительных органов и дальнейшего прогрессивного развития гражданского общества [7, с. 30]. Представляется, что это узкое, усеченное понимание взаимодействия правоохранительных органов с общественностью, оно показывает исключительно второстепенную роль общественных структур в механизме правоохраны, не отражает и фактически нивелирует возможные ресурсы общественности в деле противодействия преступности и укрепления правопорядка. В широком понимании взаимодействие правоохранительных органов и институтов гражданского общества следует рассматривать как комплексную систему правовых средств и форм деятельности правоохранительных органов и общественных структур (групп, коллективов, объединений, союзов), культуру их конструктивного сотрудничества и организационно-правового диалога, практику реализации процедур согласования и принятия совместных решений на основе общих интересов в сфере правоохраны, что в своем единстве обеспечивает целенаправленное воздействие на

преступность и коррупцию, снижение их проявления в правовой жизни общества, укрепление законности и правопорядка, достижение высокого уровня общественной безопасности в государстве.

В рамках взаимодействия правоохранительных органов и институтов гражданского общества решаются:

- Задачи общего характера: защита личности, общества, государства от противоправных посягательств; гарантирование прав и свобод человека и гражданина; предупреждение и пресечение преступлений, административных правонарушений; охрана собственности и обеспечение общественной безопасности; противодействие экстремистской и террористической деятельности [8, с. 79-80].

- Специальные задачи: развитие механизмов консультационного и информационного сопровождения правоохранительной деятельности со стороны общественных аналитических групп; выстраивание комплексного механизма добровольческой деятельности; развитие принципов открытости и гласности, общественного доверия и поддержки граждан правоохранительными органами и полицией в частности; развитие форм и способов привлечения граждан и общественных объединений к реализации государственной политики в сфере охраны общественного порядка; развитие гражданских инициатив в сфере предупреждения правонарушений и обеспечения правопорядка; формирование общих показателей и критериев эффективности механизма сотрудничества правоохранительных органов и институтов гражданского общества, определение перспектив совместной деятельности. При этом взаимодействие правоохранительных органов с гражданами, общественными объединениями также обеспечивает оказание взаимной помощи в решении служебных задач, вопросов и функций управленческого характера, стоящих перед органами власти и обществом.

Взаимодействие правоохранительных органов с институтами гражданского общества можно реализовать в следующих формах сотрудничества общественных объединений и граждан в правоохранительной деятельности.

Деятельность по охране общественного порядка. Такая деятельность достаточно эффективна со стороны добровольных народных дружин по охране общественного порядка и оказании помощи органам внутренних дел в профилактике и предупреждении преступлений на соответствующей территории, а также в пределах приграничной территории¹. Справедливо подчеркивается значимость и перспективность привлечения к охране правопорядка молодежных добровольных дружин и возложения на них задач, связанных, помимо общей правоохраны, с правовым просвещением среди населения [9, с. 56-57]. Стоит признать положительным опыт советского периода, когда государство обращало серьезное внимание на широкое привлечение граждан и трудовые коллективы к осуществлению деятельности органов внутренних дел. Например, с 1962 года по 1968 год произошло переименование Министерства внутренних дел СССР в Министерство

¹ Об участии граждан в охране общественного порядка : Федер. закон № 44-ФЗ принят Гос. Думой 21 марта 2014 г. : одобрен Советом Федерации 26 марта 2014 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161195/ (дата обращения: 11.01.2025).

охраны общественного порядка, до середины 1970-х годов в системе органов внутренних дел действовали службы охраны общественного порядка, в которые помимо наружной службы милиции, входили добровольные народные дружины, а в некоторых местностях группы самоохраны, что указывает на криминологическую масштабность решаемых вопросов и политическое значение данного направления правоохранительной работы советского периода.

Деятельность общественных объединений правоохранительной направленности. Данные объединения оказывают помощь правоохранительным органам в реализации задач, связанных с организацией правоохранительной деятельности на отдельных территориях и осуществлением мероприятий правоохранительной направленности при непосредственном участии в них граждан и социальных групп. В системе МВД России формируется и ведется региональный реестр народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности², что позволяет устанавливать возможности и организационный потенциал общественников в зависимости от территории и характера криминогенной обстановки. Также активно действуют добровольческие поисковые отряды, осуществляющие помощь в розыске пропавших граждан, где особая роль отводится организаторам, координаторам, картографам, иным лицам, способствующим качественному проведению поисковых мероприятий [10, с. 95-96].

Общественный контроль. Субъектами общественного контроля выступают общественные советы, палаты, группы граждан, независимые эксперты и иные заинтересованные лица, которые осуществляют свою общественную деятельность в самых различных сферах организации и деятельности органов государств, органов местного самоуправления, должностных лиц. В отношении правоохранительных органов устанавливаются факты нарушения требований закона как в индивидуальных (конкретных) случаях, так и в обобщенном виде, что способствует не только совершенствованию правоохранительной системы, но и гарантирует реализацию прав и свобод человека и гражданина. Сегодня широкое распространение получила практика создания и деятельности общественных наблюдательных комиссий, осуществляющих общественный контроль за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания³. В специальной литературе активно исследуется

² О порядке формирования и ведения регионального реестра народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности : приказ МВД России от 21 июля 2014 г. № 599 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167412/ (дата обращения: 20.12.2024). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

³ Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания : Федер. закон № 76-ФЗ : принят Гос. Думой 21 мая 2008 г. : одобрен Советом Федерации 30 мая 2008 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77567/ (дата обращения: 28.12.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей; Об основах общественного контроля в Российской Федерации : Федер. закон № 212-ФЗ : принят Гос. Думой 4 июля 2014 г. : одобрен Советом Федерации 9 июля 2014 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (дата обращения: 28.12.2024).

правовая основа, цели, предмет общественного пенитенциарного контроля, отдельное внимание уделяется его субъектам, к которым помимо указанных относят попечительские и иные советы при учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, религиозные организации, родительские комитеты и попечительские советы [11, с. 39-107].

Деятельность общественных советов. Общественный совет по своему организационно-правовому статусу является, как правило, общественным объединением, не входит в систему государственного аппарата, не реализует функции государственного учреждения, не наделен возможностью осуществлять правоприменительную деятельность и императивно-властные полномочия. Общественные советы, созданные и действующие при правоохранительных органах, обеспечивают реализацию таких задач как: участие в разработке и пересмотре материалов, программ, концепций, планов по наиболее актуальным вопросам и областям полицейской деятельности; разработка руководящих принципов для членов общественных объединений, правоохранительной направленности, их поощрение; проведение совместных конференций, семинаров, круглых столов по проблемам участия общественности в мероприятиях правоохранительной направленности; взаимодействие с религиозными, молодежными, творческими и иными организациями; привлечение независимых экспертов для проведения антикоррупционных экспертиз; реализация иных форм сотрудничества с заинтересованными субъектами в сфере укрепления законности и правопорядка [12, с. 109-110]. Кроме этого, общественные советы реализуют антикоррупционную деятельность, общественный контроль в отношении правоохранительных структур, а также в соответствии с действующим законодательством оказывают им необходимую помощь.

Деятельность независимого экспертного сообщества. Проведение независимых экспертиз находит свое практическое отражение прежде всего в механизме противодействия и профилактики коррупционных правонарушений ⁴. Данная работа дополняется деятельностью общественных советов, рабочих групп и комиссий, созданных при правоохранительных органах на федеральном и региональном уровнях. В свою очередь работа независимых экспертов может сопровождать соответствующие контрольные и правоприменительные мероприятия со стороны государственных структур, инициировать внутреннее сотрудничество институтов гражданского общества, участвующих в правоохранительной деятельности.

Внештатная деятельность граждан. Граждане осуществляют помощь правоохранительным органам в качестве внештатных сотрудников, деятельность

⁴ О противодействии коррупции : Федер. закон № 273-ФЗ : принят Гос. Думой 19 декабря 2008 г. : одобрен Советом Федерации 22 декабря 2008 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 11.01.2025); Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Федер. закон № 172-ФЗ принят Гос. Думой 3 июля 2009 г. : одобрен Советом Федерации 7 июля 2009 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89553/ (дата обращения: 13.01.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

которых регламентируется приказом МВД России от 10 января 2012 г. № 8 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности внештатных сотрудников полиции». Внештатный сотрудник вправе принимать меры по охране места происшествия, ознакомиться с документами, регламентирующими правовой статус внештатного сотрудника, вправе оказывать содействие полиции в охране общественного порядка. Основным условием для привлечения лица в качестве внештатного сотрудника является наличие российского гражданства и достижение 18-летнего возраста. Внештатный сотрудник обязан знать и соблюдать положения законодательства в сфере охраны общественного порядка, выполнять распоряжения уполномоченных сотрудников, соблюдать права и законные интересы граждан и организаций, оказывать первую помощь, иметь при себе удостоверение и предъявлять его гражданам, к которым обращено требование о прекращении противоправного поведения [13, с. 71-73].

Частная охранная деятельность. Данная форма сотрудничества между правоохранительными органами и гражданским обществом выступает достаточно усеченной в вопросах обеспечения правового порядка. Работа соответствующих организаций может быть направлена на содействие правоохранительным органам в обеспечении правопорядка при возникновении чрезвычайной ситуации на охраняемом объекте, участие в совместных плановых мероприятиях по обеспечению антитеррористической защищенности охраняемого объекта, информирование правоохранительных органов о готовящихся, совершаемых либо совершенных на охраняемом объекте либо в отношении охраняемого лица правонарушениях, а также о происшествиях и об обстоятельствах, создающих на охраняемом объекте угрозу безопасности людей и пр⁵.

Государственно-частное партнерство в уголовно-исполнительной системе. Так, предпринимательское сообщество, реализующее свои деловые интересы участвует в создании центров трудовой адаптации осужденных и решении вопросов их социальной защиты, организации трудового и бытового устройства освобождающихся лиц⁶. Помимо этого, в современных условиях перспективным выступает механизм противодействия коррупционным проявлениям в области пробации со стороны бизнес-сообщества, независимых экспертных групп, частных аналитических центров, что может обеспечиваться посредством мониторинга и обобщения практики (фактов, условий, результативности) использования бюджетных ресурсов, иных материальных

⁵ О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385/ (дата обращения: 11.01.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей; О частной охранной деятельности : Федер. закон № 427-ФЗ : принят Гос. Думой 20 ноября 2024 г. : одобрен Советом Федерации 27 ноября 2024 г. : документ не вступил в силу // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.02.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

⁶ О пробации в Российской Федерации : Федер. закон № 10-ФЗ : принят Гос. Думой 25 января 2023 г. : одобрен Советом Федерации 1 февраля 2023 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439127/ (дата обращения: 11.01.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

средств публичного назначения, направляемых на ресоциализацию осужденных лиц. Особенно актуальны данные задачи с реализацией субинститута пробации, на что обращается внимание в специальных исследованиях [14, с. 300-302; 15, с. 194-197]. Представляется, что участие общественных структур в пробационной деятельности способно повысить роль и социальный статус институтов гражданского общества в правоохранительной деятельности, а также усилить организационно-управленческую культуру государственно-частного партнерства в целом.

Культурно-просветительская деятельность. Отдельные институты гражданского общества способны осуществить специализированную работу, связанную с информационно-воспитательным воздействием в отношении конкретных общественных групп с целью предотвращения правонарушений и негативных явлений в обществе в целом. Так, молодежное сообщество в лице молодежных парламентов, правительств, молодых рационализаторов, иных сплоченных и организованных структур, ученых, активистов, спортсменов, деятелей искусства и ветеранов боевых действий, в рамках участия в организациях и комиссиях, формируемых при органах публичной власти, в иных форматах осуществляют помощь правоохранительным органам, вовлечены в механизм противодействия криминальным проявлениям, экстремизму и терроризму. Кроме этого, молодежные добровольческие (волонтерские) организации проводят воспитательную работу, направленную на развитие у детей и взрослых дополнительных социальных компетенций, а также своим примером способны предрасположить, воодушевить к формированию соответствующей жизненной позиции, здоровому образу жизни, патриотическому настроению [16, с. 103-105]. Религиозные объединения и конфессиональные группы также реализуют просветительскую работу, направленную на предупреждение и разрешение межнациональных противоречий и конфликтов. Подобная просветительская деятельность может осуществляться в рамках проведения форумов, семинаров, круглых столов, профориентационной работы для населения, трудовых коллективов, государственных (муниципальных) служащих, в которой задействованы лекторы, ученые-криминалисты, психологи, ветераны правоохранительной системы, специалисты в области цифровых технологий и экономической безопасности.

Информирование правоохранительных органов. Граждане осуществляют осведомительную деятельность, информируют органы внутренних дел о готовящихся и совершенных преступлениях, лицах их совершивших, скрывающихся преступниках, похищенном имуществе, способствует профилактике, выявлению и пресечению противоправных деяний в целом. Данная форма взаимодействия граждан и правоохранительных органов является социально востребованной, имеет фундаментальную историческую практику и не предусматривает специальных управленческих средств. Сегодня это направление сотрудничества нуждается в совершенствовании в части использования информационно-коммуникационных технологий.

Научно-исследовательское сопровождение. Научная общественность организует деятельность, направленную на совершенствование правоохранительной деятельности в стране с участием институтов гражданского общества, популяризации возможностей граждан в обеспечении законности и правопорядка, необходимости вовлечения общественности в профилактические мероприятия. Своевременно обращается внимание на состояние и динамику развития исторических и современных аспектов нормативного закрепления принципов, условий, порядка участия общественности в системе

противодействия преступности [17, с. 112-114].

Иные формы взаимодействия правоохранительных органов с институтами гражданского общества обусловлены общим законодательным закреплением средств и методов участия граждан в механизме борьбы с преступностью. В современных условиях правовая деятельность граждан ориентирована на профилактику правонарушений и осуществление правозащитной деятельности⁷. Граждане выступают в качестве понятых, статистов, дублеров, являются потерпевшими, очевидцами, участвуют в мероприятиях на досудебных стадиях уголовного процесса, обеспечивая осмотр места происшествия, обыски, выемки, снятия копий с задержанных почтово-телеграфных отправлений, осмотров и прослушиваний фонограмм, полученных в результате контроля и записи переговоров.

Озвученная, систематизированная, критически анализируемая информация, подпадающая под общественную оценку, будет способствовать формированию наиболее эффективной организационно-управленческой деятельности компетентных органов и должностных лиц. Такой уровень гражданской активности сможет «подхватить» общественно значимые интересы и стремления граждан, и, распределяя их, передать компетентным органам. Такая информация, озвученная на публичном уровне, позволит претворить в жизнь социально-зрелую и прогрессивную культуру участия в правоохранительной деятельности со стороны российского общества. В современное время в стороне не должен оставаться институт правового стимулирования в деле привлечения граждан к укреплению законности и правопорядка. Достаточно перспективным выступает поощрительная политика в отношении граждан, занимающих ответственную позицию в борьбе с преступностью, пропагандирующих способы общественного присутствия в механизмах правоохраны, оказывающих практическую помощь правоохранительным органам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соколов, А.Н., Сердобинцев, К.С. Гражданское общество и государство: проблема взаимодействия и оптимального соотношения в России // Проблемы управления. 2012. № 2 (43). С. 152–158.
2. Правоохранительные органы Российской Федерации: учебник / отв. ред. Ю. А. Ляхов, Ю. Б. Чупилкин. – 2-е изд., пересм. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. 432 с.
3. Кочеткова, Н. Д. Организация взаимодействия общественных объединений с правоохранительными органами по вопросам обеспечения правопорядка на территории Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2019. № 4 (81). С. 49–51.

⁷ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федер. закон № 120-ФЗ : принят Гос. Думой 21 мая 1999 года : одобрен Советом Федерации 9 июня 1999 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ (дата обращения: 15.01.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей; Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федер. закон № 182-ФЗ : принят Гос. Думой 10 июня 2016 года : одобрен Советом Федерации 15 июня 2016 г.: послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/ (дата обращения: 15.01.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

4. Шапиро, Л. Г., Гарига, О. А. Трансформация взаимодействия правоохранительных органов с общественностью в современных условиях борьбы с преступностью // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 4. С. 181–189.
5. Булаков, О. Н., Жумабаева, А. А. Общественность в сфере образовательной и просветительской деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 2 (75). С. 61–66.
6. Якимов, П. П. Общественность как субъект уголовного процесса // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 1. С. 111–115.
7. Беженцев, А. А. Взаимодействие правоохранительных органов с общественностью: понятие, цели и задачи // Юрист-Правовед. 2024. № 1 (108). С. 27–32.
8. Малахова, Н. В. О некоторых вопросах взаимодействия в деятельности органов внутренних дел // Вестник экономической безопасности. 2023. № 3. С. 76–81.
9. Безруков, А. В., Пунтус, С. А. Формирование оптимальной модели сотрудничества общественных формирований с полицией в сфере обеспечения конституционного правопорядка в России // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 51–59.
10. Миронов, А. М. Об организации взаимодействия дежурных частей органов внутренних дел и субъектов, участвующих в раскрытии преступлений // Научный портал МВД России. 2024. № 1 (65). С. 90–98.
11. Общественный контроль за обеспечением прав осужденных к лишению свободы (проблемы законодательства) : монография / М. Ю. Воронин, Ю. А. Кашуба, Т. В. Кленова, и др.; под ред. А. П. Скибы. Рязань: Академия ФСИН России, 2021. 162 с.
12. Руденко, А. С., Чистотина, О. Н. Взаимодействие правоохранительных органов с общественностью по противодействию коррупции: проблемы и перспективы // Юридическая мысль. 2018. № 5 (109). С. 107–111.
13. Баранова, С. А. Сравнительно-правовой анализ участия институтов гражданского общества в охране общественного порядка в Российской Федерации и Республике Беларусь // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 1 (108). С. 69–80.
14. Тепляшин, П. В. Межотраслевая юридическая природа субинститута probation (в контексте проведения социальной и воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ или лишения свободы) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 299–302.
15. Тепляшин, П. В. Организационно-правовые особенности ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных (региональный аспект) // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19 (1–4), № 2. С. 192–199.
16. Тепляшин, И. В. Участие российской молодежи в антинаркотической политике: основные положения и вопросы // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2015. № 4 (21). С. 102–107.
17. Плетников, В. С. Советский народ в начале 60-х годов XX века и современное гражданское общество в системе противодействия преступности: нормативные возможности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 4 (28). С. 111–115.

REFERENCES

1. Sokolov, A. N., Serdobintsev, K. S. Grazhdanskoe obshchestvo i gosudarstvo: problema vzaimodejstviya i optimal'nogo sootnosheniya v Rossii [Civil society and the state:

the problem of interaction and optimal balance in Russia]. Problemy upravleniya – Problems of management. 2012, no. 2 (43), pp. 152-158.

2. Lyakhov, Yu. A., Chupilkin, Yu. B. Pravoohranitel'nye organy Rossijskoj Federacii [Law enforcement agencies of the Russian Federation]. Moscow, 2025. 432 p.

3. Kochetkova, N. D. Organizaciya vzaimodejstviya obshchestvennyh ob"edinenij s pravoohranitel'nymi organami po voprosam obespecheniya pravoporyadka na territorii Rossijskoj Federacii [Organization of interaction of public associations with law enforcement agencies on issues of law enforcement in the territory of the Russian Federation]. Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova – Scientific Vestnik of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2019, no. 4 (81), pp. 49-51.

4. Shapiro, L. G., Gariga, O. A. Transformaciya vzaimodejstviya pravoohranitel'nyh organov s obshchestvennost'yu v sovremennyh usloviyah bor'by s prestupnost'yu [Transformation of law enforcement agencies' interaction with the public in modern conditions of combating crime]. Pravovaya politika i pravovaya zhizn' – Legal policy and legal life. 2021, no. 4, pp. 181-189.

5. Bulakov, O. N., Zhumabayeva, A. A. Obshchestvennost' v sfere obrazovatel'noj i prosvetitel'skoj deyatel'nosti [The public in the field of educational and enlightenment activities]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law. 2017, no. 2 (75), pp. 61-66.

6. Yakimov, P. P. Obshchestvennost' kak sub"ekt ugovnogo processa [The public as a subject of criminal proceedings]. Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie – News of higher educational institutions. Law studies. 1975, no. 1, pp. 111-115.

7. Bezhetsentsev, A. A. Vzaimodejstvie pravoohranitel'nyh organov s obshchestvennost'yu: ponyatie, celi i zadachi [Interaction of law enforcement agencies with the public: concept, goals and objectives]. YUrist-Pravoved – Lawyer-Jurist. 2024, no. 1 (108), pp. 27-32.

8. Malakhova, N. V. O nekotoryh voprosah vzaimodejstviya v deyatel'nosti organov vnutrennih del [On some issues of interaction in the activities of law enforcement agencies]. Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti – Vestnik of Economic Security. 2023, no. 3, pp. 76-81.

9. Bezrukov A.V., Puntus S.A. Formirovanie optimal'noj modeli sotrudnichestva obshchestvennyh formirovanij s policiej v sfere obespecheniya konstitucionnogo pravoporyadka v Rossii [Formation of an optimal model of cooperation between public formations and the police in the field of ensuring constitutional law and order in Russia]. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii – Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 4 (60), pp. 51-59.

10. Mironov, A. M. Ob organizacii vzaimodejstviya dezhurnyh chastej organov vnutrennih del i sub"ektov, uchastvuyushchih v raskrytii prestuplenij [On the organization of interaction between duty units of law enforcement agencies and subjects involved in solving crimes]. Nauchnyj portal MVD Rossii – Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 1 (65), pp. 90-98.

11. Voronin, M. Y., Kashuba, Yu. A., Klenova, T. V., Krymov, A. A., Skiba, A. P. (by ed.). Obshchestvennyj kontrol' za obespecheniem prav osuzhdennyh k lisheniyu svobody (problemy zakonodatel'stva) [Public control over ensuring the rights of persons sentenced to imprisonment (legislative issues)]. Ryazan, 2021, 162 p.

12. Rudenko, A. S., Chistotina, O. N. Vzaimodejstvie pravoohranitel'nyh organov s obshchestvennost'yu po protivodejstviyu korrupcii: problemy i perspektivy [Interaction of

law enforcement agencies with the public on combating corruption: problems and prospects]. YUridicheskaya mysl' – Legal thought. 2018, no. 5 (109), pp. 107-111.

13. Baranova, S. A. Sravnitel'no-pravovoy analiz uchastiya institutov grazhdanskogo obshchestva v ohrane obshchestvennogo poryadka v Rossijskoj Federacii i Respublike Belarus' [Comparative legal analysis of the participation of civil society institutions in the protection of public order in the Russian Federation and the Republic of Belarus]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 1 (108), pp. 69-80.

14. Teplyashin, P. V. Mezhotraslevaya yuridicheskaya priroda subinstituta probacii (v kontekste provedeniya social'noj i vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi k nakazaniyam v vide prinuditel'nyh rabot ili lisheniya svobody) [The intersectoral legal nature of the probation subinstitute (in the context of social and educational work with those sentenced to forced labor or imprisonment)]. YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii – Legal Science and practice: Vestnik of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 1 (65), pp. 299-302.

15. Teplyashin, P. V. Organizacionno-pravovye osobennosti resocializacii, social'noj adaptacii i social'noj rehabilitacii osuzhdennykh (regional'nyj aspekt) [Organizational and legal features of resocialization, social adaptation and social rehabilitation of convicts (regional aspect)]. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal Enforcement law. 2024, vol. 19 (1-4), no 2, pp. 192-199.

16. Teplyashin, I. V. Uchastie rossijskoj molodezhi v antinarkoticheskoy politike: osnovnye polozheniya i voprosy [Participation of Russian youth in anti-drug policy: main provisions and issues]. Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta FSKN Rossii – Vestnik of the Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia. 2015, no. 4 (21), pp. 102-107.

17. Pletnikov, V. S. Sovetskij narod v nachale 60-h godov XX veka i sovremennoe grazhdanskoe obshchestvo v sisteme protivodejstviya prestupnosti: normativnye vozmozhnosti [The Soviet people in the early 60s of the XX century and modern civil society in the crime prevention system: regulatory opportunities]. Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020, no. 4 (28), pp. 111-115.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тепляшин Иван Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин. Сибирский юридический институт МВД России. 660131, г. Красноярск, улица Рокоссовского, 20.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Teplyashin Ivan Vladimirovich, Candidate of of Legal Sciences, Associate professor of the department of public law disciplines. Siberian Law Institute of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 660131, Krasnoyarsk, Rokossovsky Str., 20.

Статья поступила в редакцию 27.12.2024; одобрена после рецензирования 24.01.2025; принята к публикации 25.04.2025.

The article was submitted 27.12.2024; approved after reviewing 24.01.2025; accepted for publication 25.04.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 52–64.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
Vol. no. 2 (113). Pp. 52–64.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 342.7

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГРАЖДАН, ИМЕЮЩИХ СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРАВО НА УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Лапов Иван Николаевич

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация,
30161980@mail.ru

Введение. В статье рассмотрены особенности административной ответственности граждан, имеющих специальное право на управление транспортными средствами (далее – ТС), определен ряд проблем ее реализации на современном этапе развития государства и общества. Предлагается ряд мер и механизмов, обеспечивающих снижение количества и тяжести правонарушений, ставящих под угрозу безопасность движения и эксплуатацию транспортных средств (далее – БДиЭТС), а также обязанностей и ограничений, которые должны налагаться на граждан, управляющих ТС, допускающих грубые или систематические нарушения правил движения и эксплуатации ТС.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили научные статьи ученых, нормы российского и зарубежного законодательства, статистические данные и решения судов. В ходе исследования применены общие и частные научные методы познания объективной действительности, к которым относятся анализ, синтез, сравнительно-правовой, формально-юридический подход.

Результаты исследования подтверждают, что действующая система административной ответственности требует модернизации. Внедрение предложенных автором мер (штрафные баллы, реестр нарушителей, ужесточение требований к лицам, впервые получившим право на управление ТС) позволит снизить количество нарушений; повысить эффективность исполнения наказаний за счет автоматизированного контроля; повысить уровень правовой культуры лиц, управляющих ТС через профилактику и образовательные программы.

Выводы и заключения. Административная ответственность граждан, осуществляющих управление ТС, характеризуется существенными особенностями,

спецификой составов административных правонарушений в сфере БДиЭТС, а также особым порядком их квалификации. В целях минимизации негативных последствий, обусловленных совершением административных деликтов, органам публичной власти следует акцентировать внимание на совершенствовании таких мер административного принуждения, как: административный штраф, лишение специального права в виде управления ТС, административный арест.

Ключевые слова: административно-правовой статус, административное правонарушение, административная ответственность, транспортное средство, управление транспортным средством, безопасность движения и эксплуатации транспортных средств, дорожное движение, правила дорожного движения

Для цитирования: Лапов, И. Н. Особенности административной ответственности граждан, имеющих специальное право на управление транспортными средствами // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 52–64.

5.1.2. Public Law Sciences (legal sciences)

Original article

PECULIARITIES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF CITIZENS WITH A SPECIAL RIGHT TO MOTOR DRIVE VEHICLES

Ivan N. Lapov

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation, 30161980@mail.ru

Introduction. The article examines the features of administrative liability for citizens with a special right to drive vehicles, and identifies a number of problems in its application at the current stage of development of the state and social development. A number of measures are proposed to reduce the number and severity of offenses that threaten traffic safety and the operation of vehicles, as well as duties and restrictions that should be imposed on citizens driving vehicles who commit gross or systematic violations of traffic rules and the operation of vehicles.

Materials and Methods. The research materials were scientific articles of scientists, norms of Russian and foreign legislation, statistical data and court decisions. In the course of the research, general and specific scientific methods of cognition of objective reality were applied, which include analysis, synthesis, comparative legal, formal legal approach.

The Results of the Study confirm that the current system of administrative liability requires modernization. The implementation of the measures proposed by the author (penalty points, violator registry, tightening requirements for persons who have received the right to drive a vehicle for the first time) will allow: to reduce the number of violations; to increase the efficiency of punishment enforcement through automated control; to improve the legal

culture of persons driving vehicles through prevention and educational programs. It is advisable to direct further research to the analysis of the impact of autonomous vehicles on law enforcement practice and the development of liability mechanisms for violations with the participation of generative neural networks.

Findings and Conclusions. Administrative liability of citizens driving vehicles is characterized by significant features determined by the specifics of administrative offenses in the sphere of BDIETS, as well as a special procedure for their qualification. In order to minimize the negative consequences caused by the commission of administrative offenses, public authorities should focus on improving such measures of administrative coercion as: administrative fine, deprivation of a special right in the form of driving vehicles, administrative arrest.

Keywords: Administrative and legal status, administrative offence, administrative liability, vehicle, vehicle management, safety of traffic and operation of vehicles, road traffic, traffic regulations

For citation: Lapov, I. N. Osobennosti administrativnoj otvetstvennosti grazhdan, imeyushchih special'noe pravo na upravlenie transportnymi sredstvami [Peculiarities of administrative responsibility of citizens with a special right to motor drive vehicles]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no 2 (113), pp. 52–64.

Административно-правовой статус граждан – часть их общего правового статуса. Он определяется тем положением, которое занимают граждане в политической, социально-экономической и культурной жизни страны, в сфере управления государственными и общественными делами [1, с. 13]. По мнению В. В. Шаргородского «Когда физическое лицо приобрело статус личности, а затем и гражданина, к ним добавляется третий элемент административно-правового статуса – специальный» [2, с. 84]. Специальным административно-правовым статусом наделены отдельные группы граждан, занимающие определенное положение в обществе или граждане, обратившиеся к государству за расширением прав и обязанностей [3, с. 184]. Административно-правовой статус включает в себя три основных элемента: права, обязанности и ответственность. В рамках данной статьи рассматриваются правовые особенности реализации института административной ответственности в отношении граждан, имеющих специальное право на управление ТС при совершении ими противоправных деяний в области обеспечения БДиЭТС.

В научной литературе существуют различные подходы к определению сущности административной ответственности. Так, Е. В. Шаназарова и Д. С. Иванов трактуют ее, как обязанность правонарушителя претерпевать негативные последствия совершенного противоправного деяния, подчеркивая при этом судебный порядок применения принудительных мер воздействия [4, с. 219]. Однако данный подход представляется неполным, поскольку в соответствии с положениями главы 23 Кодекса

Российской Федерации об административных правонарушениях¹ административно-юрисдикционные полномочия принадлежат не только судебным органам, но и широкому кругу уполномоченных органов исполнительной власти и их должностных лиц (органы внутренних дел (полиция), органы и учреждения уголовно-исполнительной системы, налоговые органы и т. д.). Более комплексное понимание административной ответственности предлагается в работах К. С. Бельского [5, с. 12–13] и М. Е. Труфанова, которые рассматривают административную ответственность, как реакцию «...государства на наиболее общественно вредные и даже опасные формы противоправного поведения, посягающие на наиболее значимые интересы личности, общества и государства...» [6, с. 558]. Такой подход позволяет учитывать как карательную, так и превентивную функцию данного правового института.

Административно-правовые способы реализации прав граждан на управление ТС условно можно условно разделить на несколько этапов:

- 1) оформление волеизъявления на реализацию права на управление ТС и получение документа, подтверждающего право на управление ТС;
- 2) получение разрешения на прохождение испытаний, связанных с обретением права на управление ТС;
- 3) документальное подтверждение успешного прохождения всех испытаний, связанных с обретением права на управление ТС (например, экзаменационного листа);
- 4) документальное подтверждение наличия специального права на управление ТС (например, водительского удостоверения);
- 5) восстановление права на управление ТС, утраченного в связи с необходимостью замены документа, подтверждающего право на управление ТС («позитивная» коррекция);
- 6) восстановление права на управление ТС, утраченного по решению вступившего в законную силу суда в результате внесения административно-юрисдикционных изменений в элементы административно-правового статуса лица, управляющего ТС, в связи с совершением им грубого административного правонарушения в области БДиЭТС («негативная» коррекция).

Разрешение на совершение тех или иных действий имеет важное значение в реализации гражданином права на управление ТС. Разрешительный порядок, считает А. В. Корепина, «предполагает необходимость получения гражданином разрешения уполномоченного органа исполнительной власти на совершение определенных действий, лежащих в основе реализации конкретного права» [7, с. 90] – права на управление тем или иным видом ТС, которое может иметь различную форму: водительского удостоверения, свидетельства на право управления самолетом (пилота-любителя, коммерческого пилота, линейного пилота и др.), удостоверения на право управления судном, удостоверения тракториста-машиниста (тракториста), свидетельства, подтверждающего право на управление курсирующими по

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : КоАП : принят Гос. Думой 20 декабря 2001 г. : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 19.01.2025).

железнодорожным путям локомотивом, мотор-вагонным подвижным составом и (или) специальным самоходным подвижным составом и др. Только после получения такого разрешения гражданин вправе перейти к следующему этапу реализации своего права на управление ТС. Специальными уполномоченными государством органами, действующими в данной сфере, являются: МВД России, МЧС России, Минобороны России, Минтранс России, Минсельхоз России и др. В их компетенцию входит выдача гражданам, допущенным к испытаниям на право управления ТС и успешно их выдержавшим, специальных разрешений на право управления различными видами ТС (автомобиль, подвижной состав, самолет, судно, трактор и др.).

Таким образом, гражданин, изъявивший желание на получение документа, подтверждающего право на управление ТС, может воспользоваться своим правом после волеизъявления, прохождения необходимых административных процедур (обучения (стажировки), медосвидетельствования, оплаты государственной пошлины, сдачи квалификационных экзаменов) и получения разрешения специального уполномоченного государством органа. Такой порядок, ограничивающий права и свободы гражданина, связан с тем, что управление любым ТС, являющимся источником повышенной опасности, создает реальную угрозу жизни, здоровью и имуществу участников движения и эксплуатации ТС.

Восстановительный порядок предполагает возможность гражданина обратиться в государственные органы с заявлением (например, в случае порчи или утраты удостоверения, подтверждающего право гражданина на управление ТС), жалобой за защитой в случае нарушения, по мнению гражданина, его прав, связанных с имеющимися ограничениями на управление ТС. Возможность административного обжалования действий (решений) должностных лиц, нарушающих, по мнению гражданина, его право на управление ТС, закрепляется в федеральных законах. Восстановление права гражданина на управление ТС осуществляется в рамках административно-правовых отношений, возникающих в связи с разрешением его заявлений и жалоб. Данный порядок позволяет разрешить административно-правовой спор в рамках действующего законодательства. Кроме того, за восстановлением своего права на управление ТС гражданин вправе обратиться в суд.

Однако в сфере государственного управления гражданин, обладающий правом на управление ТС, не только реализует свое право, но и выполняет возложенные в связи с предоставленным правом обязанности. Как отметила Ц. А. Ямпольская: «Если право реализуются гражданином в соответствии с его волей и желанием, то обязанность должна быть реализована непременно, так как это мера должного поведения гражданина, за неисполнение которой законом предусмотрены меры государственного воздействия» [8, с. 31].

Наличие у граждан административной правоспособности и административной дееспособности – необходимое условие выполнения ими возложенных на них обязанностей, связанных с управлением ТС. Основная работа по обеспечению надлежащего выполнения гражданами, обладающими правом на управление ТС, своих обязанностей лежит на специальных уполномоченных государством контролирующих и надзирающих органах, таких, как: МВД России, МЧС России, Минобороны России,

Минтранс России, Минсельхоз России в лице подведомственных им органов и Генпрокуратура России в лице подчиненных органов прокуратуры.

В российском законодательстве на гражданина, допущенного к управлению ТС, государством возлагаются обязанности в виде запретов на совершение противоправных действий (бездействий) в сфере БДиЭТС. Большинство таких норм содержится в актах, устанавливающих административную ответственность граждан в области дорожного движения (глава 12 КоАП РФ). А. В. Корепина считает, что «законодатель, формулируя в административно-правовых актах запрещающие нормы, имеет своей целью не допустить совершения гражданами административных правонарушений» [7, с. 111]. Так, запрещается управление ТС водителем, находящимся в состоянии опьянения, и передача управления ТС лицу, находящемуся в состоянии опьянения (п. 2.7. Правил дорожного движения РФ² (далее – ПДД, Правила дорожного движения), ст. 12.8 КоАП РФ). Обязанность гражданина, имеющего право на управление ТС, состоит в соблюдении установленных законом запретов. Например, для предупреждения нарушений в сфере безопасности дорожного движения (далее – БДД) водитель, управляющий ТС, обязан «По требованию должностных лиц, уполномоченных на осуществление федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения, проходить освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения» (п. 2.3.2. ПДД).

Органы законодательной и исполнительной власти при помощи убеждения и принуждения обеспечивает надлежащее поведение граждан, допущенных к управлению ТС. По мнению Л. В. Карнаушенко: «Государственное принуждение выступает гарантом реализации закрепленных в законодательстве прав и свобод индивидов, а также обязанностей и соблюдения запретов» [9, с. 314]. В зависимости от отрасли права выделяют уголовно-правовое, гражданско-правовое, дисциплинарное и административное виды принуждения. Неисполнение гражданами, управляющими ТС, возложенных на них обязанностей в сфере БДиЭТС, может выражаться в нарушении действующего законодательства (например, управление ТС водителем, не имеющим при себе документов, предусмотренных ПДД – ст. 12.3 КоАП РФ) или в уклонении от его исполнения (например, несоблюдение требований об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев ТС – ст. 12.37 КоАП РФ).

В случае нарушений гражданами, допущенными к управлению ТС, административно-правовых запретов и предписаний специальными уполномоченными государством органами к ним применяются такие меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, как: доставление, административное задержание, досмотр ТС, отстранение от управления ТС, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и другие. Применение указанных мер «объективно определяет необходимость самостоятельной и быстрой реакции соответствующих должностных лиц на административные правонарушения, оперативного

² О Правилах дорожного движения : постановление Совета Министров – Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/ (дата обращения: 19.01.2025).

использования ими государственно-властных полномочий» [10, с. 71], позволяя прекратить противоправное деяние и создать условия для привлечения виновных лиц к ответственности.

В связи с тем, что количество правонарушений, допущенных гражданами в области дорожного движения, в разы превосходят количество правонарушений, допущенных ими в других сферах, связанных с БДиЭТС, приведем статистические данные, приведенные Научным центром БДД МВД России [11]. Так, в 2023 году количество возбужденных дел об административных правонарушениях (далее – АП) в сфере БДД составило 240,1 млн; 2022 – 204,1 млн; 2021 – 182,9 млн; 2020 – 167,2 млн; 2019 – 145,2 млн. Абсолютное большинство нарушений установлено посредством комплексов фотовидеофиксации. В 2023 году пресечено более 440 тыс. административных правонарушений (далее – АП), связанных с управлением ТС с признаками опьянения; в 2022 г. – 473 637; в 2021 г. – 481 537; в 2020 г. – 482 255, в 2019 г. – 481 211. По фактам выезда в нарушение ПДД на полосу, предназначенную для встречного движения, в 2023 году возбуждено 841,4 тыс. (+ 23,9 %) дел об АП, более половины из которых (53 %) выявлено и пресечено непосредственно сотрудниками полиции. В 2023 году сохранилась тенденция к увеличению количества дел об АП, возбужденных по фактам превышения установленной скорости движения ТС. Всего возбуждено 181,7 млн таких дел. Основными видами административных наказаний, назначенных по итогам рассмотрения дел об АП в сфере БДД, в 2023 году стали:

- административный штраф – 238,3 млн раз;
- предупреждение – 379,6 тыс. раз;
- лишение права управления ТС – 340,7 тыс. раз;
- административный арест – 126,3 тыс. раз.

На протяжении нескольких лет мы наблюдаем приоритет государства в повышении санкций за грубые административные правонарушения, усиление которых, по мнению законодателя, оказывает существенное влияние на обеспечение безопасности граждан. Кроме того, в области профилактики правонарушений государство уделяет повышенное внимание применению технических средств – фотовидеофиксации административных правонарушений, в том числе при помощи биометрических камер и нейросетей.

Как мы видим, процессуальный порядок применения мер административной ответственности наступает с момента совершения гражданином административного проступка и включает в себя: привлечение к административной ответственности (начинается с момента оформления административного материала, применения мер процессуального обеспечения и предназначен для установления всех обстоятельств правонарушения); установление административной ответственности (заключается в составлении протокола об АП или вынесении постановления по делу об АП); возложение административной ответственности («заключается в практической реализации административного взыскания, назначенного гражданину» [12, с. 82]) и контроль за исполнением постановлений о назначении административных наказаний.

В процессе исполнения протокола об АП или постановления по делу об АП лицо, совершившее административный проступок, фактически претерпевает лишения и ограничения личного, морального или материального характера, то есть несет административную ответственность. Вместе с тем, следует обратить внимание на то обстоятельство, что в соответствии с российским законодательством административная ответственность, связанная с исполнением самого распространенного административного наказания – административного штрафа, наступает не сразу, а в течение шестидесяти дней со дня получения постановления при отсутствии обжалования (ст. 32.2 КоАП РФ). После истечения указанного срока информация о нарушении поступает в ФССП России, где возбуждается исполнительное производство, в ходе которого должнику при задолженности свыше тридцати тысяч рублей может быть ограничен выезд за границу (ст. 67 Федерального закона № 229-ФЗ³, далее – Закон № 229-ФЗ), установлены временные ограничения на пользование специальным правом «в виде права управления ТС (автомобильными ТС, воздушными судами, судами морского, внутреннего водного транспорта, мотоциклами, мопедами и легкими квадрициклами, трициклами и квадрициклами, самоходными машинами)» (ст. 67 Закона № 229-ФЗ) и (или) наложен арест на его банковские счета (ст. 81 Закона № 229-ФЗ). С 1 января 2025 года в соответствии со ст. 32.2 КоАП РФ размер штрафа уменьшается на двадцать пять процентов при его оплате в течение тридцати дней. Срок давности исполнения постановления о назначении административного наказания в виде штрафа составляет два года (ст. 31.9 КоАП РФ). Кроме того, при уклонении от уплаты штрафа в отношении должника оформляется административный материал по ст. 20.25 КоАП РФ, согласно которой должнику грозит наложение административного штрафа в двукратном размере, но не менее одной тысячи рублей, либо административный арест до пятнадцати суток, либо обязательные работы до пятидесяти часов. Для сравнения, во многих странах Европейского Союза (далее – ЕС) при оплате штрафа в тот же день его размер уменьшается в два раза, а при просрочке штрафа, которая составляет шестьдесят дней, размер штрафа увеличивается более чем на пятьдесят процентов. И если раньше долги за штрафы в ЕС через десять лет списывали, то в настоящее время они загружаются в единый Реестр нарушителей правил дорожного движения.

Также необходимо отметить, что в некоторых странах ЕС, например в Германии, наряду с денежными штрафами применяется система штрафных баллов. Так, при превышении скорости от 21 до 25 км/ч помимо штрафа в 115/100 евро (в населенном пункте/за пределами населенного пункта) начисляется по два балла за каждый порог превышения; за управление ТС в состоянии опьянения (от 0,5 до 1,09 промилле) – штраф от 500 до 1500 евро (сумма штрафа зависит от количества промилле и количества таких нарушений), запрет на управление ТС (от одного до трех месяцев) и два балла; за управление ТС в состоянии опьянения (более 1,1 промилле) в

³ Об исполнительном производстве : Федер. закон № 229-ФЗ : принят Гос. Думой 14 сентября 2007 г. : одобрен Советом Федерации 19 сентября 2007 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/ (дата обращения: 19.01.2025).

соответствии с параграфом 316 Уголовного уложения Федеративной Республики Германия грозит лишение права управления ТС, тюремное заключение или штраф и три балла [13]. По достижении максимального количества штрафных баллов, удостоверение, подтверждающее право на управление ТС, аннулируется на срок до шести месяцев [14].

Закрепляя за гражданином, совершившим АП, обязанность подчиниться требованиям уполномоченного на то органа или должностного лица, законодательство одновременно предоставляет ему необходимые средства защиты. В частности, при привлечении к административной ответственности гражданину должны быть разъяснены его права и обязанности, предусмотренные КоАП РФ (ст. 25.1). При этом права, которыми гражданин наделяется в процессе реализации административной ответственности играют существенное значение при рассмотрении вопросов защиты его специального административно-правового статуса.

Таким образом, в результате научно-технического прогресса, обусловленного развитием генеративных нейросетей и увеличением количества потребления электроэнергии, используемых в различных сферах жизнедеятельности людей, в том числе при производстве аккумуляторных батарей, обеспечивающих питание для двигателей ТС (электрический автотранспорт, электропоезд, электропогрузчики, средства индивидуальной мобильности (электросамокаты, электроскейтборды, моноколеса, инвалидные коляски с электроприводом и прочие)), гибридные автомобили и др.), в последние годы в России, как и во всем мире, наблюдается рост автомобилизации и постепенное повышение уровня автономности ТС, что в сочетании с низкой правовой культурой граждан, управляющих ТС, влечет за собой увеличение количества совершаемых административных правонарушений в сфере БДД, неэффективную организацию дорожного движения, несоответствие законодательства реальным условиям движения и эксплуатации ТС. В этой связи профессор В. И. Майоров отметил: «В таких условиях совершенствование административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения является одной из актуальных проблем юридической науки и практики» [15, с. 416].

Для решения вышеизложенных проблем, связанных с БДиЭТС, по мнению автора необходимо:

1. В качестве дополнительного вида наказания ввести систему начисления штрафных баллов за совершение гражданином, управляющим ТС, грубого нарушения ПДД.

При достижении максимально допустимого предела количества штрафных баллов лишать граждан права на управление ТС с последующим направлением на обязательные платные специализированные государственные курсы, прохождением государственного медико-психологического обследования, платной сдачей в государственных органах теоретического и практического квалификационных экзаменов. Меры аналогичного характера предусмотреть и для граждан, привлеченных к ответственности за управление ТС в состоянии опьянения.

2. Создать Реестр неблагонадежных водителей ТС, позволяющий принимать к таким нарушителям меры оперативного реагирования, вплоть до лишения права на

управление ТС и конфискации ТС, предусмотрев порядок исключения из названного реестра граждан, вставших на путь исправления.

3. За совершение гражданином грубого нарушения ПДД ввести временный запрет на управление ТС на срок от одного до трех месяцев, с последующим направлением виновного на обязательные платные специализированные курсы, медико-психологическое обследование и платную сдачу экзамена на знание Правил дорожного движения.

4. Установить для граждан, впервые получивших право на управление ТС:

4.1. испытательный срок управления ТС от трех до шести месяцев, предусмотрев его продление или лишение права на управление ТС в случае нарушений ПДД;

4.2. «нулевой порог» веществ, содержащих этиловый спирт и вызывающих алкогольное опьянение, в том числе препаратов (веществ)⁴, не содержащих в себе этиловый спирт, но способных оказать дезориентирующее воздействие на водителя, ухудшить его внимание и реакцию.

5. Предусмотреть гражданскую, административную и уголовную ответственность владельцев ТС, управляемых генеративными нейросетями (при помощи автопилотирования), за допущенные нарушения в области БДиЭТС.

6. С учетом активного развития и увеличения количества средств индивидуальной мобильности и велосипедов, передвигающихся по дорогам общего пользования, предусмотреть их постановку на учет с выдачей регистрационных документов и государственных регистрационных знаков и прохождение гражданами, управляющими ими, специализированного обучения, сдачу экзаменов и получение удостоверения.

На наш взгляд перечисленные меры позволят эффективно повлиять на безответственных граждан, управляющих ТС, не имеющих соответствующих знаний и навыков или не соблюдающих правил БДиЭТС (имеющих низкую правовую культуру), что влечет за собой возникновение негативных последствий, связанных с угрозой жизни и здоровью граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Братановский, С. Н., Братановская, М. С. Особенности административно-правового статуса граждан в отдельных отраслях государственного регулирования (на примере физической культуры и спорта) // Вестник Евразийской академии административных наук. Волгоград, 2015. № 3 (32). С. 13–21.

2. Шаргородский, В. В. Понятие и содержание административно-правового статуса участников дорожного движения // Вестник Воронежского института МВД России. Воронеж, 2009. № 4. С. 82–86.

3. Лапов, И. Н. Генеалогия административно-правового статуса // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория

⁴ По делу о проверке конституционности примечания к статье 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом саляхадского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2022 г. № 51-П // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_432443/ (дата обращения: 19.01.2025).

и практика: Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 9 июня 2023 года. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2023. С. 183–187.

4. Шаназарова, Е. В., Иванов, Д. С. Правовое регулирование административно-правового статуса гражданина Российской Федерации // *Modern Science*. Москва, 2021. № 2–1. С. 218–220.

5. Бельский, К. С. Административная ответственность: генезис, основные признаки, структура // *Государство и право*. Москва, 1999. № 12. С. 12–20.

6. Труфанов, М. Е. Базовая триада признаков в определении административной ответственности // *Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика: Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 9 июня 2023 года*. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2023. С. 556–561.

7. Корепина, А. В. Административно-правовой статус гражданина Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 174 с.

8. Ямпольская, Ц. А. Субъекты Советского административного права: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1958. 38 с.

9. Карнаушенко, Л. В. История политических и правовых учений: учебник / Л. В. Карнаушенко. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2024. 404 с.

10. Правовые основы обеспечения общественного порядка: учеб. пособие / В. В. Лазарев, Л. Л. Попов, Л. А. Розин. Акад. МВД СССР. М.: Акад. МВД СССР, 1987. 73 с.

11. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения... информационно-аналитический обзор / К. С. Баканов, П. В. Ляхов, М. М. Исаев и др. Министерство внутренних дел Российской Федерации, Научный центр безопасности дорожного движения. ... в 2023 году. М.: НИЦ БДД МВД России, 2024. 120 с.

12. Бахрах, Д. Н. Административная ответственность : учеб. пособие. М., 1999, 110 с.

13. Thomas, R. Drogen und Alkohol am Steuer / Bußgeldkatalog : сайт. URL: <https://www.bussgeldkatalog.org/alkohol-drogen/> (дата обращения: 19.01.2025).

14. Thomas, R. Punkte in Flensburg: Wissenswertes zum Punktesystem in Deutschland / *Mobilitätsmagazin* : сайт. URL: <https://www.bussgeldkatalog.org/punkte-flensburg/> (дата обращения: 19.01.2025).

15. Майоров, В. И. Проблема совершенствования административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения // *Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвящённой памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения*, Санкт-Петербург, 25 марта 2022 года. СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России. 2022. С. 416–425.

REFERENCES

1. Bratanovskij, S. N., Bratanovskaya, M. S. Osobennosti administrativno-pravovogo statusa grazhdan v otdel'nyh otraslyah gosudarstvennogo regulirovaniya (na primere fizicheskoy kul'tury i sporta) [Features of the administrative-legal status of citizens in certain

branches of state regulation (on the example of physical culture and sports)]. Vestnik Evrazijskoj akademii administrativnyh nauk – Vestnik of the Eurasian Academy of Administrative Sciences. Volgograd, 2015, no 3(32), pp. 13-21.

2. Shargorodskij, V. V. Ponyatie i sodержanie administrativno-pravovogo statusa uchastnikov dorozhnogo dvizheniya [Concept and content of the administrative-legal status of road users]. Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, 2009, no 4, pp. 82-86.

3. Lapov, I. N. [Genealogy of the administrative-legal status]. Administrativno-pravovoe regulirovanie pravookhranitel'noj deyatel'nosti: teoriya i praktika: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Krasnodar, 09 iyunya 2023 goda. [Administrative and legal regulation of law enforcement activities: theory and practice: Materials of the International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, June 09, 2023]. Krasnodar, 2023, pp. 183-187.

4. Shanazarova, E. V., Ivanov, D. S. Pravovoe regulirovanie administrativno-pravovogo statusa grazhdanina Rossijskoj Federacii [Legal regulation of the administrative and legal status of a citizen of the Russian Federation]. Modern Science, Moscow, 2021, no 2-1, pp. 218-220.

5. Bel'skij, K. S. Administrativnaya otvetstvennost': genezis, osnovnye priznaki, struktura [Administrative responsibility: genesis, main features, structure]. Gosudarstvo i pravo - State and Law, Moscow, 1999, no. 12, pp. 12-20.

6. Trufanov, M. E. [Basic triad of features in determining administrative responsibility]. Administrativno-pravovoe regulirovanie pravookhranitel'noj deyatel'nosti: teoriya i praktika: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Krasnodar, 09 iyunya 2023 goda. [Administrative and legal regulation of law enforcement activities: theory and practice: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, June 09, 2023]. Krasnodar, 2023, pp. 556-561.

7. Korepina, A. V. Administrativno-pravovoj status grazhdanina Rossijskoj Federacii: diss. ... kand. yurid. Nauk [Administrative and legal status of a citizen of the Russian Federation: abstract of the dissertation of the candidate of juridical sciences]. Moscow, 2001, 174 p.

8. Yampol'skaya, C. A. Sub"ekty Sovetskogo administrativnogo prava: avtoref. diss. ... d-ra yurid. Nauk [Subjects of Soviet administrative law: abstract of the dissertation of the doctor of juridical sciences]. Moscow, 1958, 38 p.

9. Karnaushenko, L. V. Istoriya politicheskikh i pravovyh uchenij: uchebnik [History of political and legal doctrines: textbook]. Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii – Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024, 404 p.

10. Lazarev, V. V., Popov, L. L., Rozin, L. M. Pravovye osnovy obespecheniya obshchestvennogo poryadka: ucheb. posobie [Legal foundations of ensuring public order]. Moscow, 1987, 73 p.

11. Bakanov, K. S., Lyahov, P. V., Isaev, M. M. i dr. Pravoprimeritel'naya deyatel'nost' v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v 2023 godu: informacionno-analiticheskij obzor [Law enforcement activities "NC BDD MVD Rossii" – Federal Government Institution "Research Center for Road Traffic Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia", 2024, 120 p.

12. Bahrah, D. N. Administrativnaya otvetstvennost' [Administrative responsibility]. Moscow, 1999, 110 p.

13. Thomas, R. Drogen und Alkohol am Steuer [Elektronnyj resurs] // Mobilitätsmagazin – URL: <https://www.bussgeldkatalog.org/alkohol-drogen/> (date of address: 19.01.2025).

14. Thomas, R. Punkte in Flensburg: Wissenswertes zum Punktesystem in Deutschland [Elektronnyj resurs] // Mobilitätsmagazin – URL: <https://www.bussgeldkatalog.org/punkte-flensburg/> (date of address: 19.01.2025).

15. Majorov, V. I. [The Problem of Improving Administrative Liability for Offenses in the Field of Road Traffic] Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava (Sorokinskie chteniya): sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchyonnoj pamyati doktora yuridicheskikh nauk, professora, zaslužennogo deyatelya nauki Rossijskoj Federacii, zaslužennogo yurista Rossijskoj Federacii Avrutina Yuriya Efremovicha v svyazi s 75-letiem so dnya rozhdeniya, Sankt-Peterburg, 25 marta 2022 goda [Actual Problems of Administrative and Administrative-Procedural Law (Sorokin Readings): a collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference dedicated to the memory of Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation Yuri Efremovich Avrutin in connection with the 75th anniversary of his birth, St. Petersburg, March 25, 2022]. St. Petersburg, 2022, pp. 416-425.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лапов Иван Николаевич, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки. Краснодарский университет МВД России. 350005, Краснодар, улица Ярославская, 128.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lapov Ivan Nikolaevich, senior lecturer of the Department of Tactical and Special Training. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 350005, Krasnodar, Yaroslavskaya str., 128.

Статья поступила в редакцию 04.02.2025; одобрена после рецензирования 04.03.2025; принята к публикации 25.04.2025.

The article was submitted 04.02.2025; approved after reviewing 04.03.2025; accepted for publication 25.04.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 2 (113). С. 65–73.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no. 2 (113). Pp. 65–73.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.241

ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФЕНОМЕНА ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА И ЕГО ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ

Акименко Павел Александрович

Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, pochnoy_patrul@mail.ru

Введение. Статья посвящена исследованию вопроса появления такого феномена как изоляция от общества и его основным характерным признакам, составляющим сущность данного философско-правового явления. В ней проводится ретроспективный анализ трансформации наказания в виде изоляции от общества для людей, совершивших наиболее тяжкие преступления, в процессе его эволюционирования, начиная с обычая кровной мести, последующего появления изгнания в первобытно-общинном строе до современной формы в виде лишения свободы.

Материалы и методы. Материалами послужили труды знаменитых философов и правоведов, иная научная литература. В ходе исследования применены диалектический, исторический, сравнительно-правовой методы познания, использованы приемы анализа и синтеза, дедукции и индукции.

Результаты исследования позволили раскрыть на примере обычаев разных народов особенности применения изгнания к людям, совершившим наиболее тяжкие преступления, и наступившие в связи с этим последствия для них самих и их близких родственников.

Выводы и заключения. Проведенное исследование привнесло понимание сущности самого процесса трансформации наказания за наиболее тяжкие преступления и появление оснований для возникновения со временем такого его вида как изоляция от общества, а также получен результат анализа его характерных признаков.

Ключевые слова: наказание, изоляция от общества, кровная месть, изгнание, свобода, ответственность, обычай

Для цитирования. Акименко, П. А. Особенности возникновения феномена изоляции от общества и его основные характерные признаки // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 65–73.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

PECULIARITIES OF THE EMERGENCE OF THE PHENOMENON OF ISOLATION FROM SOCIETY AND ITS MAIN CHARACTERISTIC FEATURES

Pavel A. Akimenko

Scientific Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, nochnoy_patrul@mail.ru

Introduction. The article is devoted to the study of the issue of the emergence of such a phenomenon as isolation from society and its main characteristic features, which constitute the essence of this philosophical and legal phenomenon. It provides a retrospective analysis of the transformation of punishment in the form of isolation from society for people who have committed the most serious crimes in the process of its evolution, starting with the custom of blood feud, the subsequent appearance of exile in the primitive communal system to the modern form of imprisonment.

Materials and Methods. The materials were the works of famous philosophers and jurists, and other scientific literature. In the course of the research, dialectical, historical, comparative legal methods of cognition were applied, methods of analysis and synthesis, deduction and induction were used.

The Results of the Study using the example of the customs of different peoples, they allowed us to reveal the specifics of the application of exile to people who have committed the most serious crimes, and the consequences that this has caused for themselves and their close relatives.

Findings and Conclusions. The conducted research brought an understanding of the essence of the process of transformation of punishment for the most serious crimes and the emergence of grounds for the emergence of such a type of isolation from society over time, as well as the result of an analysis of its characteristic features.

Keywords: punishment, isolation from society, blood feud, exile, freedom, responsibility, custom

For citation: Akimenko, P.A. Osobennosti vozniknoveniya fenomena izolyacii ot obshchestva i ego osnovnye harakternye priznaki [Peculiarities of the emergence of the phenomenon of isolation from society and its main characteristic features]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no.2 (113), pp. 65–73.

Рассмотрение природы феномена изоляции от общества в силу разнообразия причин и условий невозможно без глубокого анализа сущностных особенностей и явлений, составляющих философско-правовую материю применительно к рассматриваемой проблематике, антропологических особенностей

эволюционирования человеческого общества с учетом специфики комбинирования разных подходов, свойственных известным типам правопонимания. При этом целесообразно использовать социально-нравственный инструментарий дабы как можно лучше исследовать указанный феномен.

Как известно, неисполнение установленных правовых предписаний, которые на первоначальном этапе развития общества могут быть выражены в форме обычаев, традиций, обрядов, а впоследствии – законодательных актов, влечет за собой ту или иную меру ответственности в виде определенного и строго установленного вида наказания. При этом важно отметить, что право наказания не является правом одного, а всех граждан или суверена. Так, отдельный гражданин может отказаться только от принадлежащей ему части права, но он не может сделать недействительным ту его часть, которая принадлежит другим [1, с. 340].

Необходимо учитывать, что изоляция человека от общества на всех этапах своего развития является одной из крайних форм наказания для преступника и назначается в зависимости от тяжести совершенного им противоправного деяния, но, бесспорно, за наиболее тяжкие из них.

Первоначально зададимся вопросом о том, какова же природа происхождения изоляции от общества (в контексте социальной изоляции человека) и что она, в целом, из себя представляет?

В соответствии с академическим толковым словарем по социологии: изоляция – это обособление, уединение индивидов или социальных групп и характеризуется минимум социальных контактов и максимум социальной дистанции по отношению к остальным членам общества¹.

Согласно толковому словарю С. И. Ожегова изолировать – значит отдалить от других, лишая общения с кем-то, а также лишить свободы².

Исходя из толкового словаря Д. Н. Ушакова, изоляция представляет собой разобщенность с другими, изолированное положение от других³.

Таким образом, мы видим, что изоляция человека от общества всегда связана с так называемым «отторжением» конкретного лица от определенной совокупности людей (всего общества в целом или большей его части). При этом логическим путем можно прийти к выводу о том, что изоляция бывает, как добровольной, так и недобровольной, то есть принудительной. Другими словами, изоляция от общества может быть насильственной либо ненасильственной. Не вдаваясь в исследование добровольной (ненасильственной) изоляции, которая нас в данном контексте мало интересует (в качестве яркого примера можно привести монахов-отшельников), сразу

¹ Изоляция. Толкование // Словари и энциклопедии на Академике : сайт. URL: https://sociology_dictionary.academic.ru/searchall.php?SWord=%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0%BB%D1%8F%D1%86%D0%B8%D1%8F&style=0&btype=1&p=1 (дата обращения: 15.10.2024).

² Изоляция. Толковый словарь Ожегова // Словари и энциклопедии на Академике : сайт. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/72770> (дата обращения: 15.10.2024).

³ Изоляция. Словарь Ушакова // Словарь значений слов : сайт. // URL: <https://znachenie-slova.ru/изоляция> (дата обращения: 20.05.2024).

перейдем к анализу принудительной (насильственной) изоляции человека от общества, которая, как уже было указано выше, применяется в качестве наказания за наиболее тяжкие преступления.

Рассматривая изоляцию от общества в этой плоскости, не возникает сомнения в том, что кто возмущает общественное спокойствие, кто не повинуется законам, то есть строго установленным условиям совместного общежития, совершая подобного рода деяния, тот должен быть исключен из общества, то есть изгнан. По-видимому, изгнанию должны подвергаться обвиненные в наиболее тяжких преступлениях, виновность которых весьма вероятна, но не доказана безусловно. Но для этого необходим закон, исключающий всякий произвол и возможно более точный нежели обычай. Этот закон осуждал бы на изгнание того, кто поставит нацию перед роковым выбором: или ей испытывать страх перед ним, или же заставить его самого страдать, не лишая, однако, связанного права доказывать свою невиновность. При этом должны быть более важные основания для изгнания соотечественника, чем иностранца, для изгнания впервые обвиненного, чем обвинявшегося несколько раз [1, с. 297-299].

С целью лучшего понимания самого процесса совершенствования формы, в которую облекается изоляция от общества, обратимся к научной позиции, изложенной во взглядах Ф. К. Савиньи, согласно которой право в своем историческом развитии проходит три этапа. Первоначально право возникает в сознании народа как «природное право». Это право всегда имеет национальную специфику, подобно языку и политическому устройству любого народа. Являясь простым по своему содержанию, это право реализуется при помощи очень наглядных символических действий, которые выступают основанием возникновения и прекращения правоотношений. С развитием народной культуры усложняется и право, оно начинает обособленно жить в сознании юристов – так появляется научное право. Юристы выступают не творцами права, а лишь выразителями народного духа. Они вырабатывают юридические понятия, обобщая то, что уже возникло на практике. Последний этап в развитии права – это стадия законодательства. При этом юристы подготавливают законопроекты, облекая в форму статей закона то, что уже произведено народным духом [2, с. 372].

Таким образом, изоляция преступника от общества изначально использовалась в качестве наказания за строго определенные наиболее общественно опасные противоправные деяния на основе неписанного обычая (традиции), выработанного как норма поведения в связи с накопленным опытом общежития на протяжении длительного эволюционного пути развития человечества, а затем уже при возникновении государства в ходе сложного законотворческого процесса была облечена в форму уголовного закона.

Представляется, что в самом начале изоляция отдельного индивида от общества (в то время определенной социальной группы – общины) зародилась на историческом этапе возникновения первобытно-общинного строя, где таким образом за наиболее опасное девиантное поведение наказывался человек (соплеменник). Данный вид наказания со временем заменил собой причинение смерти в результате кровной мести и следовал только за самые тяжкие, если их так назвать применительно к тому историческому этапу, преступления. Вне общины человеку выжить было практически

невозможно, исходя из того уровня развития производственных сил. Поэтому указанный вид наказания почти гарантированно обрекал нарушителя на верную смерть, поскольку человек один на один оставался с окружающим его агрессивным миром без каких-либо средств для выживания, а главное без взаимной помощи и так называемой правовой защиты со стороны своей общины применительно к существовавшей на том историческом этапе специфике правосознания. В связи с чем совершенно справедливым для того времени является утверждение М. Т. Цицерона о том, что вне семьи, гражданской общины, государства люди существовать не могут [2, с. 57-58].

У разных народов в исторической ретроспективе существует множество наглядных тому примеров. Приведем лишь некоторые из них.

Так, род является первоначальной ячейкой правовой защиты и представляется замкнутой средой, объединенной взаимной порукой кровной мести. Здесь каждый отвечает за всех и все за каждого.

При этом род имеет и другую – внутреннюю сторону. Это «замиренная среда». Она характеризуется тем, что здесь нет ни правовых отношений, ни правовой защиты. Это область первобытной нравственности. Предполагается, что здесь не может происходить никаких грубых нападений друг на друга, так как и экономические условия, и брачные также, как и семейные отношения, не дают для этого никаких поводов.

У древних римлян и германцев, также как у скандинавов, убийцы своих родичей изгонялись из рода. Общее мнение уподобляло их волкам, бродячим в одиночестве, которых каждый мог убить безнаказанно.

Старое русское право знает подобного рода людей, исключенных из родового общества за совершенные ими преступления. Это так называемые «изгои».

Древнее исландское право устанавливает подобное наказание (в сборнике Грагас) за тяжелые преступления. Замечательно, что здесь мы встречаем уже ссылку в качестве некоторым образом следующей ступени смягчения – изгнания. Согласно обычаям Грагаса: «Изгнанник отлучен от церкви и выброшен из общества. Имущество его конфисковано, брак расторгнут, и личность его ничем не защищена от нападения первого встречного (охелги). Никто не вправе дать ему убежище или способствовать побегу его за границу. Даже за границей всякий исландец может безнаказанно убить его. Ему остается скитаться в лесу или на горе и сделаться обезьяною, пока ни не умрет от нищеты или пока не падет под ударами своих преследователей».

Сам изгнанник мог убить другого изгнанника и тогда он получал смягчение своего наказания, которое превращалось на первый раз в вечную ссылку, а потом – в срочную ссылку. За третьим убийством изгнанника следовало полное помилование. Этим же способом друзья или родные изгнанника могли облегчить его участь, представив, куда следует, голову другого проскрипта.

Кровному возмездию подлежит вся семья виновного заодно с ее имуществом, движимым и недвижимым. Но во всяком случае, и это уже громадный прогресс, – родичи отказываются от непосредственной мести и сохраняют преступнику жизнь. Известным вознаграждением за этот отказ здесь является присвоение определенной

части имущества изгнанного оставшимися на месте членами рода. Еще один шаг вперед достигается назначением известного срока изгнания и, наконец, разрешением ему пребывать среди своих соплеменников в качестве отверженного, обозначенного позорным знаком – повязки из камней, которую абреки носят на Кавказе.

Переход от изгнания к каким-нибудь иным способам возмездия, заменяющим собой частную войну, был возможен только при наличии каких-то третьи лиц, посредников или третейских судей, которые являются в истории права следующей ступенью после прямой родовой мести [3, с. 62-67].

Поэтому не вызывает сомнений то обстоятельство, что изоляция правонарушителя от общества (его изгнание) была относительно гуманнее, чем та же казнь на глазах у соплеменников, поскольку в последнем случае это еще и воспринималось в качестве «позора» для членов его семьи (рода). При этом представляется, что такое изгнание в какой-то исторический момент времени эволюции социума заменило варварский обычай всем известной кровной мести (талион), которая могла длиться бесконечно долго и тем самым поставить под угрозу существование всей общины людей в целом путем нескончаемых междоусобных расправ.

В данном случае естественное право, как и право вообще, необходимо предполагает принцип равного воздания за равное. Однако в ходе своего эволюционирования цивилизация видоизменила и смягчила грубые формы выражения талиона как принципа равного воздания за причиненное зло, но сам этот принцип присущ любому праву. При этом с точки зрения гуманизации наказания речь должна идти о поисках более точных и возможно мягких форм выражения этого эквивалента – в соответствии с исторически достигнутым реальным уровнем развития общества и его правовой культуры, характером нравов и общественного сознания, состоянием и динамикой преступности и т.д. [4, с. 629-630].

Продолжая анализ такой категории как изоляция от общества, безусловно, у разумного человека на подсознательном уровне всегда изначально существуют общие представления о естественноразумных началах, являющихся базисом для данной категории и касающихся дифференциации свободы от несвободы, добра от зла, а также справедливого от несправедливого.

Полагаем, что доминирующая причина изоляции от общества связана непосредственно с одной из обозначенных выше философских категорий как причиненное непосредственно правонарушителем потерпевшему зло. При этом в результате попытки гносеологической интерпретации, согласно превалирующей точке зрения, зло представляет собой метафизическую субстанцию, присущую самому бытию, которая наряду с понятием добра лежит в основе мироздания. В связи с чем рассмотрение субстанций зла и добра выходит за пределы исследования обозначенной тематики, поскольку только в весьма ограниченной степени связано с феноменом изоляции от общества. То же самое можно сказать и о приведенных выше категориях справедливого и несправедливого.

Продолжая рассмотрение феномена изоляции от общества, мы неизбежно сталкиваемся с тесно связанной с ней категорией свободы и соответственно ее

антиподом в виде несвободы. При этом представляется, что существование такой метафизической субстанции как свобода уже само по себе свидетельствует о ее противопоставлении несвободе, то есть применительно к данному контексту изоляции от общества. В связи с чем само осознание важности свободы воспринимается человеком как абсолютная ценность бытия, что является одной из причин страха перед возможностью ее потерять путем наложения наказания в виде изоляции от общества.

Поэтому потребность в свободе глубоко заложена в человеке, она имманентна любому виду его деятельности, связана с самой сутью природы человека как существа, свободно выбирающего между различными альтернативными моделями поведения. Совершенно верно отмечено, что человек обладает не полной, раз и навсегда обретенной свободой, а лишь определенной ее «мерой», которая является зависимой и переменной величиной [5, с. 658].

При этом важно отметить, что всякое следствие из какого-нибудь основания необходимо, и всякая необходимость есть следствие из какого-нибудь основания. Однако, если принять безразличную свободу воли, то ближайшим, само это понятие характеризующим следствием, которое поэтому надо установить в качестве его отличительного признака, явится то, что для одаренного этой волей человеческого индивидуума, при данных, вполне индивидуально и во всей полноте определенных внешних обстоятельствах одинаково возможны два диаметрально друг другу противоположных поступка.

Вместе с тем, все поступки детерминированы и никогда не бывают безразличными, ибо всегда имеется основание, склоняющее, хотя и не принуждающее, к такому, а не иному действию.

При этом наше поведение всегда касается возможности действовать согласно с волей: но это и есть с самого начала установленное нами эмпирическое, исконное и общераспространенное понятие свободы, по которому «свободный» означает «сообразный с волей». Такая свобода безусловно удостоверяется самосознанием, где самосознание свидетельствует о свободе действия при допущении хотения, тогда как здесь речь идет о свободе хотения.

Зависимость нашего поведения, т.е. наших телесных действий от нашей воли, пропускаемого через самосознание, есть не что иное, нежели независимость наших волевых актов от внешних условий, под которой понимается свобода воли и о которой самосознание ничего не может нам сообщить: она вне его компетенции, так как касается причинной связи между внешним миром (данным нам как осознание других вещей) и нашими решениями. При этом самосознание не может судить об отношении того, что лежит совершенно вне его сферы, к тому, что находится в его пределах [6, с. 50-51, 55].

В связи с чем категория свободы непосредственно связана с личностью человека, с его свободной волей, определяемой совокупностью морально-нравственных ценностей и поведенческих установок. При этом вся жизнедеятельность человека напрямую подчинена внешним обстоятельствам окружающего его мира, которые в своем комплексе в той или иной степени оказывают на него воздействие и поэтому ограничивают возможности человека в реализации желаний и следующему за этим

поведению, в результате чего человеческая воля не может быть до конца свободна, находясь в определённых границах необходимости, опосредованной окружающим его миром.

Таким образом, на основании проведенного анализа полагаем, что фактическое изгнание человека из общины, то есть его изоляция от общества, была частью ритуала, который включал в себя строгое соблюдение существовавших на определенном историческом отрезке времени обычаев и традиций, без соблюдения которых та или иная социальная группа просто была обречена на гибель, поскольку именно при помощи наказаний в общине поддерживался необходимый уровень порядка во взаимоотношениях между ее членами с целью повышения их совместной выживаемости и дальнейшего процветания рода. В процессе развития общества и соответственно общественных отношений (в дальнейшем – правоотношений) изоляция преступника от общества стала совершенствоваться и приобретать новые организационные формы, например, в виде таких наказаний как заключение в острог (крепость), а впоследствии и лишение свободы на определенный срок или бессрочно, тем самым произошел генезис самой категории изоляции от общества из социальной в правовую. Представляется, что развитие системы наказаний применительно к такому важному их составляющему виду как изоляция от общества по большому счету носило больше функциональный нежели сущностный характер, при этом в последнем случае это применимо сугубо к изучению природы данного феномена.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / библиографический очерк и перевод книги Беккариа «О преступлениях и наказаниях» проф. М. М. Исаева. Юридическое издательство НКЮ СССР. М., 1939. 464 с.
2. История политических и правовых учений : учебник для вузов. / под ред. О. Э. Лейста и В. А. Томсинова. 3-е изд., доп. М., 2009. 568 с.
3. Рейснер, М. Право : Наше право. Чужое право. Общее право / М. Рейснер. М. ; Л. : Государственное изд-во, 1925. 276 с.
4. Нерсисянц, В. С. Философия права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., Норма, 2009. 656 с.
5. Философия : учебник / под общ. ред. В. В. Миронова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 928 с.
6. Шопенгауэр, А. Свобода воли и нравственность / общ. ред., сост., вступ. ст. А. А. Гусейнова, А. П. Скрипника. М.: Республика, 1992. 448 с.

REFERENCES

1. Beccaria, C. O prestupleniyah i nakazaniyah. Bibliograficheskiy ocherk i perevod knigy Bekkaria. [About crimes and punishments. Bibliographic essay and translation of Beccaria's book]. Moscow, 1939, 464 p.
2. Leista, O. E., Tomsinova, V. A. Istoriy politicheskix i pravovykh ucheniy [The history of political and legal doctrines]. Moscow, 2009, 568 p.

3. Reisner, M.. Pravo. Nashe pravo. Chuzoe pravo. Obzee parvo. [Right. Our right. Someone else's right. Common Law]. Moscow, 1925, 276 p.
4. Nersesyants, V. S. Filosofiy prava. [Philosophy Rights]. Moscow, 2009, 656 p.
5. Mironova, V. V. Filosofiy. [Philosophy]. Moscow, 2018, 928 p.
6. Schopenhauer, A. Svoboda voli i npravstvennost'. [Freedom of will and morality]. Moscow, 1992, 448 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Акименко Павел Александрович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник. Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации. 123022, г. Москва, улица 2-я Звенигородская, 15.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Akimenko Pavel Alexandrovich, Candidate of Legal Sciences, Leading Researcher at the Scientific Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 123022, Moscow, 2 Zvenigorodskaya Str., 15.

Статья поступила в редакцию 19.02.2025; одобрена после рецензирования 19.03.2025; принята к публикации 17.04.2025.

The article was submitted 19.02.2025; approved after reviewing 19.03.2025; accepted for publication 17.04.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 2 (113). С. 74–87.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no. 2 (113). Pp. 74–87.

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Научная статья

УДК 343.98

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОПРЯЖЕННОГО С ПОЛУЧЕНИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫПЛАТ, КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Белецкая Юлия Владимировна

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация,
beletzkaya.yu@yandex.ru

Введение. В настоящей статье рассмотрен способ мошенничества при получении социальных выплат как полноструктурный элемент криминалистической характеристики. Детально проанализированы этапы совершения данного вида преступления от планирования и подготовки до сокрытия его следов. Отдельно рассмотрены способы совершения с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, которые зачастую применяются для создания ложных электронных данных, что представляет особую значимость для криминалистической диагностики в аспекте борьбы с мошенничеством.

Материалы и методы. В рамках исследования основой послужили научные статьи ученых-криминалистов, нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, решения судов общей юрисдикции по делам о мошенничестве при получении социальных выплат (ст. 159.2 УК РФ), официальные данные судебной статистики Российской Федерации, а также результаты анкетных опросов следователей и дознавателей. Использованы общенаучные методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, а также частнонаучные методы: сравнительно-правовой и формально-юридический.

Результаты исследования. В процессе анализа решений судов общей юрисдикции по делам о мошенничестве, сопряженном с получением социальных выплат (ст. 159.2 УК РФ), а также результатам анкетных опросов следователей и дознавателей установлено, что способ совершения преступления данного вида рассматривается как полноструктурная категория криминалистической характеристики, включающая подготовку, непосредственную реализацию, а также сокрытие следов преступления; показана роль рассматриваемого способа как элемента криминалистической характеристики в установлении других, непосредственно коррелирующихся с ним таких элементов, как личность преступника, используемые им орудия, а также время и место совершения преступления.

Выводы и заключения. Проведенное исследование позволило сформулировать комплексное понимание содержания способа совершения преступления с целью более эффективного раскрытия, расследования и предотвращения преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, мошенничество при получении социальных выплат, способ преступления, информационно-телекоммуникационные технологии

Для цитирования: Белецкая, Ю. В. Способы совершения мошенничества, сопряженного с получением социальных выплат, как ключевой элемент криминалистической характеристики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 74–87.

5.1.4. Criminal law sciences

Scientific article

METHODS OF FRAUD RELATED TO RECEIVING SOCIAL BENEFITS AS A KEY ELEMENT OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS

Yulia V. Beletskaya

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation, beletzkaya.yu@yandex.ru

Introduction. In this article, the author considers the method of fraud in obtaining social benefits as a fully structured element of criminalistic characteristics. Analyzes in detail the stages of committing this type of crime: from planning and preparation to hiding its traces. The methods of commission using information and telecommunication technologies, which are often used to create false electronic data, are considered separately, which is of particular importance for forensic diagnostics in the aspect of combating fraud.

Materials and Methods. The research was based on scientific articles by criminologists, norms of criminal and criminal procedure legislation, decisions of courts of general jurisdiction in cases of fraud in obtaining social benefits (art.159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation), official judicial statistics of the Russian Federation, as well as the results of questionnaires from investigators and interrogators. The author used general scientific methods of analysis, synthesis, induction, deduction, as well as private scientific methods: comparative law and formal law.

The Results of the Study. In the process of analyzing decisions of courts of general jurisdiction in cases of fraud involving social benefits (Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as the results of questionnaires from investigators and interrogators, it was possible to establish that the method of committing a crime of this type is considered as a fully structured category of criminalistic characteristics, including preparation, direct implementation, and concealment of traces of a crime. The article shows the role of the method under consideration as an element of criminalistic characteristics in

establishing other elements directly correlating with it, such as the identity of the criminal, the tools used by him, as well as the time and place of the crime.

Findings and Conclusions. The conducted research allowed us to formulate a comprehensive understanding of the content of the method of committing a crime in order to more effectively disclose, investigate and prevent the crime provided for in Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminalistic characteristics, fraud in obtaining social benefits, method of crime, information and telecommunication technologies

For citation: Beletskaya, Yu. V. *Sposoby soversheniya moshennichestva, sopryazhennogo s polucheniem social'nyh vyplat, kak klyuchevoj element kriminalisticheskoy harakteristiki* [Methods of committing fraud involving receiving Social benefits as a Key element of criminalistic characteristics]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no.2 (113), pp. 74–87.

На современном этапе научно-технического прогресса в нашей стране широкое распространение получила практика совершенствования приемов, средств и способов осуществления мошеннических действий при получении социальных выплат, включая такие инновационные формы и методы, как социальная инженерия и использование искусственного интеллекта. Согласно проведённому анализу официальных данных Федеральной службы государственной статистики о раскрытии и расследовании мошенничества (ст. 159.2 Уголовного кодекса Российской Федерации¹) в сфере социальных выплат за последние три года прослеживается следующая неутешительная динамика. За январь–декабрь 2022 года было зарегистрировано 7300 преступлений. За аналогичный период 2023 года этот показатель увеличился до 7416, став больше на 116. А только в первой половине 2024 года количество таких противоправных деяний составило 5679², что почти на 1961 преступление больше, чем в первой половине предыдущего года.

Учитывая данные обстоятельства, необходимо проведение детального и многостороннего анализа существующих проблем в раскрытии и расследовании преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, в том числе, особое внимание необходимо уделить исследованию *способов мошенничества, сопряженного с получением социальных выплат*, как ключевого полноструктурного элемента в данном преступном посягательстве на денежные средства или иное имущество.

Концепция «способ совершения преступления» имеет давние корни, уходящие в античные системы римского права. В тот период внимание акцентировалось на классификации преступлений и видах наказаний. Понятие «способ» интерпретировалось достаточно узко, ограничиваясь формальным описанием

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 28.04.2025).

² Данные судебной статистики // Росстат: офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/itog-monitor_01-2023.htm (дата обращения: 28.04.2025).

нарушения закона [1, с. 42]. Однако с началом кодификации уголовного права в XVII-XVIII веках возникла потребность в более глубоком анализе элементов, входящих в рассматриваемое понятие, и механизма следообразования в ходе их реализации.

Так, в XIX веке с развитием криминологии как научной дисциплины, способ совершения преступления стал рассматриваться в качестве системного элемента цепочки преступного поведения конкретного субъекта [2, с. 25].

Многие авторы в своих научных исследованиях предлагали различные модели структуры криминалистической характеристики преступления, варьируя последовательность элементов и их содержание [3, с. 144]. Несмотря на это, категория «способ совершения преступления» неизменно оставалась одним из ключевых компонентов, поскольку любой акт волевого преступного поведения неотъемлемо связан с манерой, то есть «способом» его реализации [4, с. 6].

Следовательно, способ совершения преступления как «ключевой компонент» криминалистической характеристики является неотделимой частью самого деяния и всесторонне коррелируется с основными её элементами, обуславливая его последствия.

Первые попытки раскрыть содержание понятия – способ совершения преступления – в отечественной криминалистике предпринимались ещё во второй половине XIX столетия. Так, по мнению И. Я. Фойницкого, данная категория (понятие) подразумевает под собой строго определённую совокупность черт, свойственных самому действию, использование которых позволяет индивиду нарушить отношения, охраняемые законом [5, с. 81].

В данной ситуации указанный автор, акцентирует внимание на способе совершения преступления, который не является случайным и формируется на основе системы следующих коррелируемых факторов: личные социально-психологические и нравственные особенности субъекта преступления; обстоятельства, способствующие его совершению; цели, как «маяк», к которому он стремится, и другие.

В свою очередь, А. Н. Колесниченко и Е. В. Коновалова пришли к выводу о том, что *способ* является «образом действий преступника, который выражается в определённой взаимосвязанной системе операций и приемов подготовки, совершения и сокрытия преступления» [6, с. 22]. Отсюда не двусмысленно следует тот факт, что авторы подчеркивают важность системного подхода к анализу, в частности, такого элемента криминалистической характеристики, как – «*способ преступления*». При этом отметим, что уже тогда в криминалистике исследуемый нами элемент криминалистической характеристики преступления рассматривался «полноструктурным» элементом криминалистической характеристики преступления.

И. Ш. Жордания также отмечал, что *способ совершения преступления* – это «не просто сумма или некий комплекс поведенческих актов, включающий в себя качественную характеристику преступного действия или бездействия, отражающий свойства личности, но и систему действий, операций, приемов по подготовке к совершению и сокрытию преступления» [7, с. 212], определение которых обусловлено различными объективными и субъективными обстоятельствами, сопровождающими совершение любого преступления.

Научная позиция цитируемого автора указывает на то, что в ходе анализа способа совершения преступления должны учитываться различные факторы, которые не могут ограничиваться лишь формальным описанием преступных действий субъекта. Каждое преступление – это продукт взаимодействия личности и окружающей среды, что делает его уникальным и весьма сложным для исследования в целях получения полной информации об уголовно-правовом составе конкретного преступного посягательства.

Так, А. А. Эксархопуло, исследуя данную проблему, утверждал, что содержание способа совершения преступления должно включать в себя: 1) сведения, указывающие на обстоятельства, способствующие подготовке к совершению преступления; 2) информацию об орудиях преступления и иных вспомогательных средствах, используемых в процессе подготовки, совершения и сокрытия следов преступления, их характерных признаках; 3) описание образа поведения преступника, (то есть – способ преступления), который был использован для достижения желаемого результата; 4) указание на принятые меры в целях сокрытия следов преступления и препятствования расследованию в целом [8, с. 677].

В своем диссертационном исследовании А. А. Маховская, наряду с другими авторами, высказывает мнение о том, что *способ совершения преступления* не всегда может включать в себя подготовку его реализации, что обуславливается видом преступного деяния, а также формой вины, которая включена в его уголовно-правовой состав [9, с. 55]. Так, автор акцентирует внимание на следующем подходе к классификации способов совершения преступлений:

- 1) полноструктурные способы, включающие все три этапа;
- 2) неполноструктурные способы двух типов, предполагающие усечение способа совершения преступления в целом, за счет исключения его на этапе подготовки или сокрытия следов;
- 3) упрощенные способы, ограничивающиеся только этапом совершения преступления.

Представленная выше классификация демонстрирует четкую систему способов преступления, характеризующуюся наличием трех взаимосвязанных и коррелируемых этапов преступления: 1) подготовительного; 2) реализации конкретных(ой) норм(ы) материального права; 3) сокрытия следов преступления.

В случае с мошенничеством при получении социальных выплат (ст. 159.2 УК РФ) подготовительный этап к его совершению, за редким исключением, реально существует в ходе раскрытия и расследования данного вида преступления. Указанное обстоятельство является следствием, в том числе и того, что мошенники, желая совершить хищение денежных средств посредством получения социальных выплат, используют целый комплекс различных приёмов, методов и средств, направленных на создание ситуаций, при которых субъектом преступления могут быть реализованы, как представление заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, так и умолчание о фактах, влекущих прекращение законных выплат.

Учитывая вышеизложенное, в рамках исследования представленного вида мошенничества, считаем целесообразным определить следующую структуру способа

данного преступления, характеризующую его содержание, а именно – «полноструктурный» способ преступления, включающий:

1) *подготовку к совершению преступления* – планирование определенных действий; подыскание необходимых инструментов совершения преступления, сообщников; выбор места и времени совершения преступления, а также создание условий и иных обстоятельств, в которых реализация преступного замысла, по личному мнению самого преступника, становится потенциально возможной;

2) *совершение преступления* – непосредственная реализация нормы материального права, т. е. хищение чужого имущества посредством представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путём умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных социальных выплат;

3) *сокрытие следов преступления* – действия, направленные на уничтожение, повреждение, подлог и т. п. следов мошенничества при получении социальных выплат.

Таким образом, учитывая специфику мошенничества, сопряженного с получением социальных выплат, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, результаты анкетных опросов следователей (дознавателей)³, а также изучения материалов архивных уголовных дел и судебных решений судов общей юрисдикции, сформулируем наиболее типичные способы подготовки к совершению мошенничества, сопряженного с получением социальных выплат.

Подготовка к совершению преступления – первый этап совершения мошенничества, сопряженного с получением социальных выплат.

1. *Собирание субъектом преступления первоначальной информации*: перечень сведений, необходимых для совершения исследуемого вида мошенничества, равно как и источников их получения, находящихся в прямой зависимости от вида конкретных выплат, в отношении которых совершается данное преступное посягательство.

Например, по уголовному делу от 05.04.2023 № 1-121/2023 Каменским районным судом Ростовской области было установлено, что гр. Н. предоставил гр-ке А. пакет соответствующих документов (паспорт, трудовую книжку, заключение комиссии о присвоении категории инвалидности), о которых он узнал на официальном портале «Госуслуг» для оформления справок о наличии инвалидности. В последующем гр-ка А. передала гр. Н. справку, согласно которой ему была установлена II группа инвалидности бессрочно. В результате чего общая сумма начисленных и выплаченных гр. Н. денежных средств составила 205 923 руб.29 коп⁴.

Анкетный опрос следователей и дознавателей позволил установить следующие источники информации о способах получения социальных выплат: а) средства массовой информации (СМИ) – около 10 % случаев; б) сотрудники учреждений,

³ Для написания статьи, кроме специальной литературы и результатов исследований других авторов на рассматриваемую тему, использованы результаты анкетного опроса 204 следователей и дознавателей, а также изучения 135 архивных уголовных дел исследуемого вида преступления.

⁴ Приговор Каменского районного суда Ростовской области от 5 апреля 2023 г. № 1-121/2023 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 13.04.2025).

оказывающих услуги по предоставлению выплат – более 16 % случаев; в) информационно-телекоммуникационные сети Интернет, включая государственные, муниципальные (официальные) сервисы и ресурсы – примерно 50 % случаев; г) другие физические лица (родственники, друзья, знакомые и т. п.) – 25,4 % случаев.

Учитывая изложенные обстоятельства, возможно прийти к выводу о том, что лица, совершающие исследуемый вид мошенничества чаще всего получают информацию об алгоритме (порядке) и специфике социальных выплат – из открытых источников, что обусловлено следующими причинами: а) высокая доступность информации в сети Интернет субъектам различного возраста и технической подготовки значительно облегчает поиск необходимых и достаточных данных, например: многие сайты и форумы (обмен сообщениями на заданную тему) содержат обсуждения и рекомендации для получения выплаты незаконным способом и т. п.; б) недостаточный уровень правовой грамотности населения: использование таких источников создает ложное ощущение легитимности действий, что, в свою очередь, приводит к пренебрежению действующим законодательством Российской Федерации.

В случае с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в частности, Портала «Госуслуги», не менее важным выступает и тот факт, что субъекты расследования часто не располагают информацией о преступлении на первоначальном этапе, достаточной для выдвижения криминалистических версий о совершении именно данного вида мошенничества в отношении конкретных физических лиц.

Так, сотрудниками Межмуниципального управления МВД России «Якутское» было установлено, что неизвестное лицо на протяжении двух месяцев незаконно получало социальные выплаты, предназначенные для родителей с детьми, проживающими на территории Республики Саха (Якутия)⁵. Информация, полученная на стадии практической проверки этапа рассмотрения сообщения о преступлении, позволила определить, что для совершения мошенничества, сопряженного с получением социальных выплат, использовался Единый портал государственных и муниципальных услуг. При этом, первоначальная информация позволила субъекту расследования установить только факт местонахождения неустановленного лица на территории Российской Федерации, тогда как иная – идентифицирующая информация о надлежащем лице к моменту возбуждения уголовного дела – отсутствовала.

Таким образом, субъекты совершения данного вида мошенничества используют различные техники для собирания данных о потенциальных жертвах преступления, включая анализ открытых источников информации, активное использование полученных личных данных граждан, формирование ложной информации, затрудняющей легальную проверку допустимости заявок надлежащими официальными лицами.

2. Подготовка орудия совершения преступления на примере материнского капитала как важной и «чувствительной» социальной выплаты. Для этого необходимо подготовить следующий комплект документов: паспорт гражданина Российской

⁵ Уголовное дело от 28 марта 2023 г. № 12401980031000031 // Архив СУ МУ МВД России «Якутское».

Федерации заявителя, свидетельство о рождении ребенка, СНИЛС ребенка, документ, подтверждающий опеку над ребенком, документы, подтверждающие особые обстоятельства (например, когда материнский капитал получает мужчина или дети, оставшиеся без родителей)⁶.

Так, гр-ка Р. в целях реализации преступного умысла обратилась к своей сестре гр-ке М., заведующей гинекологическим отделением ЦРБ, с просьбой о содействии в получении медицинского свидетельства «якобы» о рождении у неё ребенка. Для этого гр-ка М. внесла заведомо ложные данные в историю родов гр-ки Р., на основании чего ей было выдано медицинское свидетельство с ложной информацией о рождении ребенка. В последующем, гр-ка Р. обратилась с заявлением в Управление ОПФР по Республике Дагестан о выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал и получила надлежащую сумму денег, чем причинила материальный ущерб бюджету РФ в лице ПФР на общую сумму 453 026 рублей⁷.

Анкетный опрос следователей и дознавателей показал, что на подготовительном этапе мошенники чаще всего совершают действия, связанные: а) с изготовлением подложных документов – 67 (около 32,8 %) случаев; б) внесением ложных сведений в уже существующие официальные документы – 111 (примерно 55 %) случаев; в) не включением сведений о себе в изготавливаемые подложные документы – 26 (более 12,7 %) случаев.

Используя концепцию «полноструктурного» способа преступления, следует указать, что орудие преступления не ограничивается только теми объектами, которые были использованы преступником для непосредственной реализации объективной стороны преступного деяния. По результатам изучения архивных уголовных дел нами установлено, что в качестве орудий преступления на этапе его подготовки могут выступать:

1) предметы и материалы, используемые с целью подделки официальных документов: лазерные, струйные и термографические принтеры; химические вещества (щелочные, спиртовые растворы, кислоты, поливинилацетат и др.); канцелярские принадлежности (шариковые и гелиевые ручки, карандаши и т. п.) – 96 (более 47 %) случаев;

2) техническое оборудование, обеспечивающее получение доступа к информации, необходимой для совершения преступления: персональные компьютеры, ноутбуки, смартфоны и т. п. – 108 (около 53 %) случаев.

Таким образом, наиболее характерным орудием совершения мошенничества при получении социальных выплат выступает комплекс документов юридического характера, обусловленный определенным видом конкретных социальных выплат (к примеру, пособий, субсидий и др.). Так, для получения сертификата на материнский

⁶ Оформление материнского (семейного) капитала : портал государственных услуг Российской Федерации. URL: https://www.gosuslugi.ru/life/details/family_capital_receiving (дата обращения 02.03.2025).

⁷ Приговор Шамильского районного суда Республики Дагестан от 5 ноября 2020 г. № 1-46/2020 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 13.04.2025).

капитал требуется представление свидетельства о рождении и СНИЛС ребёнка. Не случайно, что именно для получения этой выплаты данные документы чаще всего и подделываются.

3. *Определение времени и поиск места совершения мошенничества.* В зависимости от того, какой вид социальной выплаты планируется получить, преступник, принимая решение об определении времени совершения мошенничества, руководствуется следующими обстоятельствами:

а) временем работы органа или учреждения, уполномоченного на представление гражданам отдельных выплат, с наименьшей загруженностью его сотрудников; как правило, исключается час пик, поскольку в это время процесс получения выплат существенным образом продлевается, т.е. мошенники стараются выбирать часы, когда у сотрудников меньше всего посетителей (наименьшая загруженность), чтобы не привлекать к себе особого внимания;

б) временем работы конкретного должностного лица или сотрудника, с которым мошенник находится в преступном сговоре;

в) иными обстоятельствами, например, наличием у самого субъекта преступления свободного времени.

По результатам анкетного опроса следователей и дознавателей установлено, что данный вид преступления совершается: а) в первой половине дня (с 06:00 до 12:00) более 36 % случаев; б) во второй половине дня (с 13:00 до 18:00) – около 57 % случаев; 3) ночью (с 22:00 до 05:00) – 7 % случаев.

Пример: гр. Ф., имея умысел на мошенничество при получении социальных выплат, предусмотренных Федеральным законом от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», получил при отсутствии законных оснований, без представления медицинских документов и прохождения медико-социальной экспертизы, справку, содержащую заведомо ложные сведения о первичном установлении ему II группы инвалидности. Гр. Ф. в период с 13 ч. 00 мин. по 18 ч. 00 мин., обратился в Государственное учреждение – Управление Пенсионного Фонда РФ в г. Гуково Ростовской области с заявлением о назначении ему социальных выплат. Таким образом, гр. Ф. путем обмана незаконно получил, то есть, похитил денежные средства, выплаченные ему через кредитную организацию ПАО путем перечисления на счет 484 710 руб. 66 копеек⁸.

4. *Место совершения мошенничества при получении социальных выплат* выбирается в зависимости от территориального расположения организации или органа, уполномоченного на предоставление (такого рода) выплат, а именно: 1) государственные учреждения – примерно 36 % случаев; 2) негосударственные учреждения, например НПФ (негосударственный пенсионный фонд) – более 15 %; 3) иные места, например кафе, квартира, парк и др., позволяющие дистанционно заполнить заявку на получение выплат – 34,3 % случаев.

⁸ Приговор Гуковского районного суда Ростовской области от 25 июля 2024 г. № 1-702/2024 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 13.04.2025).

Второй этап совершения мошенничества – это реализация содержания любых норм ст. 159.2 УК РФ. Рассмотрим наиболее типичные способы совершения мошенничества при получении социальных выплат.

1. *Представление в государственный или иной орган, организацию подложных документов с применением информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ).* Данный способ реализуется в случае наличия возможности дистанционной подачи заявки на конкретную социальную выплату, в отношении которой совершается мошенничество.

Применение ИТТ всегда сопряжено с представлением субъекту, осуществляющему выплаты, подложного документа, содержащего преднамеренно искаженную информацию об определенных фактах. Соответственно моментом окончания преступления в этой его разновидности следует признавать первое получение денежных средств или иного имущества в качестве социальной выплаты после наступления фактов, с которыми в законе или ином нормативно-правовом акте связывается прекращение указанных выплат⁹. В ситуации, когда факт подложности документа выявляется в ходе рассмотрения заявки, можно говорить о покушении, например на мошенничество при получении социальных выплат (ч. 3 ст. 30, 159.2 УК РФ).

2. *Представление мошенником в государственный или иной орган, организацию подложных документов путём очного посещения места оказания соответствующих услуг.* Данный способ также может сопровождаться образованием цифровых следов, например, если изготовление подложного документа осуществлялось посредством представления недостоверных сведений путём использования ИТТ. Например, гр. К., потеряв работу, решил подать заявление через портал «Работа России» для получения пособия по безработице. Чтобы неправомерно увеличить размер пособия, используя навыки работы с компьютером, он сделал поддельную справку о своей заработной плате, указав реквизиты со значительно завышенными данными по отношению к его реальному доходу на прежней работе. В связи с совершением этих противоправных действий гр. К. был причинен материальный ущерб федеральному бюджету Российской Федерации в размере 67 990 руб [10, с. 256].

Анализ цифровой информации позволяет идентифицировать лицо, подозреваемое в совершении мошенничества, то есть, определить факт его реального пребывания в конкретном учреждении, предоставление им документов уполномоченным сотрудникам.

3. *Соккрытие от надлежащих субъектов представления государственных и иных социальных услуг как содержащихся в официальных документах, так и не находящихся в них своего отражения сведений, удостоверяющих прекращение наличия у мошенника права на получение пособий или субсидий.* Данная ситуация характеризуется не уведомлением уполномоченных органов о наступлении обстоятельств, влекущих приостановление или прекращение социальных выплат, к

⁹ Статья 159.2 УК РФ (действующая редакция). Мошенничество при получении выплат : Уголовный кодекс Российской Федерации 2025 с Комментариями : сайт. URL: <https://stykrf.ru/159-2> (дата обращения 02.03.2025).

числу которых относится трудоустройство, повышение уровня доходов, изменение состава семьи и некоторые др.

Например, по материалам уголовного дела, гр. В. был приговорен по одному из положений ч. 4 ст. 159.2 УК РФ за мошеннические действия, в результате которых ему назначена пенсия по инвалидности, выплачиваемая за счет средств Министерства обороны России как военнослужащему. Сотрудник военного комиссариата г. Благовещенска, гр-ка Ц., подтвердила, что гр. В. обратился к ним в 2010 г. за начислением ему пенсии по выслуге лет, скрыв факт назначения ему пенсии по инвалидности. В результате его действий Министерству обороны РФ был причинён ущерб на сумму 3 298 365 руб. 77 коп¹⁰.

Третий этап реализации способов совершения мошенничества, сопряженного с получением социальных выплат – это сокрытие следов преступления.

В ситуации с мошенничеством, сопряженным с получением социальных выплат, реализация конкретных способов сокрытия следов преступления встречается достаточно редко, в связи с тем, что большая часть следов, возникающих в процессе совершения рассматриваемого преступления, не подлежит сокрытию или может быть сокрыта лишь с использованием сложных средств, приспособлений и инструментов. Например, факт использования мошенниками Портала «Госуслуг» можно установить только путём непосредственного взлома данного интернет-ресурса, что само по себе будет рассматриваться как самостоятельный состав преступления, а именно: «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ)».

Однако, несмотря на это, некоторые способы сокрытия следов мошенничества при получении социальных выплат на практике всё же используются. К их числу можно отнести:

1) перемещение оригинала документа, копия которого была представлена при подаче заявки на получение выплат, в неизвестное для субъектов расследования место и его физическое уничтожение. *Например, гр. А. использовал подложную выписку из банка для подтверждения реального дохода с целью сокрытия оригинала документа путем сожжения в мусорном баке, чтобы исключить возможность обнаружения следов его преступления;*

2) уничтожение или перемещение в неизвестное следователю или дознавателю место технических устройств, применяемых мошенниками для получения доступа к интернет-ресурсам. *Так, гр. К. использовал старый смартфон для подачи заявки на получение пособия через поддельный аккаунт, спрятав гаджет в заброшенном месте с целью сокрытия возможности отслеживания его преступных действий;*

3) сокрытие источников, свидетельствующих о взаимодействии исполнителя преступления с сообщниками, путем уничтожения бумажных документов,

¹⁰ Приговор Благовещенского городского суда Амурской области от 22 августа 2023 г. № 1-1015/2023 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 13.04.2025).

видеозаписей и иных объектов материального мира, подтверждающих соответствующий факт;

4) использование мошенниками VPN и прокси-серверов для маскировки своего IP-адреса, чтобы скрыть свое реальное местонахождение. *Например, гр. В. подал дистанционно заявку на получение пособия по безработице через веб-страницу «Госуслуги», используя частную сеть VPN в целях маскировки своего IP-адреса, который отображал его местонахождение в другой стране;*

5) обналичивание средств через кеш и подставных лиц с целью минимизации рисков: полученные деньги могут переводиться на несколько разных счетов или через различных посредников, что затрудняет отслеживание их движения.

Таким образом, способ мошенничества, сопряженного с получением социальных выплат, как *полноструктурная система (категория)* исследуемого вида преступления, является действительно ключевым элементом его криминалистической характеристики и имеет определяющее как теоретическое, так и практическое значение в раскрытии и расследовании хищений данного вида. Понимание следователем структурных особенностей и механизма реализации рассмотренных способов такого мошенничества в конкретных криминалистических ситуациях расследования, особенно на первоначальном этапе, реально может способствовать созданию ему условий для более эффективного и своевременного его раскрытия и расследования, в том числе, проведения «точечных» превентивных процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий субъектами соответствующих подразделений органов внутренних дел.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чичеров, Е. А. Развитие уголовного права в Древнем Риме / Е. А. Чичеров, Н. В. Назаркина. Юридические науки: проблемы и перспективы : мат-лы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань : Бук, 2016. С. 40-42.
2. Михайлов, Н. Ф. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: дис. ... кан. юрид. наук. 2007. 243 с.
3. Игнатов, А. Н. Влияние качественно-пространственных особенностей местности на выбор и реализацию способа совершения преступления / А. Н. Игнатов, С. В. Пахомов // Общество и право. 2016. № 3 (57). С. 143–147.
4. Панов, Н. И. Основные проблемы способа совершения преступления в советском уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. 1987. 514 с.
5. Фойницкий, И. Я. Мошенничество по русскому праву. СПб.: тип. т-ва Обществ. польза, 1871. 551 с.
6. Колесниченко, А. Н. Криминалистическая характеристика преступлений : учебное пособие / А. Н. Колесниченко, Е. В. Коновалова. Харьков, 1985. 93 с.
7. Жордания, И. Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления / И. Ш. Жордания. Тбилиси : Сабчота Сакартвело, 1977. 233 с.
8. Эксархопуло, А. А. Криминалистика : учебник. СПб., 2009. 902 с.
9. Маховская, А. А. Первоначальный этап расследования незаконного лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021. 295 с.

10. Белецкая, Ю. В. Заведомо ложные и недостоверные сведения, используемые в мошенничестве при получении пособий по безработице / Ю. В. Белецкая // Системно-деятельностный подход: криминалистика и правоохранительная практика : сб. ст. по мат-лам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию доктора юридических наук, профессора Марата Константиновича Каминского / Ижевск, 22 ноября 2024 г. Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2024. С. 255-261.

REFERENCES

1. Chicherov, E. A. [The development of criminal law in Ancient Rome] YUridicheskie nauki: problemy i perspektivy : materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', maj 2016 g.) [Legal sciences: problems and prospects : proceedings of the IV International Scientific Conference (Kazan, May 2016)]. Kazan, 2016, p. 40-42.
2. Mikhailov, N. F. Spособ soversheniya prestupleniya i ego ugolovno-pravovoe znachenie: dis. ... kan. yurid. nauk [The method of committing a crime and its criminal legal significance: dis. ... can. jurid. sciences']. 2007, p 243.
3. Ignatov, A. N., Pakhomov S.V. Vliyanie kachestvenno-prostranstvennyh osobennostej mestnosti na vybor i realizaciyu sposoba soversheniya prestupleniya [The influence of qualitative and spatial features of the area on the choice and implementation of the method of committing a crime]. Obshchestvo i pravo – Society and law. 2016, no. 3 (57), pp. 143–147.
4. Panov, N. I. Osnovnye problemy sposoba soversheniya prestupleniya v sovetskom ugolovnom prave: dis. ... d-ra yurid. nauk [The main problems of the method of committing a crime in Soviet criminal law: dis. ...Dr. Jurid. Sciences]. 1987, 514 p.
5. Foynitsky, I. Ya. Moshennichestvo po russkomu pravu [Fraud in Russian law]. St. Petersburg, 1871, 551 p.
6. Kolesnichenko, A. N., Konovalova, E. V. Kriminalisticheskaya harakteristika prestuplenij [Criminalistic characteristics of crimes]. Kharkov, 1985, 93 p.
7. Zhordania, I. S. Struktura i pravovoe znachenie sposoba soversheniya prestupleniya [The structure and legal significance of the method of committing a crime]. Tbilisi, 1977, 233 p.
8. Exarchopulo, A. A. Kriminalistika [Criminalistics]. Saint-Petersburg, 2009, 902 p.
9. Makhovskaya A.A. Pervonachal'nyj etap rassledovaniya nezakonnogo lisheniya svobody: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.12 [The initial stage of the investigation of illegal imprisonment: dissertation ... Candidate of Law Sciences: 12.00.12]. Krasnodar, 2021, 295 p.
10. Beletskaya, Yu. V. [Deliberately false and unreliable information used in fraud in obtaining unemployment benefits] Sistemno-deyatelnostnyj podhod: kriminalistika i pravoohranitel'naya praktika : Sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 90-letiyu doktora yuridicheskikh nauk, professora Marata Konstantinovicha Kaminskogo [System-activity approach: criminalistics and law enforcement practice : Collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical

Conference dedicated to the 90th anniversary of Doctor of Law, Professor Marat Konstantinovich Kaminsky], Izhevsk, 2024, pp. 255-261.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белецкая Юлия Владимировна, адъюнкт адъюнктуры очного обучения кафедры криминалистики. Краснодарский университет МВД России, Россия, 350005, Российская Федерация, Краснодар, улица Ярославская, 128.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia Vladimirovna Beletskaya, Postgraduate student, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 350005, Russian Federation, Krasnodar, Yaroslavskaya str., 128.

Статья поступила в редакцию 05.03.2025; одобрена после рецензирования 17.04.2025; принята к публикации 08.05.2025.

The article was submitted 05.03.2025; approved after reviewing 17.04.2025; accepted for publication 08.05.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 2 (113). С. 88–100.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no. 2 (113). Pp. 88–100.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.13

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ОЦЕНКИ ДОПУСТИМОСТИ И НЕДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Брянская Елена Васильевна

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург,
Российская Федерация, veret.1976@mail.ru

Введение. Статья 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации регламентирует основания признания доказательств недопустимыми. Анализ данной статьи фактически дает основания отдельные нарушения действующего законодательства закладывать в основу исключения доказательств из оценки общей совокупности доказательств. Если опираться на содержание ст. 75 УПК РФ, то законодатель в первую очередь акцентирует внимание на необеспечении права на защиту подозреваемым, обвиняемым, на показаниях, которые основаны на предположении, слухе, догадке, на не указании источника своей осведомленности, на собирании сведений оперативными сотрудниками в разрез нормам действующего УПК РФ, а также законодатель в расширительном формате дает возможность признавать в качестве недопустимых доказательств те, которые собраны с нарушением закона. В связи с чем мы предприняли попытку проанализировать критерии недопустимости в свете внутреннего убеждения суда.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили монографические и научные периодические издания в виде статей ученых, нормы действующего законодательства, примеры судебной практики. В ходе исследования применен диалектический метод, проведен анализ научных, нормативно-правовых источников, позиций Верховного Суда Российской Федерации, судебных решений судов первой, апелляционной, кассационной инстанций, использованы приёмы обобщения позиций судов, а также применялся сравнительно-правовой метод.

Результаты исследования позволили выявить основания признания доказательств недопустимыми в свете анализа судебной практики. А также мы привели позиции судов с обоснованием признания недопустимыми в качестве доказательства исследования на полиграфе на предмет достоверности показаний, следовательно,

недопустимости заключения психофизиологической экспертизы. Однако посчитали, что суды без надлежащего и грамотного объяснения признают такие исследования не подлежащими оценке в общей совокупности доказательств. В связи с чем имеет место презумпция недопустимости доказательств, что нивелирует доверие к научности подобного рода проводимым экспертизам.

Выводы и заключения. В результате научного исследования мы предложили новую классификацию признания доказательств недопустимыми, которая формируется по принципу критерия недоверия к научной обоснованности специальных знаний. Кроме того, нами подчеркивается необходимость законодательной конкретизации критериев допустимости и недопустимости сведений, которые потенциально могут быть оценены в качестве доказательств по уголовному делу. Нами обосновывается невозможность подмены норм законодательства установками Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: доказательства, процесс доказывания, оценка доказательств, признание доказательств недопустимыми

Для цитирования: Брянская, Е. В. К вопросу о критериях оценки допустимости и недопустимости доказательств по уголовному делу // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 88–100.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

THE CRITERIA FOR ASSESSING THE ADMISSIBILITY AND INADMISSIBILITY OF EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE

Elena V. Bryanskaya

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, veret.1976@mail.ru

Introduction. Article 75 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) regulates the grounds for declaring evidence inadmissible. The analysis of this article actually gives grounds for individual violations of the current legislation to form the basis for excluding evidence from the assessment of the total body of evidence. Based on the content of Art. 75 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the legislator primarily focuses on the failure to provide the right to defense to the suspect, the accused, on testimony that is based on assumption, rumor, conjecture, on failure to indicate the source of his knowledge, on the collection of information by operational officers contrary to the norms of the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the legislator, in an expanded format, makes it possible to recognize as inadmissible evidence those collected in violation of the law. In this connection, we have

made an attempt to analyze the criterion of inadmissibility in the light of the internal conviction of the court.

Materials and Methods. The research materials included monographic and scientific periodicals in the form of scientific articles by scientists, norms of current legislation, and examples of judicial practice. During the study, a dialectical method was used, an analysis of scientific, regulatory and legal sources, positions of the Supreme Court of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Supreme Court of the Russian Federation), court decisions of the courts of the first, appeal, and cassation instances was carried out, methods of generalizing the positions of courts, as well as a comparative legal method were used.

The Results of the Study made it possible to identify the grounds for declaring evidence inadmissible based on an analysis of judicial practice. We also presented the positions of the courts with the justification for recognizing as inadmissible as evidence a polygraph examination to determine the reliability of the testimony, and therefore, the inadmissibility of the conclusion of a psychophysiological examination. However, it was considered that the courts, without a proper and competent explanation, recognize such studies as not subject to evaluation in the total body of evidence. In this connection, there is a presumption of inadmissibility of evidence, which eliminates confidence in the scientific nature of such examinations.

Findings and Conclusions. As a result of scientific research, they proposed a new classification for recognizing evidence as inadmissible, which is formed on the principle of distrust in the scientific validity of special knowledge. In addition, we emphasize the need to legislatively specify the criteria for admissibility and inadmissibility of information that could potentially be assessed as evidence in a criminal case. We substantiate the impossibility of replacing legislative norms with the guidelines of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: evidence, process of proof, evaluation of evidence, recognition of evidence as inadmissible, classification of grounds for recognition as inadmissible

For citation: Bryanskaya, E. V. K voprosu o kriteriyah ocenki dopustimosti i nedopustimosti dokazatel'stv po ugovnomu delu [The criteria for assessing the admissibility and inadmissibility of evidence in a criminal case]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no.2 (113), pp. 88–100.

Отсутствие детальной конкретизации в законе правил признания доказательств недопустимыми породило немало споров в научной уголовно-процессуальной литературе. Трактровка ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Иные нарушения закона»¹ послужила первопричиной задуматься: а какие именно нарушения могут иметь место. Все ответы на данный вопрос зависят от внутреннего убеждения правоприменителя. Соответственно, следственная и судебная

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 20.04.2025).

практика все больше требовала разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Так, в 2017 году Пленум Верховного Суда РФ принял постановление № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»². Пункт 13 подчеркивает, что именно необходимо учитывать судам при удовлетворении ходатайства о признании доказательства недопустимым: «При рассмотрении ходатайства стороны о признании доказательств недопустимыми в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ суд должен выяснять, в чем конкретно выразилось нарушение требований уголовно-процессуального закона. Доказательства признаются недопустимыми, если были допущены существенные нарушения установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами.

Судам следует иметь в виду, что установленные в ч. 4 ст. 235 УПК РФ для предварительного слушания правила, согласно которым при рассмотрении ходатайства стороны защиты о признании доказательства недопустимым на том основании, что оно было получено с нарушением требований уголовно-процессуального закона, бремя опровержения доводов стороны защиты возлагается на государственного обвинителя, а в остальных случаях бремя доказывания лежит на стороне, заявившей ходатайство». Исходя из данных положений, Верховный Суд Российской Федерации дал нам возможность убедиться в том, что институт признания доказательств недопустимыми является одним из начал реализации принципа состязательности сторон. Поскольку суд не по своей инициативе признает недопустимость, несмотря на то, что является главным субъектом оценки доказательств на предмет относимости, допустимости, достаточности, достоверности доказательств, следовательно, имеет место критическое оценивание на предмет соответствия перечисленным свойствам стороной обвинения или стороной защиты. Пленум Верховного Суда Российской Федерации констатировал то, что заинтересованным субъектом, от которого исходит инициатива исключения из общей совокупности доказательств, является сторона защиты, а бремя убеждения судьи в обратном возлагается на сторону обвинения. Однако Верховный Суд Российской Федерации так и не дал определенности, на основании каких точных оснований следует признавать доказательства недопустимыми, указав на существенность нарушения при собирании и закреплении доказательств по делу. Именно тогда в научной литературе начали прослеживаться классификации нарушений, которые могут быть существенными и не существенными. К такой оценочной категории, которая может толковаться расширительно, как существенность, в большей степени стали относить в первую очередь нарушения тех прав, которые относятся к числу конституционных.

² О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 // КонсультантПлюс : сайт. URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285530/ (дата обращения: 20.04.2025).

В юридической литературе наиболее распространенными выделяют такие нарушения, которые классифицируют и делят на три группы:

«нарушение уголовно-процессуальных правил институтов подследственности и подсудности; получение доказательств лицом, подлежащим отводу; вынесение приговора незаконным составом суда и т. д.;

нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с порядком производства по уголовному делу или использованием средств доказывания, не указанных в законе, ибо их перечень носит исчерпывающий (закрытый) характер;

нарушения, касающиеся требований уголовно-процессуального закона, предъявляемых к отдельным видам доказательств, например, нарушение свидетельского иммунитета» [1, с. 176].

«Недопустимыми могут быть признаны только обвинительные доказательства, а оправдательные (шире – «защитные») доказательства не признаются недопустимыми, невзирая на нарушение закона при их получении. В самом широком смысле апология и критика данной концепции лежат в плоскости защиты прав и свобод потерпевших от преступлений либо подозреваемых, обвиняемых, подсудимых в совершении преступления» [2, с. 72].

«Следует классифицировать недопустимые доказательства на следующие виды:

1. Нарушение конституционных прав представителей сторон уголовного судопроизводства.

2. Составление сопровождающих следственные действия процессуальных документов с нарушением статуса участника уголовного судопроизводства.

3. Умышленное и противоправное исправление содержания сопровождающих следственные действия процессуальных документов.

4. Пренебрежительное отношение к заявленным стороной защиты ходатайствам» [2, с. 74].

«Среди способов определения допустимости доказательств необходимо выделять четыре:

1) способ, связанный с надлежащими субъектами получения доказательств;

2) способ, связанный с надлежащими источниками и процессуальной формой доказательств;

3) способ о надлежащей форме получения доказательств;

4) способ о надлежащем порядке реализации форм получения доказательств.

Таким образом, в случае если подтверждается, что хоть в одном из способов истребования доказательств имеет место нарушение действующих уголовно-процессуальных норм, такое доказательство не может быть признано допустимым» [2, с. 74].

«Существенными могут рассматриваться и другие нарушения, которые влекут сомнения в достоверности доказательства, не устранимые в процессуальном порядке. Примерами таких нарушений может быть производство опознания лица в отсутствие статистов, производство выемки с незаконным составом понятых или в их отсутствие, когда выемка должна производиться с их участием (ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ)» [3, с. 241].

По делам несовершеннолетних во избежание признания доказательств недопустимыми рекомендуется «своевременно и принципиально реагировать на случаи нарушения прав несовершеннолетних, принимать исчерпывающие правовые

меры к их восстановлению» [4]. «При этом при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, допускаются системные нарушения закона, которые требуют эффективного, своевременного и комплексного решения. К числу общих нарушений относится неполнота проведенных проверок, неверная квалификация, неправильное установление размера вреда, нарушение правил подследственности и др. К специальным нарушениям можно отнести неверное установление возраста несовершеннолетнего, условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, тяжести причиненного вреда здоровью, неполное изучение личности несовершеннолетнего» [4].

Интерес представляет и так называемый «пробный вариант критериев для признания доказательств недопустимыми», который предлагается в научной литературе: «1) в ходе уголовного судопроизводства нарушены конституционные права участников уголовного процесса и не были вовремя устранены (например, нарушения принципа неприкосновенности жилища путём производства обыска в жилище без судебного решения); 2) отсутствие процессуальных документов, которые влияют на статус участника в уголовном процессе (например, осуществление следственных действий обвинительного характера без объявления обвинения); 3) умышленное искажение содержания процессуальных документов (протоколов, обвинительного заключения, акта) путем дописок, переписывания содержания; 4) игнорирование жалоб, ходатайств участников уголовного судопроизводства. ... Несущественными нарушениями, или техническими, можно считать: 1) неграмотно составленный текст процессуального документа, который не влияет на сущность проведённого следственного или судебного действия (например, вместо «обыск» написано «обск»). Прежде чем подписывать документ, следователь, суд должны внимательно прочитать текст документа и исправить ошибки; если будут вовремя исправлены ошибки, недочёты, влекущие существенные нарушения закона» [5, с. 82–83].

Тем не менее такая ситуация не устроила в полной мере представителей адвокатского сообщества. «По мере того как нарастало давление со стороны обвинения, начала меняться и судебная практика. Судей стали ориентировать на то, чтобы не торопились исключать недопустимые доказательства, а давали возможность восполнять их недостатки» [6]. Для адвокатского сообщества «основная проблема заключается в том, что критериев отграничения существенного нарушения от обычного нарушения Пленум ВС РФ не дал, а значит, разрешение этого вопроса отдается на решение судьям, которые в последние годы такие ходатайства почти не удовлетворяли и практически никого не оправдывали» [6]. Таким образом, адвокаты увидели в положениях Верховного Суда Российской Федерации определенного рода ущемления в реализации их состязательных начал. Тогда как в том же постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации отмечается: «Судебное разбирательство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, суд, рассматривая дело в общем порядке судопроизводства, обязан создать необходимые условия для осуществления сторонами предоставленных им прав, в том числе по представлению доказательств, на основании которых суд постановляет приговор или иное итоговое решение по делу, а также для исполнения ими своих

процессуальных обязанностей»³. Все верно, суд создает необходимые условия, но почему суд должен создавать условия, которые направлены на воспрепятствование достижения истины по уголовному делу. Если следователем допущена при собирании доказательств ошибка технического характера, разве такая первопричина может служить основанием для признания доказательства недопустимым. В той ситуации, когда адвокат знает, что подсудимый виновен, есть ли основания предпринимать действия для «развала» целого состава преступления. Так, когда мы вспоминаем слова П. А. Лупинской «о ложке дегтя в стакане чая», об американском правиле «плодов отравленного дерева», то понимаем: признание одного доказательства недопустимым, может повлечь оправдательный приговор в связи с недоказуемостью состава преступления. Именно поэтому мы предлагаем органам уголовного преследования подкреплять одно доказательство другим, строить доказательную позицию обвинения в свете такой совокупности доказательств, когда в ситуации утраты одним доказательством юридической силы, рядом по делу будет иметь место не менее значимая совокупность доказательств, подтверждающая обоснованную виновность лица в совершении преступления.

Однако растяжимое понятие существенности и несущественности нарушений норм закона, до сих пор не оставляет в чувстве однозначности и точного понимания наших представителей стороны обвинения, стороны защиты. Полагаем, что данный вопрос отдается на усмотрение суда, который, должен обосновывать свою позицию о признании доказательства недопустимым или же обязан объяснить отказ в удовлетворении ходатайства стороной защиты. Анализируя судебную практику, Верховный Суд Российской Федерации, в своих обзорах стал приводить примеры о признании доказательств недопустимыми с конкретным обоснованием таких причин. Представители адвокатуры, соответственно, взялись за аналитику таких примеров из судебной практики, что в определенной степени начало служить подтверждением прецедентности института недопустимых доказательств [7].

В этой связи государственные обвинители вынуждены предпринимать меры для того, чтобы любым законным средством сохранить силу доказательства, которое пытаются признать ущербным и исключить из общей совокупности оценки доказательств. В судебном следствии государственные обвинители заявляют ходатайства о производстве ряда процессуальных действий в целях восполнить утраченное в силе доказательство.

Для нас не в полной мере однозначен вопрос о недопустимости оценки доказательств, полученных посредством полиграфа. Судебная практика не один раз в своих определениях констатировала недопустимость оценки в качестве допустимого доказательства результатов исследования посредством полиграфа. Вопрос неоднозначный, но данное исследование на полиграфе имеет вероятный, всего лишь ориентирующий характер. Несмотря на то, что психофизиологическая экспертиза относится к так называемым «научным источникам».

³ О пр актике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 // КонсультантПлюс : сайт. URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285530/ (дата обращения: 20.04.2025).

Однако судебная практика как в прошлом, так и в настоящее время не столь понятна, как хотелось бы. О. И. Андреева отмечала: «В кассационном определении Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2011 № 81-О11-49 указано, что «имеющиеся в деле заключения “специалиста с правом работы с полиграфными устройствами при опросе граждан” К., которые судом расценены как “заключения эксперта”, не могут быть признаны таковыми, поскольку не отвечают требованиям, предъявляемым законом к заключению эксперта». В то же время кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 февраля 2011 г. № 72-011-3 психофизиологическое исследование (в определении – экспертиза) с использованием полиграфа фактически было признано допустимым доказательством по делу» [8, с. 158].

Тем не менее, можно привести в качестве примера определения 2КСОЮ от 16.02.2021 г. № 77-375/2021, 5КСОЮ от 02.03.2020 г. № 77-132/2020, в которых результат психофизиологических исследований с применением «детектора лжи», не признается имеющим процессуальной силы доказательства. Тогда как психофизиологическая экспертиза проводится компетентным экспертом, который объективно может оценить все возможности вероятности вывода о признаках лжи или достоверности в силу физиологических особенностей подэкспертного. Однако, психофизиологическая экспертиза на основе полиграфного исследования не нашла своего признания в процессе доказывания по уголовному делу.

Для ученых очевидна проблематика и они пишут о том, что имеет место «1. Явная недостаточная осведомленность лиц, обладающих процессуальными полномочиями назначать судебные экспертизы, в вопросах, решаемых психофизиологической экспертизой, и относительно судебно-экспертных организациях, ее проводящих ...; очевидна 2. Проблема проверки и апробации конкретных экспертных методик – результатов деятельности экспертов, разрабатывающих новую или адаптирующих уже имеющуюся типовую экспертную методику. 3. Недоступность ведомственных экспертных методик психофизиологических экспертиз с применением полиграфа для широкого ознакомления, что является препятствием для объективной оценки деятельности судебных экспертов разных ведомств» [9, с. 176–177].

В этой связи мы решили проанализировать судебные решения, в которых исследования посредством полиграфа признаются допустимым или недопустимым доказательством. Например, анализируя решения судов, мы видим следующее: «Он сам из салона своего автомобиля выстрелы из обрез ружья не совершал. Его показания об этом были предметом исследования в ходе предварительного расследования, в том числе психофизиологического обследования с использованием полиграфа»⁴. «Суд также принял сторону обвинения, отказав в ходатайствах о проведении психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа, и лингвистической экспертизы... В апелляционных жалобах адвокат ФИО12 в интересах осуждённого ФИО4, оспаривая законность и обоснованность приговора, указывает, что

⁴ Приговор Челябинского областного суда от 21 августа 2024 г. по делу № 10-29/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ohwjnXLgcAUl/> (дата обращения: 02 мая 2025 г.).

предъявленное ФИО4 обвинение не нашло своего подтверждения, поскольку исследованные доказательства не дают основания для вывода о виновности ФИО4. Считает, что при рассмотрении дела в суде был нарушен принцип состязательности сторон, поскольку судом было необоснованно отказано в удовлетворении ходатайств осуждённых о производстве психофизиологической, лингвистической, судебно-медицинской. Изучив материалы дела, проверив доводы апелляционных жалоб, суд апелляционной инстанции не находит оснований для их удовлетворения исходя из следующего. Фактические обстоятельства по делу судом установлены правильно. Отказ в проведении экспертиз судом апелляционной инстанции был обоснован следующим образом. В соответствии с принципом непосредственности и устности судебного разбирательства, предусмотренным ст. 240 УПК РФ, суд исследовал показания потерпевшего и свидетелей путем их непосредственного заслушивания в судебном заседании. В связи с чем обоснованно отказал стороне защиты в проведении лингвистической экспертизы показаний, данных свидетелями на предварительном следствии. Также обоснованно было отказано судом в проведении судебно-медицинской экспертизы для установления тяжести вреда здоровью ФИО4 ввиду отсутствия оснований, предусмотренных ст. 196 УПК РФ. Установление этих обстоятельств не относится к обвинению, являвшемуся предметом рассмотрения суда. Отказ суда в проведении психофизиологической экспертизы с применением полиграфа также является правильным, поскольку законом не предусмотрено принятие результатов такой экспертизы в качестве доказательства по уголовному делу»⁵. По нашему мнению, довод отказа в удовлетворении ходатайства о проведении психофизиологической экспертизы понятен не в полной мере, поскольку действующий закон не регламентирует возможность проведения каждой отраслевой криминалистической экспертизы, УПК РФ не уточняет, какие именно отраслевые криминалистические экспертизы оцениваются в качестве доказательств, а какие нет. К тому же позиция Верховного Суда Российской Федерации является толкованием судебной практики, но не законом. В чем конкретно выражается недопустимость психофизиологической экспертизы в качестве доказательства, видится в вышеупомянутом апелляционном определении не вполне обоснованным. Корректной может показаться следующая формулировка в обоснование правомерности отказа в полиграфическом исследовании: «Вопреки доводам жалобы оснований для назначения психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа не имелось, так как уголовно-процессуальный закон не предусматривает законодательной возможности применения полиграфа в уголовном процессе»⁶. Однако суд не обосновывает нормами УПК РФ свой вывод. Возникает резонный вопрос: тогда какими нормами УПК РФ предусмотрена возможность проведения судебно-медицинской экспертизы или

⁵ Апелляционное постановление Суда апелляционной инстанции Астраханского областного суда № 22-1340/2024 г. от 20 августа 2024 г. по делу № 1-11/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/owMloj1utRl3/?regular-txt> (дата обращения: 05 мая 2024 г.).

⁶ Апелляционное постановление Саратовского областного суда № 22-1706/2024 г. от 5 августа 2024 г. по делу № 1-28/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/aO0MxzgdZ8NV/?page=2®ular-txt=%> (дата обращения: 04.05.2025).

психолого-сексолого-психиатрической экспертизы. Ведь УПК РФ не детализирует специфику той или иной экспертизы и возможность их применения, все они относятся к разряду «научных доказательств», в которых имеет место в качестве основы специальное знание. Если конкретные заключения экспертов могут отвечать требованиям, которые предъявляются к доказательствам, в частности, относимости, допустимости, достаточности, достоверности, а какие-то нет, тогда следует обосновать такую причину.

В целях соблюдения корректности подобного рода судебных отказов, можно было бы дополнить позицию суда цитатой Верховного Суда Российской Федерации. Например, отказ в оценке исследования посредством полиграфа в качестве доказательства судом апелляционной инстанции обосновывается позицией, которая была представлена Верховным Судом Российской Федерации следующим образом: «согласно ч. 1 ст. 74 УПК РФ, доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Сведения, полученные в ходе психофизиологического исследования с применением полиграфа, могут быть использованы на стадии предварительного расследования в целях проверки следственных версий»⁷.

В то же время можно привести примеры из судебной практики, когда заинтересованные участники процесса рассматривают отказ в проверке показаний на полиграфе в качестве оснований для обжалования приговора суда первой инстанции и полагают: «постановлениями ОМ №228 2018 года ему незаконно отказывают в проверке на полиграфе Б, что судом первой инстанции должно расцениваться, как действия, затрудняющие его доступ к правосудию»⁸.

Подобного рода отказы в оценке в качестве доказательства возникают и при использовании альфакторной экспертизы, поскольку для наших судов она не считается научно обоснованной, содержит немало вопросов, свидетельствующих о вероятности на предмет ее научной достоверности.

В этой связи нам видится возможность предложить новую классификацию признания доказательств недопустимыми. В основе такой классификации выступает степень доверия в достоверности получаемой информации. Следовательно, если у стороны нет оснований доверять достоверности специальных познаний эксперта, значит, есть основания для признания недопустимыми. Только возникает резонный

⁷ Апелляционное постановление Суда апелляционной инстанции Ставропольского краевого суда № 22К-3194/2024 от 29 июля 2024 г. по делу № 3/14-8/2024 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/weeRvaldwul1/?page=2®ular-txt=%D0> (дата обращения: 04.05.2025).

⁸ Апелляционное постановление Курского областного суда № 22К-864/2024 от 12 августа 2024 г. по делу № 3/10-19/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: Апелляционное постановление [Электронный ресурс] // <https://sudact.ru/regular/doc/ZwJk1OQ9giQ1/?regular-txt=%D0%BF%> (дата обращения: 04.05.2025).

вопрос: а по ходатайству ли сторон суды признают недопустимыми доказательствами психофизиологические экспертизы? В свете анализа судебной практики, мы такой факт абсолютизировано не наблюдаем, для нас очевидна презумпция недопустимости, продиктованная позицией Верховного Суда Российской Федерации. Следовательно, для нас очевидны факты, которые формируются в свете внутреннего убеждения суда. Значит, необходима однозначная законодательная позиция, обоснованное решение судов о причинах отказа в допустимости определенного источника, для которого нет оснований признания в качестве доказательства, поскольку позиции Верховного Суда Российской Федерации не имеют юридическую силу закона, соответственно, не могут подменять нормы действующего законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васяев, А. А. Признание доказательств недопустимыми в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе : монография / А. А. Васяев. М.: Волтерс Клувер, 2010. 176 с.
2. Файрушина, Р. Д. Способы признания доказательств недопустимыми // Право: ретроспектива и перспектива : науч. журн. электрон. версия. 2022. № 2 (9). С. 70–74 : КиберЛенинка – научная электронная библиотека. сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-priznaniya-dokazatelstv-nedopustimymi> (дата обращения: 02.04.2025).
3. Сурцев, А. В. Институт недопустимых доказательств в уголовном процессе // Пробелы в Российском законодательстве : юрид. журн. электрон. версия. 2020. Т. 13. № 4. С. 239–241 : КиберЛенинка – научная электронная библиотека. сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-nedopustimyh-dokazatelstv-v-ugolovnom-protsess> (дата обращения: 02.04.2025).
4. Деятельность прокурора по защите прав несовершеннолетних : монография / под общ. ред. Р. В. Жубрина. М.: ИД «Городец», 2024. 312 с.
5. Тарасов, И. С. Недопустимые доказательства в уголовном процессе: проблемы толкования ч. 1 ст. 75 УПК РФ // Приволжский научный вестник : науч. журн. электрон. версия. 2014. № 3–2 (31). С. 80–84 : КиберЛенинка – научная электронная библиотека. сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nedopustimye-dokazatelstva-v-ugolovnom-protsesse-problemy-tolkovaniya-ch-1-st-75-upk-rf> (дата обращения: 26.03.2025).
6. Гаспарян, Н. Почему допустимы недопустимые доказательства? Адвокатская газета : сайт .URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/pochemu-dopustimy-nedopustimye-dokazatelstva/> (дата обращения: 03.05.2025).
7. Лямин, А. Представляем Вам подборку судебных актов кассационных судов общей юрисдикции в части признания доказательств недопустимыми : Адвокатская палата УР : сайт. URL: https://apur.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1690 (дата обращения: 18.04.2025).
8. Андреева, О. И. Проблемы психофизиологического исследования: криминалистический аспект // Вестник Томского государственного университета : науч. журн. электрон. версия. 2014. № 389. С. 158–161 : КиберЛенинка – научная

электронная библиотека. сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-psihofiziologicheskogo-issledovaniya-kriminalisticheskiiy-aspekt> (дата обращения: 03.05.2025).

9. Аминев, Ф. Г. О научно-методическом обеспечении психофизиологической экспертизы с применением полиграфа / Ф. Г. Аминев, А. Ф. Аминев // Проблемы экономики и юридической практики : науч. журн. электрон. версия. 2020. Т. 16. № 1. С 175–178. КиберЛенинка – научная электронная библиотека. сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nauchno-metodicheskom-obespechenii-psihofiziologicheskoy-ekspertizy-s-primeneniem-poligra> (дата обращения: 02.05.2025).

REFERENCES

1. Vasyaev, A. A. Vasyaev, A. A. Priznanie dokazatel'stv nedopustimymi v khode sudebnogo sledstviya v sude pervoi instantsii v rossiiskom ugolovnom protsesse [Recognition of evidence as inadmissible during judicial investigation in the court of first instance in the Russian criminal process]. Moscow, 2010, 176 p.

2. Fairushina, R. D. Sposoby priznaniya dokazatel'stv nedopustimymi [Ways of recognizing evidence as inadmissible]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-priznaniya-dokazatelstv-nedopustimymi> (date of request: 02.04.2025).

3. Surtsev, A. V. Institut nedopustimyykh dokazatel'stv v ugolovnom protsesse [Institute of inadmissible evidence in criminal proceedings]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-nedopustimyykh-dokazatelstv-v-ugolovnom-protsess> (date of request: 02.04.2025).

4. Zhubrina, R. V. Deyatel'nost' prokurora po zashchite prav nesovershennoletnikh [Activities of the prosecutor for the protection of the rights of minors]. Moscow, 2024, 312 p.

5. Tarasov, I. S. Nedopustimye dokazatel'stva v ugolovnom protsesse: problemy tolkovaniya ch. 1 st. 75 UPK RF [Inadmissible evidence in criminal proceedings: problems of interpretation of Part 1 of Article 75 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nedopustimye-dokazatelstva-v-ugolovnom-protsesse-problemy-tolkovaniya-ch-1-st-75-upk-rf> (date of request 26.03.2025).

6. Gasparyan, N. Pochemu dopustimy nedopustimye dokazatel'stva? [Why is unacceptable evidence acceptable?]. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/pochemu-dopustimy-nedopustimye-dokazatelstva/> (date of request: 03.05.2025).

7. Lyamin, A. Predstavlyaem Vam podborku sudebnykh aktov kassatsionnykh sudov obshchei yurisdiktsii v chasti priznaniya dokazatel'stv nedopustimymi [We present to you a selection of judicial acts of the cassation courts of general jurisdiction regarding the recognition of evidence as inadmissible]. URL: https://apur.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1690 (date of request 18.04.2025).

8. Andreeva, O. I. Problemy psikhofiziologicheskogo issledovaniya: kriminalisticheskii aspekt [Problems of psychophysiological research: criminalistic aspect]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-psihofiziologicheskogo-issledovaniya-kriminalisticheskiiy-aspekt> (date of request 03.05.2025).

9. Aminev, F. G., Aminev, A. F. О nauchno-metodicheskom obespechenii psikhofiziologicheskoi ekspertizy s primeneniem poligrafa [On scientific and methodological support of psychophysiological examination using a polygraph]. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/o-nauchno-metodicheskom-obespechenii-psikhofiziologicheskoy-ekspertizy-s-primeneniem-poligra> date of request: 02.05.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Брянская Елена Васильевна, доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук. Санкт-Петербургский университет МВД России. 198206, Российская Федерация, Санкт-Петербург, улица Летчика Пилютова, 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bryanskaya Elena Vasilyevna, candidate of legal sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 198206, Russian Federation, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.

Статья поступила в редакцию 19.01.2025 одобрена после рецензирования 21.02.2025; принята к публикации 17.04.2025.

The article was submitted 19.01.2025; approved after reviewing 21.02.2025; accepted for publication 17.04.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 2 (113). С. 101–113.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no. 2 (113). Pp. 101–113.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.13

К ВОПРОСУ О СЛЕДСТВЕННОМ ОСМОТРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Гапонова Валентина Николаевна

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация,
valentina3886@mail.ru

Введение. Каждое уголовное дело предусматривает за собой производство следственных действий, исходя из этого, можно сказать, что следственные действия – это неотъемлемая часть абсолютно любого уголовного дела. Единственным исключением является то, что некоторые виды следственных действий предусмотрены для каждого уголовного дела, а некоторые могут и не производиться вовсе.

Следственные действия являются ядром деятельности органов предварительного расследования, поскольку служат важнейшим источником доказательств по уголовному делу.

Анализируя действующее уголовно- процессуальное законодательство и сопоставляя его с реалиями практической деятельности по расследованию преступлений, выявлен ряд значимых пробелов, неточностей и противоречий.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее цели, основания и порядок производства следственных действий. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования. Проведенное исследование показало, что до настоящего времени в УПК РФ отсутствует определения понятия «следственные действия». Вместе с тем, выявлено несовершенство законодательного регулирования правовых норм, предусматривающих основания, цели и порядок производства следственного действия – осмотра.

Выводы и заключения.

1. Во избежание неоднозначной трактовки УПК РФ должен содержать четкие формулировки, раскрывающие суть понятия «следственные действия», а относительно каждого конкретного следственного действия должны быть определены конкретные основания и четкий порядок производства.

2. Корректировка понятия и порядка проведения осмотра позволит избежать двусмысленное понимание порядка его проведения, а также будет исключена возможность признания протокола такого следственного действия недопустимым доказательством.

3. Предлагается следующая интерпретация определения понятия «осмотра места происшествия»: это неотложное следственное действие, осуществляемое после поступления сообщения о преступлении, заключающееся в обследовании территорий, помещений, в том числе и жилых, иных объектов путём наблюдения и проведения поисковых мероприятий с целью обнаружения и изъятия следов, предметов, документов, иных объектов, лиц, причастных к совершению преступления и в отношении которых совершено преступление и фиксации результатов и обстановки в соответствующем протоколе.

4. Для урегулирования проблемных вопросов, связанных с «подменой» следственных действий в ходе осмотра места происшествия, необходимо внести дополнения в ст. 177 УПК РФ следующего содержания: «При производстве осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела вправе присутствовать заявитель, иные заинтересованные лица и давать пояснения об обстановке, месте нахождения имеющих значение для уголовного дела предметов, документов и иных объектов».

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, следственные действия, следственный осмотр, осмотр места происшествия, осмотр жилища

Для цитирования: Гапонова, В. Н. К вопросу о следственном осмотре: проблемы теории и практики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 101–113.

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

THE ISSUE OF INVESTIGATIVE INSPECTION: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Valentina N. Gaponova

East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk, Russian Federation,
valentina3886@mail.ru

Introduction. Every criminal case provides for the production of investigative actions, therefore, it can be said that investigative actions are an integral part of absolutely any criminal case. The only exception is that some types of investigative actions are provided for each criminal case, and some may not be performed at all.

Investigative actions are the core of the activity of preliminary investigation bodies, as they serve as the most important source of evidence in a criminal case.

By analysing the current criminal procedural legislation and comparing it with the realities of practical activities in the investigation of crimes, a number of significant gaps, inaccuracies and contradictions have been identified.

Materials and Methods. The normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal procedure

legislation regulating the goals, grounds and procedure for conducting investigative actions. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as the methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

The Results of the Study. The conducted study showed that to date the Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not contain a definition of the concept of "investigative actions". At the same time, imperfections in the legislative regulation of legal norms providing for the grounds, goals and procedure for conducting an investigative action - inspection were revealed.

Findings and Conclusions:

1. In order to avoid ambiguous interpretation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation should contain clear formulations that reveal the essence of the concept of "investigative actions", and specific grounds and a clear procedure for each specific investigative action should be determined.

2. Adjustment of the concept and procedure for conducting an inspection will avoid ambiguous understanding of the procedure for its conduct, and the possibility of recognizing the protocol of such an investigative action as inadmissible evidence will be excluded.

3. The following interpretation of the definition of the concept of "inspection of the scene of the crime" is proposed: this is an urgent investigative action carried out after receiving a report of a crime, consisting of examining territories, premises, including residential and other objects by observing and conducting search activities in order to detect and seize traces, objects, documents, other objects, persons involved in the commission of the crime and against whom the crime was committed and recording the results and the situation in the relevant protocol.

4. In order to resolve problematic issues related to the "substitution" of investigative actions during the inspection of the scene of the crime, it is necessary to make additions to Article 177 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with the following content: "During the inspection of the scene of the crime before the initiation of a criminal case, the applicant and other interested persons have the right to be present and give explanations about the situation, the location of objects, documents and other objects that are important for the criminal case.

Keywords: criminal proceedings, investigative actions, investigative inspection, crime scene inspection, home inspection

For citation: Gaponova, V. N. K voprosu o sledstvennom osmotre: problemy teorii i praktiki [The issue of investigative inspection: problems of theory and practice]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no.2 (113), pp. 101–113.

Рассуждая о проблемных вопросах производства отдельных следственных действий, нельзя не заострить внимание на том, что и само понятие «следственные действия» законодателем не сформулировано.

До настоящего времени УПК РФ¹ не дает понятия «следственных действий», что побуждает ученых – процессуалистов вырабатывать и предлагать свои формулировки, которые зачастую противоречат друг другу.

В юридической науке существует различные точки зрения относительно понятия «следственные действия».

По мнению А. М. Ларина [1] и И. Ф. Герасимова [2, с. 69], к ним следует относить все процессуальные действия, проводимые следователем в ходе расследования уголовных дел. Такое же мнение разделяет А. П. Кругликов [3, с. 40] и др.

Не вдаваясь в дискуссию по данному вопросу, отметим, что не следует объединять разные по своей правовой природе действия в одно понятие.

С. А. Шейфер рассматривал следственные действия в познавательном и процессуальном аспекте [4, с. 11]. При этом с познавательной точки зрения следственное действие является способом собирания доказательств. С процессуальной же стороны проведение следственного действия чётко регламентируется УПК РФ, нормы которого образуют специфический институт уголовно-процессуального права, реализуемый в правоотношениях между его участниками. Заслуживающей внимания представляется точка зрения Р. А. Хабибовой, предлагающей внести дополнительный пункт в ст. 5 УПК РФ с определением понятия следственных действий как прямо предусмотренных и регламентированных уголовно-процессуальным законом процессуальных действий познавательного характера по собиранию и проверке доказательств, имеющих фактические и юридические (процессуальные) основания, проводимых уполномоченными на то должностными лицами с целью установления и доказывания имеющих значение для уголовного дела фактических обстоятельств, характеризующихся детальной процедурой производства и оформления, обеспеченные уголовно-процессуальным принуждением и предусматривающих обязательное удостоверение результатов производства со строгим соблюдением процессуальной формы [5, с. 110].

Во избежание неоднозначной трактовки, УПК РФ должен содержать четкие формулировки, раскрывающие суть разъясняемого понятия, а относительно каждого конкретного следственного действия должны быть определены конкретные основания и четкий порядок производства.

В современных условиях данные положения приобретают особое значение, поскольку напрямую касаются строго и неукоснительного соблюдения порядка производства по уголовным делам [6, с. 95].

В настоящем исследовании хотелось бы подробнее остановиться на таком следственном действии, как осмотр, поскольку он является одним из самых распространённых, без которого не обходится ни одно уголовное дело.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 13.02.2025).

Так, один из видов осмотра – осмотр места происшествия как следственное действие является важным средством получения информации о расследуемом преступлении.

Вместе с тем, процессуальный порядок производства осмотра законодателем не в полной мере урегулирован.

Теория уголовного процесса определяет осмотр места происшествия как следственное действие, заключающееся в обследовании (визуальном наблюдении) участка местности, помещения, иных территорий с целью обнаружения, изъятия и фиксации следов и объектов, относящихся к событию преступления, изучения обстановки и получения фактических данных, имеющих значение для уголовного дела. В связи с недостаточно точными определениями сущности и порядка его производства имеются случаи, когда следователи «подменяют» одно следственное действие другим. Так, при проверке сообщения о преступлении не предусмотрена возможность производства проверки показаний на месте, однако при этом проводят осмотр места происшествия с участием заявителя, который указывая на отдельные участки территории и помещений, даёт определённые пояснения, а фактически – показания на месте. Кроме того, при производстве осмотра нередко возникают такие ситуации, когда открываются тумбочки, ящики что делать категорически нельзя, поскольку это другое следственное действие – обыск.

В связи с тем, что дача показаний при проведении данного следственного действия не предусмотрена, как не предусмотрено и проведение поисковых мероприятий, фактически, такие следственные действия как проверка показаний на месте и обыск подменяются осмотром места происшествия.

Возникает вопрос: могут ли результаты производства такого следственного действия являться допустимым доказательством? Представляется что, такое доказательство нельзя использовать в качестве такого, поскольку при его получении допущены нарушения уголовно-процессуального доказательства.

Если рассматривать ситуацию со стороны действующих сотрудников органов внутренних дел, деятельность которых направлена на выявление признаков преступления, раскрытие и расследование преступлений, то проведение осмотра места происшествия без поисковых мероприятий и возможности преодоления различных преград в виде нарушения целостности отдельных структур является не эффективным и малоинформативным. Например, невозможно обнаружить труп, который закопан в земле или замурован в стену, без преодоления и разрушения соответствующих препятствий и поисковых мероприятий [7, с. 216].

Кроме того, невозможно при наличии информации о месте нахождения «закладок» с наркотическим средством обнаружить и изъять их до возбуждения уголовного дела, не проводя поисковых действий и не повреждая структуры определённых объектов (когда закладки помещают под покрытие пола или стен заброшенных зданий, также прячут партии наркотических средств большого объёма, помещая их в тайники). А без наличия самих искомых объектов невозможно установить признаки преступления, то есть при проведении осмотра места происшествия в данных случаях такой протокол может быть признан недопустимым доказательством, либо при соблюдении всех правовых норм, данные преступления не будут выявлены либо необходимые доказательства будут утрачены.

Таким образом, возникает необходимость уточнения самого понятия и порядка проведения осмотра, в том числе и осмотра места происшествия. Корректировка такого понятия позволит избежать двусмысленное понимание порядка проведения осмотра места происшествия, а также будет исключена возможность признания протокола указанного следственного действия недопустимым доказательством.

Предлагается следующая интерпретация определения осмотра места происшествия: это неотложное следственное действие, осуществляемое после поступления сообщения о преступлении, заключающееся в обследовании территорий, помещений, в том числе и жилых, иных объектов путём наблюдения и проведения поисковых мероприятий с целью обнаружения и изъятия следов, предметов, документов, иных объектов, лиц, причастных к совершению преступления и в отношении которых совершено преступление и фиксации результатов и обстановки в соответствующем протоколе.

Кроме того, ст. 176 УПК РФ называет целями осмотра обнаружение следов преступления и выяснение других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Изъятие как цель осмотра не предусмотрена. В ч. 3 ст. 177 УПК РФ имеется лишь указание на возможность изъятия предметов, если для их осмотра требуется продолжительное время. Из смысла рассматриваемой статьи следует, что изъятие объектов в ходе осмотра не предусматривается, а является лишь возможностью в исключительном случае. Каким образом тогда следует изымать следы, предметы и иные объекты до возбуждения уголовного дела?

При совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или оружия, а также иных предметов и веществ, изъятых из гражданского оборота, изъятие перечисленного является обязательным, даже при наличии одного объекта, осмотр которого не требует продолжительного времени. Также на месте происшествия могут находиться предметы и следы, имеющие отношение к лицу, совершившему преступление, которые помогут идентифицировать преступника и доказать его причастность к совершенному преступлению, однако по прямому толкованию ст. 177 УПК РФ они также не подлежат изъятию. Ни одно следственное действие, регламентированное действующим УПК РФ, не предполагает возможности изъятия каких-либо объектов до возбуждения уголовного дела, что в большой степени затрудняет формирование доказательственной базы не только на рассматриваемой стадии, но и не позволяет в дальнейшем использовать такие объекты в качестве доказательств.

Для урегулирования вышеуказанных проблемных вопросов, связанных с «подменой» следственных действий в ходе осмотра места происшествия, следовало бы внести дополнения в ст. 177 УПК РФ следующего содержания: «При производстве осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела вправе присутствовать заявитель, иные заинтересованные лица и давать пояснения об обстановке, месте нахождения имеющих значение для уголовного дела предметов, документов и иных объектов».

Несмотря на то, что ст. 176 УПК РФ именуется «Основание производства осмотра», диспозиция статьи не указывает на конкретные основания для его проведения. На наш взгляд, необходимо указать в качестве оснований для производства осмотра: поступившее сообщение о преступлении или наличие

возбужденного уголовного дела для установления признаков и обстоятельств преступления.

Также, при осмотре места происшествия имеют место случаи отказа следователю со стороны должностных и иных лиц в предоставлении видеозаписи, иной информации, имеющей значения для установления обстоятельств и лиц, совершивших преступление. Часто такой отказ связан просто с нежеланием содействовать правоохранительным органам, а иногда с требованием письменного запроса и получением разрешения от руководителя или владельца предприятия, учреждения, государственных и иных организаций и коммерческих структур, в которых истребуются данные сведения.

Для преодоления данной проблемы предлагаем внести дополнения в ст. 177 УПК РФ следующего содержания: «Должностные и иные лица предприятий, учреждений, государственных и иных организаций и коммерческих структур обязаны предоставлять по устному требованию следователя, дознавателя при проведении осмотра места происшествия, возможность просмотра и изъятия видеозаписи, относящейся к рассматриваемому событию преступления или способствующей установлению обстоятельств преступления и лиц его совершивших».

Такие дополнения позволили бы в определенной степени повлиять на снижение уровня преступности и возможность скорейшего раскрытия преступлений.

В настоящее время следственная практика сложилась таким образом, что при необходимости проведения до возбуждения уголовного дела осмотра жилого помещения, в котором совершено преступление или имеются какие-либо следы и подлежащие изъятию объекты, истребуется разрешение собственника или лиц, в нем проживающих, которое оформляется соответствующей записью в протоколе осмотра места происшествия. В данном случае, сотрудники, производящие осмотр, должны руководствоваться положениями ч. 1 ст. 144 УПК РФ, допускающими проведение осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела. Другой альтернативы осмотра жилого помещения до возбуждения уголовного дела законодатель не предусматривает.

Сложившаяся вышеописанная следственная практика представляется не только не логичной, но и категорически не верной, так как к одному виду осмотра (места происшествия) применяются требования проведения другого вида осмотра (жилища), который возможен лишь после возбуждения уголовного дела.

Рассматривая данную позицию следственных органов, в случае не получения согласия на осмотр жилого помещения, например, если в этом помещении произошло убийство и преступнику не выгодно давать согласие, чтобы были установлены все обстоятельства его причастности к данному преступлению, следователь должен отказаться от осмотра до момента возбуждения уголовного дела.

В целях устранения таких противоречий возникает необходимость уточнить ч. 1 ст. 144 УПК РФ о возможности производства осмотра места происшествия, в том числе в жилых и иных помещениях в случаях, когда имеются достаточные данные о совершении в них преступлений.

Осмотр жилища хоть и регламентирован уголовно-процессуальным законом, однако не имеет практического значения как следственное действие. Осмотр жилища возможен только после возбуждения уголовного дела, тогда с какой целью его следует проводить, учитывая, что в действующей редакции он не предусматривает поисковых

мероприятий? Для целей обнаружения каких-либо следов, объектов или лиц намного эффективнее провести обыск.

Согласно ч. 5 ст. 177 УПК РФ осмотр жилища проводится с согласия проживающих в нём лиц или на основании судебного решения. Тем самым, главным условием следственного осмотра жилища является наличие согласия проживающих в нём лиц. Такое согласие необходимо получить до начала производства осмотра, чтобы в дальнейшем, лицо, его давшее не отказалось.

Представляется необходимым отметить, что в случае если собственник жилого помещения не проживает в нём, его согласие не требуется, достаточно согласия проживающего в нём лица. Отсутствие согласия собственника в такой ситуации не будет свидетельствовать о нарушении норм уголовно-процессуального закона при производстве осмотра.

В случае если осмотром места происшествия является жилище, то наличие судебного разрешения, если проживающие против, не является исключением. Здесь возникает вполне логичный вопрос, а нужно ли получать согласие на производство осмотра в жилище у всех лиц, проживающих или находящихся в нём?

Правовая позиция Верховного суда Российской Федерации, отраженная в Постановлении Пленума Российской Федерации от 1 июня 2017 года № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» состоит в том, что в случае несогласия на производство осмотра хотя бы одного из проживающих в нём лиц, требуется судебное разрешение на его производство (п. 8)².

А как необходимо проводить осмотр жилища, в случае, если лицо, являющееся собственником и проживающее в нём по каким-то причинам, отсутствует продолжительное время?

Так, Верховным судом Российской Федерации отмечено, что отсутствие гражданки Т., являющейся собственником жилого дома и проживающей в нём, в силу отбывания наказания не может являться свидетельством нарушения порядка осмотра, поскольку гражданка Я. проживала в данном доме с разрешения своей сестры Т. и дала согласие на производство рассматриваемого следственного действия. Такой порядок, как вполне логично отмечено А. В. Павловым и И. П. Пилюшиным может распространяться и на иные случаи, когда лицо продолжительное время не может прибыть к месту происшествия (например, длительная командировка и др.) [8, с. 28].

Также представляется необходимым указать на то, что осмотр места происшествия возможно произвести в отсутствие проживающих лиц, если все жильцы убиты, данное следственное действие производится в случаях, не терпящих отлагательств, по постановлению следователя или дознавателя с соблюдением порядка, предусмотренного ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

² О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) : Постановление Пленума Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217688/ (дата обращения: 19.12.2024).

Наличие судебного контроля обеспечивает обоснованность производства такого вида следственного осмотра, что направлено на защиту прав и законных интересов лиц, проживающих в нем.

В случае, если данное требование не будет соблюдено, то, как результат производства следственного действия будет признан недопустимым доказательством и исключен из материалов уголовного дела, так и все производные от него доказательства.

Так, по ходатайству защиты суд первой инстанции признал ряд доказательств стороны обвинения недопустимыми, по причине существенности допущенных нарушений сотрудником следственного органа. Следователем в нарушение требований ст. 165, 176 и 177 УПК РФ был проведен осмотр места происшествия – жилища в отсутствие, как согласия проживающих там лиц, так и последующего судебного контроля законности такого следственного действия. В силу нарушения требований ст. 75 УПК РФ суд признал протокол осмотра места происшествия – жилища, а также всех доказательств, производных от данного протокола, в части произведенных действий с изъятыми в ходе осмотра предметами недопустимыми доказательствами и исключил из материалов дела. Доказательствами, производными от осмотра места происшествия по данному уголовному делу являлись – заключения экспертиз: судебно-биологической, молекулярно-генетической, дактилоскопической и так далее³.

Также здесь возникает вопрос необходимо ли наличие формального основания, то есть, получение судебного разрешения на осмотр телефона? В уголовно-процессуальном законе по этому вопросу ничего не указано. Однако в ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации указано «Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения».

А. М. Багмет и С. Ю. Скобелин полагают, что не во всех случаях осмотра мобильного телефона необходимо получение соответствующего решения суда [9, с. 25].

Также возникает вопрос о легитимности осмотра сотового телефона, в случае если получено судебное разрешение на производство следственного действия по результатам которого он изъят (например, обыска или осмотра в жилище).

По мнению, А. Б. Соколова, Е. И. Третьяковой дополнительного судебного решения на осмотр мобильного телефона не требуется, когда указанное устройство обнаружено и изъято при производстве следственных действий на основании судебного решения, либо в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ [10, с. 217].

Как отмечено А. Л. Осиповым, российская судебная практика в большинстве случаев указывает на то, что получать специальное судебное решение для осмотра мобильного телефона (в том числе для целей фиксации данных, хранящихся в его электронной памяти) не требуется [11, с. 128].

³ Баландин Алексей. Когда осмотр жилища проведен незаконно // Адвокатская газета : сайт. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/kogda-osmotr-zhilishcha-proveden-nezakonno/> (дата обращения 15.01.2025).

Конституционный Суд Российской Федерации не раз высказывался по данному вопросу и еще раз подчеркнул в своём определении от 27.06.2023 № 1773-О⁴ том, что получение имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения. Лица же, полагающие, что проведение соответствующих следственных действий и принимаемые при этом процессуальные решения способны причинить ущерб их конституционным правам, в том числе праву на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, могут оспорить данные процессуальные решения и следственные действия в суд в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК РФ⁵.

Такие выводы поддерживает и правоприменительная практика. Так, осмотр мобильного телефона был признан допустимым доказательством Шестым кассационным судом общей юрисдикции, который в определении от 29.06.2022 № 77-3153/2022⁶, указал

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Брянцева Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 части второй статьи 29, частями первой и второй статьи 75, частями первой, четвертой и пятой статьи 165 и частью третьей статьи 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2023 г. № 1773-О // ЮИС Легалакт. Законы, кодексы нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27062023-n-1773-o/> (дата обращения 10.01.2025)

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 189-О // ЮИС Легалакт. Законы, кодексы нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25012018-n-189-o/> (дата обращения 10.01.2025); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сидака Константина Петровича на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 164 и статьей 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2018 г. № 1955-О // ЮИС Легалакт. Законы, кодексы нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17072018-n-1955-o/> (дата обращения 10.01.2025); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Габашвили Игоря Сергеевич на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 176 и частью второй статьи 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 2019 г. № 3205-О // ЮИС Легалакт. Законы, кодексы нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28112019-n-3205-o/> (дата обращения 10.01.2025).

⁶ Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 29.06.2022 № 77-3153/2022 // Шестой кассационный суд общей юрисдикции : сайт. URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1309105&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 13.09.2024 (дата обращения 10.12.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

следующее «Осмотр мобильных телефонов, изъятых у С. произведен следователем с соблюдением требований ст. ст. 164, 176, 177 УПК РФ. Проведение осмотра с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти электронных устройств, изъятых в установленном законом порядке, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения. При этом требования об обязательном участии в осмотре изъятых телефонов специалиста закон не содержит, в силу ст. ст. 38, 168 УПК РФ вопрос о привлечении специалиста для участия в следственном действии находится в компетенции следователя».

С учётом вышеизложенного представляется, что нет необходимости в получении разрешения суда на производство осмотра предмета – мобильного телефона, в случае если данный предмет был изъят в ходе следственных действий и проводится с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации.

В заключении хотелось бы отметить, что предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации по рассматриваемым в настоящем исследовании вопросам обеспечат надлежащее производство по уголовному делу и будут способствовать достижению назначения уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ларин, А. М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М., 1970. 224 с.
2. Герасимов, И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975. 256 с.
3. Кругликов, А. П. Неотложные следственные действия // Уголовное право. 2004. № 3. С. 93–94.
4. Шейфер, С. А. Система следственных действий: каковы пути ее развития? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 5–16.
5. Хабибова, Р. А. «К вопросу о понятии следственного действия» // Закон и право. 2019. № 7. С. 108–111.
6. Антипов, А. Ю. Развитие теоретических основ института доказывания // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2018. № 3 (86). С. 94–99.
7. Тактоева, В. В. К вопросу о понятии и правовой природе осмотра места происшествия // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (18). С. 215–219.
8. . Павлов, А. В., Пилюшин, И. П. Получение согласия проживающих лиц на осмотр места происшествия в жилище // Российский следователь. 2021. № 3. С. 26–29.
9. Багмет, А. М., Скобелин, С. Ю. Извлечение данных из электронных устройств как самостоятельное следственное действие // Право и кибербезопасность. 2013. № 2. С. 22–27.
10. Соколов, А. Б., Третьякова, Е. И. Осмотр мобильного телефона: неразрешенные вопросы правоприменения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 2 (26). С. 214–228.

11. Осипов, А. Л. Защита права граждан на неприкосновенность их частных коммуникаций в уголовном судопроизводстве: национальный и зарубежный аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 1 (146). С. 124–135.

REFERENCES

1. Larin, A. M. Rassledovanie po ugovnomu delu. Planirovanie, organizaciya [Criminal Investigation. Planning, Organization]. Moscow, 1970, 224 p.
2. Gerasimov, I. F. Nekotorye problemy raskrytiya prestuplenij [Some Problems of Solving Crimes]. Sverdlovsk, 1975, 256 p.
3. Kruglikov, A. Neotlozhnye sledstvennye dejstviya [Urgent Investigative Actions]. Ugolovnoe pravo. – Criminal Law. 2004, no. 3, pp. 93–94.
4. Sheifer, S. A. Sistema sledstvennyh dejstvij: kakovy puti ee razvitiya? [Elektronnyj resurs] [System of Investigative Actions: What Are the Paths of Its Development?]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2015, no. 2, pp. 5–16.
5. Khabibova, R. A. K voprosu o ponyatii sledstvennogo dejstviya [On the Concept of Investigative Action]. Zakon i pravo. – Law and Right. 2019, no. 7, pp. 108–111.
6. Antipov, A. Yu. Razvitie teoreticheskikh osnov instituta dokazyvaniya [Development of the theoretical foundations of the institute of evidence]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018, no. 3 (86), pp. 94–99.
7. Taktoeva, V. V. K voprosu o ponyatii i pravovoj prirode osmotra mesta proisshestviya [On the issue of the concept and legal nature of the inspection of the scene of the crime]. Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 4 (18), pp. 215–219.
8. Pavlov, A. V. Pilyushin I.P. Poluchenie soglasiya prozhivayushchih lic na osmotr mesta proisshestviya v zhilishche [Obtaining consent of residents to inspect the scene of the crime in the home]. Rossijskij sledovatel' – Russian investigator. 2021. No 3. Pp. 26–29.
9. Bagmet, A. M., Skobelin, S. Yu. Izvlechenie dannyh iz elektronnyh ustroystv kak samostoyatel'noe sledstvennoe dejstvie [Data extraction from electronic devices as an independent investigative action]. Pravo i kiberbezopasnost' – Law and cybersecurity. 2013, no. 2, pp. 22–27.
10. Sokolov, A. B. Tretyakova, E. I. Osmotr mobil'nogo telefona: nerazreshennye voprosy pravoprimeneniya [Inspection of a mobile phone: unresolved issues of law enforcement]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra – Forensic science: yesterday, today, tomorrow. 2023, no. 2 (26), pp. 214–228.
11. Osipov, A. L. Zashchita prava grazhdan na neprikosnovennost' ih chastnyh kommunikacij v ugovnom sudoproizvodstve: nacional'nyj i zarubezhnyj aspekty [Protection of the right of citizens to the inviolability of their private communications in criminal proceedings: national and foreign aspects]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law. 2023, vol. 18, no. 1 (146), pp. 124–135.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гапонова Валентина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Россия, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

ORCID:0000-0002-1410-8165

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gaponova Valentina Nikolaevna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, deputy chief Department of Criminal Procedure. East Siberian Institute of the MIA of Russia. Russia. 664074, Irkutsk, Lermontov St., 110.

ORCID:0000-0002-1410-8165

Статья поступила в редакцию 27.02.2025; одобрена после рецензирования 21.03.2025; принята к публикации 17.04.2025.

The article was submitted 27.02.2025; approved after reviewing 21.03.2025; accepted for publication 17.04.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 2 (113). С. 114–125.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no. 2 (113). Pp. 114–125.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.13

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И СОДЕЙСТВИЕ ПРАВОСУДИЮ: СТРАТЕГИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Гуськова Анна Борисовна

Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Российская Федерация,
AnnaBorisovna2025@yandex.ru

Введение. В статье рассматривается дефиниция правосудия как одного из центральных инструментов достижения справедливости в восстановлении нарушенных прав. Автором подчеркивается, что в современном уголовном судопроизводстве осуществление правосудия не является совершенным, поскольку стороны защиты и обвинения не обладают эквивалентными возможностями по доказыванию своих позиций. Данные различия в контексте предоставленных им средств и инструментов для доказывания влияют на баланс сил в уголовном процессе, что в свою очередь может привести к искажению объективности и справедливости правосудия.

Методы и материалы. Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации, действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, результаты научных исследований, посвященные проблематике оказания содействия правосудию. Методологическую основу исследования составили всеобщий диалектический метод научного познания, общенаучные и частные методы индукции, дедукции, правового анализа, моделирования, описания и наблюдения.

Результаты исследования позволяют дополнить теорию уголовно-процессуального права в части рассмотрения вопросов возможности применения функции содействия правосудию для реализации принципов состязательности и равноправия сторон с целью повышения справедливости правосудия, а также сформулировать законодательные предложения по совершенствованию главы 8 УПК РФ.

Выводы и заключения. В статье делается акцент на необходимости введения самостоятельной функции содействия правосудию, при реализации которой независимые лица будут на равных условиях оказывать поддержку сторонам и суду. Предлагается внести изменения в главу 8 уголовно-процессуального кодекса

Российской Федерации, направленные на закрепление функции содействия, определения круга участников, их ролей, обязанностей и ответственности. Кроме того, автор подчеркивает важность применения информационных технологий при реализации функции содействия.

Ключевые слова: правосудие, справедливость, состязательность, содействие правосудию, досудебные стадии

Для цитирования: Гуськова, А. Б. Уголовный процесс и содействие правосудию: стратегия обеспечения справедливости // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 114–125.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

CRIMINAL PROCEEDINGS AND PROMOTING JUSTICE: STRATEGY FOR ENSURING JUSTICE

Anna B. Guskova

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russian Federation,
AnnaBorisovna2025@yandex.ru

Introduction. The proposed article examines the definition of justice as one of the central instruments for achieving justice in restoring violated rights. The author emphasizes that in modern criminal proceedings, the administration of justice is not perfect, since the defense and prosecution do not have equivalent opportunities to prove their positions. These differences in the context of the means and tools provided to them for proof affect the balance of power in criminal proceedings, which in turn can lead to a distortion of the objectivity and fairness of justice.

Methods and Materials. The normative base of the study was the Constitution of the Russian Federation, the current criminal procedure legislation of the Russian Federation, the results of scientific research devoted to the problems of assisting justice. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, general scientific and specific methods of induction, deduction, legal analysis, modeling, description and observation.

The Results of the Study allow us to supplement the theory of criminal procedure law in terms of considering the issues of the possibility of applying the function of assisting justice to implement the principles of adversarial proceedings and equality of the parties in order to improve the fairness of justice, as well as to formulate legislative proposals for improving Chapter 8 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Findings and Conclusions. The article emphasizes the need to introduce an independent function of assisting justice, in the implementation of which independent persons will provide support to the parties and the court on equal terms. It is proposed to amend

Chapter 8 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation aimed at consolidating the function of assistance, determining the range of participants, their roles, duties and responsibilities. In addition, the author emphasizes the importance of using information technology in implementing the assistance function.

Keywords: justice, fairness, adversarial nature, assistance to justice, pre-trial stages

For citation: Guskova, A. B. Ugolovnyj process i sodejstvie pravosudiyu: strategiya obespecheniya spravedlivosti [Criminal proceedings and promoting justice: strategy for ensuring justice]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no.2 (113), pp. 114–125.

Справедливость является фундаментальной характеристикой уголовного процесса, поскольку она является индикатором эффективности предварительного расследования и функционирования судебной системы в целом. Важность справедливости обуславливается тем, что зачастую в рамках уголовного судопроизводства принимаются решения, от которых зависит судьба, в связи с чем следует подходить к принятию процессуальных и судебных решений с высокой степенью внимательности и ответственности. Принятие несправедливого решения может вызвать разочарование в правосудии и недоверие к судам, правоохранительным органам и государству в целом, что в конечном итоге может привести к отрицанию права – правовому нигилизму [1, с. 38].

Категория справедливости не имеет прямого закрепления в главе 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ в качестве самостоятельного принципа, однако находит выражение в отдельных положениях уголовно-процессуального закона. Так, согласно ч. 2 ст. 6 УПК РФ назначением уголовного судопроизводства в том числе является назначение виновному справедливого наказания. В ст. 297 УПК РФ содержится положение, согласно которому приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Одним из оснований отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке является несправедливость приговора (п. 4 ст. 389.15 УПК).

В связи с повышенной значимостью справедливости в уголовном процессе считаем обоснованным ее законодательное толкование и закрепление в УПК РФ в качестве принципа уголовного судопроизводства.

В уголовном судопроизводстве справедливость достигается благодаря качественному и своевременному осуществлению правосудия. Поэтому справедливость находится в непосредственной взаимосвязи с категорией «правосудие».

Правосудие выступает одной из ключевых категорий уголовного процесса в современном обществе. В то же время следует отметить, что интерпретация этой

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.12.2024).

категории осуществляется исключительно в рамках правовой теории, что ограничивает ее единообразное понимание и практическое применение.

В нормативных правовых актах правосудие упоминается достаточно часто, однако само понятие законодателем не раскрывается. Так, данный термин упоминается в статье 118 Конституции Российской Федерации, в которой отражено положение о том, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. В статье 8 УПК РФ также закреплена норма, согласно которой правосудие в уголовном судопроизводстве реализуется исключительно судом. В соответствии с данной правовой нормой лицо может быть признано виновным в совершении преступления и подвергнуто уголовному наказанию исключительно по приговору суда. В статье 5 УПК РФ правосудие упоминается при раскрытии понятий судебное заседание (п.50) и судья (п. 54), но как самостоятельное понятие не закреплено.

Неоднократное употребление термина «правосудие» в законодательных актах и отсутствие нормативного толкования привело к многообразию в определении данного понятия у представителей научного сообщества.

Анализируя мнения ученых-процессуалистов, можно прийти к выводу, что существует два подхода к толкованию понятия «правосудие»: широкий и узкий. Сторонники узкого подхода придерживаются мнения, что правосудие осуществляется именно в процессе основного судебного разбирательства и не охватывает другие этапы уголовного процесса. Так, О. О. Басова и А. Е. Белоусов считают, что правосудие – это рассмотрение в судебном заседании вопроса о виновности или невиновности подсудимого в инкриминируемом преступлении [2, с. 192].

Е. В. Рябцева рассматривает правосудие в качестве государственной деятельности суда, которая заключается в рассмотрении уголовного дела по существу, решения вопроса о виновности и невиновности лица, назначении справедливого наказания. [3, с. 210].

Мнения данной группы авторов сводятся к тому, что правосудие осуществляется исключительно в судебном разбирательстве первой инстанции. По нашему мнению, правосудие осуществляется также и на последующих судебных стадиях: апелляционной, кассационной и надзорной. Это утверждение основано на принципах многоуровневой судебной системы, обеспечивающей защиту прав и законных интересов сторон на всех этапах судебного разбирательства. Не во всех случаях судом первой инстанции выносится правильное и обоснованное решение, и поэтому правосудие вершится на последующих стадиях судебного разбирательства. Так, согласно официальным статистическим данным Верховного суда Российской Федерации, в 2023 году в апелляционной инстанции было рассмотрено 92 уголовных дела в отношении 164 лиц (в отношении 21 лица отменены и изменены судебные постановления; в отношении 139 лиц оставлены без изменения); в кассационной инстанции – 745 дел в отношении 958 лиц (в отношении 34 лиц отменены обвинительные приговоры; в отношении 87 осужденных изменены обвинительные приговоры); в надзорной инстанции – рассмотрено 58 уголовных дел в отношении 72 лиц (в отношении 4 осужденных отменены обвинительные приговоры с направлением

дела на новое судебное рассмотрение; в отношении 5 осужденных изменены приговоры со смягчением наказания)².

Приведенные данные подчеркивают, что правосудие не исчерпывается лишь рассмотрением дела в суде первой инстанции. Следовательно, нельзя в полной мере говорить о реализации правосудия до вынесения решения об удовлетворении или отказа в удовлетворении требований, связанных с отменой или изменением приговора суда первой инстанции. С. В. Бурмагин раскрывает правосудие в качестве процесса, осуществляемого в рамках уголовного судопроизводства и включающего в себя работу суда по рассмотрению и разрешению уголовных дел, а также связанных с ними правовых вопросов, входящих в компетенцию суда [4, с. 33].

Х. Д. Хачароев считает, что правосудие – система политико-правовых отношений, норм, идей и взглядов, которые реализуются в процессуальных формах деятельности субъектов по расследованию преступлений, разрешению конституционных, гражданских, административных и уголовных дел, а также исполнению наказаний в целях достижения социальной справедливости, охраны законных прав, свобод и интересов личности, общества и государства, обеспечения законности, борьбы с преступностью [5, с. 58].

В широком понимании правосудие рассматривается как комплексная деятельность судебных органов, охватывающая не только стадии судебного разбирательства, но и досудебное производство. Представители широкого подхода аргументируют свое мнение нормой, изложенной в п. 50 ст. 5 УПК РФ, согласно которой правосудие подразумевает деятельность суда на этапе как судебного, так и досудебного производства по уголовному делу.

Кроме того, расширенное толкование становится возможным исходя из нормы статьи 295 Уголовного кодекса Российской Федерации³, которая устанавливает уголовную ответственность за посягательство на жизнь лиц, осуществляющих правосудие. В диспозиции данной нормы законодатель, помимо судей, включает в категорию лиц, участвующих в отправлении правосудия, также присяжных заседателей и иных лица, что указывает на неопределённый круг субъектов, занимающихся реализацией правосудия. Это расширенное понятие подтверждается и ст. 296 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за угрозу убийством, причинением вреда здоровью либо уничтожением или повреждением имущества в отношении судей, присяжных заседателей или иных лиц [6, с. 23]. Таким образом, становится очевидным, что правосудие не ограничивается исключительно деятельностью суда.

² Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2023 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/statistics/33400/> (дата обращения: 15.11.2024).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.12.2024).

По нашему мнению, целесообразно рассматривать правосудие как результат справедливого, законного и обоснованного итогового процессуального решения судьи, которое формируется на протяжении всего периода расследования, начиная с этапа проверки сообщения о совершенном преступлении. Данная позиция аргументируется тем, что на досудебных стадиях происходит сбор доказательственной базы, из которой в последующем формируются материалы уголовного дела, подлежащие рассмотрению в судебном порядке.

Необходимо подчеркнуть, что лица, участвующие в сборе и подготовке доказательственной базы на досудебных стадиях, хоть и не участвуют в осуществлении правосудия, но имеют к нему непосредственное отношение. Их деятельность принципиально важна для обеспечения качества и полноты собранных доказательств, что в свою очередь, оказывает непосредственное влияние на обоснованность итогового решения суда.

Осуществление справедливого правосудия на современном этапе развития уголовного судопроизводства базируется на состязательности между сторонами обвинения и защиты.

Законодательство, установив состязательный характер уголовного судопроизводства и разграничив основные процессуальные функции, трансформировало осуществление правосудия в процесс состязания между сторонами обвинения и защиты [7, с. 62]. При этом уголовно-процессуальным законом провозглашается равенство сторон обвинения и защиты (ст. 15 УПК РФ). Однако в силу публично-правового характера уголовно-процессуальной деятельности центральное место в уголовном процессе занимают органы предварительного расследования, что фактически приводит к монополизации стороны обвинения в реализации уголовно-процессуальных функций и ограничению в правах стороны защиты.

Как справедливо заметили С. М. Даровских и К. А. Сергеев, осуществление правосудия недопустимо без соблюдения принципа равноправия сторон, а также без реализации их прав на справедливое разбирательство и состязательность [8, с. 67]. В этом контексте актуальной проблемой достижения правосудия в уголовном судопроизводстве выступает вопрос обеспечения равенства прав сторон обвинения и защиты при реализации уголовно-процессуальных функций.

Одним из ключевых процессуальных инструментов в решении обозначенной проблемы выступает вовлечение в уголовный процесс лиц, оказывающих содействие правосудию.

Институт содействия правосудию является неотъемлемой частью практически всех процессуальных отраслей современного российского права [9, с. 787]. В частности, гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации ⁴ предусматривает возможность привлечения для оказания содействия правосудию

⁴ Гражданский-процессуальный кодекс Российской Федерации : ГПК : принят Гос. Думой 23 октября 2002 г. : одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 01.12.2024).

таких участников, как свидетель, эксперт, специалист, переводчик (ст. 55 ГПК РФ). Арбитражное процессуальное право в качестве лиц, оказывающих содействие правосудию, закрепляет эксперта, специалиста, свидетеля, переводчика, секретаря судебного заседания и помощника судьи (ст. 54 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации). Административное судопроизводство Российской Федерации также привлекает для содействия осуществлению правосудия эксперта, специалиста, свидетеля, переводчика, секретаря судебного заседания (ст. 48 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации). Указанные участники производств различных отраслей права способствуют формированию доказательственной базы и полноценному рассмотрению дела или спора в судебном заседании.

Уголовно-процессуальный процесс аналогично предусматривает возможность привлечения к расследованию преступлений лиц, не имеющих принадлежности к стороне обвинения или защиты. В рамках действующего законодательства таковыми являются лица, закрепленные в главе 8 УПК РФ «Иные участники уголовного судопроизводства», а именно: свидетель; лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве; эксперт; специалист; переводчик; понятой.

Данные участники уголовного судопроизводства временно вовлекаются в уголовный процесс с целью оказания помощи при проведении процессуальных и следственных действий. Несмотря на то, что данные участники привлекаются эпизодически и законодатель не относит их ни к стороне обвинения, ни к стороне защиты, их участие способствует правильной интерпретации фактических обстоятельств дела, что в последующем обуславливает всестороннее и справедливое правосудие.

Деятельность иных участников несомненно важна при осуществлении расследования по уголовному делу. Однако существует ряд правовых проблем в области правовой регламентации их деятельности. В частности, имеется проблема недостаточной полноты и четкости регламентации уголовно-процессуального законодательства относительно прав, обязанностей и ответственности рассматриваемой группы участников. Так, существует неопределенность в отношении требований, предъявляемых к компетенции эксперта и специалиста, что затрудняет осуществление их полномочий в процессе расследования уголовного дела. Важным аспектом выступает отсутствие эффективных механизмов защиты законных интересов иных участников, привлекаемых к участию в расследовании уголовного дела, что особенно важно в случаях, сопряженных с рисками для жизни и здоровья. Кроме того, отсутствуют действенные правовые гарантии, касающиеся компенсации за участие в уголовном процессе, что также может повлиять на готовность граждан к сотрудничеству с правоохранительными органами.

Следует также подчеркнуть, что иные участники уголовного судопроизводства фактически не выполняют самостоятельной уголовно-процессуальной функции, регламентированной ст. 15 УПК РФ и в значительной степени их деятельность сосредоточена на оказании содействия стороне обвинения. В данном контексте

возникает резонный вопрос о соразмерности правовых возможностей сторон защиты и обвинения в уголовном судопроизводстве. В частности, сторона защиты не располагает эквивалентными возможностями привлечения для оказания помощи сторонних участников, что приводит к нарушению принципов равноправия и состязательности сторон (к примеру, сторона защиты не имеет права на привлечение эксперта для проведения независимой экспертизы).

Вышеизложенная несоразмерность возможностей приводит к дисбалансу в уголовном процессе, где одна из сторон обладает явным преимуществом, в то время как сторона защиты находится в крайне невыгодном процессуальном положении. Из этого следует, что для обеспечения сбалансированности сил и соблюдения принципа состязательности необходимо рассмотреть возможность расширения полномочий иных участников в интересах стороны защиты, что будет способствовать более справедливому осуществлению правосудия.

В рамках данной статьи предлагается закрепить в УПК РФ деятельность иных участников уголовного процесса в качестве самостоятельной функции содействия правосудию.

Впервые понятие «содействие правосудию» в качестве самостоятельной функции было введено В. С. Латыповым в его диссертационном исследовании. В своей работе автор рассматривает функцию содействия правосудию как процессуальную деятельность лиц с нейтральным по отношению к сторонам процессуальным статусом, направленную на сообщение или получение доказательственной информации, или же оказание консультативной и технической помощи сторонам и суду.

Функция содействия правосудию должна реализовываться независимыми и нейтральными по отношению к сторонам субъектами, не имеющими властных полномочий, но обладающими исключительными специальными знаниями или располагающие сведениями, имеющими значение для расследования уголовного дела. Концепция независимости данных лиц предельно важна, поскольку исключает воздействия заинтересованных сторон и обеспечивает справедливое и обоснованное судебное решение. С учетом особенностей предлагаемой функции представляется целесообразным разработать публично-правовой механизм, который обеспечит равный доступ к применению данной функции для всех сторон, вовлеченных в уголовный процесс.

Содействие правосудию как самостоятельная функция уголовного процесса должна обладать набором характерных признаков, которые обосновывают его значимость и отличительность в рамках уголовного судопроизводства. В. С. Латыповым было предложено раскрыть сущность содействия через систематизацию основных и частных признаков [10, с. 342]. Так, к основным признакам содействия правосудию можно отнести:

- регулирование уголовно-процессуальными нормами: содействие правосудию представляется в виде деятельности, четко урегулированной положениями уголовно-процессуального законодательства;

- гарантии качественного сбора доказательственной информации: содействие предполагает наличие необходимых гарантий для сбора и проверки

доказательственной информации. При этом особую значимость имеет использование технических средств, а также консультативной и организационной помощи;

- обеспечение равноправия и состязательности сторон: содействие правосудию способствует созданию условий, при которых противостоящие стороны будут находиться в равноправных позициях, что обеспечит наиболее полную реализацию принципа состязательности и в конечном итоге поспособствует принятию обоснованного, объективного и справедливого решения судом.

К частным признакам, характеризующим функцию содействия правосудию можно отнести:

- реализацию содействия как участниками уголовного процесса, наделенными процессуальным статусом, так и людьми, чей правовой статус в уголовном процессе не регламентирован;

- применение уголовно-процессуальных средств, в том числе с применением специальных знаний.

Полагаем, что к числу признаков оказания содействия правосудию можно отнести возможность применения информационных технологий, способствующих оптимизации процессов собирания и анализа доказательств, созданию условий для более эффективного ведения уголовного процесса и повышению качества процессуальной информации, представляемой участниками уголовного процесса. Учитывая потенциал применения информационных технологий в уголовном процессе, данный признак будет органично дополнять ранее указанные характеристики.

Перспективность применения информационных технологий в уголовном процессе демонстрируется на примере недавно введенных нормативных положений, которые успешно прошли апробацию в практической деятельности. В частности, в 2022 году в УПК РФ была введена норма, позволяющая использовать системы видеоконференц-связи для проведения допросов, очных ставок и судебных разбирательств (ст. 189.1, 241.1, 278.1 УПК РФ). Также значительное применение информационных технологий на досудебных стадиях наблюдается при взаимодействии с гражданами в цифровом формате (ст. 474.1, 474.2 УПК РФ). Указанные изменения не только подчеркивают значимость информационных технологий для повышения эффективности уголовного судопроизводства, но и указывают на необходимость разработки системы их дальнейшего внедрения в уголовный процесс, в частности при реализации функции содействия правосудию. В данном направлении могут быть полезны следующие разработки: внедрение электронных систем подачи и приема документов участниками уголовного судопроизводства; использование искусственного интеллекта для анализа больших данных и прогнозирования преступной деятельности; применение блокчейн-технологий для обеспечения неизменности и прозрачности данных; использование специализированных программных комплексов для криминалистического анализа и другие.

Функция содействия правосудию позволит объединить иных участников уголовного судопроизводства в новую расширенную группу участников, имеющих единое функциональное назначение, общую цель и задачу по оказанию помощи

сторонам обвинения, защиты и суду. Кроме того, введение функции содействия позволит решить ряд правовых проблем:

- позволит четко определить круг и направленность участников, призванных оказывать помощь правосудию. На данном этапе развития рассматриваемого института содействие оказывается иными участниками уголовного судопроизводства, однако рассмотрение этого института под более широким углом не позволяет ограничиваться лишь лицами, перечисленными в главе 8 УПК РФ;

- позволит определить круг и пределы полномочий участников, оказывающих содействие правосудию, а также условия, при которых лицо не может выступать в качестве содействующего;

- позволит использовать данные полученные с помощью содействующих лиц в качестве доказательственной информации как стороной защиты, так и стороной обвинения, что будет способствовать выравниванию их доказательственной способности;

- позволит сформировать систему однородных задач, возложенных на соответствующих участников (таких как, оказание помощи при принятии процессуальных решений, способствование достижению назначения уголовного процесса).

В связи с вышеизложенным, обоснованным представляется обозначение функции содействия в качестве самостоятельной уголовно-процессуальной функции, что в свою очередь требует корректировки наименования главы 8 на более подходящее – «Лица, оказывающие содействие правосудию». Внесение данных изменений позволит внести ясность в применении данного института и определит перспективные пути его развития.

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить что содействие имеет ключевое позитивное теоретическое и практическое значение в осуществлении справедливого правосудия в рамках уголовного судопроизводства. Во-первых, оно способствует укреплению принципа верховенства права, поскольку делает процесс уголовного судопроизводства более открытым и доступным для участников обеих противостоящих сторон. При этом в условиях, когда правосудие может подвергаться сомнению в силу различных факторов, участие независимых лиц, способствующих обеспечению справедливости способствует формированию уверенности во всестороннем и качественном расследовании.

Во-вторых, в результате деятельности лиц, призванных оказывать содействие правосудию, могут формироваться самостоятельные виды доказательств (например, показания, заключения), способствующих более полному и справедливому осуществлению правосудия в суде.

Кроме того, важно акцентировать внимание на том, что в современном уголовном судопроизводстве приоритетным направлением является разработка системы содействия, основанной на возможности применения технических средств и информационных технологий, таких как: электронные системы подачи и приема документов участниками уголовного судопроизводства; применение блокчейн-технологий; применение искусственного интеллекта; использование

специализированных программных комплексов и др. Эти технологии могут существенно способствовать обеспечению равенства сторон на досудебных стадиях уголовного процесса и повышению качества уголовного судопроизводства в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кривошеев, С. И. Справедливость в уголовном процессе // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 38–42.
2. Белоусова, А. Е., Басова, О. О. О понятии правосудия по уголовным // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2015. С. 191–197.
3. Рябцева, Е. В. Правосудие в уголовном процессе России: монография. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. 400 с.
4. Бурмагин, С. В. О сущности, понятии и пределах уголовного правосудия // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2018. № 1. С. 32–53.
5. Хачароев, Х. Д. К вопросу о понятии и сущности правосудия // Российская юстиция. 2012. № 4. С. 57–60.
6. Морозов, С. А. Понятие правосудия в российском уголовном процессе // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2022. № 2. С. 23–27.
7. Шамсутдинов, Р. К. Состязательность сторон в уголовном процессе - основа правосудия // Вестник УЮИ. 2013. №2. С. 60–64.
8. Даровских, С. М. К вопросу о соотношении принципа состязательности и положения о равноправии сторон в уголовном судопроизводстве / С. М. Даровских, К. А. Сергеев // Проблемы права. 2020. № 1 (75). С. 64–69.
9. Латыпов, В. С. Содействие правосудию как самостоятельная уголовно-процессуальная функция / В. С. Латыпов // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 6. С. 786–797.
10. Латыпов, В. С. Содействие отправлению правосудия в уголовном процессе России: концептуальные и нормативно-правовые основы: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 376 с.

REFERENCES

1. Krivosheev, S. I. Spravedlivost' v ugolovnom processe [Justice in criminal proceedings]. Sudebnaya vlast' i ugolovnyj process – Judicial power and criminal procedure. 2017, no. 4, pp. 38–42.
2. Belousova, A. E., Basova, O. O. O ponyatii pravosudiya po ugolovnym [On the concept of justice in criminal cases]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Pravo" – Vestnik of the Voronezh State University. Series "Law". 2015, pp. 191–197.
3. Ryabtseva, E. V. Pravosudie v ugolovnom processe Rossii [Justice in criminal proceedings in Russia]. Moscow, 2010, 400 p.
4. Burmagin, S. V. O sushchnosti, ponyatii i predelah ugolovnogo pravosudiya [On the essence, concept and limits of criminal justice]. Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie – News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2018, no. 1, pp. 32 – 53.

5. Khacharov, Kh. D. K voprosu o ponyatii i sushchnosti pravosudiya [On the concept and essence of justice]. Rossijskaya yusticiya – Russian justice. 2012, no. 4, pp. 57-60.
6. Morozov, S. A. Ponyatie pravosudiya v rossijskom ugolovnom processe [The concept of justice in Russian criminal proceedings]. Vestnik YUUrGU. Seriya: Pravo – Vestnik of SUSU. Series: Law. 2022, no. 2, pp. 23-27.
7. Shamsutdinov, R. K. Sostyazatel'nost' storon v ugolovnom processe - osnova pravosudiya [Adversarial nature of the parties in criminal proceedings - the basis of justice]. Vestnik UYUI – Vestnik of UUI. 2013, no. 2, pp. 60-64.
8. Darovskikh, S. M., Sergeev, K. A. K voprosu o sootnoshenii principa sostyazatel'nosti i polozheniya o ravnopravii storon v ugolovnom sudoproizvodstve [On the issue of the relationship between the adversarial principle and the provision on equality of the parties in criminal proceedings]. Problemy prava – Problems of Law. 2020, no. 1, pp. 64-69.
9. Latypov, V. S. Sodejstvie pravosudiyu kak samostoyatel'naya ugolovno-processual'naya funkciya [Assistance to justice as an independent criminal procedural function]. Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal – All-Russian Criminological Journal. 2021, no. 6, pp. 786-797.
10. Latypov, V. S. Sodejstvie otpravleniyu pravosudiya v ugolovnom processe Rossii: konceptual'nye i normativno-pravovye osnovy [Assistance to the administration of justice in criminal proceedings in Russia: conceptual and regulatory framework]. Moscow, 2024, 376 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гуськова Анна Борисовна, адъюнкт адъюнктуры. Уфимский юридический институт МВД России. 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guskova Anna Borisovna, postgraduate student, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 450103, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinova str.2.

Статья поступила в редакцию 16.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 17.04.2025.

The article was submitted 16.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 17.04.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 2 (113). С. 126–139.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no. 2 (113). Pp. 126–139.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК: 343.1

**ЯВНОЕ ЗАТЯГИВАНИЕ ОБВИНЯЕМЫМ ВРЕМЕНИ
ОЗНАКОМЛЕНИЯ С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА,
КАК ЗАКОНОМЕРНЫЙ ИТОГ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ОБВИНЯЕМЫМ
СВОИМИ ПРАВАМИ В ПЕРИОД ЕГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

Зайцев Владислав Николаевич

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация,
police.1967@mail.ru

Введение. В статье исследуются вопросы, связанные с злоупотреблением обвиняемым правом на ознакомление с материалами уголовного дела на этапе предварительного расследования. Автором приводятся обоснования собственной точки зрения относительно перечня признаков злоупотребления правом обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела как феномена современной уголовно-процессуальной реальности.

Злоупотребление обвиняемым правом на ознакомление с материалами уголовного дела связано не с содержанием этого права, а прежде всего с механизмом его реализации. В статье автором проводится исследование относительно взаимосвязи поведения обвиняемого в период расследования уголовного дела и явным затягиванием им времени ознакомления с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного расследования.

Материалы и методы. Методологическую базу исследования образует диалектический метод, позволивший всесторонне и объективно рассмотреть критерии злоупотребления правом обвиняемого с ознакомлением с материалами уголовного дела как феномена современной уголовно-процессуальной реальности. При подготовке работы использовались также частно-научные методы, среди которых формально-логический метод (позволивший провести аналогию между злоупотреблением обвиняемым правом на ознакомление с материалами уголовного дела и противодействием расследованию уголовного дела), метод юрико-технического анализа, в результате применения которого сформулированы предложения по совершенствованию норм уголовно-процессуального права, регламентирующих процессуальный порядок ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела, автором проведено анкетирование лиц, содержащихся под стражей, студентов различных ВУЗов, следователей МВД России из 21 региона РФ с целью установления зависимости поведения обвиняемых в период предварительного расследования уголовного дела и их поведения на этапе его окончания.

Результаты исследования. Сделан обоснованный вывод о том, что деятельность по злоупотреблению обвиняемым своим правом на ознакомление с материалами уголовного дела как на этапе расследования уголовного дела, так и на этапе его окончания имеет цели, не связанные с предназначением этого субъективного права и поэтому является феноменом уголовно-процессуальной действительности современности. Имеется устойчивая взаимосвязь злоупотребления обвиняемым правами в период предварительного расследования уголовного дела и на стадии окончания его расследования. Автором проведено исследование, в ходе которого выдвинута гипотеза о возможности предположения явного затягивая обвиняемым времени ознакомления с материалами уголовного дела с момента возбуждения уголовного дела.

Выводы и заключения. Злоупотребление обвиняемым своим правом на ознакомление с материалами уголовного дела как этапе расследования уголовного дела, так на этапе его окончания – это деятельность обвиняемого, имеющая цели, отличные от предназначения этого права и которую возможно предполагать в период расследования уголовного дела. В настоящее время у органа предварительного расследования отсутствует достаточный инструментарий по противодействию такого поведения обвиняемых.

Ключевые слова: уголовных процесс, ознакомление обвиняемого с материалами уголовного дела, следователь

Для цитирования: Зайцев, В. Н. Явное затягивание обвиняемым времени ознакомления с материалами уголовного дела, как закономерный итог злоупотребления обвиняемым своими правами в период его расследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 126–139.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

THE DEFENDANT'S APPARENT PROLONGATION OF THE TIME OF FAMILIARISATION WITH THE MATERIALS OF THE CRIMINAL CASE, AS A NATURAL OUTCOME OF THE ACCUSED'S ABUSE OF HIS RIGHTS DURING THE INVESTIGATION PERIOD

Vladislav N. Zaitsev

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow,
Russian Federation, police.1967@mail.ru

Introduction. The article examines issues related to the abuse of the accused's right to familiarize himself with the materials of the criminal case at the stage of preliminary investigation. The author provides justification for his own point of view regarding the list of

signs of abuse of the accused's right to familiarize himself with the materials of the criminal case as a phenomenon of the modern criminal procedural reality.

Abuse by the accused of the right to familiarize himself with the materials of the criminal case is associated not with the content of this right, but primarily with the mechanism for its implementation. In the article, the author conducts a study regarding the relationship between the behavior of the accused during the investigation of a criminal case and his obvious delay in familiarizing himself with the materials of the criminal case at the stage of completion of the preliminary investigation.

Materials and Methods. The methodological basis of the study is formed by the dialectical method, which allowed for a comprehensive and objective consideration of the criteria for abuse of the accused's right to familiarize themselves with the materials of a criminal case as a phenomenon of the modern criminal procedural reality. In preparing the work, private scientific methods were also used, including the formal-logical method (which allowed for an analogy to be drawn between the abuse of the accused's right to familiarize themselves with the materials of a criminal case and obstruction of the investigation of a criminal case), the method of legal-technical analysis, as a result of which proposals were formulated for improving the norms of criminal procedural law governing the procedural order of familiarization of the accused with the materials of a criminal case, the author conducted a survey of persons in custody, students of various universities, investigators of the Ministry of Internal Affairs of Russia from 21 regions of the Russian Federation in order to establish the dependence of the behavior of the accused during the preliminary investigation of a criminal case and behavior at the stage of its completion.

The Results of the Study. A reasonable conclusion has been made that the activity of abusing the accused's right to familiarize themselves with the materials of the criminal case both at the stage of the investigation of the criminal case and at the stage of its completion has goals that are not related to the purpose of this subjective right and therefore is a phenomenon of the criminal procedural reality of our time. There is a stable relationship between the abuse of rights by the accused during the preliminary investigation of the criminal case and at the stage of its completion. The author conducted a study, during which a hypothesis was put forward about the possibility of assuming an obvious delay in familiarizing oneself with the materials of the criminal case from the moment of initiation of the criminal case.

Findings and Conclusions. The abuse by the accused of his right to familiarize himself with the materials of the criminal case both at the stage of the investigation of the criminal case and at the stage of its completion is the activity of the accused, which has goals other than the purpose of this right and which may be assumed during the investigation of the criminal case. Currently, the preliminary investigation body does not have sufficient tools to counter such behavior of the accused.

Keywords: criminal procedure, familiarization of the accused with the materials of the criminal case, investigator

For citation: Zaitsev, V. N. Yavnoe zatyagivanie obvinyaemym vremeni oznakomleniya s materialami ugovornogo dela kak zakonomernyj itog zloupotrebleniya obvinyaemym своими правами в период его расследования [The defendant's apparent

prolongation of the time of familiarisation with the materials of the criminal case, as a natural outcome of the accused's abuse of his rights during the investigation period]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no.2 (113), pp. 126–139.

Понятие и сущность злоупотребления правом достаточно давно и активно обсуждаются в науке гражданского права. Несмотря на имеющееся понятие злоупотребления правом, закреплённое в ч. 1 ст. 10 ГК РФ, которое определяет, что злоупотребление гражданским правом – это осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а так же иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, учёными однозначно не определены сущность этого явления, его существенные признаки и даже допустимость использования самого термина «злоупотребление правом».

По мнению автора исследования, злоупотребление правом в общем смысле – это концепция, которая находит свое отражение в современных правовых системах и трактуется как использование правовых норм и возможностей во вред другим лицам или в нарушение принципов справедливости. Важнейшим аспектом данной проблемы является то, что право само по себе является благом ровно до того момента, пока субъект этого права не начинает им злоупотреблять, то есть действовать в интересах и целях, отличных от предназначения такого права.

Право, как инструмент социальной справедливости, должно служить основой для обеспечения равенства и защиты сторон любого процесса, в том числе и уголовного. Поэтому действующее законодательство и правоприменительная практика необходимы для предупреждения злоупотребления правом и создания условий, способствующих уважению прав и свобод каждого гражданина.

Феномен злоупотребления правом, по мнению автора исследования, может проявляться через различные действия от подавления конкуренции до манипулирования принятию решений. Представляется, что обязательным критерием оценки злоупотребления правом является наличие умысла субъекта такого злоупотребления прежде всего на нарушение баланса интересов участников процесса.

Злоупотребление правом имеет место быть и при расследовании уголовных дел со стороны участников уголовного процесса, где иногда происходит использование носителями субъективных прав с целью извлечения личной выгоды в нарушение интересов иных участников процесса (к примеру затягивание расследование уголовного дела с целью достижения сроков прекращения уголовного преследования в связи с истечением сроков давности). Отсутствие эффективного противодействия такого рода манипуляциям со стороны государства в лице правоохранительных органов, несомненно, подрывает основополагающие принципы справедливости и равноправия, которые являются краеугольными камнями ведения государственной политики в области уголовного процесса.

Важным шагом в деятельности по преодолению злоупотребления правом, на взгляд автора исследования, является разработка и научное обоснование механизмов установления фактов злоупотреблений, а также форм и способов противодействия.

Научное обоснование понятия и сущности «злоупотребление правом» в уголовно-правовой науке неоднократно принималось к исследованию, однако на сегодняшний момент нельзя утверждать, что эти исследования привели к эффективному нормативному регулированию в области злоупотребления правом.

Представляется, что учёным, чьи работы посвящены проблемам злоупотребления правом в уголовном процессе, в настоящее время не удалось достичь единого подхода к определению содержания, существенных признаков злоупотребления правом, а также необходимости (либо отсутствия необходимости) вмешательства или иной равнозначной реакции государства на соответствующее поведение участников уголовного процесса, то есть выработки способов преодоления этого злоупотребления.

Так, О. И. Андреева [1], О. Я. Баев [2], О. И. Даровских [3] предприняли попытки установления правовой аналогии в области гражданского и уголовно-процессуального права в части понятия и сущности «злоупотребления правом», и на основании этого предложили различные определения и признаки злоупотребления правом.

Существенными различиями в подходах к понятию и сущности злоупотребления правом являются точки зрения относительно того, считать ли возможными субъектами злоупотребления правом в уголовном процессе должностных лиц, в частности лиц, к компетенции которых относится проведение предварительного расследования уголовных дел.

Должностные лица, являющиеся участниками уголовного процесса и представляющие интересы государства, безусловно играют ключевую роль в обеспечении соблюдения закона и защите прав граждан. Однако, когда эти лица начинают злоупотреблять своими правами, речь идет о злоупотреблении полномочиями и такое злоупотребление может привести к серьезным последствиям для правосудия. По мнению автора исследования, злоупотребление правом участником уголовного процесса и злоупотребление полномочиями должностного лица, осуществляющего предварительное расследование уголовного дела не могут являться тождественными прежде всего по причине кардинального отличия в понимании самих субъектов таких злоупотреблений, а также целей, которые перед собой ставят эти субъекты. Например, обвиняемый, злоупотребляющий своим правом на ознакомление с материалами уголовного дела на этапе его окончания путем явного затягивания времени ознакомления вряд ли может иметь корыстные цели, в том числе извлечение какой-либо материальной выгоды для себя, в то время как следователь, в производстве которого находится уголовное дело вполне может иметь корыстный интерес при затягивании сроков проведения следственных действий при расследовании уголовного дела.

Нельзя не согласиться с мнением О.И. Андреевой [4] и О.В. Желевой [5] о том, что злоупотребление правом в уголовном процессе со стороны следователей (дознавателей) при расследовании уголовного дела нельзя соотносить с

злоупотреблением правом иных участников уголовного процесса (подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, потерпевших и т. д.), поскольку для последних оно является субъективным правом, а злоупотребление же должностного лица своими правами близко или совпадает с признаками состава преступления «злоупотребление должностными полномочиями» или «превышение должностных полномочий». Ещё одним критерием невозможности отождествления феномена «злоупотребления правом» со стороны, например, обвиняемого (подозреваемого) и злоупотребления правом со стороны должностных лиц, проводящих предварительное расследование уголовного дела является принципиально разная мера ответственности за это злоупотребление: в первом случае это ограничение этого права, во втором – привлечение к дисциплинарной, гражданско-правовой, и (или) уголовной ответственности. [6]

В случае злоупотребления обвиняемым своим правом на ознакомление с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного расследования уголовного дела, в соответствии с положениями ч. 3 ст. 217 и ст. 125 УПК РФ судом обвиняемый может быть в этом праве ограничен, в частности последнему судом может быть установлен предельный срок для реализации этого права на ознакомление с материалами уголовного дела. Если следователь (дознатель) при расследовании уголовного дела необоснованно неоднократно обращается к руководителю следственного органа (прокурору) с ходатайством о продлении срока предварительного следствия (дознания), то он может быть привлечён к дисциплинарной ответственности за нарушение ст. 6.1 УПК РФ, однако его право на расследование уголовного дела никак не может быть ограничено. В обоих случаях речь идёт об определённых злоупотреблениях правом, однако способ реагирования на эти факты и мера ответственности принципиально разная.

Нельзя не отметить, что существуют точки зрения (А. В. Юдин, В. И. Крусс), отличные от вышеизложенной, согласно которым злоупотребление должностных лиц, к компетенции которых отнесено расследование уголовных дел, а также суда, своими полномочиями рассматривается как одна из форм более общего понятия злоупотребления правом в уголовном процессе [7; 8].

Ещё одним предметом для научной дискуссии до сих пор является перечень взглядов относительно принимаемых государством мер в отношении лиц, злоупотребляющих правом, при возникновении уголовно-процессуальных правоотношений. Так, ряд учёных в области уголовно-процессуального права (О. Я. Баев [2], О. И. Даровских [3], О. И. Андреева [4]) полагают возможным законодательное закрепление в УПК РФ запрета на злоупотребление правом, считая, что нарушение такого запрета будет свидетельствовать о наличии в действиях лица правонарушения, вслед за которым может последовать ответственность.

По мнению А. В. Юдина, такая ответственность может иметь вид применения санкций, носящих личный и материальный характер [7, с. 982-983].

На первый взгляд указанное мнение представляется не вполне объективным, однако такого рода прецеденты уже имеются в следственной и судебной практике, но в несколько иной форме и без конкретной формулировки понятия злоупотребления

правом. Так, в современной следственной и судебной практике имелись случаи, когда обвиняемый при ознакомлении с материалами уголовного дела, реализуя своё право в порядке ст. 217 УПК РФ, явно им злоупотребляя, умышленно его повреждал, деформировал, поджигал, или иным образом пытался уничтожить для того, чтобы не быть привлеченным к уголовной ответственности. Такие деяния лица в последствии были квалифицированы по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 294 УК РФ – вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание, в целях воспрепятствования всестороннему и объективному расследованию дела. Таким образом, злоупотребление лицом его субъективным процессуальным правом в данном случае явилось основанием для применения в отношении него материального права и это, как представляется, является мерой, принимаемой государством в целях воспрепятствования злоупотребления правом. Как правило указанные деяния обвиняемого являются основанием для ограничения права обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела в порядке ч. 3 ст. 217 УПК РФ.

Ряд учёных процессуалистов, напротив, полагают, что нормативное закрепление запрета на злоупотребление процессуальным правом неприемлемо. «Установление такого запрета, по существу, переводит злоупотребление правом в разряд уголовно-процессуального правонарушения ... за которое предусмотрено наступление юридической ответственности и применение санкций ... Обвиняемый, осведомлённый о возможном применении санкций за осуществление (пусть и недобросовестное) своих процессуальных прав, вообще не стал бы пользоваться своими правами, превращаясь в бесправный объект исследования» [9 с. 26]. Соглашаясь с таким доводом, Л. Д. Калинин полагает правильным, когда каждый случай злоупотребления правом предусматривается в конкретной уголовно-процессуальной норме, с определением в ней оснований, условий и порядка применения с тем, чтобы то или иное процессуальное право участника уголовного судопроизводства не превращалось в юридическую фикцию [10].

Указанная точка зрения представляется не вполне верной по нескольким причинам. Первая, и на взгляд автора практически очевидная – не любой запрет приводит к юридической ответственности и тем более к применению каких-либо санкций, и поэтому установление запрета, например, на злоупотребление обвиняемым своим правом на ознакомление с материалами уголовного дела вовсе не привело бы к какой-либо юридической ответственности, а лишь к ограничению его права на ознакомление. Вторая причина – это то, что такого рода запреты уже давно нормативно закреплены в УПК РФ и успешно применяются. Так, в соответствии с ч. 8 ст. 182 УПК РФ следователь вправе запретить лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, покидать его, а также общаться друг с другом или иными лицами до окончания обыска. Указанная норма устанавливает право следователя на запрет определённых действий, однако какая-либо юридическая ответственность за нарушение этого запрета или применение каких-либо санкций не предусматривается. В данном случае указанная норма применяется больше как психологический фактор при проведении обыска, с целью проведения результативного следственного действия и в установленном

законом порядке, а именно: запрет покидать место проведения обыска - с целью обеспечения подписания протокола обыска всеми участвующими лицами, запрет общаться друг с другом – с целью недопущения уничтожения предметов и документов, имеющих значение для расследования уголовного дела.

Существуют и довольно радикальные взгляды на эту проблему. Например, И. С. Смирнова в случае установления фактов злоупотребления обвиняемым и его защитником правом на ознакомление с материалами уголовного дела предлагает в качестве предупредительной меры ограничение этого права, разрешив знакомить его только с материалами, которые касаются совершенных им преступлений [Цит. по 6, с. 66].

При всей кажущейся на первый взгляд бескомпромиссности указанного мнения, автору представляется, что идея предоставления обвиняемому только той информации о ходе и результатах расследования уголовного дела, которая касается только его, то есть исключительно относительно инкриминируемого ему деяния, не только не нарушает и (или) ограничивает права всех обвиняемых по уголовному делу, но и существенно сокращает сроки ознакомления с материалами уголовного дела. До сих пор является не вполне ясным, с какой целью на стадии предварительного расследования уголовного дела следователю предписано, например, знакомить всех подозреваемых (обвиняемых) с постановлениями о назначении судебных всех экспертиз и всеми заключениями экспертов, назначаемыми и проводимыми по уголовному делу. Если лицо, подозреваемое (обвиняемое) в совершении 1 преступления совершило это преступление в группе лиц по предварительному сговору с другим лицом, которое подозревается (обвиняется) в совершении иных, скажем, 150 самостоятельно совершенных преступлений, то уголовные дела в отношении указанных лиц в силу положений ст. 153 УПК РФ могут быть соединены в одно производство и в случае принятия руководителем следственного органа такого решения, следователь будет обязан знакомить подозреваемого (обвиняемого) в совершении 1 преступления со всеми постановлениями о назначении судебных экспертиз и заключениями экспертов по эпизодам преступной деятельности, которые не имеют к нему вообще никакого отношения. На этапе окончания расследования уголовного дела следователь будет вынужден в равной степени знакомить с материалами уголовного дела обоих обвиняемых без учёта того, что 90 % материалов уголовного дела никоим образом не затрагивают прав и свобод первого обвиняемого. Развивая эту мысль, следует отметить, что информация, содержащаяся в обвинительном заключении, оформленном следователем по результатам расследования такого уголовного дела, в равной степени будет доступна обоим обвиняемым (поскольку обе копии, вручаемые каждому обвиняемому идентичны), что на взгляд автора, представляется не вполне логичным в отсутствие необходимости.

Разъяснение Пленума Верховного Суда РФ в своём постановлении от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» (в абз. 2 п. 18) не снимает проблематики правоприменения при установлении фактов злоупотребления правом. В частности, судам предписывается не признавать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда «отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в

реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием им этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса ...».

Отсутствие критериев для определения добросовестности/недобросовестности использования участником процесса своих правомочий, безусловно влечёт за собой правовую неопределённость и двойственность. Установление наличия (отсутствия) «ущерба интересам других участников процесса» так же представляется весьма размытым критерием ограничения права. Эффективная реализация одним из участников уголовного судопроизводства своих процессуальных прав может привести к ущербу для интересов других участников. Например, подозреваемый (обвиняемый) реализуя своё право, предусмотренное ст. 28.2 УПК РФ, на прекращение в отношении него уголовного дела, фактически освобождается от уголовной ответственности и в силу ст. 86 УК РФ не имеет судимости за совершенное деяние, безусловно наносит ущерб интересам потерпевшего ввиду отсутствия возмещения причинённого ему вреда. В приведённом примере законная реализация права подозреваемого (обвиняемого) наносит фактический ущерб интересам другого участника процесса – потерпевшего, и совершенно не ясно является ли в данном случае поведение обвиняемого добросовестным.

Говоря о сущности злоупотребления обвиняемым правом на ознакомление с материалами уголовного дела, автор, ссылаясь на ст. 15 УПК РФ, устанавливающую состязательность сторон в уголовном процессе считает допустимым предполагать утверждение о том, что Уголовный процесс носит отчётливо выраженный конфликтный характер. В условиях уголовно-правового спора личность действует исходя из собственных интересов, которые иногда не только не соответствуют, а противоречат интересам других участников уголовного судопроизводства и интересам правосудия в целом. Отсюда по мнению автора понятие злоупотребления правом обвиняемым на ознакомление с материалами уголовного дела является формой его противодействия осуществлению предварительного расследования и судебного разбирательства.

Между тем, воспрепятствование ходу уголовного судопроизводства возможно не только посредством нарушения установленных законом запретов, но и путём использования участниками процесса принадлежащих им субъективных прав в противоречии с их назначением, при этом не нарушая рамок дозволенного законом общего типа поведения.

В результате причиняется вред правам, законным интересам иных субъектов уголовного судопроизводства, интересам общества и государства. Такое поведение именуется «злоупотребление правом» [12; с. 350-352]. Если в данном случае мы говорим о законном и незаконном противодействии расследованию уголовного дела, то злоупотребление правом обвиняемым при ознакомлении с материалами уголовного дела будет является формой законного противодействия расследованию уголовного дела.

Важно отметить, что злоупотребление обвиняемым правом на ознакомление с материалами уголовного дела связано не с содержанием этого права, а прежде всего с механизмом его реализации.

С целью установления взаимосвязи недобросовестного поведения обвиняемого, связанного с злоупотреблениями им своими правами на ознакомление с материалами уголовного дела на этапе расследования уголовного дела и явным затягиванием времени ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела на этапе окончания расследования автором проведено анкетирование лиц, содержащихся под стражей в следственных изоляторах Республик Карелия, Новгородской области, г. Санкт-Петербурга, Мурманской области, в ходе которого было установлено, что 89 % респондентов, пояснили, что если бы ставили перед собой цель противодействия расследованию уголовного дела в части максимального затягивания времени его расследования, то злоупотребляли бы своими правами с начала их уголовного преследования и продолжали на протяжении всего периода расследования уголовного дела и этапа его окончания, 7 % опрошенных пояснили, что злоупотребляли бы исключительно своим правом на ознакомление с материалами уголовного дела на этапе его окончания, 4 % – затруднились ответить на данный вопрос.

Кроме того, автором было проведено анкетирование студентов очной формы 1-3 курсов юридических факультетов Петрозаводского государственного университета, Карельского филиала РАНХиГС, ФГБОУ «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России), в ходе которого на тот же вопрос 82 % респондентов пояснили, что в случае возбуждения в отношении них уголовного дела и наличия целенаправленного желания затянуть сроки его расследования (по различным причинам), указанная деятельность по злоупотреблению своими правами на ознакомление с материалами уголовного дела осуществлялась бы ими как на этапе расследования уголовного дела, так и на этапе его окончания; 11 % – злоупотребляли бы своим правом на ознакомление с материалами уголовного дела только на этапе его окончания, 7 % – затруднились ответить.

Интересным в этом смысле стали результаты исследования относительно целей респондентов по предполагаемому затягиванию времени на ознакомление с материалами уголовного дела, которые состоят в том, что 82 % респондентов, содержащихся под стражей, считают явное затягивание времени расследования уголовного дела путём злоупотребления правом на ознакомление с материалами уголовного дела способом получения определённых для себя преференций (изменение меры пресечения в связи с длительностью содержания под стражей, возможность разнообразить своё нахождение в местах лишения свободы путём общения со следователем и адвокатом в период проведения следственных действий в том числе за пределами следственного изолятора, получение от следователя продуктов питания, чая, сигарет в обмен на сокращение времени ознакомления с материалами уголовного дела, перевода в другую камеру, возможность иметь неограниченное количество свиданий и телефонных звонков и т. д.), 8 % – связывают такое поведение с нежеланием подчиняться системе и установленным нормами УПК РФ, 7 % – недостаточностью информированности о ходе расследования уголовного дела в условиях содержания в

следственном изоляторе. Опрос лиц, не содержащихся под стражей, показал диаметрально противоположные результаты, а именно: 79 % респондентов посчитали деятельность по затягиванию сроков ознакомления с материалами уголовного дела способом отсрочки попадания в места лишения свободы, 13 % – способом привлечения внимания руководства следственных подразделений и придания общественного резонанса происходящему, и 8 % указали иные причины, 6 % из которых – недостаточностью информированности о ходе расследования уголовного дела.

Таким образом, анализируя результаты проведенного анкетирования, автор исследования приходит к выводу о том, что подавляющее большинство респондентов при злоупотреблении своим правом на ознакомление с материалами уголовного дела ставят перед собой цель, отличную от цели предоставления такого права.

Анкетирование следователей следственных подразделений СУ УТ МВД России по СЗФО (территориально: 8 подразделений на территории г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Псковской области – 2, Мурманской области – 1, Республики Карелия – 1, Калининградской области – 1, Ярославской области – 1, Костромской области – 1, Ивановской области – 1, Вологодской области – 1, Архангельской области – 2, Республики Коми – 1), следователей следственных подразделений МВД России по Республике Карелия (16 муниципальных районов, 2 городских округа), показало, что в следственной практике этих подразделений факты злоупотребления обвиняемым правом на ознакомление с материалами уголовного дела на этапе его расследования в 94% случаях совпадали с фактами злоупотребления обвиняемым правом на ознакомление с материалами уголовного дела на этапе его окончания и 6 % – только при выполнении требований ст. 217 УПК РФ.

Анкетирование следователей этих же следственных подразделений показало, что 98 % респондентов считают деятельность обвиняемых по противодействию расследованию преступлений путём злоупотребления своими правами на ознакомление с материалами уголовного дела на этапе расследования уголовного дела более активной, чем на этапе его окончания, и 83 % респондентов объясняют это отсутствием доступного и эффективного инструментария по преодолению указанного злоупотребления правом на этапе расследования уголовного дела, 11 % – чрезмерно большим объёмом процессуальных прав обвиняемого, 6%-иными причинами.

Исходя их результатов указанного исследования, автором предполагаются следующие выводы:

1. Деятельность по злоупотреблению обвиняемым своим правом на ознакомление с материалами уголовного дела как на этапе расследования уголовного дела, так и на этапе окончания имеет цели, не связанные с предназначением этого субъективного права.

2. Злоупотребление обвиняемым правом на ознакомление с материалами уголовного дела на этапе его окончания является целенаправленной деятельностью обвиняемого, которую возможно предполагать на этапе расследования уголовного дела.

3. Главной причиной возможности противодействия обвиняемых расследованию преступлений путём злоупотребления своими правами на

ознакомление с материалами уголовного дела является отсутствие доступного и эффективного инструментария по преодолению указанного злоупотребления правом.

Указанные выводы подтверждаются анализом статистики данных судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Так, за период 2019–2022 годов в судами общей юрисдикции окончено производством 24,4 тыс. ходатайств об установлении определённого срока для ознакомления с материалами уголовного дела (раздел 4 строка 89 «Отчёта о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции»), каждое третье из которых не было удовлетворено.

Значительное число ходатайств следственных органов, поступивших в суды общей юрисдикции об установлении определённого срока для ознакомления с материалами уголовного дела, свидетельствуют об актуальности проблематики злоупотребления обвиняемым правом на ознакомление с материалами уголовного дела, а тот факт, что каждое третье из них не было удовлетворено – о различных подходах к пониманию злоупотребления правом обвиняемого судами и следственными органами.

В этой связи, автор исследования полагает, что прогнозирование следователями следственных органов возможного злоупотребления обвиняемым своим правом на ознакомление с материалами уголовного дела этапе окончания расследования уголовного дела дает основания полагать, что этому злоупотреблению необходимо противодействовать в период расследования уголовного дела, для чего у следователей должен иметься достаточный инструментарий.

В качестве одной из идей противодействия указанному злоупотреблению правом, автор предлагает возможность проведения психолого-лингвистического исследования в отношении подозреваемого и обвиняемого в период расследования уголовного дела с целью оценки достаточного времени для ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела исходя их характеристик самого уголовного дела, а также интеллектуальных и иных характеристик обвиняемого.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреева, О. И. Злоупотребление субъективным правом в уголовном процессе: проблемы правового регулирования // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 2 (16). С. 9–13.
2. Баев, О. Я. «Злоупотребление правом» как уголовно-процессуальная категория // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2013. № 2. С. 336–349.
3. Даровских, О. И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: автореферат диссертации кандидата юридических наук. Челябинск, 2013. 25 с.
4. Андреева, О. И. Некоторые аспекты вопроса о пределах свободы поведения личности в российском уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета 2006. № 292 С. 54–56.
5. Желева, О. В. Понятие и признаки злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 116–121.

6. Трубникова, Т. В. Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии и пределы вмешательства со стороны государства / Т. В. Трубникова // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 3(17). С. 65–78.

7. Юдин, А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском и уголовном судопроизводстве: межотраслевой анализ // LEX RUSSICA. Научные труды МГЮА. 2006. № 5. С. 976–987.

8. Крусс, В. И. Конституция и злоупотребление правом: современный контекст // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2009. № 15. С. 67–75.

9. Романов С.В. Право подозреваемого и обвиняемого на защиту: пределы осуществления, возможность и последствия злоупотребления // Вестник Московского университета Серия 11. Право. 2008. № 4. С. 26–32.

10. Калинкина Л.Д. К вопросу о роли злоупотребления правами и их недобросовестном использовании в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2010. № 4. С. 5–9

11. Смирнова И.С. Досудебное производство по сложному уголовному делу: автореферат диссертации кандидата юридических наук. Челябинск, 2013. 24 с.

12. Белкин Р.С. Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции органов предварительного расследования : учеб. пособие / под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. Москва, 1997. 990 с.

REFERENCES

1. Andreeva, O. I. Zloupotreblenie sub"ektivnym pravom v ugovolnom processe: problemy pravovogo regulirovaniya. [Abuse of subjective law in criminal proceedings: problems of legal regulation]. Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta – Vestnik of the Samara Law Institute. 2015, no. 2 (16), pp. 9–13.

2. Baev, O. Ya. Zloupotreblenie pravom kak ugovolno-processual'naya kategoriya ["Abuse of law" as a criminal procedural category]. Vestnik VGU. Seriya "Pravo" – Vestnik of the VSU. The Pravo series. 2013, no. 2, pp. 336–349.

3. Darovskikh, O. I. Zloupotreblenie pravom v ugovolnom sudoproizvodstve Rossii avtoreferat dissertacii kandidata yuridicheskikh nauk [Abuse of law in criminal proceedings in Russia]. Chelyabinsk, 2013, 25 p.

4. Andreeva, O. I. Nekotorye aspekty voprosa o predelah svobody povedeniya lichnosti v rossijskom ugovolnom processe [Some aspects of the issue of the limits of freedom of individual behavior in the Russian criminal process]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta - Vestnik of Tomsk State University 2006, no. 292, pp. 54–56.

5. Zheleva, O. V. Ponyatie i priznaki zloupotrebleniya pravom v ugovolnom sudoproizvodstve [The concept and signs of abuse of law in criminal proceedings]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta - Vestnik of Tomsk State University. 2015, no. 396, pp. 116–121.

6. Trubnikova, T. V. Zloupotreblenie pravom v ugolovnom processe: kriterii i predely vmeshatel'stva so storony gosudarstva [Abuse of law in criminal proceedings: criteria and limits of state intervention]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo - Vestnik of Tomsk State University. The right. 2015, no. 3(17), pp. 65-78.

7. Yudin, A. V. Zloupotreblenie processual'nymi pravami v grazhdanskom i ugolovnom sudoproizvodstve [Abuse of procedural rights in civil and criminal proceedings: an interdisciplinary analysis]. LEX RUSSICA. Nauchnye trudy MGYuA. – LEX RUSSICA. Scientific papers of the Moscow State Law Institute. 2006, no. 5, pp. 976-987.

8. Kruss, V. I. Konstituciya i zloupotreblenie pravom: sovremennyy kontekst [Constitution and abuse of law: a modern context]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Pravo" - Vestnik of Tver State University. The Pravo series. 2009, no. 15, pp. 67-75.

9. Romanov, S. V. Pravo podozrevaemogo i obvinyaemogo na zashchitu: predely osushchestvleniya, vozmozhnost' i posledstviya zloupotrebleniya [The right of the suspect and the accused to protection: limits of implementation, possibility and consequences of abuse]. Vestnik Moskovskogo universiteta Seriya 11. Pravo – Vestnik of Moscow University Series 11. Right. 2008, no. 4, pp. 26-32.

10. Kalinkina, L. D. K voprosu o roli zloupotrebleniya pravami i ih nedobrosovestnom ispol'zovanii v ugolovnom sudoproizvodstve [On the role of abuse of rights and their unfair use in criminal proceedings]. Advokat – Advocate. 2010, no. 4, pp. 5-9.

11. Smirnova, I. S. Dosudebnoe proizvodstvo po slozhnomu ugolovnomu delu avtoreferat dissertacii kandidata yuridicheskikh nauk. [Pre-trial proceedings in a complex criminal case]. Chelyabinsk, 2013, 24 p.

12. Belkin, R. S. Protivodejstvie rassledovaniyu i puti ego preodoleniya kriminalisticheskimi i operativno-rozysknymi sredstvami i metodami [Counteraction to the investigation and ways to overcome it by criminalistic and operational-investigative means and methods]. Moscow, 1997, 990 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зайцев Владислав Николаевич, адъюнкт 3 курса заочной формы обучения. Академия управления МВД России, 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladislav Nikolaevich Zaitsev, postgraduate student, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 125171, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8.

Статья поступила в редакцию 06.12.2024; одобрена после рецензирования 21.02.2025; принята к публикации 20.03.2025.

The article was submitted 06.12.2024; approved after reviewing 21.02.2025; accepted for publication 20.03.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 2 (113). С. 140–149.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
Vol. no. 2 (113). Pp. 140–149.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.985

ВЕКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

Калюжный Александр Николаевич^{1,2}

¹Академия ФСО России, Орел, Российская Федерация

²Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова, Орел, Российская Федерация, kaluzniy-a-n@yandex.ru

Введение. В статье подчеркивается негативная динамика применения цифровых средств в ходе совершения преступлений, обосновывается необходимость трансформации форм и методов раскрытия и расследования преступных посягательств; предлагаются и анализируются направления использования информационных технологий в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий; выделяются и аргументируются векторы реализации информационных технологий в ходе производства следственных действий и осуществления организационно-управленческой деятельности по расследованию преступных посягательств.

Материалы и методы. Материалами исследования выступили статьи ученых, нормы законодательства Российской Федерации, результаты анализа судебно-следственной практики раскрытия и расследования преступлений, статистические данные ГИАЦ МВД России. В ходе исследования применен диалектический метод, проведен анализ научных, статистических и нормативно-правовых источников, использованы приемы обобщения и группировки данных, реализован формально-юридический метод, а также методы системного исследования и моделирования.

Результаты исследования позволили обосновать необходимость использования информационных технологий в ходе раскрытия и расследования преступлений, выявить направления их реализации при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, в ходе производства следственных действий и осуществления организационно-управленческой деятельности по расследованию преступных посягательств.

Выводы и заключения. Проведенный анализ позволил аргументировать векторы применения информационных технологий в ходе оперативно-розыскной деятельности: обнаружение, пресечение и ликвидация информационно-телекоммуникационных ресурсов, задействованных в приговлении и совершении преступных посягательств; выявление соучастников преступлений; установление мест пребывания лиц, скрывающихся от следствия и суда; организацию взаимодействия участников уголовного судопроизводства. Реализацию указанных технологий при производстве следственных действий рекомендовано осуществлять по следующим направлениям: организация и проведение следственных действий посредством сети «Интернет»; осуществление розыскной деятельности следователя, в порядке ст.208 УПК РФ; доказывание признаков сплоченности, устойчивости, организованности преступных групп; определение имущества, нажитого преступным путем; установление роли соучастников в совершенных преступленных посягательствах; определение способов совершения преступлений, деятельности по приговлению, совершению и сокрытию посягательств; а также реализация организационно-управленческой деятельности по расследованию преступных посягательств.

Ключевые слова: информационные технологии, раскрытие и расследование преступлений, направления использования, интернет, оперативно-розыскная деятельность, предварительное следствие

Для цитирования: Калужный, А.Н. Векторы реализации потенциала информационных технологий в деятельности оперативных и следственных подразделений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 140–149.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

VECTORS OF REALIZING THE POTENTIAL OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE UNITS

Alexander N. Kalyuzhny^{1, 2}

¹Academy of the Federal Security Service of Russia, Orel, Russian Federation

²Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Orel, Russian Federation
kaluzniy-a-n@yandex.ru

Introduction. The article emphasizes the negative dynamics of the use of digital means in the course of committing crimes, substantiates the need to transform the forms and methods of solving and investigating crimes; proposes and analyzes the directions of using information technologies in the course of conducting operational-search activities; identifies and substantiates the vectors of implementing information technologies in the course of investigative actions and the implementation of organizational and managerial activities to

investigate criminal encroachments.

Materials and Methods. The materials of the study were scientific articles of scientists, norms of the legislation of the Russian Federation, results of the analysis of forensic practice of solving and investigating crimes, statistical data of the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia. During the study, the dialectical method was applied, the analysis of scientific, statistical and regulatory sources was carried out, methods of generalization and grouping of data, as well as the formal-legal method, system research and modeling were used.

The Results of the Study made it possible to substantiate the need to use information technologies in the course of solving and investigating crimes, to identify the directions of their implementation in the implementation of operational-search activities, the production of investigative actions and the implementation of organizational and managerial activities to investigate criminal encroachments.

Findings and Conclusions. The conducted analysis allowed to substantiate the vectors of application of information technologies in the course of operational-search activities: detection, suppression and liquidation of information and telecommunication resources involved in the preparation and commission of criminal encroachments; identification of accomplices to crimes; establishment of the places of stay of persons hiding from the investigation and trial; organization of interaction of participants in criminal proceedings. It is recommended to implement the specified technologies in the production of investigative actions for the following purposes: organizing and conducting investigative actions via the Internet; implementing the investigator's investigative activities, in accordance with Article 208 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; proving signs of cohesion, stability, organization of criminal groups; determining property acquired by criminal means; establishing the role of accomplices in the committed criminal encroachments; determining the methods of committing crimes, activities for the preparation, commission and concealment of encroachments, as well as for the implementation of organizational and managerial activities to investigate criminal encroachments.

Keywords: information technology, detection and investigation of crimes, areas of use, Internet, operational-search activities, preliminary investigation

For citation: Kalyuzhny, A. N. Vektory realizacii potenciala informacionnyh tekhnologij v deyatel'nosti operativnyh i sledstvennyh podrazdelenij [Vectors of realization of the potential of information technologies in the activities of operational and investigative units]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 2 (113). Pp. 140–149.

Внедрение информационных технологий (ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹) в жизнедеятельность общества и государства требует обновленных

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации Федер. Закон № 149-ФЗ : принят Гос. Думой 8 июля 2006 г. : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ (дата обращения: 10.03.2025).

подходов к раскрытию и расследованию преступлений. Современная преступность активно использует информационные технологии в процессе совершения преступлений, сокрытия следов противоправной деятельности, уклонения от выполнения обязанностей гражданина (уважать права и свободы иных лиц, платить законно установленные налоги и сборы, сохранять природу и окружающую среду и др.), использует пробелы в действующем законодательстве в корыстных и иных целях.

В настоящее время организовать противодействие преступным посягательствам возможно лишь на научной основе, используя достижения научно-технического прогресса, вооружив правоохранные органы новейшими техническими средствами, а также разработав актуальные криминалистические рекомендации, с учетом расширения сферы оборота цифровых данных и распространения информационных технологий в деятельности государства, общества и граждан.

В тоже время статистические данные правоохранных органов свидетельствуют о недостаточной эффективности субъектов расследования по противодействию преступным посягательствам, совершенным с использованием информационных технологий: из зарегистрированных в 2023 году 676 951 преступлений, раскрыто немногим более четверти (172 290)². Неутешительная динамика наблюдается и в 2024 году: из 765 365 зарегистрированных преступлений в данной сфере, раскрыто 193 996³. Несмотря на низкие показатели раскрываемости преступлений в сфере информационных технологий, современное состояние преступности свидетельствует о распространенности использования цифровых средств при совершении большинства преступных посягательств. Указанные данные подчеркивают необходимость трансформации форм и методов раскрытия и расследования преступлений, повышения активности использования должностными лицами правоохранных органов возможностей информационно-телекоммуникационных систем и технологий, обуславливая потребность выделения направлений их применения субъектами раскрытия и расследования преступных посягательств.

Несмотря на имеющиеся научные исследования, проведенные В. Б. Веховым, Ю. В. Гаврилиным, А. Ю. Головиным, В. О. Давыдовым, А. Б. Нехорошевым, В. В. Поляковым, В. Н. Черкасовым и другими авторами, посвященные анализу особенностей применения информационных технологий в сфере уголовного судопроизводства, говорить о разработанности векторов (направлений) их использования субъектами правоохранных органов преждевременно. Очевидно, что возможности анализируемых технологий стремительно совершенствуются вместе с развитием науки и техники.

Потенциал имеющихся цифровых средств и перспективы его использования

² Краткая характеристика состояния преступности в России за январь – декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 11.03.2025).

³ Краткая характеристика состояния преступности в России за январь – декабрь 2024 года // Министерства внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 11.03.2025).

субъектами раскрытия и расследования преступлений для обнаружения, фиксации и изъятия криминалистически значимой информации условно может быть подразделен на следующие группы (векторы): реализации оперативно-розыскных мероприятий, производства следственных действий, а также организационно-управленческой деятельности по расследованию преступных посягательств.

В первую очередь следует отметить необходимость использования информационных технологий для обнаружения, фиксации и изъятия криминалистически значимой информации в ходе производства оперативно-розыскных мероприятий, выделив такие направления их использования как:

- а) обнаружение, пресечение и ликвидация информационно-телекоммуникационных ресурсов, задействованных в приготовлении и совершении преступных посягательств;
- б) пресечение планируемых преступлений;
- в) выявление соучастников преступлений;
- г) определение вероятных мест пребывания лиц, скрывающихся от следствия и суда;
- д) организация взаимодействия участников уголовного судопроизводства.

Несмотря на законодательное закрепление (ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ № «Об оперативно-розыскной деятельности»⁴) в качестве одной из приоритетных задач оперативно-розыскной деятельности предупреждения преступлений, отметим, что важнейшими из них для оперативных подразделений будут выявление, пресечение и раскрытие преступлений, а также установление лиц их подготавливающих, совершающих и совершивших.

Используя возможности теневого интернета – dark net, преступники совершают различные преступления, большинство из которых направлены на посягательства в финансово-кредитной системе [1, с. 100], незаконное распространение наркотических средств и психотропных веществ, торговля оружием и боеприпасами, распространение экстремистских материалов и др. [2, с. 50] Но даже открытую сеть «Интернет» (сайты, «облачные хранилища», социальные сети и др.) преступники используют для реализации мошеннических действий, распространения вредоносных компьютерных программ, порнографических материалов, вымогательств денежных средств, доведения лиц до самоубийства и т. п. [3, с. 23].

Деятельность оперативных подразделений должна быть направлена на выявление и ликвидацию информационно-телекоммуникационных ресурсов (сайтов, форумов и т. п.), предоставляющих услуги приобретения запрещенных к распространению товаров, средств, услуг, веществ, а также обучающих, вербующих лиц для занятия преступной деятельностью. При этом эффективность пресечения противоправной деятельности возрастет при реализации комплекса оперативно-розыскных мероприятий (проверочных закупок, оперативных экспериментов и др.), направленных на задержание виновных лиц с поличным и привлечении их к уголовной

⁴ Об оперативно-розыскной деятельности : Федер. закон № 144-ФЗ : принят Гос. Думой 5 июля 1995 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 10.03.2025).

ответственности.

Потенциал социальных сетей «ВКонтакте», «Одноклассники» и иных, следует использовать для установления круга общения преступников, определения возможных мест нахождения лиц, скрывающихся от следствия и суда, выявления возможных соучастников преступных действий и последующей их отработки на причастность к совершенным преступлениям.

Существенное значение для реализации задач оперативно-розыскных подразделений имеют и информационно-поисковые системы, автоматизированные, справочные, статистические и иные виды учетов, интеграция которых в единую (ведомственную, межведомственную) информационно-телекоммуникационную сеть, позволит значительно увеличить их возможности, сократить время поиска и получения криминалистически значимой информации субъектам расследования, многосторонне решать задачи оперативно-розыскного характера, а также следственной и судебной деятельности.

Принципиальное значение для раскрытия и расследования преступлений имеет информация, содержащаяся в системах обеспечения безопасности дорожного движения «Поток»; аппаратно-программном комплексе «Безопасный город» [4]; данные, регистрируемые в автоматическом режиме по сетям мобильной связи, а также в системах позиционирования ГЛОНАСС, GPS, «Android» и «AppleIOS» [5].

Обширные возможности современных информационных технологий подчеркивают необходимость и очевидную неизбежность их использования для обнаружения, фиксации и изъятия криминалистически значимой информации в ходе производства следственных действий:

- а) организация и производство следственных действий посредством сети Интернет;
- б) осуществление розыскной деятельности следователя, в порядке ст. 208 УПК РФ⁵;
- в) доказывание признаков сплоченности, устойчивости, организованности преступных групп;
- г) определение имущества, нажитого преступным путем;
- д) установление роли соучастников в совершенных преступленных посягательствах;
- е) определение способов совершения преступлений, деятельности по приготовлению, совершению и сокрытию посягательств.

Необходимость внедрения информационных технологий в сферу уголовного судопроизводства вынуждала законодателя последовательно трансформировать правовые нормы: сначала допустив возможность производства ряда следственных действий без привлечения понятых, но с обязательной технической фиксацией их хода и результатов (170 УПК РФ), а затем, закрепив возможность производства допросов и

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 11.03.2025).

очных ставок, а также опознаний посредством использования систем видео-конференц-связи (189.1 УПК РФ). Наметившаяся тенденция отражает реалии современного времени, указывая на дальнейшую модернизацию судопроизводства, упрощая организационные и временные затраты [6, с. 18].

Указанная нами ранее информация, содержащаяся на страницах интернет ресурсов, социальных сетей, «облачных хранилищах» имеет криминалистическое значение не только для оперативных подразделений, но и для должностных лиц следственных органов. Реализуя положения ст. 208 УПК РФ, следователь также может установить возможные места пребывания скрывшихся преступников, дать поручение оперативным подразделениям отработать и проверить определенные контакты преступников. Использование виновными платежных пластиковых карт, средств сотовой связи указывает на район их пребывания, предопределяя поиск таких лиц в зафиксированных цифровыми средствами (аппаратно-программными комплексами) местах, сужая зону и области поиска разыскиваемых [7, с. 26].

Следует обратить внимание и на перспективы обнаружения и изъятия у виновных электронных средств и устройств (компьютеры, ноутбуки, сотовые телефоны и т. п.), позволяющих реализовывать ресурсы данных технологий для установления имущества, нажитого преступным путем, денежных средств, имеющихся у виновного и подлежащих аресту (в целях обеспечения гражданского иска) или конфискации, обнаружения переписки соучастников с потерпевшими, выявления иной криминалистически значимой информации [8, с. 135].

Многоэпизодные составы преступлений и групповая преступная деятельность требуют обоснования признаков организованной группы, бандитизма, преступного сообщества, доказывание которых весьма проблематично. В тоже время, информация, содержащаяся о преступниках, их друзьях, соучастниках преступной деятельности, их совместных мероприятиях, времяпрепровождении, находящаяся в социальных сетях, информационно-телекоммуникационных ресурсах, передаваемая с помощью мессенджеров, позволяет аргументировать признаки сплоченности, устойчивости, организованности преступных групп, способствует определению положения конкретных лиц в преступной иерархии.

Анализ добровольно размещенной преступниками на ресурсах сетей интернет информации способствует выявлению составляющих способов совершения преступлений, определению кто из соучастников какие подготовительные действия совершил для реализации преступных замыслов, установлению факта распределения ролей в преступном деянии, доказыванию конкретных способов преступления, выявлению орудий и средств, используемых преступниками. Полученные данные позволят спрогнозировать механизм слеодообразования, места поиска возможных следов противоправной деятельности, установить применяемые способы сокрытия, маскировки преступлений.

Использование информационных технологий для организационно-управленческой деятельности по расследованию преступных посягательств:

- а) планирование расследования преступлений и организация судопроизводства;
- б) обеспечение взаимодействия с субъектами расследования и иными

участниками уголовного процесса.

Объем материалов уголовных дел, многоэпизодность составов преступных посягательств определяют необходимость использования субъектами расследования автоматизированных рабочих мест, позволяющих оптимизировать следственную деятельность, содержащих формы процессуальных документов, методические рекомендации по расследованию отдельных видов преступлений, типичные вопросы судебно-экспертных исследований и др. Наиболее распространенными из них являются АРМ «Следствие», АРМ Slidstwo и другие⁶, применяемые субъектами расследования по своей личной инициативе и не получивших централизованного распространения в следственных органах.

Незаменимыми помощниками в организации планирования расследования преступлений являются системные программные продукты «Windows» и «Microsoft Office» [9, с. 232; 10, с. 302], а также сторонние приложения, устанавливаемые в т. ч. и на мобильные телефоны: «Календарь», «Напоминания», «GTasks», «Any.do» и т. п. Их потенциал позволяет распределить следственные действия, систематизировать процессуальные мероприятия, напомнить о важных событиях: продление сроков расследования, содержания лиц под стражей, получение результатов экспертных исследований, напоминания о запланированных следственных действиях.

Применяемые информационные технологии, позволяют упростить процедурные действия, сократить временные затраты, обеспечив вызов лиц для участия в следственных действиях, согласование вопросов взаимодействия с должностными лицами правоохранительных органов, оперативный обмен информацией, истребование криминалистически значимых данных.

Подводя итоги изложенному, отметим, что получившие в настоящее время информационные технологии должны активно использоваться субъектами раскрытия и расследования преступлений, как для решения задач оперативно-розыскной деятельности, так и для реализации назначения уголовного судопроизводства. В ходе оперативно-розыскной деятельности применение цифровых средств должно быть ориентировано на: обнаружение, пресечение и ликвидацию информационно-телекоммуникационных ресурсов, задействованных в приготовлении и совершении преступных посягательств; выявление соучастников преступлений; установление мест пребывания лиц, скрывающихся от следствия и суда; организацию взаимодействия участников уголовного судопроизводства.

Должностным лицам следственных подразделений следует обратить внимание на перспективность использования информационных технологий при: организации и производстве следственных действий посредством сети Интернет; осуществлении розыскной деятельности следователя, в порядке ст. 208 УПК РФ; доказывании признаков сплоченности, устойчивости, организованности преступных групп; определении имущества, нажитого преступным путем; установлении роли соучастников в совершенных преступленных посягательствах; определении способов

⁶ Автоматизированное рабочее место Slidstwo 5 версия от 2015.05.07 // 4SEE.RU Каталог бесплатных программ : сайт. URL: <https://4see.ru/arm-sledovatelya-slidstwo-5-versiya-ot-2015.05.07> (дата обращения: 10.03.2025); АРМ «Следствие» // VK Видео : сайт. URL: <http://www.vk.com/armsledstvie> (дата обращения: 12.03.2025).

совершения преступлений, деятельности по приготовлению, совершению и сокрытию посягательств, а также для реализации организационно-управленческой деятельности по расследованию преступных посягательств.

Выделенные нами векторы использования информационных технологий, раскрывают лишь отдельные возможности их применения в уголовном судопроизводстве, оставляя отдельные направления реализации цифровых систем за пределами исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сухаренко, А. А. Изучение новых вызовов и угроз национальной безопасности РФ: научная статья директора центра изучения вызовов и угроз // ЭЖ-Юрист. 2017. № 41. С. 99–102.
2. Радайкин, М. Ф. Правовое положение торрент-трекеров и их пользователей // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2013. № 4. С. 46–55.
3. Дмитриева, Д. А., Лошкарев, А. В. О некоторых видах преступлений в интернет-пространстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 5-4 (44). С. 23–26.
4. Сухова, Е. А., Алькова, М. А. Организационно-правовое обеспечение экологической безопасности городского развития: международный опыт // Российская юстиция. 2020. № 5. С. 18–20.
5. Дворкина, Н. Б., Намиот, Д. Е. Использование OpenCeIID API в мобильных сервисах // Прикладная информатика. 2010. № 5 (29). С. 92–101.
6. Зайцев, О. А. Основные направления развития уголовно-процессуального законодательства в условиях цифровизации // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 18–20.
7. Гриненко, А. В. Розыск подозреваемого, обвиняемого: уголовно-процессуальные аспекты // Российский следователь. 2024. № 9. С. 25–28.
8. Гаспарян, Г. З. Расследование хищений денежных средств, совершенных с использованием информационных банковских технологий: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 300 с.
9. Федотов, И. С. Расследование насильственных преступлений, совершаемых в отношении малолетних: правовые, теоретические и организационные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 466 с.
10. Шмонин, А. В. Методика расследования преступлений : учебное пособие. М., 2006. 462 с.

REFERENCES

1. Suharenko, A. A. Izuchenie novykh vyzovov i ugroz nacional'noj bezopasnosti RF [Study of new challenges and threats to national security of the Russian Federation]. JeZh-Jurist – EJ-Lawyer. 2017, no. 41. pp. 99-102.
2. Radajkin, M. F. Pravovoe polozhenie torrent-trekerov i ih pol'zovatelej [Legal status of torrent trackers and their users]. Intellektual'naja sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prove – Intellectual property. Copyright and related rights. 2013, no. 4, pp. 46-55.
3. Dmitrieva, D. A., Loshkarev, A. V. O nekotorykh vidah prestuplenij v internet-prostranstve [About some types of crimes in the Internet space]. Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk – International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020, no. 5-4 (44), pp. 23-26.

4. Suhova, E. A., Al'kova, M. A. Organizacionno-pravovoe obespechenie jekologicheskoy bezopasnosti gorodskogo razvitiya: mezhdunarodnyj opyt [Organizational and legal support for environmental safety of urban development: international experience]. Rossijskaja justicija – Russian justice. 2020, no 5, pp. 18-21.
5. Dvorkina, N. B., Namiot, D. E. Ispol'zovanie OpenCeIID API v mobil'nyh servisah [Using OpenCeIID API in Mobile Services]. Prikladnaja informatika – Applied Computer Science. 2010, no. 5 (29), pp. 92-101
6. Zajcev, O. A. Osnovnye napravlenija razvitiya ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva v uslovijah cifrovizacii [Main directions of development of criminal procedural legislation in the context of digitalization]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020, no. 3, pp. 18-20.
7. Grinenko, A. V. Rozysk podozrevaemogo, obvinjaemogo: ugolovno-processual'nye aspekty [Search for a suspect, accused: criminal procedural aspects]. Rossijskij sledovatel' – Russian investigator. 2024, no. 9, pp. 25-28.
8. Gasparjan, G. Z. Rassledovanie hishhenij denezhnyh sredstv, sovershennyh s ispol'zovaniem informacionnyh bankovskih tehnologii [Investigation of thefts of funds committed using information banking technologies]. Moscow, 2020, 300 p.
9. Fedotov, I. S. Rassledovanie nasil'stvennyh prestuplenij, sovershaemyh v otnoshenii maloletnih: pravovye, teoreticheskie i organizacionnye osnovy [Investigation of violent crimes committed against minors: legal, theoretical and organizational foundations]. Moscow, 2009, 466 p.
10. Shmonin, A. V. Metodika rassledovaniya prestuplenij [Crime Investigation Methodology]. Moscow, 2006, 462 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калюжный Александр Николаевич, доктор юридических наук, доцент. Академия ФСО России. 302020, Орел, ул. Приборостроительная, 35; профессор кафедры криминалистики и предварительного расследования. Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова. 302006, Орел, улица Игнатова, 2.
<http://orcid.org/0000-0001-7768-0874>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kalyuzhny Alexander Nikolaevich, Doctor of Law, Associate Professor. Academy of the Federal Protective Service of Russia. 302020, Oryol, Priborostraitelnaya Str., 35; Professor of the Department of Forensic Science and Preliminary Investigation in the Internal Affairs Department, Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 302006, Oryol, Ignatova Str., 2.
<http://orcid.org/0000-0001-7768-0874>, mob. tel.: +7-910-306-40-40.

Статья поступила в редакцию 19.01.2025 одобрена после рецензирования 21.02.2025; принята к публикации 17.04.2025.

The article was submitted 19.01.2025; approved after reviewing 21.02.2025; accepted for publication 17.04.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 2 (113). С. 150–164.
 ...Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
 Vol. no. 2 (113). Pp. 150–164.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.01/343.2

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Карпов Кирилл Николаевич

Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация, Kkn83@mail.ru

Введение: В статье проведен анализ существующих в доктрине уголовного права и смежных отраслей права положений, раскрывающих сущность понятия социальный контроль как в сфере государственного управления в целом, так и уголовно-правового регулирования в частности.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили статьи ученых, нормы законодательства, связанные с определением содержания социального контроля как самостоятельной категории, используемой в сфере правового регулирования. В ходе исследования применен диалектический метод, проведен анализ научных, исторических и нормативно-правовых источников, использованы приёмы обобщения и группировки данных.

Результаты исследования позволили сопоставить различные подходы, используемые при определении понятия социальный контроль, а также раскрыть его содержание применительно к сфере уголовно-правового регулирования; обозначить особенности медов и средств социального контроля, характерных для уголовно-правового регулирования.

Выводы и заключения. Проведенный анализ позволил выявить тенденцию использования термина социальный контроль не для обозначения определенной деятельности государства либо негосударственных органов и даже частных лиц, связанной с целенаправленным воздействием на участников общественных отношений, а лишь как отсылку к глобалистскому нарративу государственного (а зачастую и надгосударственного) управления социумом. Кроме того, предложено авторское определение социального контроля в сфере уголовно-правового регулирования, а также разработан подход к выделению уровней социального контроля.

Ключевые слова: социальное управление, правоотношения, правоограничения, девиантное поведение, уголовная ответственность, преступность

Для цитирования: Карпов, К. Н. Подходы к пониманию социального контроля в сфере уголовно-правового регулирования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 150–164.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

APPROACHES TO UNDERSTANDING SOCIAL CONTROL IN THE SPHERE OF CRIMINAL LAW REGULATION

Karpov Kirill Nikolaevich

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Russian Federation,
Omsk, Kkn83@mail.ru

Introduction. The article analyzes the provisions existing in the doctrine of criminal law and related branches of law, revealing the essence of the concept of social control both in the sphere of public administration in general and criminal law regulation in particular.

Materials and Methods. The research materials were scientific articles of scientists, legislative norms related to the definition of the content of social control as an independent category used in the sphere of legal regulation. During the study, the dialectical method was used, an analysis of scientific, historical and regulatory sources was carried out, and methods of generalization and grouping of data were used.

The Results of the Study made it possible to compare various approaches used in defining the concept of social control, as well as to reveal its content in relation to the sphere of criminal law regulation; to identify the features of the methods and means of social control characteristic of criminal law regulation.

Findings and Conclusions. The conducted analysis allowed us to identify the tendency to use the term social control not to designate a certain activity of the state or non-state bodies and even individuals associated with targeted influence on participants in public relations, but only as a reference to the globalist narrative of state (and often supranational) management of society. In addition, the author's definition of social control in the sphere of criminal law regulation is proposed, and an approach to identifying levels of social control is developed.

Keywords: social management; legal relations; legal restrictions; deviant behavior; criminal liability; crime

For citation: Karpov, K. N. Podhody k ponimaniyu social'nogo kontrolya v sfere ugolovno-pravovogo regulirovaniya [Approaches to understanding social control in the sphere of criminal-legal regulation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii –

Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no.2 (113), pp. 150–164.

Позаимствованный из сферы управления процессами производства, промышленности и менеджмента термин контроль, согласно толковому словарю С. И. Ожегова означает проверку, а также постоянное наблюдение в целях проверки или надзора (*контроль за работой; контроль над вооружениями.*)» [1]. Термин «социальный контроль», адаптированный в философском и социологическом контексте, воспринимается как совокупность процессов в социальной системе (обществе, социальной группе, организации и т. п.), посредством которых обеспечивается следование определенным «образцам» деятельности, а также соблюдение ограничений в поведении, нарушение которых отрицательно сказывается на функционировании системы, т. е. обеспечивается определенная организация общественной жизни, адекватность поведения членов общества взаимным ожиданиям, а также *реализуется принцип обратной связи в управлении любыми социальными процессами или системами* [2].

Использование социального контроля в процессе государственного управления, позволяет рассматривать его как практику всех видов социальных групп по предписанию и поощрению конформности и применению санкций к лицам, нарушающим принятые нормы. Данное явление пронизывает все виды социальной деятельности человека (в первую очередь, связанную с выполнением государственных функций) и выступает в качестве инструмента, позволяющего в принципе говорить о её организованности, структурированности и целесообразности. В более узком смысле, контроль адаптируется к системе, в которой он используется. Например, с точки зрения психологии, социальный контроль общества над своими членами заключается прежде всего в социализации, в ходе которой происходит интернализация социальных норм поведения, путем системы поощрений и наказаний [3]. В социологии же социальный контроль понимается как процесс, посредством которого сводятся к минимуму расхождения между системой нормативных ожиданий общества и фактическим поведением людей, как средство обеспечения социальной интеграции [4], [5]. Т. Парсонс определяя теорию социального контроля называл ее обратной стороной теории генезиса тенденций девиантного поведения, т.е. это анализ тех тенденций, которые противодействуют девиантному поведению [6].

Представитель социологического (прагматического) направления в праве Р. Паунд предлагал рассматривать социальный контроль как одну из центральных государствообразующих идей, определяющей механизм государственного управления и воспринимать право как основную форму социального контроля в современном политически организованном обществе [7], [8]. В рамках данного направления социальный контроль – это особый механизм социальной регуляции, с помощью которого общество и его подразделения (группы, организации) обеспечивают соблюдение системы ограничений (условий), нарушение которых наносит ущерб функционированию социальной системы, т.е. органический элемент управления [9].

Предельно широко, в философском контексте, высказывается о социальном контроле М. Фуко. Автор настаивает на производстве государством «дисциплинарного индивида» именно посредством применения механизмов власти и социального контроля (коварной мягкости, неявных колкостей, мелких хитростей, рассчитанных методов, техник и т. д.) [10], по сути также отождествляя социальный контроль с любым проявлением государственной власти.

Так, в современном дискурсе социальный контроль понимается как *целенаправленная деятельность (система процессов и механизмов) по поддержанию общественного порядка, основанная на проверке (слежение, сравнение, сопоставление) соответствия функционирования (деятельности, поведения) какого-либо объекта с ожидаемыми или запланированными показателями*. Уже в самом определении заложена некоторая двойственность понимания данного термина. С одной стороны, он воспринимается как деятельность (совокупность процессов), но при этом основанная также на проверке, слежении и сопоставлении. Так, социальный контроль не сводится к механистическому наблюдению и корректировке поведения индивида, а предполагает более сложный комплекс мер, в том числе и по установке целей такой корректировки, методов её осуществления и даже изменения всей системы, исходя из потребностей общества и перспективных задач управления им.

Контроль рассматривается в качестве методов реализации функции государства [11, с. 13]. В то же время в различных сферах правового регулирования контроль признается методом правового регулирования [12, с. 214]. В условиях строительства социализма и коммунизма контроль (социалистический контроль) рассматривался как «одна из политических функций общественного развития» или «могучее оружие строительства социализма и коммунизма», с последующим превращением в «обычную функцию регулирования общественных отношений» [13, с. 5, 9, 46].

Контроль и надзор признается одной из форм противодействия негативным социальным явлениям: (наряду с предотвращением, пресечением, устранением причин и условий, способствующих возникновению и развитию данных явлений [14, с. 462]. Также контроль рассматривается как одна из специальных гарантий законности, т. е. юридических условий, средств и способов, обеспечивающих воплощение, реализацию законности. В развитие данного тезиса выделяют даже специальную «контрольно-надзорную власть [14].

Таким образом, с точки зрения механизма функционирования государства и права, контроль имеет различные проявления как в качестве самостоятельного механизма управления обществом, а также и в виде средств либо элементов данного механизма. Объединяющим же для них является очевидная невозможность государственного управления обществом без контроля, а также общая механика контроля как способа сбора информации, проверки состояния системы и дальнейшего реагирования на полученные показатели и всепроникаемость контроля (т. е. использование контроля во всех государственно-правовых отношениях и применение взаимоконтролирующих средств, когда не только государство контролирует субъектов правоотношений, но и члены общества обладают инструментами контроля за деятельностью государства).

Так, М. В. Бавсун, используя термин «уголовная биополитика» определяет ее как элемент общей биополитики «которая должна выполнять функцию управления и контроля, причем одну из самых сложных и жестких в силу тех мер, которые существуют в данной правовой сфере» [15, с. 44] указывает, что «если это и не максимальный уровень, такого воздействия, то безусловно близкий к нему». Такая «максимальность» уровня принуждения (воздействия) как раз и приводит к особо острому восприятию данной сферы правоотношений. Автор указывает, что подобное управление человеком (уголовно-правовое – добавлено нами К. К.), в отличие от моральной или правовой регуляции, носит буквальный – телесный, «роботизированный» характер [16].

Такого рода обобщенные формулировки позволяют ассоциировать социальный контроль с различными сферами общественных отношений и различными отраслями права, начиная с фундаментальных конституционных и международных отраслей права и заканчивая узкоспециализированными отраслями. Представляется, что указанные особенности понятий указывают на наличие научной (или предметной) специализации. При этом сам контроль остается институциональным явлением социальной жизни общества, необходимым для полноценного функционирования всех его систем, отождествляемый с механизмом или способом «саморегуляции социальной системы, обеспечивающий упорядоченное взаимодействие составляющих ее элементов посредством нормативного (в т. ч. правового) регулирования» [17, с. 505].

Контроль, несомненно, имеет свои особенности в зависимости от сферы общественных отношений, однако его основные структурные компоненты остаются неизменными. Так, А. В. Ерицян определяя контроль как правовую процедуру, направленную на выявление возможных составов правонарушений, указывает на наличие в нем:

- 1) стадии получения контролирующим субъектом необходимой информации,
- 2) стадии правовой оценки (квалификации) 3) стадии принятия решения о применении принудительных мер к подконтрольному объекту [18, с. 106.].

В рамках криминологических исследований, социальный контроль порой воспринимается в двойственном значении: как перспективная цель борьбы с преступностью, а также как составляющая функция общей системы мер борьбы с преступностью [19].

Приведенные подходы позволяют констатировать, что в научной литературе социальный контроль воспринимается одновременно в различных значениях: 1) как основополагающая идея управляемости обществом со стороны государства; 2) в качестве обязательной системы инструментов (средств, механизмов), позволяющих осуществлять управленческую деятельность) (функция управления) [20]; 3) как непосредственно практика государственного управления какими-либо социальными явлениями (деятельность государственных институтов).

В то же время, использование указанного понятия в научной литературе зачастую перемешивается и воспринимается как единый (неразделяемый в указанных значениях) самостоятельный правовой институт, при котором идея управляемости общества государством естественно приводит к формированию механизмов

социального контроля и соответствующей практике государственных органов (и иных субъектов и акторов). Рассмотрение социального контроля отправной точкой всего механизма правового регулирования предполагает, что это его основное предназначение, формирующее его как целостный механизм, а также и систему отдельных его элементов.

К. Е. Игошев выделяет две формы социального контроля. Внешняя форма включает в себя регулятивное влияние на личность окружающей социальной среды, т. е. внешнее по отношению к личности факторы, контролирующие её поведение и направляющие его в определенное русло, в рамках которой выделяет превентивный (до начала социально-отклоняющегося поведения) и последующий (после факта нарушения социальных норм) социальный контроль. Внутренняя же система (форма) социального контроля – присущий духовному миру личности социально-психологический механизм волевых действий и поступков, раскрывающий особое качество личности – её способность к саморегуляции (т. е. самоконтроль) [21, с. 127, 133].

Применительно к сфере уголовно-правового регулирования, Н. И. Ветров, Ю. И. Ляпунов [22], В. А. Андрухов [23] указывают, что в юриспруденции социальный контроль рассматривается как контроль поведения граждан государства, совершивших общественно-опасное деяние, запрещенное уголовным кодексом государства под угрозой наказания (т. е. разновидность правового контроля).

Разработки теорий социального контроля (и схожих по содержанию концепций) в сфере уголовного права и криминологии имеют место как правило, с позиции криминологических теорий государственного контроля над преступностью [24]; [25]. А. Н. Харитонов определяет государственный контроль над преступностью как законную деятельность системы компетентных органов и их представителей по сдерживанию отклоняющегося (общественно опасного) поведения людей. Автор указывает на то, что термин «контроль над преступностью» сам по себе имеет функциональную нагрузку и делает акцент на необходимости усиления оптимизации информационно-аналитической функции контроля над преступностью. Наряду с данной, выделяются и другие функции государственного контроля над преступностью: политическая, идеологическая, охранительная, экономическая, принудительная, воспитательная, предупредительная, компенсаторная, координационная. При этом А. Н. Харитонов разделяет весь государственный контроль по сферам его реализации на: 1) уголовно-процессуальное обеспечение государственного контроля над преступностью; 2) административно-правовой контроль; 3) оперативно-розыскной контроль над преступностью [25]. Все эти разновидности государственной деятельности представляют собой системное образование, предназначенное в самом широком понимании для обеспечения безопасности общества путем предупреждения (противодействия) преступности. По мнению С. Я. Лебедева «контроль над преступностью можно рассматривать (в широком смысле) как основанную на законе деятельность государства, общества и отдельных граждан по удержанию преступности в социально приемлемых для данного периода исторического развития рамках» [26].

Данная точка зрения коррелирует с положениями социального управления, где контроль может быть рассмотрен в широком и узком значении. В **широком** смысле контроль включает в себя совокупность политических, экономических, и идеологических процессов, и методов, призванных обеспечить стабильность общества и государственного строя, соблюдение социального порядка, влияние на массовое и индивидуальное сознание. В **узком** значении контроль предполагает проверку исполнения решений вышестоящих организаций, соблюдения технических, экономических, организационных нормативов, выполнения плановых мероприятий (заданий), соблюдения трудовой дисциплины, правовых норм [27, с. 102].

Применяя данную схему в сфере уголовно-правового регулирования, можно ассоциировать контроль в **широком** смысле с уголовно-правовой политикой государства, включающей в себя определение стратегий развития законодательства, уголовно-правовую идеологию [28], процессы криминализации и декриминализации и т. д. В **узком** же смысле это деятельность специализированных органов по применению уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства связанная с реализацией мер уголовно-правового характера в отношении лиц, совершивших преступление, сбору информации о их поведении, соблюдении общих требований уголовного законодательства, а также специальных требований к поведению лиц, совершивших преступления.

Я. И. Гишинский отмечает, что социальный контроль включает в себя как нормотворческую деятельность (по созданию, закреплению и распространению образцов правомерного поведения в обществе), так и весьма широкий спектр государственных и общественных реакций на совершенное или могущее быть совершенным преступление. Если первая составляющая контроля (нормотворчество) по большому счету не является предметом криминологии (хотя это и не исключает необходимости криминологической экспертизы нормотворчества), то вторая – контроль над поведением – является предметом уже не только криминологии, но и отраслей права криминального цикла [29]. Такое деление социального контроля на глобальный (нормотворчество) и технический (контроль над поведением), на наш взгляд носит довольно условный характер, однако позволяет разграничить формы проявления социального контроля в уголовно-правовой сфере.

Конкретизируя тему социального контроля в уголовном праве и криминологии И. Я. Гишинский, раскрывает его содержание следующим образом: «Контроль над преступностью – один из видов социального контроля. Поскольку преступность (что бы ни вкладывалось в это понятие в различные эпохи у разных народов) издавна воспринималась как самая опасная форма «отклонений», постольку и средства воздействия на лиц, признанных преступниками, применялись самые жесткие (жесткие)» [30, с. 44]. При этом усматривается сохранение самого подхода к определению контроля как инструмента воздействия на отклоняющееся поведение.

Непосредственно в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве термин «контроль» используется в различных контекстах. Как правило в рамках норм, регламентирующих непосредственно применение той либо иной меры уголовно правового характера как средства обеспечивающего исполняемость [31] данной меры

и позволяющей констатировать соблюдение осужденным тех либо иных предписаний, установленных для него.

Например, контроль за поведением условно осужденного осуществляется уполномоченным на то специализированным государственным органом, а в отношении военнослужащих – командованием воинских частей и учреждений (ч. 6 ст. 73 Уголовного кодекса Российской Федерации⁷). Контроль за поведением лица, освобожденного условно-досрочно, осуществляется уполномоченным на то специализированным государственным органом, а в отношении военнослужащих – командованием воинских частей и учреждений (ч. 6 ст. 79 УК РФ). Контроль за поведением лиц, освобожденных от наказания в соответствии со ст. 80.2 УК РФ осуществляется командованием воинской части (учреждения). Контроль выступает обязательным элементом принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 91 УК РФ). Также контроль является неотъемлемым содержанием принудительных мер медицинского характера (ст. 72.1, 102 УК РФ).

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации⁸, регулируя непосредственно порядок исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, несомненно, чаще использует рассматриваемые термины. Например, ч. 3. ст. 39, ч. 3 ст. 25, ч. 3 ст. 33, ст. 60, ст. 83, ст. 60.18 УИК РФ регламентируют порядок осуществления контроля и надзора за осужденными (за поведением осужденных), а также контроля соблюдения ими общественного порядка и исполнения ими возложенных судом обязанностей (ст. 188 УИК РФ). Анализируя контроль в деятельности уголовно-исполнительных инспекций, Н. В. Ольховик также использует понятия контроль и надзор как «средства обеспечения режима исполнения наказания» [32, с. 101].

Контроль в правоприменительной сфере рассматривается различными учеными с нескольких позиций. Во-первых, это функциональный подход, предполагающий определение контроля как части управленческого процесса и совокупности мер его обеспечивающих. Так с позиции «информационной функции» контроль позволяет рассматривать его как «применение мер, которые обеспечивают возможность наблюдения за определенным объектом и проверки его соответствия установленным требованиям» [33]. Придание контролю «регулирующей функции» позволяет включать в его содержание и сами правоотношения между субъектами контроля [34]. Во-вторых, контроль отождествляется с самим процессом применения мер государственного принуждения (объективно неотъемлемых от него). Например, контроль рассматривается как «совокупность властных полномочий, предоставляемых компетентным органам, направленных на обеспечение наблюдения за поведением лица, состоящего под контролем и получение о нем необходимой информации» [33, с. 60]. Представители третьей позиции рассматривают контроль (и надзор) как

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 15.02.2025).

⁸ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : УИК : принят Гос. Думой 18 декабря 1996 г. : одобрен Советом Федерации 25 декабря 1996 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 15.02.2025).

одно из средств воздействия на осужденных включая либо не включая его в качестве средств обеспечения режима (исполнения наказания) [35].

Такое многообразие представлений и подходов к пониманию социального контроля порождает невозможность корректного его формулирования без ущерба тому либо иному аспекту его проявления, а также приводит к отождествлению социального контроля с любыми проявлениями государственной власти и государственного управления обществом.

Приведенные подходы к пониманию социального контроля позволяют согласиться с Н. Г. Щитовым, который отмечает, что «одной из основных сложностей анализа социального контроля состоит в том, что объективно он не представляет собой специализированного социального института, являясь результатом их сложного взаимодействия. Социальный контроль присутствует во всех областях жизни общества, везде, где возникают проблемы распознавания, определения, реагирования, и коррекции девиантного поведения» [36, с. 12].

Зачастую социальный контроль отождествляют с любыми проявлениями государственной власти или управления обществом. Так, любое воздействие государства на членов общества (особенно в сфере репрессии) может ассоциироваться с социальным контролем. Любые проявления уголовной политики рассматриваются как социальный контроль, который в данном случае отождествляется с правовым воздействием (и уголовно-правовым, в частности). Непосредственно мероприятия (процедуры), направленные на сбор информации о лицах членах общества вообще, а также о лицах, совершивших преступление, отбывающих наказание либо в отношении которых применены условные меры уголовно-правового воздействия либо находящиеся под надзором специализированных органов, а также исправление их поведения (принуждение, воспитание, социальная помощь и т. д.). В принципе любое реагирование на отклоняющееся поведение также ассоциируется с социальным контролем.

В то же время социальный контроль воспринимается и как совокупность институтов контроля со стороны государственных органов (судебный контроль, прокурорский надзор), негосударственных общественных организаций (или просто представителей общественности) в проверке законности принимаемых органами государственной власти решениями, соблюдением законодательства при реализации властных полномочий, правоприменением в отношении участников правоотношений (в том числе уголовно-правовых) (например, судебный контроль, прокурорский надзор и т. д.).

Специфика подобного контроля связана с особыми субъектами и их взаимоотношениях, в большей степени относимых к субординационно-подчиненной деятельности государственных органов. Вопросы такого вида контроля выступали предметом научного анализа, как правило в сфере уголовно-исполнительного права и уголовного процесса [37]. Например, выступает отдельной разновидностью судебного контроля за обеспечением прав и законных интересов граждан при рассмотрении уголовных дел в суде и при рассмотрении вопросов исполнения наказания [38]. Основное же содержание контроля в данном случае сводится к определению

правомерности принятого решения, рассмотрению вопросов изменения содержания (размера, срока, вида) принятой меры уголовно-правового характера исходя из существующих или возникших оснований и условий. Например, принятие решения о замене неотбытой части наказания на более мягкое (ст. 80 УК РФ) либо об освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного (ст. 81 УК РФ) и т.д., является способом реагирования на изменения, произошедшие в ходе реализации уголовно-правового воздействия.

Обобщая существующие подходы необходимо констатировать, что социальный контроль является неотъемлемым элементом уголовно-правовых отношений, состоящим: 1) в легитимизации установления требований к членам общества в виде обязанности соблюдения уголовно-правовых запретов, а также формировании особых требований к поведению лиц, совершивших преступление как специальных субъектов уголовно-правовых отношений; 2) в сборе информации о поведении такого лица (в части соблюдения требований уголовного законодательства); 3) в правовой реакции государства на отклоняющееся (девиантное) поведение (как негативное так и позитивное) в целях устранения деструктивного (общественно-опасного) состояния данных лиц; 4) в проведении социально реабилитационных, ресоциализирующих, адаптационных и иных мероприятий, направленных на оказание помощи лицу, совершившему преступление.

Соответственно в сфере уголовно-правового регулирования социальный контроль может быть разделен на два уровня понимания, которые можно условно обозначить как общий и специальный.

Общий социальный контроль как часть уголовно-правовой политики государства, проявляющейся в контроле за выявлением (определением) факторов девиаций, представляющих отклонение от нормы общественного поведения, представляющее реальную либо потенциальную опасность социуму и распространяющейся на всех членов общества. На данном фундаментальном уровне социальный контроль выступает неотъемлемым элементом всей системы правового регулирования. По сути, социальный контроль как глобальное средство государственного управления пронизывает весь механизм правового регулирования и находит свое проявление в отдельных институтах, законодательных предписаниях, запретах, непосредственно применяемых мерах принуждения, выполняя различные функции (информационную, общепреventивную, воспитательную и т. д.).

Специальный социальный контроль как непосредственно практика применения мер уголовно-правового характера в отношении лиц, совершивших преступление, проявляющаяся в реализации уголовной ответственности, а также применении иных мер уголовно-правового характера (в том числе предусмотренных не только уголовным законодательством, но и иными федеральными законами), позволяющая осуществлять наблюдение за поведением лиц, представляющих опасность для социума.

В целом же социальный контроль в сфере уголовно-правового регулирования необходимо рассматривать как элемент механизма государственного управления, предназначенный для реализации государственной правоохранительной функции по обеспечению безопасности личности, общества и государства, включающий в себя

совокупность уголовно-правовых норм, институтов и мер уголовно-правового воздействия, позволяющих осуществлять проверку соблюдения членами общества требований уголовного законодательства, оценку их поведения и реагирования на такое позитивное либо негативное поведение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Толковый словарь русского языка. : 80 000 слов и фразеолог. Выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; РАН. Ин-т рус. Яз. Им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва : Азбуковник, 2003. 943 с.
2. Советский философский словарь // Словари, энциклопедии и справочники онлайн : сайт. // URL: <https://rus-sovetsky-filosof-dict.slovaronline.com/search?s=контроль> (дата обращения: 16.07.2024).
3. Жмуров, В. А. Большая энциклопедия по психиатрии / В. А. Жмуров. 2-е изд. М.: Джангар, 2012. 864 с.
4. Парсонс, Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева ; ред. М. С. Ковалева. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
5. Пшидаток, В. Е. Правосознание и правовые ценности молодежи в контексте российских реформ : монография / В. Е. Пшидаток, П. С. Самыгин. Ростов-на Дону, 2007. 175 с.
6. Парсонс, Т. Социальная система: перевод с англ. М.: Акад. проект, 2018. 529 с.
7. Груздев, В. С. Об истоках правовых взглядов Р. Паунда // Теория и практика общественного развития. 2020. № 8 (150). С. 98-101.
8. Адыгезалова, Г. Э. Социологическая юриспруденция в США в XX веке. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2012. 268 с.
9. Сызранцев, Д. Г. Прагматизм в праве: Метод Роско Паунда : дисс... к.ю.н. М., 2001. 158 с.
10. Фуко, М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М. 1999. 284 с.
11. Черноголовкин, Н. В. Функции Советского государства в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1960. 191 с.
12. Теория государства и права : учебник / под ред. Н. И. Матузов, А. В. Малько. М.: Юристъ, 2004. 245 с.
13. Краснов, А. В. Социальный контроль и его место в общественном развитии. Иркутск, 1967. 49 с.
14. Теория государства и права : учеб. пособие / Р. Б. Головкин и др. ; под ред. проф. Р. Б. Головкина ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2020. 680 с.
15. Бавсун, М. В. Антропологические предпосылки формирования современной уголовной биополитики // Российский девiantiологический журнал. 2021. № 1. С. 39–50.
16. Бавсун, М. В. Метамодерн в праве: осцилляции в точке Канетти. Статья I. Полиферация норм и разум / М. В. Бавсун, Д. В. Попов // Научный Вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4 (71). С. 62–70.
17. Социология. Основы общей теории : учебник / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2014. 912 с.
18. Ерищян, А. В. Государственный контроль за соблюдением законодательства субъектами предпринимательской деятельности (теоретический аспект) // Государство и право. 2002. № 2. С.103-108.

19. Корзун, И. В. Теоретические и прикладные проблемы социально-правового контроля и предупреждения преступности среди женщин (по материалам Республики Казахстан) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 319 с.
20. Быченко, Ю. Г. Социальный контроль как функция управления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. № 1. Т. 23. С. 39–43.
21. Игошев, К. И. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. 168 с.
22. Уголовное право. Общая часть : учебник / отв. ред. Н. И. Ветров, Ю. И. Ляпунов. М., «КноРус» 1997. 583 с.
23. Андрухов, В. А. Концепции социального контроля молодежной преступности // Теория и практика общественного развития. 2009. № 2. С. 26–36.
24. Воронин, Ю. А. Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России / Ю. А. Воронин, А. В. Майоров // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 7–16.
25. Харитонов, А. Н. Государственный контроль над преступностью: (Теоретические и правовые проблемы) : монография. Омск, 1997. 239 с.
26. Криминология : учебник / под ред. Г. А. Аванесова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2012. 576 с.
27. Величко, А. Ю. Контрольно-надзорная деятельность государства: система и ее элементы // Государство и право. 2008. № 1. С. 100–104.
28. Бавсун, М. В. Методологические основы уголовно-правового воздействия : монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 197 с.
29. Гишинский, Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2004. 518 с.
30. Гишинский, Я. И. Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы // Российский ежегодник уголовного права. 2013. № 7. С. 42–58.
31. Тепляшин, П. В. Особенности государственного контроля за исполнением уголовных наказаний в Российской Федерации и Республике Казахстан. Организация и деятельность органов внутренних дел на современном этапе: проблемы и пути решения: мат-лы Межд. научно-практ. конф. 23 октября 2020 г., Костанай, 23 октября 2020 г. Костанай, 2020. С. 425–430.
32. Ольховик, Н. В. Режим испытания при условном осуждении. Томск, 2005. 180 с.
33. Музенник, А. К. Условное осуждение и отсрочка исполнения приговора / А. К. Музенник, В. А. Уткин, О. В. Филимонов. Томск, 1990. 176 с.
34. Афанасьев, В. Г. Научное управление обществом : опыт системного исследования. М. 1973. С. 240.
35. Стручков, Н. А. Курс исправительно-трудового права : проблемы особенной части, М., 1985. С. 78–79.
36. Щитов, Н. Г. Социальный порядок, социальный контроль и медиализация наказания / Н. Г. Щитов. Владивосток, 2002. С. 12. 235 с.
37. Давыдова, И. А. Судебный контроль за исполнением уголовных наказаний : дисс. канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 249 с.
38. Уголовно-исполнительное право : учебник / под ред. проф. В. И. Селиверстова. 2008. 178 с.

REFERENCES

1. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 2003, 943 p.
2. *Sovetskij filosofskij slovar'* [Soviet philosophical dictionary]. URL: <https://rus-sovetsky-filosof-dict.slovaronline.com/> (date of application: 16.07.2024)
3. Zhmurov, V. A. *Bol'shaya enciklopediya po psihiatrii* [Great encyclopedia of psychiatry]. Moscow, 2012, 864 p.
4. Parsons, T. *Sistema sovremennyh obshchestv* [System of modern societies]. Moscow, 1998, 270 pp
5. Pshidatok, V. E., Samygin, P. S. *Pravosoznanie i pravovye cennosti molodezhi v kontekste rossijskih reform* [Legal consciousness and legal values of youth in the context of Russian reforms]. Rostov-on-Don, 2007, 175 p.
6. Parsons, T. *Social'naya sistema: perevod s anglijskogo*. [Social system: translated from English]. Moscow, 2018, 529 p.
7. Gruzdev, V. S. *Ob istokah pravovyh vzglyadov R. Paunda* [On the origins of R. Pound's legal views]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* – Theory and practice of social development. 2020, no. 8 (150), pp. 98-101.
8. Adygezalova, G. E. *Sociologicheskaya yurisprudenciya v SShA v HH veke* [Sociological jurisprudence in the USA in the twentieth century]. St. Petersburg, 2012, 268 p.
9. Syzrantsev, D. G. *Pragmatizm v prave: Metod Rosko Paunda* [Pragmatism in law: Roscoe Pound's method]. Moscow, 2001, 158 p.
10. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tyur'my* [Supervise and Punish: The Birth of Prison]. Moscow, 1999, 284 p.
11. Chernogolovkin, N. V. *Sovetskogo gosudarstva v period razvernutoho stroitel'stva kommunizma* [Functions of the Soviet State during the Period of Full-Scale Construction of Communism]. Moscow, 1960, 191 p.
12. Matuzov, N. I., Malko, A. V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 2004, 245 p.
13. Krasnov, A. V. *Social'nyj kontrol' i ego mesto v obshchestvennom razvitii* [Social Control and Its Place in Social Development]. Irkutsk, 1967, 49 p.
14. Golovkina, R. B. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Vladimir, 2020, 680 p.
15. Bavsun, M. V. *Antropologicheskie predposylki formirovaniya sovremennoj ugolovnoj biopolitiki* [Anthropological prerequisites for the formation of modern criminal biopolitics]. *Rossiiskij deviantologicheskij zhurnal* – Russian deviantological journal. 2021, no. 1, pp. 39-50.
16. Bavsun, M. V., Popov, D. V. *Metamodern v prave: oscillyacii v tochke Kanetti. Stat'ya I. Poliferaciya norm i razum* [Metamodern in law: oscillations at the Canetti point. Article I. Polymerization of norms and reason]. *Nauchnyj Vestnik Omskoj akademii MVD Rossii* – Scientific Vestnik of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018, no. 4, pp. 62-70.
17. Osipov, G. V., Moskvichev, L. N. *Sociology. Fundamentals of general theory* [Sociologiya. Osnovy obshchej teorii]: textbook / Ed. ed.. 2nd ed., rev. and additional M.: Norma, 2014. 912 p.
18. Eritsyanyan, A. V. *Gosudarstvennyj kontrol' za soblyudeniem zakonodatel'stva sub"ektami predprinimatel'skoj deyatel'nosti (teoreticheskij aspekt)* [State control over

compliance with legislation by business entities (theoretical aspect)]. Gosudarstvo i pravo – State and Law. 2002, no. 2, pp. 103-108.

19. Korzun, I. V. Teoreticheskie i prikladnye problemy social'no-pravovogo kontrolya i preduprezhdeniya prestupnosti sredi zhenshchin (po materialam Respubliki Kazakhstan) [Theoretical and applied problems of social and legal control and crime prevention among women (based on the materials of the Republic of Kazakhstan) : Diss ... Doctor of Law]. Moscow, 2001, 319 p.

20. Bychenko, Yu. G. Social'nyj kontrol' kak funkciya upravleniya [Social control as a management function]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya – Vestnik of the Saratov University. New series. Series: Sociology. Political Science. 2023, vol. 23, issue 1, pp. 39-43.

21. Igoshev, K. I. Tipologiya lichnosti prestupnika i motivaciya prestupnogo povedeniya [Typology of the personality of a criminal and motivation of criminal behavior]. Gorky, 1974, 168 p.

22. Vetrov, N. I., Lyapunov, Yu. I. Uголовное право. Obshchaya chast' [Criminal law. General part]. Moscow, 1997, 583 p.

23. Andrukhov, V. A. Konceptii social'nogo kontrolya molodezhnoj prestupnosti [Concepts of social control of youth crime]. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and practice of social development. 2009, no. 2, pp. 26-36.

24. Voronin, Yu. A., Mayorov, A. V. Teoreticheskie osnovy formirovaniya sistemy protivodejstviya prestupnosti v Rossii [Theoretical foundations of the formation of a system of combating crime in Russia]. Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminological journal of the Baikal state university of economics and law. 2013, no. 1, pp. 7-16.

25. Kharitonov, A. N. Gosudarstvennyj kontrol' nad prestupnost'yu: (Teoreticheskie i pravovye problemy) [State Control over Crime: (Theoretical and Legal Problems)]. Omsk, 1997, 239 p.

26. Avanesova, G. A. Criminology [Kriminologiya]. M., 2012, 576 p.

27. Velichko, A. Yu. Control and supervisory activities of the state: the system and its elements [Kontrol'no-nadzornaya deyatel'nost' gosudarstva: sistema i ee elementy]. Gosudarstvo i pravo - State and Law. 2008, no. 1, pp. 100-104.

28. Bavsun, M. V. Metodologicheskie osnovy uголовно-pravovogo vozdejstviya [Methodological Foundations of Criminal-Law Impact]. Moscow, 2012, 197 p.

29. Gilinsky, Ya. I. Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij» [Deviantology: Sociology of Crime, Drug Abuse, Prostitution, Suicides and Other "Deviations"]. St. Petersburg, 2004, 518 p.

30. Gilinsky, Ya. I. Social'nyj kontrol' nad prestupnost'yu: ponyatie, rossijskaya real'nost', perspektivy [Social control over crime: concept, Russian reality, prospects]. Rossijskij ezhegodnik uголовного права – Russian yearbook of criminal law. 2013, no. 7, pp. 42-58.

31. Teplyashin, P. V. [Features of state control over the execution of criminal penalties in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan]. Organizaciya i deyatel'nost' organov vnutrennih del na sovremennom etape: problemy i puti resheniya: mat-ly Mezhd. nauchno-prakt. konf. 23 oktyabrya 2020 goda, Kostanaj, 23 oktyabrya 2020 goda. [Organization and activities of internal affairs bodies at the present stage: problems and solutions: materials of the Int. scientific and practical. conf. October 23, 2020, Kostanay, October 23, 2020]. Kostanay, 2020, pp. 425-430.

32. Olkhovik, N. V. Rezhim ispytaniya pri uslovnom osuzhdenii [Probationary regime for conditional sentence]. Tomsk. 2005, 180 p.
33. Muzennik, A. K., Utkin, V. A., Filimonov, O. V. Uslovnnoe osuzhdenie i otsrochka ispolneniya prigovora [Conditional sentence and deferment of execution of the sentence]. Tomsk, 1990, 176 p.
34. Afanasyev, V. G. Nauchnoe upravlenie obshchestvom: opyt sistemnogo issledovaniya [Scientific management of society: experience of systemic research]. Moscow, 1973, 240 p.
35. Struchkov, N. A. Kurs ispravitel'no-trudovogo prava. : problemy osobennoj chasti [Course of correctional labor law: problems of the special part], Moscow, 1985, pp. 78-79.
36. Shchitov, N. G. Social'nyj poryadok, social'nyj kontrol', i medikalizaciya nakazaniya [Social order, social control, and medicalization of punishment]. Vladivostok, 2002, 235 p.
37. Davydova, I. A. Sudebnyj kontrol' za ispolneniem ugovolnyh nakazanij [Judicial control over the execution of criminal penalties] : diss. candidate of legal sciences. Ryazan, 2005, 249 p.
38. Seliverstov, V. I. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo [Criminal-executive law]. 2008, 178 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпов Кирилл Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела. Омская академия МВД России. 644092, Российская Федерация, Омск, пр-т Комарова, 7.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karpov Kirill Nikolaevich, Candidate of legal sciences, associate professor, doctoral student of the research department. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 644092, Russian Federation, Omsk, Komarova Ave., 7.

Статья поступила в редакцию 26.02.2025; одобрена после рецензирования 28.03.2025; принята к публикации 17.04.2025.

The article was submitted 26.02.2025; approved after reviewing 28.03.2025; accepted for publication 17.04.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 2 (113). С. 165–174.

Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025

Vol. no. 2 (113). Pp. 165–174.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 343.973

УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ ЧАСТНЫМИ ОХРАННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

Кондратюков Сергей Сергеевич

Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация, Mr.Skandalist@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются криминологические и социальные аспекты противоправной деятельности руководителей частных охранных организаций (ЧОО), при совершении преступлений, предусмотренных ст. 199 УК РФ, анализируются негативные последствия этого явления, определяются причины и условия, предлагаются меры предупреждения.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность частных охранных организаций, материалы судебной практики, статистические данные. При подготовке статьи использовались общенаучные методы (анализ, наблюдение, обобщение, сопоставление, описание) и специальные методы юридической науки, в том числе историко-правовой и формально-юридический.

Результаты исследования позволили выявить особенности уклонения от уплаты налогов частными охранными организациями, определить современные детерминанты данного вида преступления, предложить меры противодействия и направления совершенствования российского законодательства.

Выводы и заключения. На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что уклонение от уплаты налогов ЧОО неблагоприятно влияет на экономическую стабильность государства в целом, способствует развитию недобросовестной конкуренции, росту коррупции и развитию теневой экономики.

Ключевые слова: уклонение от уплаты налогов; частные охранные организации; рынок охранных услуг; причины и условия; правоохранительные органы

Для цитирования: Кондратюков, С. С. Уклонение от уплаты налогов частными охранными организациями (криминологический подход) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 165–174.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

TAX EVASION BY PRIVATE SECURITY ORGANIZATIONS (CRIMINOLOGICAL APPROACH)

Sergei S. Kondratyukov

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation,
Mr.Skandalist@mail.ru

Introduction. The article examines the criminological and social aspects of the illegal activities of the heads of private security organizations (PSO) when committing crimes under Art. 199 of the Criminal Code of the Russian Federation, the negative consequences of this phenomenon are analyzed, the causes and conditions are determined, and preventive measures are proposed.

Materials and Methods. The normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal and criminal procedural legislation, legal acts regulating the activities of private security organizations, materials of judicial practice, and statistical data. In preparing the article, general scientific methods (analysis, observation, generalization, comparison, description) and special methods of legal science, including historical-legal and formal-legal, were used.

The Results of the Study made it possible to identify the features of tax evasion by private security organizations, identify modern determinants of this type of crime, propose countermeasures and directions for improving Russian legislation.

Findings and Conclusions: based on the study, we can conclude that tax evasion by private enterprises adversely affects the economic stability of the state as a whole, contributes to the development of unfair competition, the growth of corruption and the development of the shadow economy.

Keywords: tax evasion; private security organizations; security services market; causes and conditions; law enforcement agencies

For citation: Kondratyukov, S. S. Uklonenie ot uplaty nalogov chastnymi ohrannymi organizatsiyami (kriminologicheskij podhod) [Tax evasion by private security organizations (criminological approach)]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 2 (113), pp. 165–174.

В настоящее время одним из распространенных уголовно-наказуемых деяний является уклонение от уплаты налогов налогоплательщиком. Данное деяние закреплено как уголовно-наказуемое в статьях 198, 199, Уголовного кодекса

Российской Федерации¹. Необходимо учитывать экономический характер данного преступления, который обуславливает постоянное изменение и дополнение данной правовой нормы. Экономическая ситуация в государстве также регулярно изменяется, а учитывая латентный характер этого преступления, то необходимо совершенствовать законодательство [1, с. 57].

«Уклонение от уплаты налогов является серьезной проблемой для любого государства, последствия которого отражаются на социальной и экономической ситуации в стране. На макроуровне данное явление приводит к недостаточному поступлению денежных средств в бюджеты различных уровней и, как следствие, недостаточному финансированию расходов, направленных на развитие социальной сферы» [2, с. 119].

В научной литературе отмечается, что «налоги представляют собой определенную плату за цивилизованное общество, благодаря которой у государства есть возможность поддерживать достойный уровень социального развития и постоянно работать над повышением качества жизни граждан. А потому уклонение от уплаты налогов наносит ущерб не только и не столько государственному аппарату, сколько самому обществу» [3, с.206].

Как указывает А. В. Гришин «... сокрытие юридическими лицами объемов осуществляемой ими экономической деятельности, приводит к деформации государственной налоговой политики и налоговых отношений, поскольку происходит незаконное перераспределение доходов и собственности. Неуплата или недоплата налогов ведет к сокращению бюджетных поступлений и расходовных их частей» [4, с.40].

«Другими словами, недофинансированными остаются такие жизненно необходимые составляющие общественной жизни, как образование, медицина, защита и охрана прав, свобод и законных интересов личности, культура, охрана окружающей среды, поддержка малообеспеченных слоёв населения многие другие. Уклонение от уплаты налогов и сокрытие доходов стимулирует рост теневой экономики, несет потенциальные угрозы национальной безопасности и негативно влияет на систему распределения ресурсов» [2, с. 119].

Условия нестабильной экономики (рост инфляции, снижение реальных доходов и покупательной способности рубля, увеличение процентных ставок) и постоянная модернизация законодательства в сфере ответственности за экономические преступления зачастую приводят к неоднозначному толкованию правовых актов и стремлению криминальных структур к уходу от обязательных платежей в бюджеты различных уровней.

Уклонение от уплаты налогов – это способы и методы налогоплательщика понизить свои налоговые платежи или вовсе уклониться от них, причины по которым организации совершают данное деяние различны: экономические, зависящие от состояния платежеспособности организации (например, ухудшилось финансовое положение бизнеса или снизился доход от предпринимательской деятельности); правовые (неоднозначное толкование норм Налогового кодекса Российской

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 09.01.2025).

Федерации², наличие множества льгот, отсутствие действенного налогового контроля, изменчивость налоговой политики); политические (государство неэффективно использует обязательные платежи).

Немаловажной мотивацией налоговых преступлений являются психологический настрой руководства ЧОО, личностные характеристики и коррупционные связи налогоплательщика, наличие высшего образования и большой профессиональный стаж на рынке охранных услуг (хорошее знание законов зачастую провоцирует надежду избежать ответственность), рыночный монополизм и отсутствие условий для конкуренции.

Отечественный правовой нигилизм, основанный на «особых понятиях» ведения бизнеса 90-ых годов прошлого столетия порождает новые способы уклонения от уплаты налогов среди среднего и малого предпринимательства к которым относятся и большинство ЧОО. При этом неплательщики обязательных платежей автоматически переносят налоговое бремя на законопослушных бизнесменов, косвенно препятствуют поступательному развитию их деятельности путем ограничения имеющихся корпоративных финансовых средств.

Кроме того, отмечается логическая связь между совершением налоговых преступлений и иными противоправными деяниями и наоборот. Например, случаи коммерческого подкупа руководства ЧОО могут стимулировать в дальнейшем к уклонению от уплаты налогов из-за ухода потенциальных объектов охраны и снижения полученных доходов. А при неуплате налоговых платежей растет криминализация бухгалтерского учета в ЧОО и иные виды мошенничества.

Особенностями современного охранного бизнеса в России являются: относительно простая система бухучета, небольшое количество сотрудников, неформальные связи директоров ЧОО с правоохранительными органами, оказание специфических услуг охраны и телохранительства нередко без оформления договоров, демпинг тарифов и недобросовестная конкуренция, использование упрощенной системы налогообложения (далее по тексту – УСН) в виде регулярного предоставления налоговых деклараций для Федеральной налоговой службы Российской Федерации.

При этом условиями работы по УСН являются: штат сотрудников не более 130 человек, доход не более 200 млн. руб. в год. (ставка налогов 6% или 15% в зависимости от величины фактических расходов), отчетность в ФНС России в виде ежеквартальной декларации. Таким образом, большинство ЧОО использует в работе именно УСН.

Приведем несколько примеров из судебной практики.

Так, в Тюменской области руководитель частной охранной организации, уклонился от уплаты налогов, не предоставив налоговые декларации и неправомерно применив УСН, несмотря на то, что численность работников предприятия превышала допустимые нормы для использования данной системы. При этом руководитель был осведомлён о своей обязанности уплачивать налог на добавленную стоимость (НДС) и налог на прибыль организации за период 2018–2020 годы. В результате этой

² Налоговый кодекс Российской Федерации : НК : принят Гос. Думой 16 июля 1998 г. : одобрен Советом Федерации 17 июля 19989 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 14.01.2025)

незаконной деятельности бюджету Российской Федерации был причинен ущерб, превышающий 59 миллионов рублей³.

В Иркутской области завершено расследование уголовного дела по материалам УФНС России по Иркутской области и УФСБ России по Иркутской области в отношении учредителя частной охранной организации, который обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 199 УК РФ (уклонение от уплаты налогов с деятельности организации в крупном размере). По версии следствия, в период с 2019 по 2020 годы обвиняемым была разработана преступная схема, заключающаяся в дроблении своего бизнеса в сфере охранных услуг между тремя подконтрольными ему организациями, необоснованно применяющими УСН. Путем непредставления налоговых деклараций и включения в налоговые декларации заведомо ложных сведений фигурант уклонился от уплаты налогов на общую сумму более 55 млн рублей⁴.

Исходя из данных судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации согласно «Отчету о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции № 1»⁵ общий показатель поступивших уголовных дел экономической направленности в 2023 г. составил 13 974 дела, что на 4,5 % больше по сравнению с 2022 годом (13 368 дел) и на 7,8 % больше по сравнению с 2021 годом (12 959 дел), из них отмечается рост количества осужденных лиц по ч.1 и ч. 2 ст. 199 УК РФ в 2023 году – 184 лица, что на 39,3 % больше по сравнению с 2022 годом (132 лица) и на 39,6 % больше по сравнению с 2021 годом (131 лицо).

Данная статистика свидетельствует о том, что количество лиц, совершивших преступления налоговой направленности, в условиях нестабильной экономической ситуации в стране имеет тенденцию к росту.

«В постановлении Пленума от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» Верховный Суд Российской Федерации указал, что уклонение от уплаты налогов и сборов является общественно опасным, так как это приводит к непоступлению денежных средств в государственный бюджет. Чтобы борьба с уклонением от налогов и сборов была наиболее эффективной, необходимо определить причины этого явления и методы борьбы с ним» [5, с.157].

Специалисты, которые изучают налоговые преступления и правонарушения (И. И. Кучер, И. Н. Соловьев и другие) в литературе выделяют целый ряд причин, подталкивающих предпринимателей к уклонению от уплаты налогов и большую часть из них составляют причины экономические [6, с.184].

³ Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Тюменской области : офиц. сайт // URL: <https://tyumen.sledcom.ru/news/item/1927488> (дата обращения: 09.01.2025).

⁴ Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области : офиц. сайт // URL: <https://irk.sledcom.ru/news/item/1915322> (дата обращения: 09.01.2025).

⁵ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт // URL: <https://cdep.ru/> (дата обращения: 09.01.2025).

По нашему мнению, основными причинами (главными детерминантами) уклонения от уплаты обязательных платежей в бюджет является стремление руководства ряда ЧОО получить дополнительную, скрытую от учета прибыль и нежелание (из-за низкого морально-психологического уровня и особенностей российского правового нигилизма) оплачивать в косвенной форме через налоги традиционные функции государства.

С момента появления государства в виде монополии на предоставление специфических услуг населению (оборона, правоохранительная деятельность, судебная система, содержание чиновников, пожарная охрана, медицина и т. п.) возникает объективная необходимость сбора обязательных платежей (в виде податей, сборов, акцизов, пошлин, штрафов, налогов).

Сложность определения экономико-правовой основы таких платежей в реальном масштабе времени и внедрения систем рациональных (эффективных) расчетов налогообложения населения и бизнеса (особенно в переходные периоды смены и реформирования государственного устройства) порождают различные схемы уклонения от уплаты в бюджеты и фонды, которые в ряде стран относят к тяжким преступлениям против существующего общественно-политического строя. Так как реально посягают на финансово-экономическую стабильность и авторитет государства.

Современное относительно либеральное уголовное законодательство России в части уклонения от уплаты налогов, когда умышленный характер преступлений становится на практике трудно доказуемым, также не всегда может служить потенциально эффективным препятствием для совершения противоправных действий.

В тоже время, когда инициатором возбуждения расследований налоговых правонарушений выступают сегодня органы ФНС России, поле деятельности других заинтересованных структур значительно ограничено, что в свою очередь не способствует более полному выявлению данных экономических преступлений.

Рассматривая более подробно причины уклонения от уплаты налогов ЧОО выделим следующие их особенности:

- моральные, основанные на недоверии к государству как монополисту, предоставляющему специфические услуги за принудительные платежи (налоги, сборы, штрафы, пошлины), прямо или косвенно уменьшающие прибыль предпринимателей, в результате порождающие негативное отношение к фискальной системе, особенно при низком качестве государственных услуг;

- политические, связанные с негативным отношением к налоговой системе государства, финансирующей неясные (неприоритетные с точки зрения руководства ЧОО) цели и создающей почву для коррупции (особенно при расходовании бюджетных средств), что приводит к утрате стимула в полной уплате обязательных платежей;

- социально-экономические, которые в период нестабильной хозяйственной деятельности (при росте инфляции, безработицы, снижении уровня жизни и трудностях планирования бизнеса, расторжении договоров на охрану), не

способствуют стремлению к полной уплате налогов из-за уменьшения доходов (прибыли) ЧОО, объективно приводят к выведению объектов от налогообложения;

- правовые, основанные на отечественном нигилизме предпринимателей, несовершенстве налогового законодательства, многочисленных изменений в НК РФ и УК РФ, множестве налоговых льгот, не всегда однозначно трактуемых, недоверии к законодателям, лоббирующим интересы крупного бизнеса;

- организационно-технические, которые определяются неразвитой цифровой экономикой, сложностью и непрозрачностью бухучета ЧОО, отсутствием системы эффективного контроля за документацией (малые предприятия не подлежат обязательному аудиту). В том числе обусловленные несовершенством форм и методов контроля [7, с.12].

При этом следует отметить способы уклонения от уплаты налогов:

- неправомерное использование налоговых льгот (например, деление крупного бизнеса на более мелкие ЧОО для применения УСН с меньшими налоговыми ставками);

- занижение сумм налога на прибыль (работа без договора с хозорганом, умышленное занижение охранных тарифов в договорах и получение части прибыли в наличной форме, сокрытие выручки);

- уклонение от уплаты НДС (крупных ЧОО, не использующих УСН);

- ведение охранной деятельности без регистрации и лицензии на определенные виды услуг;

- проведение хозяйственных операций без отражения их в бухгалтерской отчетности;

- занижение объектов налогообложения с искажением бухгалтерской отчетности (искусственным завышением произведенных расходов с целью снижения прибыли);

- искажение налоговой базы в декларациях для ФНС России.

Можно сделать вывод, что личность налогового преступника отличается рядом особенностей: высоким уровнем образования, смекалкой, активностью и инициативностью в решении ряда вопросов, сообразительностью, стрессоустойчивостью. Такой личности присуще девиантное поведение, которое проявляется в отклонении от универсальных правовых принципов, как справедливо отмечает В. В. Гурьянова поведение, отклоняющееся от правовых норм и определяется невозможностью или нежеланием существовать в системе общепринятых ценностей. Такой налогоплательщик ориентируется только на себя, демонстрирует неуважение к социальным, общественным, правовым, моральным, политическим, этическим нормам [8, с. 43].

Контроль за исполнением налоговых обязательств производится налоговыми органами Российской Федерации, которые в соответствии со ст. 31 НК РФ в праве требовать от налогоплательщиков подтверждающие и пояснительные документы, касающиеся своевременности и правильности исчисления и уплаты налогов и сборов, организовывать проведение налоговых проверок и выемку документов, а также приостанавливать операции по счетам и налагать арест на имущество налогоплательщика в случаях, предусмотренных законом РФ при существовании

обоснованных подтверждений умышленного сокрытия доходов и неуплаты налоговых обязательств [9, с. 412].

По мнению авторов Похабовой А. Е., и Харламовой О. В. эффективным средством борьбы с выявлением фактов уклонения от уплаты налогов являются встречные проверки. Улучшение связей между территориальными налоговыми органами позволяет ускорить процесс проверки, делая запросы в налоговый орган, на учете которого стоит контрагент проверяемой фирмы (организации) [10, с. 139].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, мы предлагаем следующие меры предупреждения:

1. Руководству подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России организовать работу по информированию руководителей ЧОО об ответственности за данный вид преступления и повлекших за собой возможных последствий: уменьшению финансирования деятельности законодательной, судебной и исполнительной ветвей власти, снижению социальных выплат, росту коррупции и способствованию недобросовестной конкуренции на рынке частных охранных услуг.

2. Оперативным и следственным органам для выявления и пресечения данного вида преступления осуществлять непрерывное динамическое взаимодействие на стадии предварительного следствия, шире использовать агентурный аппарат для получения исчерпывающих данных о противоправных действиях ЧОО с целью получения доказательной базы.

3. В соответствии со ст. 82 НК РФ налоговым органам, уполномоченным проводить контроль за соблюдением законодательства о налогах и сборах, усилить финансовый контроль в виде документальных и выездных проверок, а также систематически проверять финансово-хозяйственную деятельность ЧОО, в том числе использующих УСН.

4. ФНС России в целях повышения достоверности предоставляемых сведений ряда ЧОО рассмотреть возможность их перехода на современные автоматизированные специальные налоговые режимы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Закиматов, М. А., Иванова, Е. Е. Проблемы уголовно-правовой квалификации при уклонении от уплаты налогов // Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты : сб. ст. XV междунар. науч.- практ. конф., Пенза, 5 декабря 2023 г. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2023. С. 56–59.

2. Тищенко, А. Н., Енина-Березовская А. А. Основные причины уклонения от уплаты налогов // Вестник УрФУ. Серия: экономика и управление. 2011. № 4. С. 119–125.

3. Матыцин, Ф. О. Противодействие уклонению от уплаты налогов: проблемы теории и практики // Теория государства и права. 2022. № 4 (29). С. 205–216.

4. Гришин, А. В. Анализ состояния и тенденции налоговых преступлений в контексте деятельности правоохранительных органов по противодействию налоговым преступлениям // Актуальные проблемы уголовного и гражданского судопроизводства. ГИБДД и иные правоохранительные органы как субъекты правоприменения: сб. ст., Орел, 24 июня 2016 г. / редколлегия: А. В. Гришин и др. Орел : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального

образования «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел России имени В. В. Лукьянова», 2016. С. 39-44.

5. Резник, Е. С., Бортникова, И. М. Борьба с уклонением от уплаты налогов // Бухгалтерский учет, анализ, аудит и налогообложение: проблемы и перспективы : сб. ст. XII всероссийской науч.-практ. конф. Пенза, 17-18 января 2024 г. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. С. 157-159.

6. Савилов, М. Г. Некоторые причины уклонения от уплаты налогов и их сущность // Актуальные проблемы уголовного и гражданского судопроизводства. ГИБДД и иные правоохранительные органы как субъекты правоприменения : сб. ст.й, Орел, 24 июня 2016 г. / редколлегия: А. В. Гришин и др. Орел : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел России имени В. В. Лукьянова», 2016. С. 183-187.

7. Федечкина, Д. Ю. Уклонение от уплаты налогов: мотивы, цели, меры противодействия // Налоговая политика и практика. 2007. № 5-1. С. 12-18.

8. Гурьянова, В. В. Сущность понятия «девиантное юридически значимое поведение» и его соотношение с понятием «девиантное поведение» // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013. № 6. С. 41-44.

9. Цит. по: Левшукова, О. А., Фролов, А. А., Ясловая, А. С. Уклонение от уплаты налогов как социально-экономическое явление в России // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 4 (48). С. 408-413.

10. Похабова, А. Е., Харламова, О. В. Способы уклонения от уплаты налогов и методы их выявления // Экономика, финансы и менеджмент: тенденции и перспективы развития: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф., Волгоград, 11 октября 2016 г. Том Выпуск III. Волгоград : Инновационный центр развития образования и науки, 2016. С. 136-141.

REFERENCES

1. Zakimatov, M. A. [Problems of criminal law qualification in tax evasion]. *Yurisprudenciya, gosudarstvo i pravo: aktual'nye voprosy i sovremennye aspekty: sbornik statej XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Jurisprudence, State and law: current issues and modern aspects: collection of articles of the XV International Scientific and Practical Conference]. Penza, 2023, pp. 56-59.

2. Tishchenko, A. N. Osnovnye prichiny ukloneniya ot uplaty nalogov [The main reasons for tax evasion]. *Vestnik UrFU. Seriya ekonomika i upravlenie – Vestnik of UrFU. Economics and Management series*. 2011, no. 4, pp. 119-125.

3. Matycin, F. D. O Protivodejstvie ukloneniya ot uplaty nalogov: problemy teorii i praktiki [Countering tax evasion: problems of theory and practice]. *Theory of State and law – Teoriya gosudarstva i prava*. 2022, no. 4 (29), pp. 205-216.

4. Grishin, A. V. Analiz sostoyaniya i tendentsii nalogovykh prestupleniy v kontekste deyatelnosti pravookhranitel'nykh organov po protivodeystviyu nalogovym prestupleniyam / A. V. Grishin // Aktual'nye problemy ugolovno i grazhdanskogo sudoproizvodstva. GIBDD i inyye pravookhranitel'nyye organy kak sub'yekty pravoprimereniya: Sbornik statey , Орел, 24 iyunya 2016 goda / Redkollegiya: A.V. Grishin [i dr.]. – Орел: Federal'noye gosudarstvennoye kazennoye obrazovatel'noye uchrezhdeniye vysshego professional'nogo obrazovaniya «Orlovskiy yuridicheskiy institut Ministerstva vnutrennikh del Rossii imeni V.V. Luk'yanova», 2016. Pp. 39-44.

5. Reznik, E. S. [Combating tax evasion]. Buhgalterskij uchet, analiz, audit i nalogooblozhenie: problemy i perspektivy: Sbornik statej XII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Accounting, analysis, audit and taxation: problems and prospects: Collection of articles of the XII All-Russian Scientific and Practical Conferenc]. Penza, 2024, pp. 157-159.

6. Savilov, M. G. Nekotorye prichiny ukloneniya ot uplaty nalogov i ih sushchnost' [Some reasons for tax evasion and their essence]. Aktual'nye problemy ugolovno i grazhdanskogo sudoproizvodstva. GIBDD i inye pravoohranitel'nye organy kak sub"ekty pravoprimereniya: Sbornik statej – Actual problems of criminal and civil proceedings. Traffic police and other law enforcement agencies as subjects of law enforcement: Collection of articles, Orel, 2016, pp. 183-187.

7. Fedechkina, D. U. Uklonenie ot uplaty nalogov: motivy, celi, mery protivodejstviya [Tax evasion: motives, goals, and counteraction measures]. Nalogovaya politika i praktika – Tax Policy and Practice. 2007, no. 5-1, pp. 12-18.

8. Gur'yanova, V. V. Sushchnost' ponyatiya «Deviantnoe yuridicheski znachimoe povedenie» i ego sootnoshenie s ponyatiem «Deviantnoe povedenie» [The essence of the concept of "Deviant legally significant behavior" and its relation to the concept of "Deviant behavior"]. Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki – Problems of economics and legal practice. 2013, no. 6, pp. 41-44.

9. Levshukova, O. A. Uklonenie ot uplaty nalogov kak social'no-ekonomicheskoe yavlenie v Rossii [Tax evasion as a socio-economic phenomenon in Russia]. Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya – Natural Sciences and Humanities Research. 2023, no. 4(48), pp. 408-413.

10. Pohabova, A. E. [Methods of tax evasion and methods of their detection]. Ekonomika, finansy i menedzhment: tendencii i perspektivy razvitiya: Sbornik nauchnyh trudov po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii – Economics, finance and management: trends and development prospects: Collection of scientific papers based on the results of the international scientific and practical conference, Volgograd, 2016, pp. 136-141.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кондратюков Сергей Сергеевич, преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях. Омская академия МВД России. 644092, г. Омск, пр. Комарова, д.7.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kondratyukov Sergey Sergeevich, lecturer at the Department of Internal Affairs in special conditions. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 644092, Omsk, Komarova ave. 7

Статья поступила в редакцию 19.01.2025 одобрена после рецензирования 21.02.2025; принята к публикации 17.04.2025.

The article was submitted 19.01.2025; approved after reviewing 21.02.2025; accepted for publication 17.04.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 175–188.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
Vol. no. 2 (113). Pp. 175–188.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.98

ЛИЦО, ПРОПАВШЕЕ БЕЗ ВЕСТИ: ПОНЯТИЕ, ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Кузнецов Евгений Викторович ^{1,2}

¹Юридический институт Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Российская Федерация,

²Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация, kev300579@gmail.com

Введение. Результаты деятельности правоохранительных органов в Российской Федерации по розыску без вести пропавших лиц не в полной мере отвечают интересам личной и общественной безопасности. Возможными причинами этого является то, что в российском розыском законодательстве и теории оперативно-розыскной деятельности отсутствует единообразный подход к определению «лицо, пропавшее без вести».

Материалы и методы. В ходе исследования использовались историко-правовой и сравнительно-правовой методы познания, позволившие изучить специфику нормативного регулирования понятия «лицо, пропавшее без вести». Для подтверждения ряда теоретических положений исследования были использованы статистический метод, а также метод экспертных оценок, основанный на контент-анализе доктринальных позиций, относительно предмета исследования. В целях разработки дефиниции «лицо, пропавшее без вести» использовался комплекс общенаучных методов, таких как анализ и синтез, обобщение и аналогия, логический подход.

Результаты исследования. Проанализированы нормативные правовые акты, регулирующие особенности правового регулирования розыска лиц, пропавших без вести. Сделан анализ теоретических работ, в которых отражены различные подходы к понятию «лицо, пропавшее без вести». Акцентируется внимание на отсутствии как в российском праве, так и доктрине единообразного подхода к пониманию сущности изучаемой дефиниции, что приводит к негативным явлениям в сфере розыскной деятельности.

Выводы и заключения. Закрепленные легально, а также разработанные в теории оперативно-разыскной деятельности понятия «лицо, пропавшее без вести», имеют отдельные недостатки. В связи с этим предложено авторское определение, указанной дефиниции, устраняющее выявленные пробелы. При этом предложены конкретные пути легального закрепления в оперативно-разыском законодательстве, сформулированного понятия. Последний шаг может оптимизировать деятельность правоохранительных органов по розыску лиц, пропавших без вести.

Ключевые слова: лицо, пропавшее без вести, розыскная деятельность, федеральный розыск, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, причины исчезновения граждан, несовершеннолетний, самовольно ушедший из семьи или специализированного учреждения, лицо, утратившее связь с близкими родственниками

Для цитирования: Кузнецов, Е. В. Лицо, пропавшее без вести: понятие, правовое регулирование // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 175–188.

5.1.4. Criminal Law Sciences

Original article

MISSING PERSON: CONCEPT, LEGAL REGULATION

Kuznetsov Evgeny Viktorovich^{1,2}

¹Institute of Law of Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

²East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

kev300579@gmail.com

Introduction. The results of the activities of law enforcement agencies in the Russian Federation in the search for missing persons do not fully meet the interests of personal and public safety. Possible reasons for this are that there is no uniform approach to the definition of "missing person" in Russian investigative legislation and the theory of operational investigative activities.

Materials and Methods. In the course of the research, historical, legal and comparative legal methods of cognition were used, which made it possible to study the specifics of the regulatory regulation of the concept of "missing person". To confirm a number of theoretical provisions of the study, the statistical method was used, as well as the method of expert assessments based on a content analysis of doctrinal positions regarding the subject of the study. In order to develop the definition of "missing person", a set of general scientific methods was used, such as analysis and synthesis, generalization and analogy, and a logical approach.

The Results of the Study. The regulatory legal acts regulating the specifics of the legal regulation of the search for missing persons are analyzed. An analysis of theoretical works is made, which reflect various approaches to the concept of "missing person". Attention

is focused on the lack of a uniform approach to understanding the essence of the definition under study in the Russian Federation, both in law and doctrine, which leads to negative phenomena in the field of investigative activities.

Findings and Conclusions. The concepts of "missing person", which are legally fixed, as well as developed in the theory of operational investigative activities, have some drawbacks. In this regard, the author's definition of the specified definition is proposed, eliminating the identified gaps. At the same time, specific ways of legally consolidating the formulated concept in operational investigative legislation are proposed. The last step can optimize the activities of law enforcement agencies in the search for missing persons.

Keywords: missing person, investigative activities, federal search, operational investigative activities, operational investigative measures, reasons for the disappearance of citizens, a minor who voluntarily left his family or a specialized institution, a person who lost contact with close relatives

For citation: Kuznetsov, E. V. Lico, propavshee bez vesti: ponyatie, pravovoe regulirovanie [Missing person: Concept, Legal Regulation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 2 (113), pp. 175–188.

Одним из традиционных направлений деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД) является розыск лиц, пропавших без вести⁶. Несмотря на ежегодное снижение количества разыскиваемых лиц данной категории, их число продолжает быть достаточно внушительным, так, в 2020 году в федеральном розыске находилось 41901 граждан, в 2021 году – 40349, в 2022 году – 38517⁷. При этом нельзя не учитывать латентную составляющую деятельности в сфере регистрации фактов безвестного исчезновения граждан. Как отмечает Е. В. Буряков, правоохранительные органы не всегда владеют информацией о «реальном» исчезновении одиноких людей, по разным причинам утративших и/или не поддерживающих родственные связи [1, с. 7]. Затруднительным является и определения точного числа пропавших граждан в ходе военных конфликтов, в том числе Специальной военной операции, проводимой Российской Федерацией на Украине.

Несмотря на уменьшение числа объявляемых в розыск лиц, указанной категории, результативность обнаружения лиц, пропавших без вести, за последние 8 лет снизилась более чем в два раза. Так, с 2015 по 2017 гг. ежегодно обнаруживалось порядка 48-49 % лиц, значившихся в розыске, то в 2018 году этот показатель составил 20 % (см. данные, приведенные в 7-ой графе таблицы 1).

⁶ В данной статье словосочетания «лицо, пропавшее без вести» и «без вести пропавшее лицо» используются как синонимы.

⁷ Здесь и далее статистические данные в сфере розыска приводятся на основе анализа Сводных отчетов по России о розыскной и идентификационной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации за периоды с 2015 по 2022 гг., ежегодно формируемых ГИАЦ МВД России.

Таблица 1

Результаты деятельности правоохранительных органов в сфере розыска лиц, пропавших без вести, с 2015 по 2024 гг.

Отчетный год	Всего в федеральном розыске лиц, пропавших без вести, в отчетном году	В том числе		Розыск прекращен	В том числе				Остаток в розыске на конец отчетного периода
		Объявлено в розыск в отчетном году	Процент объявленных в розыск в отчетном году в соотношении со 2 графой данных		С установлением разыскиваемых	Процент розыска по отношению к данным, указанным во 2 графе	Из них		
							Объявленных в розыск в отчетном периоде	Процент по отношению к данным, указанным в 3 графе	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
2022	38517	8694	23%	10158	7561	20%	5969	69%	28359
2021	40349	10021	25%	11289	8561	21%	6838	68%	29060
2020	41901	10595	25%	12338	9481	23%	7287	69%	29563
2019	49785	17372	35%	19282	15388	31%	13250	76%	30503
2018	76217	35787	47%	44426	33545	44%	32123	90%	31791
2017	83923	41714	50%	44231	40748	49%	38963	93%	39692
2016	88751	44227	50%	46710	42937	48%	40887	92%	42041
2015	92598	46508	50%	48176	45197	49%	43001	92%	44422

Приведенные данные свидетельствуют о необходимости акцентуации внимания на различных проблемах розыска без вести пропавших лиц. Среди них следует выделить и тот факт, что в настоящее время в Российской Федерации, применительно к федеральному розыску, законодательно не закреплено понятие «лицо, пропавшее без вести», что в практической деятельности приводит к трудностям, связанным с необходимостью отграничения указанной дефиниций от смежных категорий, например, от таких как «лицо, утратившее связь с близкими родственниками,» или «несовершеннолетний, самовольно ушедший из семей». Относительно обозначенной

дефиниции нет единства и в теории оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) о чем будет указано ниже.

Приведенные обстоятельства, на наш взгляд, отрицательно сказываются на эффективности практической деятельности, осуществляемой в сфере розыска лиц, пропавших без вести, так как создают почву для злоупотреблений в розыскной сфере. Например, используя указанный правовой и теоретический пробел сотрудники правоохранительных органов получают возможность манипулировать статическими данными, в угоду конъюнктурных интересов, в том числе, как отмечает Т. А. Малахова, стремления контролировать показатели уровня преступности [2, с. 104–105], а также отказывать родственникам в активном розыске их пропавших близких оперативно-разыскными методами и средствами.

Вышеуказанное свидетельствует о существовании потребности в изучении и раскрытии вопроса, посвященному указанному понятию и его правовому регулированию.

Обращаясь к дефиниции «лицо, пропавшее без вести» следует отметить, что на сегодняшний день в Российской Федерации на уровне нормативных правовых актов она нашла свое легальное закрепление только в Договоре государств – участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц от 10 декабря 2010 г.⁸ (далее – Договор о межгосударственном розыске), ратифицированном федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 87-ФЗ «О ратификации Договора государств – участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц»⁹.

Согласно ст. 1 указанного международного соглашения пропавшим без вести следует считать лицо, в отношении которого в компетентный орган поступило заявление или сообщение об исчезновении. При этом под компетентным органом понимаются органы, уполномоченные в соответствии с национальным законодательством вступать в сношения по вопросам межгосударственного розыска лиц и принимать решения об объявлении (прекращении) межгосударственного розыска и/или его осуществлении.

Рассматривая вышеобозначенную дефиницию следует отметить, что в ней весьма расширительно раскрывается содержание исследуемого понятия. Из чего следует, что в России должностные лица территориальных ОВД, в структуре которых имеются подразделения уголовного розыска, чьи сотрудники наделены правом готовить документы для начала производства межгосударственного розыска, должны

⁸ Договор государств – участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц (с изменениями на 8 октября 2024 года): международный договор от 10 декабря 2010 г., г. Москва (вступил в силу для Российской Федерации с 26 августа 2016 г.) // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/2570891/> (дата обращения: 18.03.2025).

⁹ О ратификации Договора государств – участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц : Федер. закон № 87-ФЗ : принят Гос. Думой 25 апреля 2014 г. : одобрен Советом Федерации 29 апреля 2014 г. : послед. ред. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/70648918/> (дата обращения: 18.03.2025).

автоматически, с момента поступления к ним информации о безвестном исчезновении гражданина, считать его без вести пропавшим. Вряд ли такое понимание рассматриваемой категории следует считать правильным, так как при буквальном толковании указанной нормы, без вести пропавшим, лицо объявляется не компетентными сотрудниками правоохранительных органов, а субъектами розыскных правоотношений, подавшим заявление в полицию, например, родственниками исчезнувших лиц.

Таким образом, закрепленное в указанной норме положение фактически раскрывает не сущность понятия «лицо, пропавшее без вести», а описывает лишь формальный повод для принятия решения о начале розыскных действий, которые могут быть первоначальными, т. е. проводимыми с момента получения сообщения об исчезновении гражданина, и последующими, осуществляемыми после заведения соответствующего дела оперативного учета и вынесения постановления об объявлении лица в федеральный и межгосударственный розыски [3, с. 253, 262–263]. Для подтверждения данного тезиса достаточно обратиться к методу аналогии и вспомнить, например, положения ч. 1 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ¹⁰, где перечисляются поводы для возбуждения уголовного дела, к которым относится заявление о преступлении [4, с. 63], явка с повинной, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников.

Следует учитывать, что положения, закрепленные в Договоре о межгосударственном розыске, имеют ограниченную сферу регулирования и могут использоваться лишь в случаях начала производства межгосударственного розыска¹¹, ведущегося только на территории стран – участников Содружества Независимых Государств, подписавших и ратифицировавших указанный нормативный акт.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о том, что понятие «лицо, пропавшее без вести», закрепленное в Договоре о межгосударственном розыске, не вносит ясности в сущность данной категории и при этом имеет ограниченную сферу правового регулирования. Указанное свидетельствует о необходимости дальнейших рассуждений.

Обращаясь к теории следует отметить, что российскими учеными, как правило, специализирующимися на ОРД, неоднократно предлагались различные трактовки исследуемого понятия. Многочисленные мнения по данному вопросу достаточно подробно описаны в исследовании Е. В. Бурякова, при этом ученый, на основе проведенного анализа предложил собственное определение. Согласно его позиции, без вести пропавшим следует считать «физическое лицо, в отношении которого в органы внутренних дел поступили сведения о внезапном, без видимых к тому причин

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : послед. ред. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/12125178/> (дата обращения: 18.03.2025).

¹¹ В Российской Федерации правовыми нормами закреплены также такие виды розыска лиц, как федеральный и международный, не совпадающие по своей сущности с межгосударственной формой розыскных действий.

исчезновении, местонахождение и судьба которого остаются неизвестными, и для его обнаружения необходима специальная розыскная деятельность» [1, с. 10].

Одним из ключевых признаков данного понятия, на наш взгляд, является указание на обстоятельства исчезновения лица, которые, по мнению ученого, включают «внезапность исчезновения» и «отсутствие видимых причин к этому». Данная позиция автора является весьма традиционной. Схожие теоретические конструкции предложены во многих научных работах [5, с. 299; 6, с. 26]. При этом данный признак с 1998 по 2018 годы был закреплен нормативно в Инструкции об организации и тактике розыскной работы органов внутренних дел, утвержденной приказом МВД России от 5 мая 1993 г. № 213дсп (с изм. от 13 ноября 1998 г.), утратившей свою силу 1 марта 2018 г. в связи с принятием нового закрытого межведомственного приказа, регламентирующего правила розыска и идентификации отдельных категорий лиц [7, с. 89].

Нельзя не согласиться с тем, что выделенные Е. В. Буряковым и другими исследователями признаки наиболее «удачно» и точно соответствуют смыслу словосочетания «пропал без вести». Анализ правоприменительных ситуаций, связанных с исчезновением граждан, действительно свидетельствует о том, что во многих случаях родственники не могли назвать понятные причины исчезновения их близкого и сам факт его пропажи для них стал неожиданностью [8, с. 42–43]. В качестве примера можно привести решение Советского районного суда г. Махачкалы, в котором констатировалось, что мужчина, являвшийся родственником лица, обратившегося в суд, ушел более пяти лет назад на работу, но домой так и не вернулся¹².

Несмотря на общепринятость вышеуказанной позиции, приведенная конструкция рассматриваемого понятия имеет определенную пробельность. В частности, в нем в качестве признака лица, пропавшего без вести, приводится лишь одна ситуация – исчезновение лица в силу неизвестных и неожиданных (внезапных) для его близких лиц причин. На самом же деле пропажа граждан нередко происходит и при относительной очевидности причин их исчезновения, обусловленной нахождением в ситуации, связанной с риском для жизни и/или потерей связи с близкими. Например, физические лица зачастую попадают в эпицентры природных или техногенных катастроф, участвуют в военных действиях, пропадают в природных условиях во время научных или туристических экспедиций, сборов дикоросов, охоты и т. п. Примером подобной ситуации может быть судьба трех туристов, пропавших в 2024 году в Охотском море, чья лодка с одним лишь выжившим была обнаружена после 67 дней автономного дрейфа [9].

В приведенных выше ситуациях причины исчезновения, как правило, достаточно предсказуемы и понятны. При этом высокая вероятность гибели исчезнувшего в ходе военных действий и катастроф или то, что он заблудился или по иным очевидным причинам не может выйти на связь из отдаленных и

¹² Решение Советского районного суда г. Махачкалы (Республика Дагестан) от 29 июля 2024 г. № 2-4666/2024 2-4666/2024-М-3900/2024 М-3900/2024 по делу № 2-4666/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: sudact.ru/regular/doc/8pbLbRkHRAJl/ (дата обращения: 18.03.2025).

труднодоступных мест не должна является основанием для правоохранительных органов не объявлять данное лицо, как минимум, в федеральный розыск и фактически не осуществлять его, хотя бы с использованием лишь сигнальных систем розыскных и иных учетов правоохранительных органов¹³.

Учитывая изложенное невключение в содержание исследуемого понятия перечня очевидных причин исчезновения граждан, может расцениваться как обстоятельство, позволяющее полиции не признавать исчезнувшего в качестве лица, пропавшего без вести. Следствием этого может быть то, что попавшее в беду лицо фактически «теряет право на свой розыск» методами, предусмотренными оперативно-розыскным законодательством, которые в эру развития цифровых технологий стали весьма эффективными. В частности, достаточно вспомнить положения ч. 7 ст. 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹⁴ (далее – ФЗ об ОРД), предусматривающей возможность обнаруживать место нахождения пропавшего без вести путем снятия информации с технических каналов связи.

В дополнении к вышесказанному следует отметить, что гражданское законодательство, регулируя вопросы объявления гражданина умершим, в ч. 1 ст. 45 Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁵ фактически признает лиц, исчезнувших «...при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая...», в том числе военнотружущий и иных граждан, место нахождение которых не известно в связи с военными действиями (ч. 2 ст. 45 ГК РФ), без вести пропавшими.

Учитывая вышеизложенное, использование в понятии «лицо, пропавшее без вести» в качестве обязательного признака его внезапность исчезновения и отсутствия к этому причин, не отвечает потребностям общества, так как создает неопределённость в правом регулировании обязанностей государственных органов по обеспечению розыска лиц, исчезнувших при очевидных обстоятельствах.

Существует и иная, достаточно распространенная точка зрения на исследуемое понятие. В частности целый ряд исследователей под без вести пропавшими понимают лиц, исчезнувших внезапно без видимых к тому причин, местонахождение которых для окружающих неизвестно, в том числе несовершеннолетних, ушедших из дома, школ-интернатов, детских домов, бежавших из центров временного содержания и специальных образовательных учреждений; психически больных, ушедших из дома

¹³ Имеется ввиду постановка разыскиваемого на централизованный федеральный криминалистический и розыскной учет, без заведения дела оперативного учета и планирования оперативно-розыскных мероприятий по его поиску.

¹⁴ Об оперативно-розыскной деятельности : Федер. закон № 144-ФЗ : принят Гос. Думой 5 июля 1995 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 19.03.2025).

¹⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) : ГК : принят Гос. Думой 21 октября 1994 г. : послед. ред. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 18.03.2025).

или медицинского учреждения, а также утративших связь с близкими родственниками [10, с. 12; 11].

Как можно заметить данное понятие тесно коррелирует с вышерассмотренной позицией, так как оно включает в свое основание уже рассмотренные признаки внезапности и отсутствия видимых причин. Однако отличительной особенностью процитированного определения является то, что ученые, используя союз «в том числе», который служит для присоединения **определенных элементов** к его более общей части, тем самым отождествляют без вести пропавших с другими категориями разыскиваемых ОВД лиц, перечень которых закреплен п. 12 ч. 1 ст. 12 (Обязанности полиции) Федерального закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹⁶ (далее – ФЗ «О полиции»). При этом следует отметить, что после преобразования милиции в полицию и изменения правовой основы розыскной деятельности с 2018 г. розыск государственными органами лиц, утративших связь с близкими родственниками, фактически утратил свою легитимность выйдя за рамки правового поля, о чем нами упоминалось в предыдущем исследовании и отстаивалась мнение о необходимости закрепить в качестве самостоятельной обязанности полиции и задачи оперативно-розыскных органов розыск данной категории граждан [12, с. 96].

Позиция авторов относительно отождествления лиц, пропавших без вести, с некоторыми другими категориями разыскиваемых, например, несовершеннолетними, самовольно ушедшими из специализированных учреждений для их социальной реабилитации, нам вполне понятна. Она обусловлена пробелом в оперативно-розыском законодательстве. В частности, если не проводить указанное равенство, то органы, осуществляющие ОРД, лишаются права проводить оперативно-розыскные мероприятия для поиска целой категории граждан, упомянутых в п. 12 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции». Это связано с тем, что согласно ст. 2 (задачи ОРД) ФЗ об ОРД оперативные сотрудники с использованием методов ОРД могут осуществлять лишь розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыск без вести пропавших.

В отдельной научной публикации нами уже приводились аргументы в пользу необходимости устранить указанный пробел, а также предлагались различные пути совершенствования розыскного законодательства, в том числе включение в исследуемое понятие лиц, перечисленных в п. 12 ч. 1 ст. 12 ФЗ о полиции, и закрепление его в розыском законодательстве [13, с. 102-103].

Таким образом, в целом соглашаясь с авторами рассматриваемого определения относительно целесообразности отождествления без вести пропавших с другими разыскиваемыми полицией лицами, не относящимися к скрывшимся подозреваемым, обвиняемым и осужденным, тем не менее хотим обратить внимание на его недостатки:

1. Использование в определении союза «в том числе», подразумевает, что, например, самовольно ушедшим несовершеннолетний, должен будет призываться

¹⁶ О полиции : Федер. закон № 3-ФЗ : принят Гос. Думой 28 января 2011 г. : одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 г. : послед. ред. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/12182530/> (дата обращения: 18.03.2025).

только если он пропал внезапно без видимых к тому причин, что как ранее говорилось не всегда имеет место в случаях неизвестности его места нахождения.

2. До момента пока в розыскное и оперативно-розыскное законодательство не будут внесены соответствующие изменения отождествлять упомянутые категории, нельзя, так как в ведомственных нормативных актах для разных категорий разыскиваемых закреплены разные процедуры их объявления в розыск, его осуществления и прекращения, что с позиции формальной логики (закон исключённого третьего) означает отсутствия знака равенства между упомянутыми дефинициями.

3. В перечне разыскиваемых лиц, закреплённом в п. 12 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции», многие наименования категорий разыскиваемых сформулированы не так как в рассматриваемом определении, хотя по смыслу, конечно, многие из них их подразумевают. Например, ученые используют словосочетание «несовершеннолетние, ушедшие из дома, школ-интернатов, детских домов», а в ФЗ «О полиции» говорится о несовершеннолетних, самовольно ушедших из семей или специализированных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации.

Теоретический интерес представляет и определение, разработанное авторами модельного закона «О лицах, пропавших без вести»¹⁷. Согласно ст. 2 упомянутого рекомендательного законодательного акта стран Содружества Независимых государств, лицо, пропавшее без вести, – это человек, местонахождение которого неизвестно его родственникам и (или) который на основании достоверной информации и в соответствии с национальным законодательством (государства) объявлен лицом, пропавшим без вести, в связи с международным или немеждународным вооружённым конфликтом, ситуацией насилия или беспорядков внутри страны. На наш взгляд оно достаточно удачное, так как упоминает ключевой признак, свидетельствующий об исчезновении гражданина, а именно неизвестность его местонахождения родственникам. Однако серьёзным недостатком является то, что упомянутый модельный закон регулирует отношения по розыску лиц, которые пропали без вести, лишь в ходе вооружённых внутренних или внешних политических конфликтов, что следует и из процентируемого определения. Соответственно правоотношения, возникшие со всеми другими ситуациями, данное определение регулировать не способно.

Пытаясь найти дополнительные признаки, которые должны содержаться в исследуемом определении необходимо упомянуть п. 10 Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц, утверждённой приказом

¹⁷ О лицах, пропавших без вести : модельный закон : принят на 31 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ (постановление № 31-17 от 25 ноября 2008 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : официальный портал «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902157696> (дата обращения: 20.03.2025).

МВД России, Генпрокуратуры России и СК России от 16 января 2015 г. № 38/14/5¹⁸. В нем перечисляются более 20 обстоятельств, которые должны расцениваться как признаки совершения преступления в отношении без вести пропавшего лица. Анализирую положения упомянутого приказа следует отметить, что в содержании исследуемого определения целесообразно включать обобщенный признак, описывающий возможность исчезновения лица, по причине совершения в его отношении преступления.

С учетом сделанного обобщения попытаемся сформулировать собственное авторское понятие лица, пропавшего без вести, включив него в качестве основы, упоминание повода для начала розыскных действий, а также их основания, сформулированные в качестве указания общих состояний, причин и обстоятельств исчезновения.

Без вести пропавшим признается физическое лицо, чье место нахождение неизвестно правоохранительным органам, и в отношении которого к ним поступило сообщение о том, что оно исчезло неожиданно для его близких, или в отдаленной от населенных пунктов и/или труднодоступной местности, или при обстоятельствах, угрожающих смертью, а также дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая, или по причине совершения в его отношении преступления, кроме этого без вести пропавшим следует считать несовершеннолетнего, самовольно ушедшего из семьи, или специализированного учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, или из специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа, а также лицо, уклоняющееся от недобровольной госпитализации, назначенной судом в связи с наличием психического расстройства, и лицо, утратившее связь с близкими родственниками.

Несмотря на громоздкость данного определения и сложность его восприятия, на наш взгляд, в нем получилось закрепить ключевые признаки, отражающие сущностные особенности рассматриваемой категории разыскиваемых лиц. При этом были учтены практические потребности в признании ряда разыскиваемых полицией лиц в качестве без вести пропавших. Последнее позволит органам полиции обеспечивать эффективный их поиск посредством использования гласных и негласных сил, средств и методов ОРД.

Следует учитывать, что использовать данное определение возможно лишь при условии его нормативного закрепления в розыском законодательстве. В связи с чем предлагаем закрепить его в ФЗ об ОРД, например, в качестве примечания к ст. 2 (задачи ОРД).

¹⁸ Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц : приказ МВД России № 38, Генпрокуратуры России № 14, СК России № 5 от 16 января 2015 г. // Гарант : сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70804152/> (дата обращения: 20.03.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Буряков, Е. В. О понятии без вести пропавшего лица: проблемы теории и практики // Оперативно-розыскное право. 2022. № 1. С. 7–11.
2. Малыхина, Т. А. Значение показателей преступности при оценке деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Сибирский юридический вестник. 2024. № 1 (10). С. 102–106.
3. Лапин, Е. С. Оперативно-розыскная деятельность : учебник. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 465 с.
4. Новокрещенов, Н. С. Особенности возбуждения дел частного обвинения при производстве у мирового судьи // Сибирский юридический вестник. 2007. № 1. С. 63–65.
5. Дубоносов, Е. С. Оперативно-розыскная деятельность : учебник. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 399 с.
6. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. В. С. Овчинского. М.: Норма ИНФРА М, 2022. 488 с.
7. Розыскная и идентификационная деятельность подразделений уголовного розыска: учебное пособие / В. Б. Батоев, С. В. Ермаков, О. А. Кнаус, Е. В. Кузнецов. Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2019. 164 с.
8. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : учебник / под ред. З. Л. Шхагапсоева и Н. П. Голяндина. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2016. 378 с.
9. Филатова, А., Реутова, Ю., Цвенгер, Т. и др. Думал о дочке и маме: как россиянин выжил, проведя 67 дней в Охотском море // Комсомольская правда. Иркутск : электрон. издание. URL: <https://www.kp.ru/daily/27647/4998232/> (дата обращения: 18.03.2025).
10. Вагин, О. А., Исиченко, А. П., Чечетин, А. Е. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) : Текст : электронный // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/5591968/> (дата обращения: 18.03.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
11. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Общая часть : электрон. учебник / под ред. д-ра юрид. наук, доцента В. А. Гусева. 2-е изд., перераб. и доп. Омск : Омская академия МВД России, 2021. : сайт. URL: <https://ordrf.ru/uchebnik2/page3.html> (дата обращения: 19.03.2025).
12. Козийчук, П. Н., Кузнецов, Е. В., Шапочанский, В. Н. Розыск лиц, утративших связь с близкими родственниками: ретроспективный анализ и правовые аспекты / П. Н. Козийчук, // Сибирский юридический вестник. 2022. № 4 (99). С. 87–97.
13. Кузнецов, Е. В. Правовое регулирование правоотношений в сфере розыска полицией лиц, пропавших или скрывающихся не в связи с криминальными обстоятельствами / Е. В. Кузнецов // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Иркутск, 16 февраля 2024 года. Иркутск: Всероссийский государственный университет юстиции, 2024. С. 98–104.

REFERENCES

1. Buryakov, E. V. O ponyatii bez vesti propavshego lica: problemy teorii i praktiki [On the concept of a missing person: problems of theory and practice]. *Operativno-rozysknoe pravo – Operational search law*. 2022, no. 1, pp. 7-11.
2. Malykhina, T. A. Znachenie pokazatelej prestupnosti pri ocenke deyatel'nosti organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii [The importance of crime indicators in assessing the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik – Siberian Law vestnik*. 2024, no. 1 (10), pp. 102-106.
3. Lapin, E. S. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' [Operational investigative activities]. Moscow, 2025, 465 p.
4. Novokrestenov, N. S. Osobennosti возбуждения дел частного обвинения при производстве у мирового судьи [Features of the initiation of private prosecution cases in the proceedings of a justice of the peace]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik – Siberian Law vestnik*. 2007, no. 1, pp. 63-65.
5. Dubonosov, E. S. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' [Operational investigative activities]. Moscow, 2024, 399 p.
6. Ovchinskogo V. S. Kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» [Commentary to the Federal Law "On operational investigative activities"]. Moscow, 2022, 488 p.
7. Batoev, V. B. Rozysknaya i identifikacionnaya deyatel'nost' podrazdelenij ugolovnogo rozyska: uchebnoe posobie [Search and identification activities of criminal investigation units: a textbook]. Irkutsk, 2019, 164 p.
8. SHkhagapsoeva, Z. L., Golyandina N. P. Osnovy operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del [Fundamentals of operational investigative activities of the internal affairs bodies]. Krasnodar, 2016, 378 p.
9. Filatova, A. I was thinking about my daughter and my mother.: how a Russian survived after spending 67 days in the Sea of Okhotsk / A. Filatova, Yu. Reutova, T. Tsvenger, and others // *Komsomolskaya Pravda* newspaper (article dated October 16, 2024) : website. URL: <https://www.kp.ru/daily/27647/4998232/> (date of access: 03/18/2025).
10. Vagin, O. A., Isichenko, A. P., Chechetin, A. E. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 12 avgusta 1995 g. N 144-FZ «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» (postatejnyj) [Commentary to Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995 "On Operational Investigative activities" (article-by-article)]. Moscow, 2008 // Information and Legal Portal Гарант.ру : the website. URL: <https://base.garant.ru/5591968/?ysclid=m8sjh54ryf216321560> (accessed: 18.03.2025).
11. Guseva, V. A. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' organov vnutrennih del. Obshchaya chast [Operational and investigative activities of the internal affairs bodies. The common part]. Omsk, 2021. : URL: <https://ordrf.ru/uchebnik2/page3.html> (date of appeal: 19.03.2025).
12. Koziychuk, P. N., Kuznecov, E. V., SHapochanskij V. N. Rozysk lic, utrativshih svyaz' s blizkimi rodstvennikami: retrospektivnyj analiz i pravovye aspekty [Sibirskij yuridicheskij vestnik Search for persons who have lost contact with close relatives: a

retrospective analysis and legal aspects]. *Sibirskij juridicheskiy vestnik – Siberian Law vestnik*. 2022, no. 4(99), pp. 87-97.

13. Kuznetsov, E. V. [Legal regulation of legal relations in the field of police search for persons who have disappeared or are hiding not in connection with criminal circumstances] *Aktual'nye problemy ugolovnoy processa i kriminalistiki : Materialy Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Irkutsk, 16 fevralya 2024 goda*. [Actual problems of criminal procedure and criminalistics : Materials of the All-Russian Scientific and practical conference with international participation, Irkutsk, February 16, 2024]. Irkutsk: All-Russian State University of Justice, 2024, pp. 98-104.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Евгений Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебного права. Юридический институт Иркутского государственного университета. 664082, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10.

Преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в ОВД. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsov Evgeny Viktorovich, candidate of legal sciences, associate professor, associate professor of the Department of Judicial Law the Law Institute of Irkutsk State University. 664082, Irkutsk, Ulan Batorskaya str., 10

Lecturer at the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment at the Department of Internal Affairs, the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 664074, Irkutsk, Lermontov St. 110

Статья поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 17.04.2025.

The article was submitted 10.02.2025; approved after reviewing 12.03.2025; accepted for publication 17.04.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 2 (113). С. 189–200.

Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025

Vol. no. 2 (113). Pp. 189–200.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 343.3/.7

АНАЛИЗ ПРАВИЛ КВАЛИФИКАЦИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Кукасов Максим Викторович

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Российская Федерация,

maxim.kukasov@yandex.ru

Введение. В статье раскрываются отдельные проблемы квалификации специальных составов преступлений. На основе анализа научных публикаций, судебной и следственной практики, раскрываются основные коллизии в законе, вследствие которых возникают проблемы при квалификации преступных деяний.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили научные статьи ученых, нормы законодательства УК РФ, судебные акты. В ходе исследования применен диалектический метод, проведен анализ научных, нормативно-правовых источников, использованы приёмы обобщения и группировки данных, а также сравнительно-правовой метод.

Результаты исследования позволили раскрыть основные проблемы при квалификации преступных деяний, а также предложить пути их решения путем формулирования правил квалификации специальных составов преступлений.

Выводы и заключения. Проведенный анализ позволил сформулировать правила квалификации преступных деяний, а также предложить поправки в УК РФ для соответствия процесса квалификации преступных деяний принципам законности и справедливости.

Ключевые слова: специальные составы преступлений, квалификация, конкуренция уголовно-правовых норм, соучастие в специальных нормах

Для цитирования: Кукасов, М.В. Анализ правил квалификации специальных составов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 189–200.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

ANALYSIS OF THE RULES FOR THE QUALIFICATION OF SPECIAL CRIMES

Maxim V. Kukasov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul,
Russian Federation

maxim.kukasov@yandex.ru

Introduction. The article reveals some problems of qualification of special crimes. Based on the analysis of scientific publications, judicial and investigative practice, as well as a survey of researchers. At the same time, the main conflicts in the law are revealed, as a result of which problems arise in the qualification of criminal acts.

Materials and Methods. The research materials were scientific articles by scientists, the norms of the legislation of the Criminal Code of the Russian Federation, judicial acts. In the course of the study, a dialectical method was applied, an analysis of scientific, regulatory and legal sources was carried out, methods of generalization and grouping of data were used, as well as a comparative legal method.

The Results of the Study. They allowed us to reveal the main problems in the qualification of criminal acts, as well as to propose ways to solve them by formulating rules for the qualification of special crimes.

Findings and Conclusions. The analysis made it possible to formulate rules for the qualification of criminal acts, as well as to propose amendments to the Criminal Code of the Russian Federation to ensure that the process of qualifying criminal acts complies with the principles of legality and justice.

Keywords: special elements of crimes, qualification, competition of criminal law norms, complicity in special norms

For citation: Kukasov, M. V. Analiz pravil kvalifikacii special'nyh sostavov prestuplenij [Analysis of the rules for the qualification of special crimes]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no.2 (113), pp. 189–200.

Тема конкуренции общей и специальной нормы в уголовном праве остается одной из самых актуальных и спорных как в доктрине, так и в практике правоприменения. Несмотря на то, что принцип приоритета специальной нормы над общей берет свое начало в римском праве и на практике применялся на протяжении столетий, его официальное закрепление в российском законодательстве произошло сравнительно недавно – с принятием ч. 3 ст. 17 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (УК РФ) в 1996 году.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 21.04.2025).

Учитывая факт того, что норма является более широким понятием, чем состав преступления, мы считаем, что в специальной норме Особенной части УК РФ содержится специальный состав, а в общей – общий состав. Специальные составы преступлений в отечественном уголовном праве существовали ещё со времён древнерусского государства. Современное уголовное законодательство оставляет ряд нерешенных вопросов, касающихся как идентификации специальных составов, так и правил их квалификации в случае конкуренции между ними. Возникает проблема в определении квалификации деяния, когда присутствуют составы, которые только частично обладают признаками специальных, при этом в судебной практике и доктрине трактуются по-разному, что ведет к серьезным трудностям в правоприменении.

В связи с отсутствием четких законодательных критериев установления специальных составов преступлений, обоснованно обратиться к доктринальному толкованию и судебной практике. Вопросы конкуренции специальных составов стали предметом обсуждения в доктрине, где ученые предлагают различные подходы к их разрешению.

Группа ученых, среди которых А. М. Зацепин, считают, что конкурировать могут только общий и специальный состав, специальные составы между собой в свою очередь не могут вступать в конкуренцию [1, с. 91]. Е. В. Благов упоминает о конкуренции между статьями, а также частями одной и той же статьи Особенной части УК РФ [2, с. 11]. Правило конкуренции специальных составов, содержащихся в разных частях одноименной статьи УК РФ относительно укоренилось в практике и было упомянуто в абз. 3 п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», где указывается, что деяние должно квалифицироваться по части статьи с наиболее строгой санкцией. Исходя из формулировки, можно сделать вывод о том, что во всех случаях упомянутого вида конкуренции следует квалифицировать деяния по самой строгой норме, однако следует указать, что данный вывод является ошибочным.

В 2016 году в УК РФ появляются первые специальные привилегированные составы (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ), которые находятся в одной и той же статье с общим родовым составом, а не в отдельной, как в случае с привилегированными составами убийства. Исходя из чего следует заключить, что вышеуказанное правило квалификации работает только в случае конкуренции нескольких квалифицированных составов преступлений, если же происходит конкуренция привилегированного и квалифицированного состава, то приоритет при квалификации отдается первому.

В. Н. Кудрявцев указывал, что исходя из принципа гуманности более важное значение придается привилегировавшим обстоятельствам, в сравнении с квалифицирующими, исходя из чего обоснованно сделать вывод, что специальные привилегированные составы преступлений всегда имеют преимущество перед специальными квалифицированными, а среди специальных квалифицированных составов приоритет отдается составу с наиболее строгой санкцией [3, с. 252-256]. Т. А. Костарева справедливо устанавливает, что при конкуренции разных пунктов или частей статьи с отягчающими признаками применяется тот пункт (часть), содержащий

наиболее тяжкий признак [4, с. 20]. Указанные правила являются неоспоримыми и фундаментальными, однако в некоторых случаях возникают проблемы квалификации.

Так, В. Н. Кудрявцев упоминал о случаях полной (постоянной) и неполной конкуренции [3, с. 256-258]. Полная конкуренция – это такие случаи, когда специальный состав содержит частный круг деяний, предусмотренных общим, однако в случае неполной конкуренции специальный состав может быть шире общего по одному или нескольким признакам. К примеру, при фальсификации доказательств по уголовному делу, повлекших тяжкие последствия, ч. 3 ст. 303 УК РФ вступает в полную конкуренцию с п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, так как по всем признакам специальный состав выделяет частные случаи из общего. Однако в случае если виновный совершает фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности, повлекшую тяжкие последствия, то происходит неполная конкуренция ч. 4 ст. 303 УК РФ и п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Специальный состав в данном случае не содержит указание на последствия, в свою очередь общий состав уточняет «тяжкие последствия», однако специальный состав гораздо точнее описывает способ совершения преступления, в отличие от общего. Аналогичная ситуация происходит при конкуренции ст. 293 УК РФ и ст. 143 УК РФ, где один состав содержит более узкую сферу субъектов (должностное лицо), а другой – уточненный способ совершения преступления. При указанной квалификации проблемно установить общий и специальный состав, так как оба состава частично уточняют друг друга. В. Н. Кудрявцев к примеру, предлагает рассматривать составы злоупотребления, превышения власти и халатность как общие, а остальные – как специальные, однако обращает внимание то, что в различных ситуациях один и тот же состав может выступать как общим так и специальным [3, с. 258]. В. Б. Шакин указывает мнение о том, что подобное деяние должно квалифицироваться по совокупности [5, с. 123]. Косвенно данное мнение подтверждается в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», где аналогичную «неполную конкуренцию» ст. 228² и 293 УК РФ рекомендовано квалифицировать по совокупности. Однако мы считаем обоснованной критику данной позиции С. А. Елисеевым и М. А. Тыняной, которые указывают, что подобная квалификация влечет двойной учет деяния, что очевидно нарушает принцип справедливости и указывают на необходимость квалификации лишь по ст. 293 УК РФ [6, с. 16]. Несмотря на указанные позиции, мы считаем, что при неполной конкуренции составов приоритет следует отдавать составу с наиболее точным описанием объекта и способа преступления.

Следующая проблема квалификации общих и специальных составов преступлений возникает в случае если специальный состав содержит привилегированную ответственность без очевидных критериев пониженной типовой общественной опасности. К примеру, ч. 1 ст. 286 УК РФ предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до четырех лет, в свою очередь специальный состав в ч. 1 ст. 303 УК РФ только арест до четырех месяцев. А. В. Скачко считает, что в случае если санкция общего состава более строгая, чем санкция

специального, то законодательного решения проблемы конкуренции нет и предлагает квалифицировать деяния по совокупности [7, с. 162-163]. В. Н. Борков упоминает о пересечении двух правил квалификации: общего и специального состава, а также основного состава и состава с отягчающими обстоятельствами, при которой следует отдавать предпочтение последнему, исходя из чего квалифицировать деяние по общему составу с наиболее строгой санкцией [8, с. 124]. Конституционный Суд Российской Федерации косвенно указывал, что преступление может квалифицироваться по общему составу, если в специальном менее строгая санкция². Комментируя указанные мнения, обоснованно упомянуть тезис о том, что правило преимущества специальной нормы над общей содержится в уголовном законе в отличии от правила, которым руководствовался Конституционный Суд Российской Федерации. К тому же, Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации неоднократно квалифицировала деяние по специальному составу, исключив из приговора излишне вмененный общий состав, несмотря на то, что санкция в специальной норме, предусматривающей более опасный вид преступления менее строгая³.

В УК РФ действительно содержится ряд специальных составов преступлений, которые выделяют более опасные вариации деяний из общего состава, исходя из чего должны являться квалифицированными составами, однако, из-за особенностей правового регулирования и, в частности, более мягких санкций, такие составы формально могут считаться привилегированными. Эта правовая коллизия становится особенно очевидной на примере ст. 304 УК РФ, санкции которой значительно мягче по сравнению с санкцией, предусмотренной п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Несмотря на это, ст. 304 УК РФ всё равно выступает в роли специального состава по отношению к последнему.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сугрובה Дениса Александровича на нарушение его конституционных прав рядом положений уголовного кодекса Российской Федерации, уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июня 2018 г. № 1404-О // ЮИС Легалакт. Законы, кодексы нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-05062018-n-1404-o/> (дата обращения: 01.01.2025).

³ В соответствии с ч. 3 ст. 17 УК РФ, если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме (в данном случае по ст. 303 УК РФ) : Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 июля 2004 г. № 93-О04-9 (Извлечение) // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <https://vsrf.ru/files/10916/> (дата обращения: 01.01.2025); Если преступление предусмотрено общей и специальной нормами Уголовного кодекса Российской Федерации, уголовная ответственность наступает по специальной норме (ч.3 ст.17 УК РФ) : Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 октября 2000 г. (Извлечение) // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <https://vsrf.ru/files/10738/> (дата обращения: 01.01.2025).

Исходя из позиции, изложенной Конституционным Судом Российской Федерации, относительно решения вышеупомянутой проблемы квалификации, где излагается, что *«не обоснованно полагать, что законодатель имел намерение облегчить наказание за более опасное деяние только по причине того, что деяние было совершено иным способом»*, следует сделать выводы о том, что не всегда следует исходить исключительно из формальных аспектов санкции. В определённых ситуациях более целесообразным представляется анализ самой природы деяния и его общественной опасности, однако при этом принцип законности должен быть преваляющим ориентиром, так как целесообразность не может быть выше закона.

Подобная практика может привести к тому, что правоприменительные органы, исходя из такого подхода, будут приходить к выводу, что необходимо самостоятельно трактовать намерения законодателя при установлении санкций за различные преступления. Это касается случаев, когда возникает противоречие между строгой санкцией общего состава и более мягкой санкцией специального состава, что может приводить к неявным нарушениям ч. 3 ст. 17 УК РФ. Законодатель, стремясь регулировать различные правовые отношения, в ряде случаев может установить более мягкое наказание за деяния, которые на практике оказываются более опасными, что вносит элемент неопределённости в процесс квалификации преступлений. Такое положение вещей требует внимательного и взвешенного подхода со стороны правоприменителей, которые, несмотря на очевидные правовые противоречия, должны стремиться к справедливому применению уголовно-правовых норм, в рамках правил квалификации, предусмотренных ст. 17 УК РФ.

Исходя из толкования буквы закона, а также фундаментальных правил квалификации мы считаем, что деяние должно всегда квалифицироваться по специальному составу, даже в случае неоднозначной причины конструирования привилегированной санкции за более опасное преступление, так как нарушение принципа законности недопустимо.

Значительное количество проблем квалификации преступных деяний возникает при решении вопроса об уголовной ответственности соучастников преступления, не обладающих специальными признаками. Так, очевиден тезис о том, что отсутствие признаков специального состава не исключает возможность квалификации по общему составу, однако такое правило применимо только по отношению к специальному квалифицированному составу преступления. Так, если лицо, принимавшее участие в убийстве сотрудника правоохранительного органа, не достигло возраста уголовной ответственности по ст. 317 УК РФ, то деяние будет квалифицироваться по ст. 105 УК РФ. Однако аналогичная логика не применима к случаю, если такое лицо совершает привилегированное убийство (ст. 106-108 УК РФ). В таком случае деяние не влечет уголовную ответственность.

Наиболее сложная ситуация возникает, когда лицо, не обладающее признаком специального субъекта, совершает преступление, закреплённое специальным составом совместно со специальным субъектом. Например, два лица совершают присвоение имущества группой лиц, при этом одно из них использует служебное положение. Согласно ч. 4 ст. 34 УК РФ лицо, не обладающее служебным положением, должно

нести ответственность, как организатор, подстрекатель или пособник. Однако исходя из того, что в указанном случае действия лица описываются как действия исполнителя, а не иных соучастников возникает коллизия. Доктрине и практике уже известны случаи нарушения буквального толкования ч. 4 ст. 34 УК РФ. Так, лицо, совместно совершившее убийство новорожденного ребенка с матерью будет нести ответственность, как исполнитель по общему составу преступления [9, с. 269-270]. Исходя из чего представляется обоснованным редактировать ч. 4 ст. 34 УК РФ, так как в настоящее время указанная норма препятствует вменению группового совершения преступления лицам, совершившим деяние совместно со специальным субъектом. Необходимость в изменении ч. 4 ст. 34 УК РФ для возможности вменения действий соисполнителя по составу со специальным субъектом для лиц, не обладающими признаками, предусмотренными в составе, однако совместно совершающих преступления со специальным субъектом высказывалась А. Кладковым [10, с. 28], А. И. Рарогом [9, с. 274], В. Н. Винокуровым [11, с. 29]. Другая группа ученых, среди которых С. А. Семенов [12, с. 20-22], И. П. Семченков, Б. В. Яценко [13, с. 5], И. С. Сорокин [14, с. 20], вовсе призывала к исключению ч. 4 ст. 34 УК РФ из уголовного закона. Учитывая все приведенные аргументы, мы считаем предложить корректировку ст. 34 УК РФ, учитывающую возможность квалифицировать деяние лица, совершившего преступление совместно со специальным субъектом, как соисполнителя. Эта поправка могла бы устранить существующие правовые пробелы в квалификации действий лиц, не являющихся специальными субъектами, но принимающих участие в совершении преступления.

Однако, анализируя действующую редакцию статьи 34 УК РФ, становится очевидным, что даже в случае принятия предложенного изменения проблема правоприменения не будет полностью решена. Согласно текущему законодательству, лицо, не являющееся субъектом преступления, предусмотренного статьей 106 УК РФ, но совершившее данное деяние совместно со специальным субъектом, подлежит ответственности не как соисполнитель, а как организатор, подстрекатель или пособник. Это связано с тем, что статья 34 УК РФ в её действующей редакции не предусматривает возможности привлекать к ответственности за соучастие лиц, не обладающих специальным статусом, за совершение преступлений, предусмотренных привилегированными составами. Предложенная нами редакция статьи 34 УК РФ частично решает эту проблему, однако не устраняет полностью правовую коллизию. В ситуации, когда общий субъект принимает участие в преступлении, предусмотренном специальным привилегированным составом, возникает необходимость привлечения такого лица к ответственности по общему составу преступления, например по ст. 105 УК РФ (убийство), а не по ст. 106 УК РФ (убийство матерью новорожденного ребенка). Это порождает несоответствие в правилах квалификации, поскольку общий субъект, будучи фактически соучастником преступления, предусмотренного специальным составом, привлекается к ответственности не по указанному составу, а по общему, что противоречит принципу законности. В связи с этим целесообразно дополнить статью 34 УК РФ положением о том, что указанное лицо должно привлекаться к уголовной ответственности по общему родовому составу, как исполнитель (п. «в», «ж» ч. 2 ст. 105

УК РФ). Это изменение позволит устранить правовые противоречия и обеспечить более справедливую квалификацию действий общих субъектов.

Кроме того, необходимо обратить внимание на еще одну правовую коллизию, возникшую с введением ч. 5 ст. 159 УК РФ, касающейся мошенничества в сфере предпринимательской деятельности. Примечание 1 к ст. 159 УК РФ устанавливает минимальный размер стоимости похищенного имущества для привлечения к ответственности по ч. 5 ст. 159 УК РФ не менее двухсот пятидесяти тысяч рублей. Однако в судебной практике возник вопрос относительно квалификации мошенничества, связанного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательства, если ущерб составил менее указанной суммы. Согласно абзацу 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» минимальный размер предмета преступления для квалификации по части 5 статьи 159 УК РФ составляет десять тысяч рублей. Наиболее очевидной причиной такой коллизии является отсутствие своевременных изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» после повышения размера ущерба предпринимательского мошенничества Федеральным законом от 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в уголовный кодекс Российской Федерации и уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». А. А. Боровков [15] высказывал мнение о том, что недостижение минимального размера стоимости похищенного имущества по специальному составу не исключает ответственности по общему составу в ч. 1 ст. 159 УК РФ. И. О. Ткачев [16] в доказательство указанной позиции приводит аргумент, что предпринимательское мошенничество является самостоятельным преступлением, а не специальным видом мошенничества. Учитывая конструкцию ч. 5 ст. 159 УК РФ, как специального привилегированного состава, а также фундаментальные правила квалификации, мы считаем, что предпринимательское мошенничество, повлекшее ущерб менее двухсот пятидесяти тысяч рублей не влечет уголовной ответственности. Указанное мнение подтверждается Н. А. Егоровой [17, с. 28] и Д. И. Ураковым [18, с. 106] еще в момент, когда минимальный размер составлял десять тысяч рублей, однако учитывая повышение данного размера в двадцать пять раз в настоящее время, решение законодателя представляется дискуссионным.

Таким образом, целесообразно обозначить следующие правила квалификации специальных составов преступлений.

1. В случае если преступление предусмотрено специальным привилегированным и специальным квалифицированным составом, деяние квалифицируется по специальному привилегированному составу.

2. В случае неполной конкуренции составов преступлений, предпочтение следует отдавать составу, в котором точнее описан объект и способ совершения преступления.

3. Лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части УК, непосредственно участвовавшее в

совершении преступления совместно со специальным субъектом несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве соисполнителя.

4. Лицо, не являющееся субъектом преступления, предусмотренного специальным привилегированным составом, непосредственно, участвовавшее в совершении преступления совместно со специальным субъектом, несет ответственность по общему составу преступления в качестве исполнителя с учетом совершения преступления в соучастии.

5. В случае если лицо, не достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста, совершает преступление, предусмотренное специальным квалифицированным составом, оно может подлежать привлечению к ответственности по общему составу преступления, если он предусмотрен в ч. 2 ст. 20 УК РФ.

6. В случае если лицо, не достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста, совершает преступление, предусмотренное специальным привилегированным составом, оно не подлежит привлечению к ответственности по общим составам, предусмотренным в ч. 2 ст. 20 УК РФ, исходя из чего такое лицо не привлекается к уголовной ответственности в связи с отсутствием в деянии состава преступления в виду не достижения возраста уголовной ответственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зацепин, А. М. Конкуренция норм уголовного права и квалификация преступлений // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 2. С. 84–100.

2. Благов, Е. В. Теория и практика квалификации преступлений : практикум по спецкурсу / Е. В. Благов. Ярослав. гос. ун-т. Ярославль : ЯрГУ, 2006. 39 с.

3. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений // М.: Юрид. лит. 1972. 352 с.

4. Костарева, Т. А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве. Понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности. Ярославль : Изд-во Ярос. ун-та, 1993. 234 с.

5. Шакин, В. Б. Преодоление конкуренции уголовно-правовых норм при квалификации преступления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 206 с.

6. Елисеев, С. А. Квалификация бездействия должностных лиц при конкуренции уголовно-правовых норм // Сибирский юридический вестник. 2016. № 4 (75). С. 12–19.

7. Скачко, А. В. Совершение контрабанды должностным лицом с использованием своего служебного положения (п. «а» ч. 2 ст. 226¹ и п. «б» ч. 2 ст. 229¹ УК РФ): вопросы квалификации в аспекте конкуренции общей и специальной нормы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7. С. 161–163.

8. Борков, В. Н. Преступления, совершаемые при осуществлении правосудия, предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2022. 180 с.

9. Рарог, А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2002. 304 с.
10. Кладков, А. Квалификация преступлений, совершенных в соучастии // Законность. 1998. № 8. С. 26–28.
11. Винокуров, В. Н. Квалификация соучастия в преступлениях со специальным субъектом // Уголовное право. 2010. № 2. С. 24–29.
12. Семенов, С. А. Специальный субъект преступления в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 184 с.
13. Семченков, И. П., Яценко, Б. В. Актуальные проблемы законодательной регламентации соучастия в преступлении // Российская юстиция. 2005. № 5. С. 2–6.
14. Семченков, И. П. Критический недостаток регламентации ответственности за соучастие в преступлении со специальным субъектом / И. П. Семченков, И. С. Сорокин // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4 (66). С. 17–20.
15. Боровков, А. А. О соответствии законодательного описания признаков мошенничества в сфере предпринимательской деятельности конституционному принципу равенства всех перед законом и судом // Российский юридический журнал. 2017. № 5. С. 125–131.
16. Ткачев, И. О. Предмет мошенничества в сфере предпринимательской деятельности / И. О. Ткачев // Уголовное право. 2018. № 54. С. 89–93.
17. Егорова, Н. А. Новое в уголовном законодательстве о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности // Российская юстиция. 2016. № 12. С. 27–30.
18. Ураков, Д. И. Уголовное преследование по уголовным делам о мошенничестве в сфере экономической деятельности: дис. ... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2017. 195 с.

REFERENCES

1. Zatsepin, A. M. Konkurenciya norm ugovnogo prava i kvalifikaciya prestuplenij [The competition of criminal law norms and the qualification of crimes]. Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ehkonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics. 2014, no. 2, pp. 84–100.
2. Blagov, E. V. Teoriya i praktika kvalifikacii prestuplenij [Theory and practice of crime qualification]. Yaroslavl, 2006, 39 p.
3. Kudryavtsev, V. N. Obshchaya teoriya kvalifikacii prestuplenij [General theory of crime qualification]. Moscow, 1972, 352 p.
4. Kostareva, T. A. Kvalificiruyushchie obstoyatel'stva v ugovnom prave (ponyatie, zakonodatel'naya reglamentaciya, vliyanie na differenciacyu otvetstvennosti) [Qualifying circumstances in criminal law (concept, legislative regulation, influence on differentiation of responsibility)]. Yaroslavl, 1993, 234 p.
5. Shakin, V. B. Preodolenie konkurencii ugovno-pravovykh norm pri kvalifikacii prestupleniya: dis. ... kand. jurid. nauk [Overcoming the competition of criminal law norms

in the qualification of a crime: dissertation ... candidate of legal sciences]. Moscow, 2004, 206 p.

6. Eliseev, S. A. Kvalifikaciya bezdejstviya dolzhnostnykh lic pri konkurencii ugolovno-pravovykh norm [Qualification of inaction of officials in the competition of criminal law norms]. Sibirskij yuridicheskij vestnik – Siberian Law vestnik. 2016, no. 4(75), pp. 12-19.

7. Skachko, A. V. Sovershenie kontrabandy dolzhnostnym licom s ispol'zovaniem svoego sluzhebного polozeniya (p. «a» ch. 2 st. 2261 i p. «b» ch. 2 st. 229¹ UK RF): voprosy kvalifikacii v aspekte konkurencii obshchej i special'noj normy [The commission of smuggling by an official using his official position (Paragraph "a" of Part 2 of Article 2261 and Paragraph "b" of Part 2 of Article 2291 of the Criminal Code of the Russian Federation): qualification issues in the aspect of competition of general and special norms]. Gumanitarnye, social'no-ehkonomicheskie i obshchestvennye nauki – Humanities, socio-economic and social sciences. 2017, no. 6-7, pp. 161-163.

8. Borkov, V. N. Prestupleniya, sovershaemye pri osushchestvlenii pravosudiya, predvaritel'nogo rassledovaniya i operativno-rozysknoj deyatel'nosti [Crimes committed in the administration of justice, preliminary investigation and operational investigative activities]. Omsk, 2022, 180 p.

9. Rarog, A. I. Kvalifikaciya prestuplenij po sub"ektivnym priznakam [Qualification of crimes on subjective grounds]. St. Petersburg, 2002, 304 p.

10. Kladkov, A. Kvalifikaciya prestuplenij, sovershennykh v souchastii [Qualification of crimes committed in complicity]. Zakonnost – Legality. 1998, no. 8, pp. 26-28.

11. Vinokurov, V. N. Kvalifikaciya souchastiya v prestupleniyakh so specialnym subektom [Qualification of complicity in crimes with a special subject]. Ugolovnoe pravo – Criminal law. 2010, no. 2, pp. 24-29.

12. Semenov, S. A. Specialnyj subekt prestupleniya v ugolovnom prave : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. [Special subject of crime in criminal law: Abstract of the dissertation. ... kand. jurid. nauk.]. Moscow, 1999, 184 p.

13. Semchenkov, I. P., Yatsenko, B. V. Aktualnye problemy zakonodatel'noj reglamentacii souchastiya v prestuplenii [Actual problems of legislative regulation of complicity in crime]. Rossijskaya yusticiya – The Russian justice system. 2005, no. 5, pp. 2-6.

14. Semchenkov, I. P. Kriticheskij nedostatok reglamentacii otvetstvennosti za souchastie v prestuplenii so special'nym sub"ektom [A critical lack of regulation of responsibility for complicity in a crime with a special subject]. Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 4(66), pp. 17-20.

15. Borovkov, A. A. O sootvetstvii zakonodatel'nogo opisaniya priznakov moshennichestva v sfere predprinimatel'skoj deyatel'nosti konstitucionnomu principu ravenstva vsekh pered zakonom i sudom [On the compliance of the legislative description of signs of fraud in the field of entrepreneurial activity with the constitutional principle of

equality of all before the law and the court]. Rossijskij yuridicheskij zhurnal – Russian Law Journal. 2017, no. 5, pp. 125-131

16. Tkachev, I. O. Predmet moshennichestva v sfere predprinimatel'skoj deyatel'nosti [The subject of fraud in the field of entrepreneurial activity]. Ugolovnoe pravo – Criminal law. 2018. No. S4. pp. 89-93.

17. Egorova, N. A. Novoe v ugolovnom zakonodatelstve o moshennichestve v sfere predprinimatel'skoj deyatel'nosti [New in criminal legislation on fraud in the field of entrepreneurial activity]. Rossijskaya yusticiya – Russian justice. 2016, no. 12, pp. 27-30.

18. Urakov, D. I. Ugolovnoe presledovanie po ugolovnym delam o moshennichestve v sfere ehkonomicheskoy deyatel'nosti: dis. ... kand. yur. nauk. [Criminal prosecution in criminal cases of fraud in the sphere of economic activity: dis. ... Candidate of Law. sciences.]. Nizhny Novgorod, 2017, 195 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кукасов Максим Викторович, адъюнкт адъюнктуры Барнаульского юридического института МВД России. 656038, Барнаул, улица Чкалова 49.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kukasov Maxim Viktorovich, postgraduate student, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 656038, Barnaul, Chkalova str. 49

Статья поступила в редакцию 19.01.2025 одобрена после рецензирования 21.02.2025; принята к публикации 17.04.2025.

The article was submitted 19.01.2025; approved after reviewing 21.02.2025; accepted for publication 17.04.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 2 (113). С. 201–211.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no. 2 (113). Pp. 201–211.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья
УДК 343.148.5

**МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА**

Маркова Вера Витальевна

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация,
vera.katarina2011@mail.ru

Введение. В статье представлен результат исследования основных аспектов методики назначения и производства судебно-бухгалтерской экспертизы, являющейся важнейшим источником получения доказательств при расследовании экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта. Автором изучаются особенности, характеризующие экономическую преступность и оказывающие влияние на применение специальных знаний; акцентируется внимание на отраслевой экономике и учетных процедурах, характеризующихся строгой последовательностью выполнения бухгалтерских действий по отражению информации в процессе регистрации и обработки учетных данных для формирования финансовой отчетности; определяется значимость применения института специальных знаний в обнаружении искажений и несоответствий, содержащихся в финансовых документах, для раскрытия и расследования преступлений в сфере железнодорожного транспорта.

Материалы и методы. Фундаментом исследования являются локальные нормативные акты органов государственной власти. Методологической основой исследования послужили общенаучные методы анализа и синтеза, обобщения и сравнения; дополнительно были задействованы системно-структурный и функциональный подходы.

Результаты исследования. Эффективность противодействия экономической преступности зависит от многих факторов, в частности от активного использования следователем института специальных экономических знаний в процессе выявления и расследования преступлений данной категории. В настоящее время важной составляющей такого противодействия является борьба с экономической преступностью на основе данных исследования бухгалтерской отчетности. Таким образом, среди основных методов и инструментов борьбы с экономической преступностью и профилактикой ее совершения важнейшее место должна занимать судебно-бухгалтерская экспертиза.

Выводы и заключения. Автор приходит к выводу, что успешное проведение судебно-бухгалтерской экспертизы в сфере железнодорожного транспорта требует глубоких специализированных знаний специфики бухгалтерского учета и экономической деятельности отрасли.

Ключевые слова: экономические преступления, судебно-бухгалтерская экспертиза, железнодорожный транспорт, методика, бухгалтерский учет

Для цитирования. Маркова, В. В. Методические аспекты судебно-бухгалтерской экспертизы при расследовании преступлений в сфере железнодорожного транспорта // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 201–211.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

METHODOLOGICAL ASPECTS OF FORENSIC ACCOUNTING EXPERTISE IN THE INVESTIGATION OF RAILWAY TRANSPORT OFFENCES

Vera V. Markova

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, vera.katarina2011@mail.ru

Introduction. The article presents the result of the study of the main aspects of the methodology of appointment and production of forensic accounting expertise, which is the most important source of obtaining evidence in the investigation of economic crimes in the field of railway transport. The author studies the peculiarities characterising economic crime and influencing the application of special knowledge; focuses on sectoral economics and accounting procedures characterised by a strict sequence of accounting actions to reflect information in the process of registration and processing of accounting data for the formation of financial statements; determines the significance of the use of the institute of special knowledge in the detection of distortions and inconsistencies contained in financial documents for the calculation of the financial statements; and provides a detailed description of the accounting procedures in the course of the investigation.

Materials and Methods. The foundation of the study is local normative acts of public authorities. The methodological basis of the study was the general scientific methods of analysis and synthesis, generalisation and comparison; additionally, the system-structural and functional approaches were used.

The Results of the Study. The effectiveness of countering economic crime depends on many factors, in particular, on the active use by the investigator of the institute of special economic knowledge in the process of detection and investigation of offences of this category. At present, an important component of such counteraction is the fight against economic crime on the basis of accounting research data. Thus, among the main methods and tools of combating economic crime and prevention of its commission, forensic accounting expertise should occupy the most important place.

Findings and Conclusions. The author concludes that successful forensic accounting expertise in the field of railway transport requires deep specialised knowledge of the specifics of accounting and economic activities of the industry.

Keywords: economic crimes, forensic accounting expertise, railway transport, methodology, accounting

For citation: Markova, V. V. Metodicheskie aspekty sudebno-buhgalterskoj ekspertizy pri rassledovanii prestuplenij v sfere zheleznodorozhnogo transporta [Methodological aspects of forensic accounting expertise in the investigation of railway transport offences]. Vestnik Vostochno -Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 2 (113), pp. 201–211.

Для формирования доказательственной базы по уголовным делам, связанным с экономическими преступлениями, необходимо использование специализированных знаний в области проведения и документирования хозяйственных операций (движение материальных ценностей, денежных средств, обязательств), а также организации документооборота в предприятиях и учреждениях. При совершении или сокрытии преступлений виновными в финансовых документах искажаются учетные записи, регламентирующие финансовую деятельность организации. Материальные следы таких преступлений сохраняются в финансовых и налоговых отчетах, первичной документации и организационных архивах в виде расхождения данных в нумерации, в единицах измерения, в суммах и иных основных условиях, что дает возможность сторонам уголовного дела выстроить аргументированную линию обвинения.

Многие ученые занимались исследованием преступлений в экономической сфере, среди которых Н. Т. Белуха, О. П. Грибунов, С. Г. Еремин, А. Н. Залескина, Л. П. Климович, Е. Р. Россинская, М. Г. Нерсисян, Л. Г. Шапиро, Н. С. Дергач, Ю. В. Предеус, Ш. И. Алибеков, Е. В. Чиненов, В. И. Щукин, А. Л. Пермяков, С. Л. Никонович, А. А. Шаевич, О. В. Трубкина, Е. И. Третьякова, А. М. Каунова, С. И. Усачев, А. С. Усенко и другие.

Судебная экспертиза на сегодняшний день остается значимой процессуальной составляющей сбора доказательств в ходе раскрытия и расследования преступлений. Как отмечает Е. Р. Россинская: «судебное экспертное исследование, по своей сущности гносеологической, представляет собой разновидность процесса познания объективной действительности, осуществляемого с помощью применения разного рода научных методов» [1, с. 120].

Бухгалтерское исследование в судопроизводстве представляет собой действие процессуальное, осуществляемое лицом с обширным багажом знаний бухгалтерии, налогообложения, финансов и аудита, для разрешения вопросов, поставленных следствием или судом. Оценка (умозаключение) эксперта нам требуется для установления весомых обстоятельств, имеющих значение в суде для вынесения законного и справедливого решения по рассматриваемому уголовному делу [2, 105.].

В научных кругах существуют различные определения судебно-бухгалтерской экспертизы. Особого внимания заслуживает точка зрения Н. Т. Белухи, который понимал данную экспертизу в виде экономического исследования разногласий

(конфликтных ситуаций) в экономической деятельности, ставших объектом расследования правоохранительными органами для устранения подобных ситуаций и предупреждения возможного дублирования в будущем. Анализируя суть данного определения можно отметить, что в нем не упоминается тот факт, что экспертиза – это, во-первых, действие процессуальное. Проанализировав весь спектр особенностей, можно утверждать, что такое определение к судебной деятельности имеет отношение лишь косвенное. Во-вторых, правоохранительными органами данную экспертизу не рационально назначать и проводить по всем спорным случаям в хозяйственных операциях, характеризующих финансово-хозяйственную деятельность. Такая экспертиза требуется, когда иными действиями следственных органов невозможно получить полноценные ответы по судебным вопросам [3].

К весьма актуальным задачам судебно-бухгалтерской экспертизы по мнению А. М. Каунова и А.С. Усенко объективно следует отнести:

- определение негативных экономических последствий совершенных злоупотреблений, являющихся неблагоприятными и приводящих к отрицательному результату;
- обнаружение инцидентов нарушения финансовой дисциплины;
- установление фактических показателей и величины ущерба, образовавшегося у исследуемого лица за конкретный анализируемый период (товарно-материальных, а также денежных ценностей);
- определение всех лиц, ответственных за данный участок работы; установление временного параметра и места совершения противоправных действий ответственных лиц [4, с.43].

Судебный эксперт, согласно Федеральному закону от дата №73-ФЗ¹, обязан соблюдать основные принципы при вынесении заключения судебно-бухгалтерской экспертизы: законность; соблюдение прав и свобод человека и гражданина, прав юридических лиц; независимость от мнения окружающих (результат исследования эксперта должен основываться исключительно и в соответствии с его профессиональными знаниями и процессуальными нормами); объективность, всесторонность и полнота результатов исследования, а также профессиональная компетентность эксперта, имеющего высшее образование и прошедшего дополнительную профессиональную подготовку по соответствующей экспертной специальности в соответствии с законодательством.

Как справедливо указывает О. В. Трубкина, определение специальных знаний, применяемых в раскрытии и расследовании преступлений, предполагает обязательное наличие не только теоретических знаний, но и достаточных для их реализации практических навыков, приобретенных в результате профессионального опыта или

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации Федер. закон № 73-ФЗ : принят Гос. Думой 5 апреля 2001 г. : одобрен Советом Федерации 16 мая 2001 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 11.08.2024).

путем специальной подготовки, являющихся необходимыми для решения конкретных вопросов [5, с. 251].

В секторе железнодорожно-транспортной инфраструктуры существуют определенные особенности, характеризующие преступность в экономике и оказывающие влияние на применение института специальных знаний, как теоретических, так и практических при выявлении и расследовании экономических действий преступного характера, связанных с данной отраслью. Совершенно верно отмечают Е. В. Чиненов и В. И. Щукин, что к таким особенностям относятся: структура организации субъектов железнодорожного транспорта линейного типа; многообразие форм преступных деяний, в связи с широким спектром хозяйственной деятельности субъектов отрасли; специфические черты внутренней корпоративной (экономической) политики в железнодорожной сфере, отличающиеся от другой экономической политики; характер экономических преступлений преимущественно организованный и групповой [6, с.265].

Бухгалтерские экспертизы, проводимые в данной отрасли, можно классифицировать следующим способом:

- экспертиза, направленная на определение размера материальных потерь (ущерба), в результате кражи или мошеннических действий;
- экспертиза, направленная на определение (выявление) излишков и (или) недостатков учетных объектов;
- экспертиза, направленная на обнаружение наличия (отсутствия) денежных средств либо товарно-материальных ценностей, находящихся в распоряжении сотрудников железнодорожной организации и другие экспертизы.

Методика проведения судебно-бухгалтерской экспертизы в сфере железнодорожно-транспортной инфраструктуры представляет собой сложный и структурированный процесс, ориентированный на выявление преступных действий, связанных с присвоением или растратой материальных ценностей. Преступления, совершаемые в данной отрасли, имеют свои особенности, характеризующиеся инфраструктурой отрасли, нормативным регулированием, повышенной сложностью и многогранностью использования бухгалтерской документации, что создает специфическую следовую картину, которая определяется особенностями ведения бухгалтерского учета в госучреждении.

На железнодорожных предприятиях бухгалтерский учет строго регламентирован и подчинен установленной классификации. В этом плане особую важность приобретает применение единого плана счетов, а также установленной формы корреспонденции счетов и регистров бюджетного учета в виде журналов операций. Кроме того, все хозяйственные операции в данной сфере документируются с использованием бланков установленного образца, что формирует характерную для данного вида деятельности документацию.

Процедура судебно-бухгалтерского исследования начинается с анализа и сбора информации, которая может свидетельствовать об искажении учетных записей (иных экономических показателей), характеризующих сведения о подготовке, совершении или сокрытии преступлений. Важнейший этап – это исследование бухгалтерских

документов, в которых могут быть отражены операции, связанные с незаконными действиями ответственного лица (присвоением или растратой).

Судебная экспертиза бухгалтерских документов в рамках расследования преступлений в железнодорожно-транспортном секторе отличается от иных видов экономических экспертиз тем, что она основывается на документально подтвержденных данных бухгалтерского учета. Эксперт исследует хозяйственные операции с целью установить их достоверность и соответствие нормативным требованиям. При этом особое внимание уделяется выявлению и документальному фиксированию методов и способов совершения противоправных деяний, характерных для сферы железнодорожной транспортной инфраструктуры. Эксперт анализирует эту информацию для выявления несоответствия и признаков фальсификации, которые могут свидетельствовать о преступных действиях.

Методика судебно-бухгалтерской экспертизы также предусматривает реконструкцию хронологии событий на основе анализа документации, что позволяет установить последовательность действий злоумышленников и выявить конечные результаты их противоправных действий. Важным этапом является определение механизмов и способов совершения преступлений, обусловленных особенностями экономической деятельности, регулирующей и отражающей работу железнодорожного транспорта. Это может включать анализ движения материальных ценностей, учетных записей и отчетных данных с целью выявления мошеннических схем [7, с.181].

Следовательно, судебно-бухгалтерская экспертиза на железнодорожном транспорте при расследовании экономических преступлений является комплексным процессом, требующим глубоких знаний бухгалтерского учета и экономического анализа. Ее целью является объективное и всестороннее исследование документов и данных, чтобы выявить преступные действия и установить истину в деле.

Основные виды преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, включают деяния, подпадающие под признаки, указанные в статьях 145.1, 159, 160, 201, 204, 286 УК РФ². В рамках судопроизводства, когда речь заходит о расследовании и доказывании экономических преступлений, ключевую роль играет обязательное привлечение экспертов в области судебно-бухгалтерской экспертизы. Их профессиональный опыт и владение специальными знаниями в сфере экономики становятся неотъемлемым элементом для установления истины и обеспечения справедливого решения.

Объекты бухгалтерского анализа могут извлекаться из различных источников экономической деятельности железнодорожных организаций (в электронной форме, на бумажном носителе), включая: документы в бумажном виде типовой установленной формы, применяемые в организациях железнодорожного транспорта, необходимые для учета и отчетности; первичные данные учета в электронных таблицах Excel; специализированные электронные базы данных о финансово-хозяйственной

² Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 18.01.2025).

деятельности соответствующей организации (система SAPR-3, «1С: Бухгалтерия», «Импульс-ИВЦ», ЕК АСУФР); электронные базы данных о движении денежных средств внутри железнодорожного транспорта, включая данные о счетах, все кассовые операции и многие другие источники информации [7]. Мы согласны с М. В. Старичковым, который указывает, что «с точки зрения следственной практики машинные носители представляют интерес в качестве источников криминалистически значимой информации ... на них могут не только оставаться следы неправомерных манипуляций с компьютерной информацией, но и содержаться относящиеся к расследуемому событию сведения – переписка, финансовые и иные документы, фото- и видеоматериалы и пр.» [8, с. 20].

Существует ряд факторов, которые оказывают негативное влияние на результаты судебно-бухгалтерского исследования:

- Неполнота ревизий, проводимых перед экспертизой. В следственной практике нередки случаи, когда ревизии, предшествующие назначению судебно-бухгалтерской экспертизы, охватывают не все аспекты деятельности предприятия, где могли быть совершены преступные действия, что приводит к недостаточной проверке всех направлений, негативно сказываясь на результатах экспертизы.

- Игнорирование следователями помощи экономических специалистов. В некоторых случаях следователи отказываются от помощи справочно-консультационного характера, которая зачастую остро необходима для надлежащей подготовки объектов исследования и правильной постановки вопросов экспертизы. Как абсолютно верно указывает С. И. Усачев, «зачастую именно непроцессуальная форма использования специальных знаний играет важную роль в дальнейшем процессе доказывания» [9, с.232].

- Сложности, связанные с особенностями объектов экономического исследования. Экспертизы могут затрудняться в связи со сложностью, «нестандартностью» и множественностью исследуемых объектов.

- Нарушение требований к постановке вопросов для экспертизы. Встречаются случаи, когда формулировка вопросов для судебно-бухгалтерской экспертизы не соответствует установленным требованиям, что может затруднить или даже сделать невозможным получение корректного ответа. Это указывает на необходимость особого внимания к правильной постановке вопросов.

- Выход экспертов за пределы своей компетенции. На практике иногда происходит так, что эксперты решают вопросы, которые входят в компетенцию следователя, что нарушает их профессиональные рамки. В действительности, эксперты должны сосредотачиваться на проверке правильности документального оформления хозяйственных операций, их соответствии требованиям законодательства и обоснованности действий, отраженных в бухгалтерских документах [10, с. 287].

В целом, при расследовании экономических преступлений, совершаемых в железнодорожном секторе, можно выделить ряд важных особенностей, связанных с необходимостью использования специальных знаний в области бухгалтерии, поскольку проведение судебно-бухгалтерских экспертиз в таких случаях требует от следователей и экспертов не только общих теоретических и практических знаний, но и

глубоких узкопрофильных знаний, касающихся специфики экономики данной отрасли. Эти знания охватывают не только общие положения, регламентирующие финансовую деятельность, а также аспекты управления; владение разного рода специальной терминологией, в том числе бухгалтерской; понимание возможностей судебно-экономических экспертиз; определение верных границ компетенции бухгалтерской экспертизы в сравнении с другими видами, аудитом, документальными ревизиями.

Осведомленность и наличие определенных знаний в области экономики железнодорожного транспорта предоставляют следователям возможность более эффективно подготавливать экспертизу данного типа, включая правильное формулирование вопросов, требующих решения в процессе проведения экспертизы; сбор необходимых образцов для проведения сравнительных исследований; предоставление эксперту полного перечня объектов, нуждающихся в анализе.

Эффективность судебно-бухгалтерских экспертиз в железнодорожной отрасли в значительной степени зависит от непрерывного повышения уровня подготовки следователей, их квалификации, профессионализма за счет углубленного изучения необходимых экономических показателей, учета и анализа финансово-хозяйственной деятельности. Повышение квалификации и переподготовка следователей в конкретной сфере позволят более точно определять задачи, которые должны быть решены в рамках экспертизы, а также собирать все необходимые материалы и данные для проведения исследования. Проанализировав научную литературу, а также практическую деятельность следственных органов и экспертно-криминалистических подразделений, можно сделать вывод, что ошибки и различные недочеты (упущения в работе) следователей и экспертов возникают в результате часто меняющейся нормативной базы, регламентирующей финансовые, налоговые и иные отношения хозяйствующих субъектов; неправильного определения методики судебно-бухгалтерской экспертизы в силу отсутствия экспертного опыта; недостаточности методического обеспечения и т.п. Можно заключить, что наиболее доступным путем решения данной проблемы должно быть своевременное обеспечение актуальными, научно-обоснованными методиками, возможно даже с описанием определенных алгоритмов или инструкций, начиная со стадии назначения экспертизы (подготовки материалов, постановки вопросов и т. д.), о чем упоминает в своей статье А. А. Шаевич [11 с. 174-176].

Как верно указывает А. И. Милос расследование любого преступления в современных условиях невозможно представить без использования специальных знаний, позволяющих добиваться значимой доказательственной информации [12, с. 172], и мы согласны с Е. В. Чиненовым, который, отмечает: «...система специальных знаний, используемых в расследовании преступлений, совершаемых в сфере экономики, органично встраивается в информационно-познавательную структуру деятельности следователя по расследованию преступлений...» [13, с. 340].

Эффективное проведение судебно-бухгалтерского исследования в сфере железнодорожного транспорта требует учета специфики отрасли и глубоких профессиональных знаний в области бухгалтерского учета и экономического анализа. Успех экспертизы зависит от правильной формулировки вопросов, полного сбора данных, компетентного взаимодействия следователей и экспертов, верной оценки

документов – ключевого вида доказательств по рассматриваемой категории дел [14, с.48].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Россинская, Е. Р. Генезис и проблемы развития новых родов и видов судебных экспертиз / Е. Р. Россинская // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3 (3). С. 114-121.
2. Койсин, А. А. Оценка заключения эксперта: криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты / А. А. Койсин // Сибирский юридический вестник. – 2022. – № 4(99). – С. 98-106.
3. Белуха, Н. Т. Судебно-бухгалтерская экспертиза / Н. Т. Белуха. М.: Дело ЛТД, 1993. 272 с.
4. Каунов, А. М., Усенко, А. С. Процессуальные и криминалистические аспекты назначения и производства судебно-бухгалтерских экспертиз при расследовании экономических преступлений // Общество и право. 2022. №. 3 (81). С. 42–47.
5. Трубкина, О. В. К вопросу о комплексности применения специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 2 (26). С. 247–262.
6. Чиненов, Е. В., Шукин, В. И. Роль экспертных исследований в расследовании экономических преступлений, совершаемых в сфере железнодорожного транспорта // Вестник Томского государственного университета. 2019. №. 447. С. 263–268.
7. Мусин, Э. Ф., Ефимов, С. В., Лукашова, Т. А., Лукашов, С. В. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / под ред. А. Ю. Семёнова; общ. ред. канд. техн. наук В. В. Мартынова. Ч. II. М.: ЭКЦ МВД России, 2012. С.177–209.
8. Старичков, М. В. Тактика осмотра и выемки носителей компьютерной информации / М. В. Старичков // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. № 2 (61). С. 18–26.
9. Усачев, С. И. О роли консультационной и справочной деятельности сведущих лиц при расследовании мошенничества в сфере автострахования / С. И. Усачев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 230–240.
10. Чиненов, Е. В. Тактика назначения судебных экспертиз в расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. №. 1 (104). С. 280–296.
11. Шаевич, А. А. Практическая направленность криминалистики: желаемое и действительное / А. А. Шаевич // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1 (17). С. 170–177.
12. Миллус, А. И. Совершенствование методики расследования краж нефти и нефтепродуктов, совершаемых при их хранении и транспортировке на объектах топливно-энергетического комплекса : дис. ... канд. юрид. наук. Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки. Иркутск. 2023. 236 с.
13. Чиненов, Е. В. Теоретические основы и практика расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и

объектах его инфраструктуры : дис. ... д-ра юрид. наук. Специальность 5.1.4 – Уголовно-правовые науки. Москва. 2024. 553 с.

14. Залескина, А. Н. Характеристика и значение документов, отражающих деятельность хозяйствующих субъектов для раскрытия и расследования мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (13). С. 47–53.

REFERENCES

1. Rossinskaya, E. R. Genesis i problemy razvitiya novyh rodov i vidov sudebnyh ekspertiz [The genesis and problems of the development of new genera and types of forensic examinations]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGUA) - Vestnik of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2014, no. 3(3), pp. 114-121.

2. Koysin, A. A. Ocenka zaklyucheniya eksperta: kriminalisticheskie i ugovolno-processualnye aspekty [Evaluation of the expert opinion: criminalistic and criminal procedural aspects] Sibirskiy yuridicheskiy vestnik – Siberian Law vestnik. 2022, no. 4(99), pp. 98-106.

3. Belukha, N. T. Sudebn-buhgalterskaya ekspertiza [Forensic accounting expertise]. Moscow, 1993, 272 p.

4. Kaunov, A. M., Usenko, A. S. Processual'nye i kriminalisticheskie aspekty naznacheniya i proizvodstva sudebn -buhgalterskiy ekspertiz pri rassledovanii ekonomicheskikh prestupleniy [Procedural and criminalistic aspects of the appointment and production of forensic accounting examinations in the investigation of economic crimes]. Obshchestvo i pravo - Society and law. 2022, no. 3 (81), pp. 42-47.

5. Trubkina, V. K. voprosu o kompleksnosti primeneniya special'nyh znaniy v raskrytii i rassledovanii prestupleniy ekstremistskoj napravlenosti [On the issue of the comprehensive application of special knowledge in the detection and investigation of extremist crimes]. Kriminalistika: vchera, segodnja, zavtra – Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2023, no. 2 (26), pp. 247-262.

6. Chinenov, E. V., Shchukin, V. I. Rol' ekspertnyh issledovaniy v rassledovanii ekonomicheskikh prestupleniy, sovershaemykh v sfere zheleznodorozhnogo transporta [The role of expert research in the investigation of economic crimes committed in the field of railway transport]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta - Vestnik of Tomsk State University. 2019, no. 447, pp. 263-268.

7. Musin, E. F., Efim, v S.V., Lukash, va T.A., Lukash v S.V. Tipovye ekspertnye metodiki issledovaniya veshchestvennykh dokazatel'stv [Standard expert methods of investigation of material evidence]. Moscow, 2012, pp.177-209.

8. Starichkov, M. V. Taktika osmotra i vyemki nositelej komp'yuternoj informacii [Tactics of inspection and seizure of computer information carriers]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012, no. (61), pp. 18-26.

9. Usachev, S. I. O roli konsul'tacionnoj i spravochnoj deyatel'nosti svedushchih lic pri rassledovanii moshennichestva v sfere avtostrahovaniya [On the role of consulting and reference activities of knowledgeable persons in the investigation of fraud in the field of motor insurance]. Vestnik Vostochno -Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East

Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. .3 (102), pp. 230-240.

10. Chinenov, E. V. Taktika naznacheniya sudebnyh ekspertiz v rassledovanii prestuplenij v sfere ekonomiki, sovershaemyh na zhelezn dorozhnom transporte i ob"ektah transportnoj infrastruktury [Tactics of appointing forensic examinations in the investigation of economic crimes committed on railway transport and transport infrastructure facilities]. Vestnik Vostochno -Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, no. 1 (104), pp. 280-296.

11. Shaevich, A. A. Prakticheskaya napravlennost' kriminalistiki: zhelaemoe i dejstvitel'noe [Practical orientation of forensic science: desired and actual]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra - Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2021, no. 1 (17), pp. 170-177.

12. Milius, A. I. Sovershenstvovanie metodiki rassledvaniya krazh nefi i nefteproduktov, sovershaemyh pri ih hranenii i transportirovke na ob"ektah toplivn - energeticheskogo kompleksa : diss-ya kand. yurid. nauk. [Improving the methodology for investigating thefts of oil and petroleum products committed during their storage and transportation at fuel and energy facilities : dissertation of the Candidate of Legal Sciences]. Irkutsk, 2023, 236 p.

13. Chinenov, E. V. Teoreticheskie osnovy i praktika rassledvaniya prestuplenij v sfere ekonomiki, sovershaemyh na zhelezn dorozhnom transporte i ob"ektah ego infrastruktury : diss-ya d kt ra yuridicheskikh nauk [Theoretical foundations and practice of investigating crimes in the economic sphere committed on railway transport and its infrastructure facilities : dissertation of the Doctor of Law]. Moscow, 2024, 553 p.

14. Zaleskina, A. N. Harakteristika i znachenie dokumentov, otrazhayushchih deyatel'nost' hozyajstvuyushchih sub"ektov dlya raskrytiya i rassledovaniya moshennichestva, sopryazhennogo s prednamerennym neispolneniem dogovornyh obyazatel'stv v sfere predprinimatel'skoj deyatel'nosti [Characteristics and importance of documents reflecting the activities of business entities for the detection and investigation of fraud associated with the deliberate failure to fulfill contractual obligations in the field of entrepreneurial activity]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra - Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2020, no. 1 (13), pp. 47-53.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маркова Вера Витальевна, адъюнкт адъюнктуры 2 курса заочного обучения. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074 г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Markova Vera Vitalievna, postgraduate student. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 664074, Irkutsk, Lermontova St., 110.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025; одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 17.04.2025.

The article was submitted 27.01.2025; approved after reviewing 12.03.2025; accepted for publication 17.04.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 2 (113). С. 212–231.

Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025

Vol. no. 2 (113). Pp. 212–231.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК: 343.9

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Молчанова Татьяна Витальевна

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация, molcha@yandex.ru

Введение. Актуальность статьи заключается в необходимости осознания новых угроз, возникающих в результате цифровизации экономики. В статье исследуется влияние информационно-телекоммуникационных технологий на эволюцию преступности в экономической сфере. В статье проанализированы новые формы преступности в экономической сфере, возникающие в результате технологического развития. В свете современных реалий преступления, предусмотренные гл. 22 УК РФ, требуют не только статистического пересмотра, но и глубокого анализа существующих данных с целью выявления новых закономерностей и тенденций, а также их переосмысления в условиях текущих вызовов.

Автором обращено внимание на то, что возможности всестороннего и объективного анализа реальной динамики преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ)¹ существенно ограничены, в том числе в силу того, что не все виды преступлений, предусмотренные гл. 22 УК РФ, подлежат систематическому учету в контексте их связи с использованием ИТТ.

© Молчанова Т. В., 2025

¹ В настоящем исследовании мы используем понятие «информационно-телекоммуникационные технологии», поскольку ориентируемся на название формы статистической отчетности «ИТТ» (код 280), книга 1 «О результатах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также результатах деятельности структурных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, специализирующихся на противодействии преступлениям данного вида» ГИАЦ МВД России, учитывающую именно такой вид способов совершения преступлений.

В рамках данного исследования мы вынуждены ограничиться анализом эмпирических данных, полученных исключительно из форм статистической отчетности ГИАЦ МВД России. Такое ограничение обусловлено отсутствием альтернативных источников информации, что может повлиять на полноту и многогранность выводов. Однако использование официальной статистики ГИАЦ МВД России обеспечивает репрезентативность данных в рамках установленных параметров учета, что позволяет провести достоверный анализ в контексте заявленной проблематики.

Материалы и методы. Методология исследования включает в себя общенаучные методы изучения общественных процессов, особенно в контексте социально-правового явления преступности. К ним относятся анализ, синтез, дедукция, индукция, системно-структурный метод, а также методы измерения, описания и абстрагирования. Кроме того, применялись частнонаучные методы, такие как анализ документов и статистические методы. Эмпирической основой исследования послужили определенные формы статистического наблюдения, проводимые ГИАЦ МВД России.

Результаты исследования. Результатом данного исследования является всесторонний анализ и систематизация основных видов преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в сфере экономической деятельности фиксируемых в формах статистического учета. В ходе исследования были определены факторы, способствующие возникновению этих преступных деяний в сфере информационных технологий. Данное научное наблюдение подчеркивает важность комплексного подхода к пониманию механизмов преступности в сфере экономической деятельности в условиях стремительного развития информационных технологий и их интеграции в экономические процессы.

Выводы и заключения. Преступность в сфере экономической деятельности, осуществляемая с применением информационно-телекоммуникационных технологий, представляет собой самостоятельный социально-экономический и правовой феномен, который необходимо рассматривать в контексте современных вызовов и угроз, характерных для цифровой эпохи. Данный вид преступности формируется под влиянием стремительного развития технологий, глобализации экономических процессов и расширения цифрового пространства, что обуславливает его специфические черты.

Ключевые слова: информационные технологии, информационно-телекоммуникационные технологии, экономическая деятельность, преступность в сфере экономической деятельности, гл.22 УК РФ, динамика и структура преступности, удельный вес преступлений, формы статического учёта, ГИАЦ МВД России.

Для цитирования: Молчанова, Т. В. Информационно-телекоммуникационные технологии как фактор трансформации преступности в сфере экономической деятельности// Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 212–231.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF CRIME IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY

Tatyana V. Molchanova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian, Moscow, Russian Federation

Introduction. The relevance of the article lies in the need to understand the new threats that arise as a result of the digitalization of the economy. The article examines the impact of information and telecommunication technologies on the evolution of crime in the economic sphere. The author analyzes new forms of crime in the economic sphere that arise as a result of technological development.

In the light of modern realities, the crimes provided for in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation require not only a statistical review, but also an in-depth analysis of existing data in order to identify new patterns and trends, as well as their rethinking in the context of current challenges.

The study of crime in the sphere of economic activity related to the use of information technologies is an important area of scientific research. It allows us to identify and analyze new forms of criminal activity arising in the context of digitalization, which contributes to the development of effective preventive measures. It should be noted that the possibilities of a comprehensive and objective analysis of the real dynamics of crime in the sphere of information and telecommunication technologies (ITT) are significantly limited, including due to the fact that not all types of crimes provided for in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation are subject to systematic accounting in the context of their connection with the use of ITT. In this study, we are forced to limit ourselves to the analysis of empirical data obtained exclusively from the statistical reporting forms of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. This limitation is due to the lack of alternative sources of information, which may affect the completeness and versatility of the conclusions. However, the use of official statistics of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia ensures the representativeness of the data within the established accounting parameters, which allows for a reliable analysis in the context of the stated problem.

Materials and Methods. The research methodology includes general scientific methods of studying social processes, especially in the context of the socio-legal phenomenon of crime. These include analysis, synthesis, deduction, induction, system-structural method, as well as methods of measurement, description and abstraction. In addition, specific scientific methods were used, such as document analysis and statistical methods. The

empirical basis of the study was certain forms of statistical observation conducted by the State Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The Results of the Study. The result of this study is a comprehensive analysis and systematization of the main types of crimes committed using information and telecommunication technologies in the sphere of economic activity recorded in statistical accounting forms. During the study, factors contributing to the emergence of these criminal acts in the sphere of information technology were identified. This scientific observation emphasizes the importance of an integrated approach to understanding the mechanisms of crime in the sphere of economic activity in the context of the rapid development of information technology and its integration into economic processes.

Findings and Conclusions. Crime in the sphere of economic activity carried out using information and telecommunication technologies is an independent socio-economic and legal phenomenon that must be considered in the context of modern challenges and threats characteristic of the digital age. This type of crime is formed under the influence of the rapid development of technology, the globalization of economic processes and the expansion of the digital space, which determines its specific features.

Keywords: information technology, information and telecommunication technologies, economic activity, crime in the sphere of economic activity, Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation, dynamics and structure of crime, proportion of crimes, forms of statistical accounting, State Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia

For citation: Molchanova, T. V. Informacionno-telekommunikacionnye tekhnologii kak faktor transformacii prestupnosti v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti [Information and telecommunication technologies as a factor of transformation of crime in the sphere of economic activity]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 2 (113), pp. 212–231.

«Технологии нейтральны, но их использование – никогда.
Вопрос лишь в том, кто и с какой целью их применяет»
Стив Джобс.

В начале основной части нашего исследования необходимо подчеркнуть, что использование исключительно статистических данных в рамках аналитической деятельности неизбежно предполагает применение методов математического формализма. Такой подход позволяет структурировать и количественно оценить исследуемые явления, однако он также сопряжен с определенными ограничениями, связанными с упрощением сложных социальных криминальных процессов до числовых показателей. «Следует отметить, что, приступая к анализу конкретных данных, исследователь может располагать различным количеством наблюдений» [1, с. 94] факторы, формирующие криминальные проявления в области экономической деятельности, совершаемые посредством ИТТ, должны подвергаться более глубокому

анализу исследования, которое будет отражать комплексность и системность объекта изучения.

В границах нашего исследования применение статистического метода является неотъемлемым, поскольку только с его помощью возможно провести глубокий количественный анализ состояния, структуры и динамики преступности, что, в свою очередь, позволяет выявить закономерности и тенденции, имеющие критическое значение для понимания данного социального явления.

Исследуем динамику количественных изменений преступных деяний в сфере экономической деятельности, совершаемых с использованием ИТТ, с целью выявления тенденций и закономерностей, характерных для данного вида преступных деяний. Проанализируем также удельный вес преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ², совершаемых с использованием ИТТ в общей структуре преступности в сфере экономической деятельности. Это позволит выявить степень влияния технологизации на трансформацию криминальной активности в экономической сфере, а также определить ключевые формы преступной деятельности, наиболее подверженные воздействию ИТТ (Таблица 1).

Таблица 1

Динамика количества преступлений в сфере экономической деятельности, совершенных с использованием ИТТ и их удельный вес в гл. 22 УК РФ УК РФ в 2018-2024 гг.

Год	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Гл. 22 УК	42901	44372	45926	46882	42636	38168	34622
Преступления гл. 22 УК РФ с использованием ИТТ	1045	1318	8589	9085	10465	10432	9920
Удельный вес преступлений гл. 22 УК РФ использованием ИТТ, %	2,44	2,97	18,70	19,38	24,54	27,33	28,65

Доля преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ, совершаемых с применением информационно-телекоммуникационных технологий в период с 2018 по 2024 год, характеризуется устойчивой тенденцией к значительному увеличению. За указанный период количественный показатель данных преступлений возрос в 11,7 раз, что соответствует приросту на 849 %. Наблюдаемая динамика находится в прямой корреляционной зависимости от глобального развития технологической инфраструктуры, экспоненциального роста числа пользователей сети «Интернет», а также повсеместного внедрения и распространения цифровых сервисов.

² Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 19.05.2025).

Однако он ограничен рамками установленных критериев регистрации, что может приводить к неполному отражению реальной картины рассматриваемого вида преступности. Количественная оценка преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности с использованием информационных технологий, основывается на данных, полученных в результате регистрации конкретных составов преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ, в рамках системы статистического учета ГИАЦ МВД России (форма «ИТТ» код 280, книга 1).

В частности, остаются за пределами статистического учета латентные преступления, а также деяния, которые не были выявлены или должным образом квалифицированы. По итогам 2023 года мы отмечали, что «нынешний формуляр статистического наблюдения содержит небольшой перечень (семь позиций из гл. 22 УК РФ), в то время как всего преступлений, совершенных при использовании информационно-телекоммуникационных технологий, фиксируются в количестве 63 составов. Без сомнения, включение иных преступных деяний в формы учета позволит расширить статистическую оценку криминальной экономической деятельности в цифровой среде» [2, с. 12]. В 2024 году ситуация в области статистического учета и преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ, совершаемых с использованием ИТТ, осталась без изменений. В частности, не были внесены коррективы в формуляры статистического наблюдения, а также в перечень составов преступлений, что свидетельствует о сохранении прежних подходов к учету и классификации данных противоправных деяний.

Отдельно отметим, что под информацией как средством совершения преступлений отдельные специалисты понимают «сведения, используемые виновным с целью посягательства на объект уголовно-правовой охраны» [3, с. 10]. Также подчеркнем, что технические специалисты отмечают неразрывность использования двух понятий «информационные технологии» и «информация». Так, еще в 2008 году Г. И. Абдрахмановой и Г. Г. Ковалевой было отмечено, что информационные технологии – «технологии, использующие средства микроэлектроники для сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления информации» [4, с. 45].

По мнению отдельных исследователей, «для целей статистического учёта непосредственным объектом преступного посягательства выступают общественные отношения в сфере компьютерной информации и информационных технологий ... являются не только предметами преступного посягательства, но и используются в качестве средства и орудия свершения преступления». [5, с. 7].

Преступления в сфере экономической деятельности, совершаемые с использованием ИТТ, регистрируются в рамках системы статистического наблюдения, осуществляемого в основном сотрудниками ОВД. Органы внутренних дел играют определяющую роль в выявлении и документировании преступлений, связанных с применением ИТТ, что свидетельствует об их ключевом значении в системе противодействия преступности в цифровой среде.

Так, в 2023 году на их долю пришлось 98,78 % от общего числа выявленных преступлений данной категории (2024 год – 98,66 %), что свидетельствует о доминирующей позиции ОВД среди всех возможных субъектов выявления. В каталоге федеральных

органов МВД России выступает в качестве ключевого органа, осуществляющего противодействие преступления, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [6, с. 132]. Тем не менее, в деятельности ОВД существует множество проблем, связанных, прежде всего, с выявлением преступлений с использованием ИТТ, которые обусловлены характером деяний, а именно: «дистанционный» характер совершения преступлений; широкое использование средств анонимизации (VPN, TOR, Proxy), не только обеспечивающих приватность киберпреступников, но и скрывающих следы преступных действий» [7, с. 105].

Таблица 2

Преступления в сфере экономической деятельности,
совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий,
выявленные сотрудниками ОВД в 2020 – 2024 гг.^{3, 4}

	2018	Уд. вес, %	2019	Уд. вес, %	2020	Уд. вес, %	2021	Уд. вес, %	2022	Уд. вес, %	2023	Уд. вес, %	2024
Всего преступле ний в сфере ИТТ	171 007	-	289 796	-	503 493	-	511 300	-	522 065	-	676 951	-	765365
Ст. 171.2	788	0,46	766	0,26	664	0,13	557	0,10	583	0,11	580	0,09	368
Ст. 174	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0,00	4	0,00	6
Ст. 174.1	-	-	-	-	-	-	-	-	374	0,07	494	0,07	596
Ст. 183	75	0,04	126	0,04	145	0,02	372	0,07	259	0,05	298	0,04	198
Ст. 185.3	-	-	-	-	-	-	-	-	3	0,00	1	0,00	2
Ст. 186	-	-	-	-	7029	1,39	6562	1,28	6598	1,26	4867	0,72	3928
Ст. 187	182	0,10	426	0,14	751	0,14	1594	0,31	2647	0,51	4188	0,62	4822

Таблица 2 иллюстрирует динамику и структурные изменения в отдельных категориях преступлений, связанных с экономической деятельностью и совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в период с 2018 по 2024 год. Согласно данным, представленным в форме статистического

³. Сводный отчет о результатах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также результатах деятельности структурных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, специализирующихся на противодействии преступлениям данного вида» – форма «ИТТ» (код 280), книга 1 // ГИАЦ МВД России : по состоянию на 01.01.2022 статистические позиции учета содержат исключительно данные составы преступлений, предусмотренные гл. 22 УК РФ.

⁴ Сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, выявленных и предварительно расследованных субъектами регистрации : до 2020 г. используется форма 4-ЕГС (код 494), книга 3 раздел 11 // ГИАЦ МВД России.

наблюдения форма «ИТТ» (код 280) книга 1 (по состоянию на май 2024 года), в учет включены исключительно семь составов преступлений. Однако ограниченность представленных данных не позволяет утверждать об отсутствии иных правонарушений, предусмотренных гл. 22 УК РФ в сфере ИТТ. Проведенный анализ указывает на наличие латентности в области рассматриваемых преступлений, что выражается в существенном расхождении между фактической частотой их совершения и данными, регистрируемыми в официальной статистике правоохранительных органов.

Удельный вес преступлений, предусмотренных статьями 171.2 «Незаконные организация и проведение азартных игр», 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем», 174.1 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления», 183 «Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», 185.3 «Манипулирование рынком», 186 «Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг», 187 «Неправомерный оборот средств платежей» УК РФ в сфере ИТТ от всех преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: в 2024 году составил 1,36 %, в 2023 г. – 1,34 %, в 2022 г. – 2 %, в 2021 г. – 1,76 %, в 2020 г. – 1,68 % (Таблица 3).

Таблица 3

Сведения об удельном весе преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ, среди всех преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в 2020-2024 гг.

	2020	2021	2022	2023	2024
Всего преступлений	510396	517722	522065	676951	765365
Гл. 22 УК РФ	1045	1318	8589	9085	10465
Удельный вес, %	1,68	1,76	2,00	1,34	1,36

Наиболее распространенные преступления, предусмотренные гл. 22 УК РФ, совершенные с применением ИТТ в период с 2018 по 2024 год, визуализированы в представленном графическом формате (рис. 1).

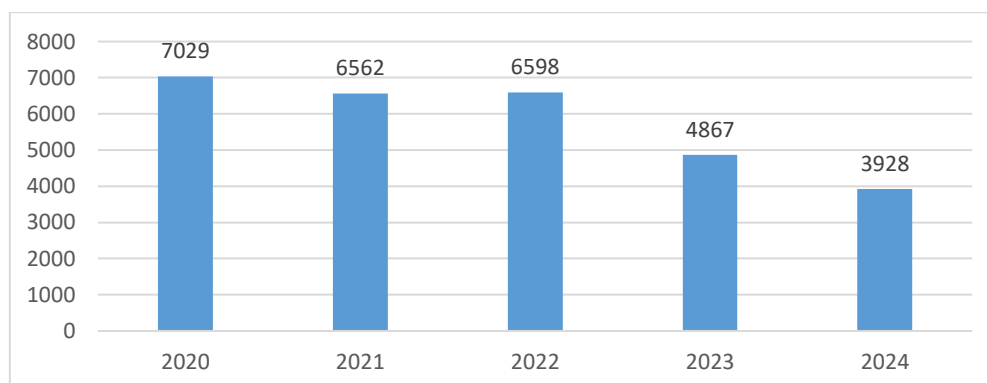

Рис. 1. Динамика преступлений, предусмотренных ст. 186 УК РФ «Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг», совершенных с использованием ИТТ в 2020–2024 гг.

Анализ данных показывает, что в структуре преступлений в сфере экономической деятельности самая высокая степень распространения принадлежит именно преступлениям по ст. 186 УК РФ. Сфера информационно-телекоммуникационных технологий стала новым вектором развития преступлений по ст. 186 УК РФ. Особо отметим, что с введением новой формы статистического учета в 2020 году нашли свое статистическое отражение преступные деяния, предусмотренные ст. 186 УК РФ «Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг». Ранее они не имели фиксации в специальных формах отчетности ГИАЦ МВД России по преступлениям в сфере ИТТ.

Традиционно фиксируются высокие показатели по ст. 186 УК РФ в целом по гл. 22 УК РФ, однако, по состоянию на 01.01.2024, в обнародованных отчетах ГИАЦ МВД России мы наблюдаем снижение регистрации преступных деяний по данной норме УК РФ. Несмотря на указанное обстоятельство, удельный вес преступлений, связанных с незаконным изготовлением поддельных денег или ценных бумаг является по-прежнему наибольшим в структуре преступности в сфере экономической деятельности с использованием информационных технологий (2023 г. – 0,72 %)

Так, по данным Центрального банка Российской Федерации в 2024 году «уровень фальшивомонетничества в России достиг минимального значения за последние годы: на 1 млн банкнот в обращении приходилась лишь одна фальшивка»⁵.

Наблюдаемая ситуация коррелирует с сокращением числа совершаемых преступлений с использованием поддельных денежных банкнот, находящихся в обороте у граждан, в том числе указанная тенденция снижает количество сбыта поддельных денежных знаков с использованием сети «Интернет». Абсолютные значения количества зарегистрированных преступлений по ст. 186 УК РФ

⁵ Унесла нелегка: количество фальшивых купюр в России упало до минимума // Известия – новости политики, экономики, спорта, культуры : сайт. URL: <https://iz.ru/1838966/oksana-belkina/unesla-nelegkaa-kolicestvo-falsivyh-kupur-v-rossii-upalo-do-minimuma> (дата обращения: 02.03.2025).

с использованием ИТТ, показывающем их динамику за 2018–2024 гг., подтверждают сложившуюся практику снижения числа выявленных поддельных банкнот Банка России.

Одним из немаловажных факторов снижения поддельных денежных знаков является то обстоятельство, что за последнее десятилетие число операций безналичного обращения демонстрирует тренд к росту. «Доля безналичных платежей в розничном обороте по итогам 2023 г. составила 83,4 %. За год сразу выросла на 5,3 %. Это один из самых высоких показателей в мире».⁶ По данным Центрального банка Российской Федерации: «к концу 2024 года доля безналичных платежей достигла 85 %, и ожидается ее дальнейший рост»⁷.

Анализ статистических данных позволяет выделить ст. 187 УК РФ «Неправомерный оборот средств платежей», которая демонстрирует выраженную тенденцию к увеличению количественных показателей совершения данного вида преступлений, что свидетельствует об актуализации проблемы в современной криминогенной обстановке (рис. 2).

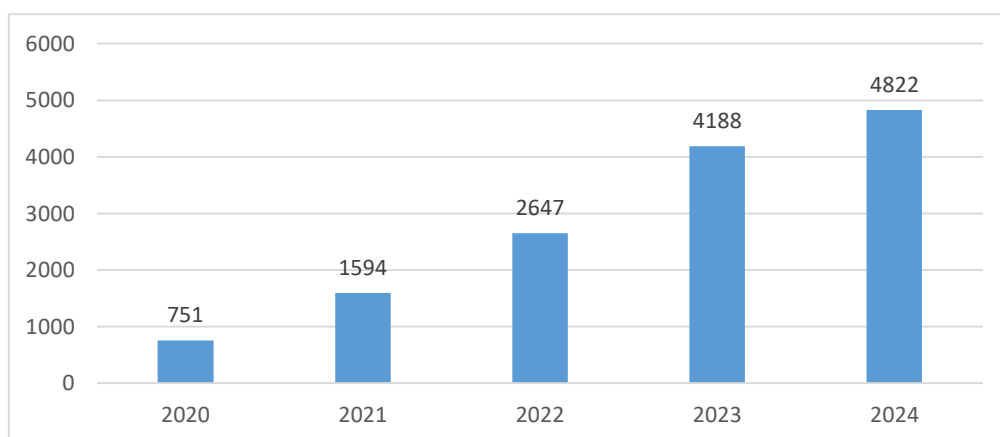

Рис. 2. Динамика преступлений, предусмотренных ст. 187 УК РФ, совершенных с использованием ИТТ в 2018–2024 гг.

Активизация правоприменительной деятельности в рамках указанной нормы напрямую коррелирует с ростом незаконного оборота реквизитов банковских карт. В подтверждении этого отметим Федеральный закон от 24.07.2023 № 369-ФЗ⁸, обязывающий банки усилить контроль за финансовыми операциями и временно

⁶ Доля безналичных платежей в розничном обороте РФ выросла до 83,4 % // Интерфакс : сайт. URL: <https://www.interfax.ru/business/948582> (дата обращения: 01.03.2025).

⁷ ЦБ: доля безналичных платежей в РФ превысила 85 % // ТАСС – новости в России и мире : сайт. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23257775> (дата обращения: 04.03.2025).

⁸ О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» : Федер. закон № 369-ФЗ : принят Гос. Думой 11 июля 2023 г. : одобрен Советом Федерации 19 июля 2023 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452742/ (дата обращения: 04.03.2025).

блокировать подозрительные денежные переводы. Под подозрительными операциями понимаются те, которые осуществляются без добровольного согласия клиента или с согласием, полученным под влиянием обмана, злоупотребления доверием или иных форм психологического воздействия.

Особую актуальность данные изменения приобретают в связи с ростом случаев неправомерного оборота средств платежей, когда преступники активно используют специализированные программы для подделки реквизитов банковских карт. Такие программы позволяют генерировать или изменять данные карт, включая номера, сроки действия и CVV-коды, что облегчает проведение мошеннических операций. Чаще всего подобные действия совершаются в рамках организованных преступных групп, которые используют технические средства для массового взлома и эксплуатации платежных данных.

Правовой механизм рассматривает преступное деяние, предусмотренное ст. 187 УК РФ, как комплекс незаконных действий, включающих в себя процессы изготовления, приобретения, хранения, транспортировки с целью использования или реализации, а также сам процесс реализации поддельных платежных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты. Эти действия также охватываются преднамеренным распространением фальшивых электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств и компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления процессов приема, выдачи или перевода денежных средств.

Ст. 171.2 УК РФ «Незаконная организация и проведение азартных игр», как следует из представленного графического анализа (рис. 3), демонстрирует неоднозначную динамику с ежегодными колебаниями, включающими как снижение, так и рост показателей. Подобная нестабильность обусловлена, в первую очередь, изменениями в нормативно-правовом регулировании сферы организации и проведения азартных игр.

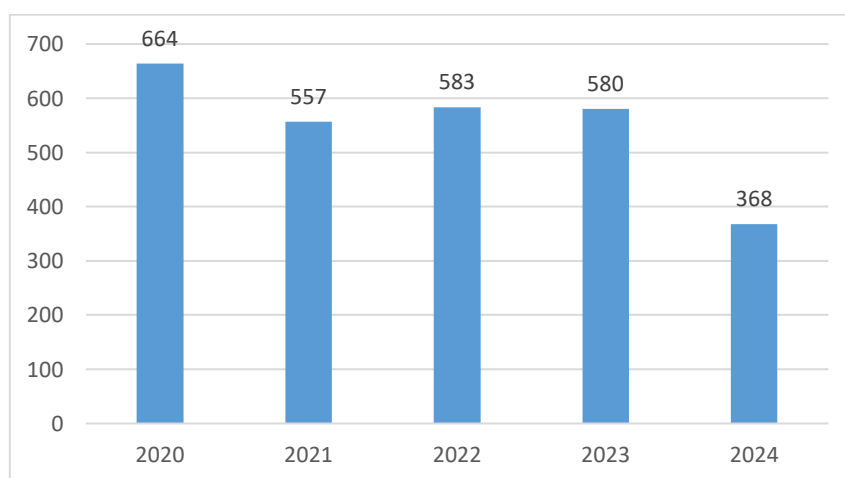

Рис. 3 Динамика преступлений, предусмотренных ст. 171.2 УК РФ, совершенных с использованием ИТТ в 2018—2024 гг.

В дальнейшем снижению уровня преступлений, предусмотренных ст.171.2 УК РФ, может способствовать реализация мер, направленных на усиление контроля за деятельностью онлайн-казино. В частности, в 2024 году Федеральная налоговая служба Российской Федерации (ФНС России) разместила на портале госзакупок контракт⁹, связанный с внедрением информационно-аналитической системы, предназначенной для противодействия проведению незаконных азартных игр и лотерей в сети «Интернет». Данная инициатива предполагает предоставление ФНС доступа к инструментам мониторинга и анализа, что позволит эффективнее выявлять и пресекать противоправную деятельность в данной сфере.

Введены новые регулятивные механизмы, регулирующие деятельность онлайн-тотализаторов и букмекерских контор, а также осуществлено делегирование полномочий ФНС России, которая с 17 августа 2021 г. выступает в качестве единого регулятора в сфере азартных игр на территории Российской Федерации. В рамках своих полномочий ФНС России наделена правом направлять в адрес Роскомнадзора предписания о блокировке незаконных интернет-ресурсов. Оптимизация процедуры блокировки веб-сайтов способствовала снижению их количественного объема. Предполагается, что столь активные меры по блокировке сайтов (или отдельных страниц сайтов) не спровоцируют значительного роста количества преступлений, подпадающих под действие ст. 171.2 УК РФ.

Справочно, в отчете Торгово-промышленной палаты отмечается, что оборот нелегального сегмента азартных игр¹⁰ в России составляет около 300 млрд рублей, или 25 % от легального сегмента. В теневой рынок азартных игр в основном входят онлайн-казино, спортивный тотализатор и букмекерские онлайн-ресурсы.

Одним из наиболее часто совершаемых форм преступной деятельности в ИТТ стало сокрытие происхождения денежных средств. Акцентируем внимание на то, что легализация (отмывание) денежных средств представляет собой высоклатентное явление, обусловленное сложностью многоуровневой структурой маскировки. Преступные схемы интегрированы в глобальные финансовые потоки, что позволяет использовать пробелы в регулировании, трансграничные юрисдикции и инструменты цифровой экономики. Отсутствие прямых жертв и высокая степень профессионализации участников создают условия для минимизации рисков разоблачения. Латентность легализации (отмывания) формируется на стыке высокого уровня технологического развития, институциональных ограничений и глобализации финансовых рынков.

Особо подчеркнем, что легализация (отмывание) денежных средств, приобретённых преступным путем до 2022 года, не имело возможности быть статистически измеренным в качестве преступления, совершенного с применением

⁹ ФНС заключила контракт на развитие ИТ-системы контроля онлайн-казино // TADVISER – портал выбора технологий и поставщиков : сайт. URL: <https://www.tadviser.ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁰ Зона цинизма: ставки на спорт хотят приравнять к игре в казино // Торгово-промышленная палата Российской Федерации : сайт. URL: <https://news.tpprf.ru/ru/media/5880428/> (дата обращения: 05.03.2025).

информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ). Ст. 174 и 174.1 УК РФ были включены в форму федерального статистического наблюдения форма «ИТТ» (код 280) книга 1 в 2022 году (рис. 4).

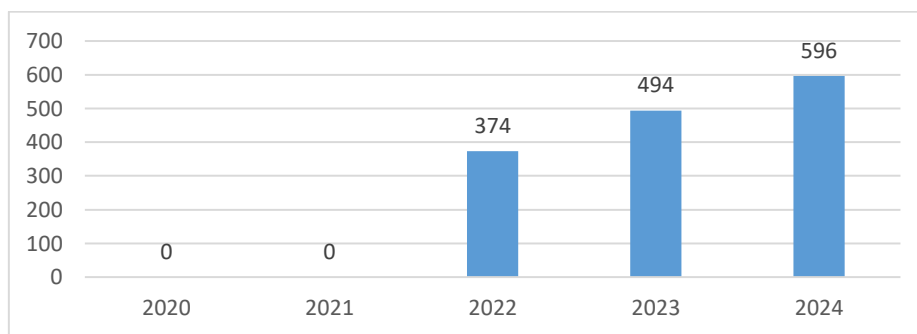

Рис. 4. Динамика преступлений, предусмотренных ст. 174.1 УК РФ, совершенных с использованием ИТТ в 2022 — 2024 гг.

В 2022 году было зафиксировано 374 таких преступления, а в 2023 году их число увеличилось до 494, что свидетельствует о приросте на 32,09 %. Правоприменительная практика в данной области формируется исключительно в рамках статьи 174.1 УК РФ, что обусловлено спецификой процесса доказывания. Это связано с тем, что первоначально денежные средства или иное имущество приобретаются в результате совершения предикатного преступления, и лишь затем осуществляется их легализация (отмывание).

В 2023 году наблюдалось значительное усиление правоприменительной активности в отношении ст. 174 и 174.1 УК РФ, что обусловлено, в частности, активизацией использования цифровых финансовых активов (в том числе цифровой валюты), которые стали одним из ключевых факторов, способствующих расширению практики применения указанных норм. Согласно российскому законодательству цифровой валютой признается имущество и может выступать в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ¹¹.

Отметим, что криптовалюта, будучи автономной формой цифровых активов, представляет собой эффективный инструмент, широко используемый в целях легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, полученных

¹¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон № 522-ФЗ : принят Гос. Думой 12 декабря 2024 г. : одобрен Советом Федерации 20 декабря 2024 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494814/ (дата обращения: 01.03.2025); О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон № 259-ФЗ : принят Гос. Думой 22 июля 2020 г. : одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 01.03.2025).

третьими лицами в результате противоправной деятельности. Ее специфические характеристики, такие как децентрализация, анонимность и трансграничность, создают благоприятные условия для осуществления подобных операций. На степень значимости подобной тенденции было указано в исследованиях других российских авторов, например В. Б. Батоевым, популярность криптомессенжеров (например, Bridgefy, Signal Offline Messenger, Briar) обусловлена технической возможностью их функционирования, которая в совокупности отвечает требованиям анонимности, предъявляемым со стороны криминалитета [8, с. 64].

Указанное нами выше факторы подтверждаются данными из отчёта Росфинмониторинга в 2024 году «Преступные доходы все чаще отмываются через сложные схемы с использованием криптовалют, дропов и наличных средств»¹².

Укажем, что еще в 2019 г. Верховным Судом Российской Федерации «даны разъяснения о применении ст.ст. 174, 174.1 УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность соответственно за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем и приобретенных лицом в результате совершения им преступления.¹³ Предметом преступлений, предусмотренных ст. 174, 174.1 УК РФ, могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления. Безусловно, данное пояснение сформировало должную следственно-судебную практику.

Обязательным условием привлечения к уголовной ответственности за операции с криптовалютой является наличие сделок с имуществом. Так, в 2023 году Верховный Суд Российской Федерации указал, что проведение «последовательных финансовых и банковских операций, а именно: зачисление денежных средств на подконтрольный виртуальный счет – криптовалюту «биткоин», дальнейшее ее конвертирование через виртуальные обменники в рубли, перевод денежных средств на банковские карты, зарегистрированные на других лиц, и их обналичивание через банковские терминалы свидетельствует о наличии у осужденного цели легализовать денежные средства».¹⁴

Анализ представленной отрицательной динамики в сфере легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, полученных как третьими лицами в результате преступной деятельности, так и непосредственно лицом в

¹² Росфинмониторинг назвал самый популярный способ отмывания денег // Федеральная служба по финансовому мониторингу : сайт. URL: <https://www.fedsfm.ru/special/mediaaboutus/8273> (дата обращения: 02.03.2025).

¹³ О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» от 26 февраля 2019 г. № 1 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319191/ (дата обращения: 04.03.2025).

¹⁴ Финразведка назвала условие признания операций с биткоинами отмыванием // РБК : новостной сайт. URL: <https://www.rbc.ru/finances/04/07/2023/64a2e2a49a7947e3cd1b8a25> (дата обращения: 05.03.2025).

результате совершения им преступления с использованием ИТТ, свидетельствует о статистически подтвержденном росте данных преступлений. Однако значительная часть подобных деяний остается за пределами официального статистического учета, что делает невозможным точную количественную оценку их реального масштаба в текущих условиях.

Как упоминалась прежде в наших исследованиях и с учетом приведённой криминальной ситуации, подчеркнём, что в условиях динамичного развития ИТТ наблюдается устойчивый рост масштабных процессов легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, который с высокой степенью вероятности будет иметь дальнейшее развитие в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Преступления, предусмотренные ст. 183 УК РФ «Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», несмотря на свою значимость в системе экономической преступности, характеризуется относительно низкой частотой выявления, что может быть обусловлено как сложностью их фиксации и доказывания, так и недостаточной разработанностью методов выявления, раскрытия и расследования их расследования в условиях технологического развития (рис. 5).

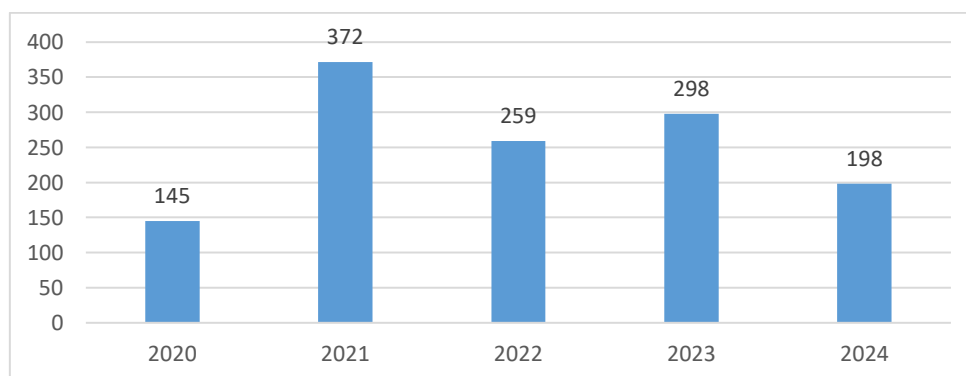

Рис. 5. Динамика преступлений, предусмотренных ст. 183 УК РФ, совершенных с использованием ИТТ в 2018–2024 гг.

В соответствии с положениями ст.183 УК РФ уголовная ответственность дифференцирована в зависимости от характера противоправного деяния, предусматривая санкции за два самостоятельных преступления. Первое из них заключается в незаконном сборе информации, составляющей коммерческую, налоговую или банковскую тайну, что предполагает неправомерное получение, хищение или иное завладение конфиденциальными сведениями. Второе преступление охватывает незаконное раскрытие либо использование полученной информации, что может выражаться в ее умышленном распространении, передаче третьим лицам или применении в целях извлечения выгоды, причиняя ущерб законным интересам правообладателя.

Так, «Банковская тайна определяется как защищаемая законом конфиденциальная информация, касающаяся операций, счетов и вкладов клиентов кредитных организаций»¹⁵. В свою очередь, налоговая тайна охватывает любые сведения о налогоплательщиках или плательщиках страховых взносов, полученные налоговыми органами, органами внутренних дел, следственными органами, органами государственных внебюджетных фондов и таможенными службами в рамках исполнения их полномочий.

«Коммерческая тайна определяется как информация любого характера (производственного, технического, экономического, организационного или иного), которая имеет потенциальную или действительную коммерческую ценность в силу ее неизвестности третьим лицам, при условии что к такой информации отсутствует свободный доступ на законном основании и обладатель информации принимает меры для охраны ее конфиденциальности».¹⁶

Наиболее распространёнными преступлениями, рассматриваемыми в рамках дел по ст. 183 УК РФ, являются случаи разглашения и умышленной передачи сотрудниками операторов связи конфиденциальных данных абонентов, включая персональные сведения и детализацию звонков, а также несанкционированная передача банковскими работниками информации, относящейся к категории «банковская тайна», такой как данные о счетах и картах клиентов финансово-кредитных учреждений.

Доминирующими каналами передачи конфиденциальной информации выступают сеть «Интернет», электронная почта, платформы для обмена мгновенными сообщениями (мессенджеры), бумажные носители (архивная документация), съёмные устройства хранения данных, а также устное разглашение или передача сведений посредством телефонной связи. Субъектами правонарушений, предусмотренных статьёй 183 УК РФ Федерации, являются должностные лица, представляющие банковские, налоговые и иные коммерческие структуры. «В абсолютном большинстве случаев лица, привлечённые к уголовной ответственности, на момент совершения преступления занимали позиции рядовых сотрудников, преимущественно менеджеров в телекоммуникационных компаниях или кредитно-финансовых учреждениях».

В ходе проведенного исследования установлено, что преступления, связанные с манипулированием рынком, занимают наименее значимую долю в общей структуре выявленных преступлений гл. 22 УК РФ, совершенных с использованием ИТТ. Подобная ситуация может быть объяснена как сложностью формирования доказательной базы, так и высокой степенью латентности таких преступлений, требующих для своего раскрытия применения сложных аналитических методов и обработки значительных массивов информации.

¹⁵ О банках и банковской деятельности : Федер. закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 06.03.2025).

¹⁶ О коммерческой тайне : Федер. закон № 98-ФЗ : принят Гос. Думой 9 июля 2004 г. : одобрен Советом Федерации 15 июля 2004 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48699/ (дата обращения 06.03.2025).

Ст. 185.3 УК РФ «Манипулирование рынком» выступает в качестве ключевого объекта уголовно-правового регулирования, направленного на обеспечение законности и стабильности в сфере рыночных отношений, а также на предотвращение противоправных действий, способных дестабилизировать финансовые рынки и нанести ущерб их участникам (рис. 6).

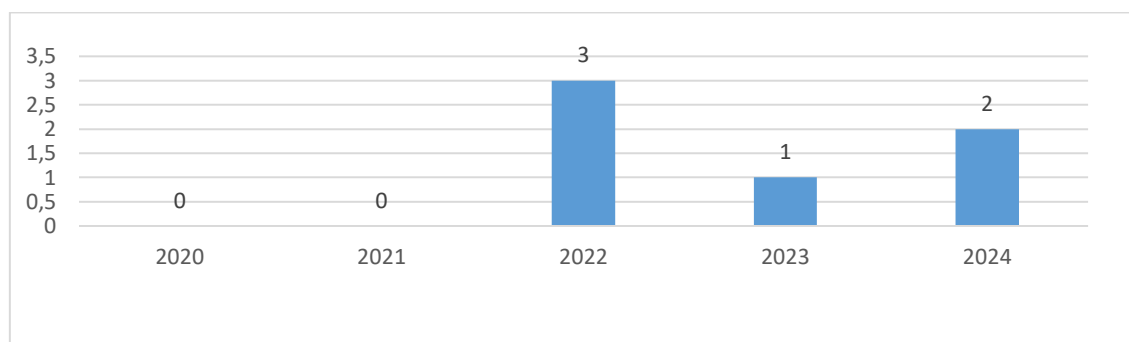

Рис. 6. Динамика преступлений, предусмотренных ст. 185.3 УК РФ, совершенных с использованием ИТТ в 2018–2024 гг.

Тем не менее, несмотря на очевидную значимость умышленного распространения через средства массовой информации, включая электронные информационно-телекоммуникационные сети (в частности, сеть «Интернет»), заведомо ложных данных, а также совершения операций с финансовыми инструментами, иностранной валютой или иных умышленных действий, прямо запрещенных законодательством Российской Федерации в рамках противодействия использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, эмпирические данные, полученные в ходе проведенного исследования, указывают на отсутствие зафиксированных случаев нарушений, подпадающих под юрисдикцию статьи 185.3 УК РФ.

В рамках настоящего исследования мы воздержались от визуализации статистических данных, касающихся преступлений, предусмотренных ст. 185.3 УК РФ, ввиду их крайне ограниченного объема, что делает их непригодными для проведения содержательного анализа. За последние два года было зарегистрировано лишь четыре преступления, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и подпадающих под действие указанной статьи, все из которых были выявлены сотрудниками органов внутренних дел.

Следует отметить, что на законодательном уровне до сих пор отсутствует детально регламентированный механизм взаимодействия между МВД России и Банком России в области противодействия таким противоправным деяниям, как манипулирование рынком и незаконное использование инсайдерской информации. Данный правовой пробел существенно ограничивает эффективность координации между указанными органами и создает предпосылки для недостаточной реализации мер по обеспечению стабильности финансового рынка и защиты прав его участников. Для достижения значимых результатов в рамках проведения проверок по фактам манипулирования на финансовых рынках и формирования устойчивой следственно-

судебной практики, необходимо установление эффективного механизма межведомственного сотрудничества между тремя ключевыми субъектами: Центральным банком Российской Федерации, Министерством внутренних дел Российской Федерации и Следственным комитетом Российской Федерации. Только при условии их скоординированного взаимодействия как единых участников правового процесса возможно обеспечение комплексного подхода к выявлению, расследованию и пресечению данных правонарушений.

Относительная доля преступлений в сфере экономической деятельности, предусмотренных гл. 22 УК РФ с использованием ИТТ является статистически незначительной в сравнении с общим объемом преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий. В рамках взаимодействия субъектов экономической деятельности основное внимание сосредоточено на реальных, а не виртуальных формах коммуникации между физическими и юридическими лицами как участниками экономических отношений. Это позволяет предположить, что в текущих условиях большинство преступлений в данной сфере совершается вне цифровой среды, что обусловлено спецификой экономической деятельности преимущественно реализуемой в офлайн-пространстве.

Современная преступность, обусловленная активным использованием информационных технологий в различных сферах экономической деятельности, приобретает специфические черты, такие как высокая степень гибкости в цифровой среде, трансграничный характер, сложность отслеживания финансовых потоков и идентификации участников противоправных действий. Эти особенности позволяют рассматривать её как самостоятельный социально-экономический и правовой феномен, требующий глубокого научного осмысления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Молчанова, Т. В. Трудности статистической интерпретации преступности / Т.В. Молчанова // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 2 (52). С. 90–97. DOI 10.37973/KUI.2023.27.17.013. – EDN NISXAK.
2. Молчанова, Т. В. Технологический вектор преступной активности в сфере экономической деятельности : монография. М.: Проспект, 2025. 104 с.
3. Асланян, Р. Г. Информация как предмет и средство совершения преступлений в сфере экономической деятельности: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 21 с.
4. Абдрахманова, Г. И., Ковалева, Г. Г. Тенденции развития информационных и коммуникационных технологий / Г. И. Абдрахманова, Г. Г. Ковалева // Форсайт. № 4 (12). 2009. С. 44-55.
5. Ляпин, А. Е. Киберпреступность как новый объект статистического анализа // Статистика и экономика. Т. 18. № 6. 2021. С. 4–16.
6. Шхагапсоев, З. Л. К вопросу о роли органов внутренних дел в предупреждении преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий (ИТ-преступлений) // Государственная служба и кадры. № 2. 2020. С. 131-134.

7. Панин, Д. А., Милютин, Д. В. О некоторых проблемах противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий / Д. А. Панин, Д. В. Милютин // Научный портал МВД России. 2020. № 4 (52). С. 103–108.

8. Батоев, В. Б. О современном состоянии и противодействии преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Юрист-Правовед. 2023. № 2 (105). С. 59–67.

REFERENCES

1. Molchanova, T. V. Trudnosti statisticheskoy interpretacii prestupnosti [Difficulties of statistical interpretation of crime]. Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 14. No. 2 (52). pp. 90-97. [electronic resource]. Access mode: DOI 10.37973/KUI.2023.27.17.013. — EDN NICXAK.

2. Molchanova, T. V. Tekhnologicheskij vektor prestupnoj aktivnosti v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti [Technological vector of criminal activity in the sphere of economic activity]. Moscow, 2025, 104 p.

3. Aslanyan, R. G. Informaciya kak predmet i sredstvo soversheniya prestuplenij v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.08 [Information as a subject and means of committing crimes in the sphere of economic activity: abstract of the dissertation of the Candidate of Law: 12.00.08]. Krasnodar, 2016, 21 p.

4. Abdrakhmanova, G. I., Kovaleva, G. G. Tendencii razvitiya informacionnyh i kommunikacionnyh tekhnologij [Trends in the development of information and communication technologies]. Forsajt – Foresight. 2009, no. 4 (12), pp. 44-55.

5. Lyapin, A. E. Kiberprestupnost' kak novyj ob'ekt statisticheskogo analiza [Cybercrime as a new object of statistical analysis]. Statistika i ekonomika – Statistics and Economics. 2021, vol. 18, no. 6, pp. 4-16.

6. Shkhagapsoev, Z. L. K voprosu o roli organov vnutrennih del v preduprezhdenii prestuplenij, sovershaemyh s ispol'zovaniem informacionnyh tekhnologij (IT-prestuplenij) [On the role of law enforcement agencies in the prevention of crimes committed using information technology (IT crimes)]. Gosudarstvennaya sluzhba i kadry – Civil Service and personnel. 2020, no. 2, pp. 131-134.

7. Panin, D. A., Milyutin, D. V. O nekotoryh problemah protivodejstviya prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij [On some problems of countering crimes committed using information and communication technologies]. Nauchnyj portal MVD Rossii – Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020, no. 4 (52), pp. 103-108.

8. Batoev, V. B. O sovremennom sostoyanii i protivodejstvii prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij [On the current state and counteraction to crimes committed using information and telecommunication technologies]. YUrist"-Pravoved" – Jurist-Pravoved. Rostov-on-Don, 2023, no. 2 (105), pp. 59-67.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Молчанова Татьяна Витальевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии. Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя. 117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Molchanova Tatiana Vitalievna, candidate of legal sciences, Assistant Professor, Assistant Professor at the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation. 117997, Moscow, Akademika Volgina str.12.

Статья поступила в редакцию 04.03.2025; одобрена после рецензирования 10.04.2025; принята к публикации 17.04.2025.

The article was submitted 04.03.2025; approved after reviewing 10.04.2025; accepted for publication 17.04.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 2 (113). С. 232–247.

Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025

Vol. no. 2 (113). Pp. 232–247.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 343.211.4

ЗАДАЧИ И ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ

Саламов Натиг Мухтар оглы

Государственная служба по вопросам имущества при Министерстве экономики
Азербайджанской Республики, г. Шеки, Азербайджан, Азербайджанский
государственный педагогический университет, г. Шеки, Азербайджан,
natiksalamov@mail.ru

Введение: Интенция автора направлена на исследование генезиса и эволюции задач и принципов уголовного права Азербайджана. Проводится историко-правовой экскурс и эксплицируются официальные документы регулирующие вопросы задач и принципов уголовного права, а также соответствующие нарративные материалы. Особое внимание уделяется феноменологическому анализу содержания текстов юридических актов и собраний священных текстов, имеющих отношение к исследуемому вопросу, мнениям официальных лиц, раскрывающим идеологические основы назначения наказания.

Материалы и методы. Нормативную базу исследования составили нормативные правовые акты Российской империи, Азербайджанской Демократической Республики, Азербайджанской Республики. Документальную базу исследования расширили священные писания и официальные акты имперских должностных лиц. Теоретической основой послужили труды ученых-правоведов. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, методы эмпирического и теоретического характера (описания, формализации, сравнения, анализа, обобщения, дедукции и индукции, гипотезы), а также специально-юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Результаты исследования позволили предложить авторскую позицию о том, что уголовно-правовые отношения в Азербайджане в отдельные периоды истории регулировались нормами обычного, религиозного и писаного права. После присоединения к Российской империи впервые на нормативном уровне в уголовном праве оформились его сущностные задачи, такие как предупреждение преступлений,

защита человека и общественной безопасности от преступных посягательств, а также установлены отличающиеся от ранее господствовавших фундаментальные принципы – принцип гуманизма и принцип справедливости. Определена степень влияния наличия или отсутствия суверенитета, господствующей религии, политической идеологии, формы правления, господствующей религии, совокупность средств и методов, с помощью которых осуществляется политическая власть в государстве на приоритеты в задачи и принципы уголовного права. Доктрина задач определялась приоритетом государственных интересов.

Выводы и заключения. На основании анализа содержания исторических и действующих юридических актов можно сделать вывод о том, что задачи и принципы уголовного закона характеризовались дискретностью, были релевантны своему времени. На протяжении всей истории государственно-политические, территориальные, религиозные и идеологические изменения, а также форма правления, политический режим и вопросы безопасности вносили изменения в задачи и принципы уголовного законодательства. Другим определяющим фактором был уровень понимания аксиологии таких категорий, как жизнь, смерть, свобода, справедливость, гуманизм, а также правосознания общества, ее отношение к праву и правовым явлениям.

Ключевые слова: Азербайджана, уголовное право, задачи, принципы, наказание, справедливость

Для цитирования: Саламов, Н. М. Задачи и принципы уголовного законодательства Азербайджанской Республики: генезис и эволюция // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 232–247.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

OBJECTIVES AND PRINCIPLES OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN: GENESIS AND EVOLUTION

Salamov Natig Mukhtar oglu

State Property Service under the Ministry of Economy of the Republic of Azerbaijan, Shaki, Azerbaijan
Azerbaijan State Pedagogical University, Shaki, Azerbaijan,
natiksalamov@mail.ru

Introduction. The author's intention is to study the genesis and evolution of the objectives and principles of criminal law in Azerbaijan. A historical and legal digression is given and official documents regulating the issues of objectives and principles of criminal law, as well as relevant narrative materials are explicated. Particular attention is paid to the phenomenological analysis of the content of the texts of legal acts and collections of sacred

texts related to the issue under study, the opinions of officials revealing the ideological foundations of sentencing.

Materials and Methods. The normative base of the study was made up of normative legal acts of the Russian Empire, the ADR, and the Republic of Azerbaijan. The documentary base of the study was expanded by sacred scriptures and official acts of imperial officials. The theoretical basis was the works of legal scholars. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, methods of empirical and theoretical nature (description, formalization, comparison, analysis, generalization, deduction and induction, hypothesis), as well as special legal methods (formal-legal, comparative-legal).

The Results of the Study allowed us to propose the author's position that criminal-legal relations in Azerbaijan in certain periods of history were regulated by the norms of customary, religious and written law. After joining the Russian Empire, for the first time at the normative level in criminal law, its essential tasks were formalized, such as crime prevention, protection of man and public safety from criminal encroachments, and fundamental principles that differed from the previously prevailing ones - the principle of humanism and the principle of justice - were established. The degree of influence of the presence or absence of sovereignty, the dominant religion, political ideology, form of government, the dominant religion, the set of means and methods by which political power is exercised in the state on the priorities in the tasks and principles of criminal law was determined. The doctrine of tasks was determined by the priority of state interests.

Findings and Conclusions. Based on the analysis of the content of historical and current legal acts, it can be concluded that the tasks and principles of the criminal law were characterized by discreteness and were relevant to their time. Throughout history, state-political, territorial, religious and ideological changes, as well as the form of government, political regime and security issues have made changes to the tasks and principles of criminal legislation. Another determining factor was the level of understanding of the axiology of such categories as life, death, freedom, justice, humanism, as well as the legal consciousness of society, its attitude to law and legal phenomena.

Keywords: Azerbaijan, criminal law, objectives, principles, punishment, humanity, justice.

For citation: Salamov, N. M. Zadachi i principy ugovnogo zakonodatel'stva Azerbajdzhanskoj Respubliki: genezis i evolyuciya [Objectives and principles of the criminal legislation of the Republic of Azerbaijan: genesis and evolution]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no.2 (113), pp. 232–247.

22 февраля 2022 г. в Москве была подписана «Декларация о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой»¹ и около двухсот документов различного назначения. Указывая на стратегический характер этого документа, главы государств отметили, что он открывает основу для

¹ Декларация о союзническом взаимодействии между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией от 22 февраля 2022 г. : Президент Азербайджанской Республики : официальный сайт. // URL: <https://president.az/ru/articles/view/55498> (дата обращения: 24.11.2024).

всемерного развития тесного союзнического взаимодействия с опорой на прочные традиции дружбы, добрососедства и взаимного уважения.

Одним из факторов, способствующих взаимодействию и налаживанию прочных связей, является изучение истории государства и права, что является важным инструментом оценки современных процессов. «Право сегодняшнее рождается из права вчерашнего и порождает завтрашнее» – отмечает К.Е. Сигалов [1, с. 59].

Высшая цель человечества – это обеспечение прав и свобод человека и гражданина, создание условий, обеспечивающих достойный уровень жизни. Этот постулат содержится и в Конституции Азербайджанской Республики.

Осуществление этих высших целей во многом зависит от того, закреплены ли законодательно юридические инструменты, обеспечивающие реализацию этих целей. Одним из главных гарантов прав и свобод человека является уголовный закон Азербайджанской Республики.

Согласно статье 2 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики (далее – Кодекс) задачами кодекса являются: обеспечение мира и безопасности человечества, охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, экономической деятельности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Азербайджанской Республики от преступных посягательств, а также предупреждение преступлений². Данная норма аналогична соответствующей норме Уголовного кодекса Российской Федерации³.

Для осуществления этих задач Кодекс устанавливает принципы уголовной ответственности. Согласно статье 4 Кодекса уголовный закон основывается на принципах законности, равенства перед законом, ответственности за вину, справедливости и гуманизма⁴.

Для переосмысления генезиса и эволюции задач и принципов уголовного закона Азербайджана необходимо обратить историко-правовой взор в государственно-правовое прошлое. «Со сравнительно-исторической точки зрения достаточно интересно исследовать зарождение того или иного принципа, его рецепцию другими уголовно-правовыми системами, а также наполнение одного и того же принципа различными правовым содержанием» – считает А. А. Малиновский [2, с. 27].

Как правило история уголовного права изучается в соответствии с общепринятой периодизацией государства и права. М. А. Дамирли указывает, что слабая изученность проблемы периодизация истории Азербайджана, слабая научная обоснованность деления этого или иного периода, усложняют решение проблемы периодизации исторического развития права Азербайджана, в том числе, как ее

² Уголовный кодекс Азербайджанской Республики : (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. послед. ред. // Информационная система Континент : сайт. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 21.01.2025).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 21.01.2025).

⁴ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики : (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. : послед. ред. // Информационная система Континент: сайт. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 21.01.2025).

составную часть, историю уголовного права [3, с. 15]. Учитывая это, построим исследование в порядке изменений основ государства.

Догосударственный период истории уголовного права Азербайджана. Становление Азербайджанского уголовного права было длительным процессом. На начальном этапе развития всем мировым системам права были присущи одни и те же особенности. Догосударственное азербайджанское общество не имело каких-либо отличительных особенностей, и для нее были характерны общеизвестные черты человеческих обществ. Поэтому научные положения, связанные с историей уголовного права древнейших времен, можно отнести к истории уголовного права Азербайджана [3, с. 25].

Отношения, связанные с совершением преступлений и назначением наказания, регулировались устоявшимися, воспроизводимыми в обществе стереотипными моделями поведения. Направленные на устрашение наказания в основном телесными, провинившиеся могли быть подвергнуты жесткому, унижающему человеческое достоинство наказанию.

Уголовное право Азербайджана после установления государственности. Традиции государственности на исторических азербайджанских землях имеют почти 5-тысячелетнюю историю. В результате военных покорений или присоединений на территории Азербайджана, как и в Европе, эпизодически возникали военно-феодальные государства.

В начале I тысячелетия до нашей эры и I тысячелетия нашей эры на азербайджанских землях существовали такие могущественные государства, как Манна, Мидия, Атропатена и Албания.

Письменные памятники права Манна или сведения о них не сохранились.

В Мидийской империи и в Атропатене действовала «Авеста» – собрание священных книг зороастризма, считавшаяся в первой еще и основным источником права. Наряду с ним источниками уголовного права были обычаи и царские законы. Переводившая Авесту и исследовавшая ее язык В. С. Соколова пишет, что «несмотря на длительное изучение, до сих пор почти по каждому из затрагиваемых в связи с Авестой вопросов ведутся споры и дебаты, и единого их разрешения по большей части нет... ясного понимания и самого текста Авесты тоже далеко еще не достигнуто» [4, с. 8].

Авеста не дает правоведу полную и однозначную информацию о правовых отношениях своего времени, о них можно судить только по ее немногочисленным положениям, посвященным мифологии, религии, социальной структуре и т. п.

«По телу разбойника, взявшего силу (возросшего), кровожадного, разъяренного, – ради погибающего праведника, – о Хом золотой, оружием ударь» – гласит Авеста [4, с. 36]. «По телу того, дух которого стремится к непотребной чародействующей женщине, доставляющей наслаждения как облако, гонимое ветром, – ради погибающего праведника, – о Хом золотой, оружием ударь [4, с. 37].

«По телу человека – лживого праведника, голову задирающего, ради погибающего праведника, о – Хом золотой, оружием ударь. По телу лжеучителя, разрушителя жизни, этой веры слова помнящего, но в действие не приводящего, – о Хом золотой, оружием ударь [4, с. 37].

Немногочисленные тексты Авесты, повествующие о деянии и наказании, дают право предположить, что ее задачей являлась предупреждение правонарушений, предусматривала жестокие наказания, основными объектами охраны были личность и религиозная жизнь общества.

Кавказская Албания историческое государство, существовавшее с IV–III веков до нашей эры по VIII век нашей эры на территории современных Азербайджана, Армении и Грузии, а также Южного Дагестана.

Апостольская, автокефальная Албанская церковь – истоки ее связаны были непосредственно с иерусалимской церковью, иерусалимским патриархатом [5, с. 243]. Поэтому, источниками права, применявшимися во время существования Албанского государства, были как каноны, так и светские законы.

Албанское самосознание усматривается в попытке возрождения в IX–XIII вв. Албанского царства в эпиграфике Гандзасарского собора XIII века, в которой зафиксировано, что собор построен албанским царем Гасан-Джалалом по настоянию албанского патриарха для албан, а также в появлении в XII–XIII вв. «Албанской хроники» и «Судебника» Мхитара Гоша.

В XIII веке назрела необходимость создания для албан-христиан своего юридического документа. Уроженцем города *Гянджа* (*С. Н. – город современного Азербайджана*) была подготовлена книга судебных правил, впоследствии названная «Судебником Мхитара Гоша». Судебник Мхитара Гоша состоял из двух частей. Первая часть была церковной, вторая часть состояла из светских законов, состоящих из 124 статей. Уголовная ответственность наступала с 12 лет. Система наказаний включала смертную казнь, телесные наказания (такие как ампутация рук, выкалывание глаз, цена крови и штрафы).

Уголовное право Азербайджана после принятия ислама. В середине VII века население Азербайджана приняло ислам. С принятием ислама в системе социального регулирования обычное право начинает постепенно утрачивать свой первоначальный характер. Полномочия глав государств издавать законы были ограничены исламским правом [3, с. 121].

В. Г. Графский указывает, «что карательное (наказательное) право в Коране представлено только незначительным числом указаний и требований (всего около 80) ...» [6, с. 254].

Задачами уголовно-правовых положений мусульманского права были охрана жизни и здоровья, собственности, общественного порядка, существующих государственно-правовых порядков, предупреждений преступлений.

Однако, главной задачей все-таки было очищение общества от элементов, противоречащих правилам исламской религии и сосуществования. Отступление от ислама, восстание и сопротивление властям наказывалось смертной казнью с конфискацией имущества [6, с. 260]. В аяте 33 суры аль-Маида Корана, говорится, что «те, которые сражаются против Аллаха и Его Посланника и стремятся сотворить на земле нечестие, в воздаяние должны быть убиты или распяты, или у них должны быть

отсечены накрест руки и ноги, или они должны быть изгнаны из страны. Это будет для них позором в этом мире, а в Последней жизни для них уготованы великие мучения»⁵.

В основном источнике исламского права – Коране – есть неоднократные упоминания о наказании. В Коране указывается, что наказание есть мера божественного принуждения. Однако, однозначных ответов на такие вопросы, в чем заключается наказание, в каких целях оно применяется и какие ее виды имеются, в Коране нет. Нет и прямого упоминания о таком виде наказания, как смертная казнь.

Цели наказания в исламе были аналогичны целям наказания современных уголовных законов: восстановление справедливости, исправление осужденного, предупреждение преступлений. Например, согласно Корану основная функция мести заключается в удержании членов общества от преступных действий [7, с. 18].

Исламскому праву был присущ принцип справедливости. В аяте 25 суры аль-Хадид Корана говорится, что «мы уже отправили наших посланников с ясными знамениями и ниспослали с ними Писание и Весы, чтобы люди придерживались справедливости»⁶. Согласно аяте 90 суры ан-Нахль Корана, Аллах повелевает блюсти справедливость, делать добро и одаривать родственников. Он запрещает мерзости, предосудительные деяния и бесчинства⁷.

Лица, не осознающие характер и опасность своих действий либо руководить ими, несовершеннолетние, а также принужденные, если вследствие такого принуждения они не могли руководить своими действиями, освобождались от наказания.

Наказания, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать личности виновного, обстоятельствам совершения.

М. А. Дамирли и А. Р. Алесгерли рассуждая о том, что присуще ли было исламскому праву принцип гуманизма, приходят к противоречивым выводам: «по тем или иным особенностям исламское уголовное право значительно опережало не только развитый феодализм (XI-XV вв.), но и уголовное законодательство абсолютистского периода (XVI-XVIII вв.) Европы. Исламское право не допускает пытки, самосуд, длительное тюремное заключение, если не принимать во внимание определенные исключения» [3, с. 79]; в разное время были казнены ведущие философы и мыслители Азербайджана Фазиулла Наими, Имамеддин Насими, Шихабaddin Сухраварди. Смертный приговор Насими был приведен в исполнение ужасным способом, например, сдиранием кожи. Применение наказания таким способом направлено было, прежде всего, на причинение человеку страдания и пыток» [3, с. 99]. Некоторые наказания носили особо жестокий и устрашающий характер. Применялось также утопление и закапывание заживо на землю [6, с. 261].

Тем не менее исламскому праву было присущ принцип гуманизма. В аяте 40 суры аш-Шура (Совет) Корана говорится, что «воздаяние за зло является равноценное зло. Но если кто простит и установит мир, то его награда будет за Аллахом»⁸. Наказания, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могли иметь своей целью

⁵ Коран // Независимый глобальный ислам : сайт. URL: <https://islam.global/verouchenie/koran/> (дата обращения: 19.11.2024).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. Исполнение наказания на глазах у публики было направлено на недопущение унижения личности преступника и причинения чрезмерного физического страдания [3, с. 78].

Следует отметить, что исламское право, в том числе его уголовно-правовая составляющая, не характеризовалось стабильностью, подвергалась определенным изменениям на разных этапах исторического развития.

Таким образом, отличительной особенностью исламского права являлся приоритет охраны исламских установлений. При этом, ислам опирался на принципы равенства перед законом, справедливости и гуманизма. Однако тот или иной принцип действовал в зависимости от общественных институтов, которым причинялся ущерб вследствие совершения преступления. Независимо от характера и степени общественной опасности деяния при назначении наказания за преступные действия против носителей политической власти и религии о приверженности к принципам справедливости и гуманизма не могло идти и речи.

Стоит дополнить, что в период действия исламского права на территории Азербайджана действовали и другие источники права.

В XIII веке территория современного Азербайджана находилась в составе Монгольского Ирана Хулагуидов. По этой причине на ее территорию распространялись нормы уложения Чингисхана. Цель уголовных норм Великой Ясы Чингисхана, поддержание мира и порядка в обществе. Достигалось это главным образом путем применения к виновному крайне жестких, даже по тем временам, мер воздействия. Уголовно наказуемыми считались преступления против религии; морали и сложившихся обычаев; хана и государства; жизни и интересов отдельной личности. Основная цель наказания – уничтожить преступника. Лишь в исключительных случаях допускалась изоляция преступника, его депортация, смещение с должности, запугивание через причинение боли и имущественное разорение. Широко применялся и институт коллективной ответственности в отношении предателей и гостеубийц, которых казнили вместе с родственниками. Считалось, что такие люди не должны жить и производить потомство [8, с. 64].

Ханский период истории уголовного права Азербайджана. После смерти Надир шаха в XVIII веке управляемая им империя пала, Азербайджан распался на мелкие государства – ханства Северного Азербайджана. В период политической раздробленности изменений в уголовном праве не произошло. Ислам сохранил свое господствующую позицию в регулировании общественных отношений. Единственным правовым актом, принятым в это период, являлся действовавший в Шекинском ханстве «Дустур-эль-амаль». Однако этот акт не содержал нормы уголовно-правового характера.

Уголовное право Азербайджана после присоединения к Российской империи. В начале XIX века ханства северного Азербайджана были присоединены к Российской империи и находились в ее составе вплоть до ее распада. После присоединения ханств северного Азербайджана значимые сферы социальных отношений подпали под воздействие Российского имперского законодательства. Уголовное законодательство Российской империи стал распространяться на Азербайджан. В 1805 г. уголовные законы были переведены и вкуче с сопроводительным письмом Министерства Внутренних дел разосланы местным ханам [9, с. 8.]. Уголовный кодекс связан поэтому

главным образом со своей эпохой и с состоянием гражданского общества в эту эпоху [10, с. 239].

Задачи уголовного законодательства интересами империи в регионе. «В первую очередь, уголовно-правовые нормы были призваны содействовать укреплению позиции Российского государства в регионе и борьбе со всякого рода посягательствами на государственную власть, способствовать воспитанию подданных в духе верности императору и только потом – противодействию преступности» [11, с. 769].

Приоритетными задачами уголовного законодательства были защита государственной власти, общественного порядка и общественная безопасности, экономической деятельности, уже потом жизни и здоровья человека, его права и собственность. Об этом свидетельствуют слова Главнокомандующего Грузией А. П. Тормасова: «великий наш Г. И. (Государь Император – Н. С.) быв праведен в наказании за умышленное злодеяние, подвинувшись справедливым гневом к извергам, восставшим против общего покоя и изменяющим своей присяге, высочайше повелеть соизволил, всех нарушителей присяги на верность Е.В.И., особенно поднявших оружие против собратий и войск Е.И.В., отныне предавать смертной казни, не исключая никакого лица и состояния ...» [12, с. 458].

Что касается принципов уголовного права, то политика властей была направлена на запрет причинения физических страданий или унижение человеческого достоинства при уголовно-правовом преследовании.

Указом Александра I от 27 сентября 1801 г. пытки в империи были запрещены [13]. «Долг главнокомандующего (С. Н. – высшего должностного лица в регионе) будет облегчить жребий и самых преступников благостью законов Российских и истребить пытки и смертную казнь» [14], «единое достоинство, единая честь и человечество налагают на нас священный долг, вняв молению страждущих в отвращение их скорбей, учредить в Грузии Правление, которое могло бы утвердить правосудие, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона» [14] – данные послы определяют идеологические основы принципа гуманизма и справедливости, и свидетельствуют об их действии в Закавказье.

Отмечая особенности этого периода можем постулировать, что: во-первых, впервые в истории республики задачи и принципы уголовного закона были закреплены на нормативном уровне, во-вторых, оформились его онтологические задачи, такие, как защита личности, государственного строя и безопасности государства от преступных посягательств, а также предупреждение преступлений, в-третьих, официально были провозглашены принципы гуманизма и принцип справедливости.

Уголовное право в период существования Азербайджанской Демократической Республики. В результате распада Российской империи 28 мая 1918 года была провозглашена первая демократическая парламентская республика на мусульманском Востоке – Азербайджанская Демократическая Республика (далее – АДР).

В «Декларации Независимости» говорилось, что АДР гарантирует, в своих пределах, гражданские и политические права всем гражданам без различия национальности, вероисповеданий, социального положения и пола. Всем народностям, населяющим ее территорию, предоставит широкий простор для свободного развития. Такие правовые категории как «справедливость», «гуманизм» являлись имплицитными свойствами демократического порядка.

«Свобода торжествует, когда уголовные законы налагают кары в соответствии со специфической природой преступлений. Здесь нет места произволу; наказание зависит уже не от каприза законодателя, но от существа дела, и оно перестает быть насилием человека над человеком» – писал Ш. Монтескье [15, с. 318].

Молодое правительство планировало ввести в общественно-правовую жизнь страны рыночные отношения, выборы, неотъемлемые права человека и справедливые начала наказания.

Член парламента АДР Султан Меджид Ганизаде говорил, что «теперь мы должны создавать законы, соответствующие основам независимости, свободы, справедливости и совести, нам не подобает принятие тиранических законов [16, с. 975].

Депутат парламента АДР Ахмед-бек Пепинов, рассуждая о политических событиях, происходящих в Азербайджане говорил, что мы на основе справедливости и равенства создали новое правительство, ждем от других и Европы справедливость. Если мы их сейчас не будем использовать, то не имеем права ждать это от других [16, с. 975].

Государственный деятель АДР, выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского Императорского Университета Аслан-бек Сафикюрдский, выступая в заседании парламента, проведенном 10 декабря 1918 г. сказал: «Я не думаю, что людей можно исправить через повешение. Это можно исправить школьным обучением и образованием. Никто не имеет право отнимать жизнь, данную богом. Смертную казнь и телесные наказания следует отменить [16, с. 975].

После объявления независимости правительство молодой республики отменило смертную казнь. Однако спустя несколько месяцев правительство, в связи с сложившейся социально-политической ситуацией, с целью предотвращения преступлений против государственной власти, мира и безопасности, приняло постановление о временном восстановлении смертной казни⁹.

В течении своего существования несколько раз в республике были применены амнистии, которые были распространены и на иностранцев.

По решению Комитета Государственной Обороны от 15 июля 1919 г. мера пресечения арестованных членов банд, имеющих намерение вернуться к мирной жизни, была изменена на залог¹⁰.

В январе 1920 года АДР де-факто была признана международным сообществом. В ознаменовании этого события 9 февраля 1920 г. был принят Закон «Преимущества данные населению, в ознаменовании международного признания независимости Азербайджана». Статья 2 Закона определяла замену смертной казни, установленной статьей 279 Военного устава, менее суровым наказанием, предусмотренным общим уголовным законом за соответствующие аналогичные деяния. Правительство АДР надеялось, что этот закон повлияет на утверждение за республикой имиджа демократического государства¹¹.

⁹ “Ölüm cəzasının müvəqqəti bərpası haqqında” 12 avqust 1918-ci il tarixli hökumət Qərarı / Azərbaycan Respublikasının Dövlət Arxivi. F.100, Siy. 4, iş 1, v. 4.

¹⁰ ARDA. F. 100, siy. 3, iş 7. v. 185.

¹¹ “Ölüm cəzasının müvəqqəti bərpası haqqında” 12 avqust 1918-ci il tarixli hökumət Qərarı / Azərbaycan Respublikasının Dövlət Arxivi. F.100, Siy. 4, iş 1, v. 4.

Карательная функция была в основном направлена на вызовы своего времени: борьбу с проявлениями анархии, национального неповиновения, злоупотреблениями должностными полномочиями, обеспечение политических, экономических и других прав граждан.

Вышеуказанное говорит о том, что в этот исторический период начался путь развития уголовного права в сторону человеколюбия, справедливости, уважения общечеловеческих ценностей. Однако короткий срок существования АДР не позволило политическому руководству республики продолжить принятие новых законодательных актов, в котором отразились все передовые демократические идеи своего времени, в том числе в сфере уголовно-правовых отношений.

Уголовное право Азербайджана после установления советской власти. Развитие уголовного законодательства в советский период истории была predetermined поддерживаемой страной советов марксистско-ленинской идеологией. Не должно быть сомнений в том, что советское правительство, как носитель идеи социального равенства, не осознавало аксиологическую значимость построения карательной деятельности государства на основе законности, справедливости, гуманизма. Но на уголовно-правовую политику советского государства внесли свои коррективы первая мировая война, гражданская война, политика вытеснения капиталистических элементов в хозяйстве, репрессия, вторая мировая война, перемены в политической и экономической (перестройка) и т. д.

В итоге правовому регулированию уголовно-правовых отношений было крайне присуще *discretus* – задачи и принципы уголовного законодательства неоднократно менялись. Определение деяния как преступное, а также его наказуемости вне права – принцип законности, избирательный подход к нарушителям уголовных норм – равенство граждан перед законом, объективное вменение (ответственность за невиновный вред) – ответственность при установлении вины, наказание несоответствующее степени опасности преступления – принцип справедливости, применение наказаний причиняющих физические страдания и унижающих человеческое достоинство – эти проявления были следствием политических событий, происшедших за весь период правления советов.

В итоге советское уголовное законодательство отметилось своей дискретностью, в части задач и принципов. Неизменным оставалась только идеологическая основа подхода к регулированию уголовно-правовых отношений.

Современный период истории уголовного права Азербайджана. Обретя 18 октября 1991 г. государственную независимость, Азербайджан объявил себя правопреемником Демократической Республики, продемонстрировав приверженность древним традициям государственности. Уголовный кодекс 1978 года оставили в силе.

Вопросы о праве и социальной справедливости являлись главными принципами правовой трансформации Азербайджанского общества. Справедливость – пишет Г. Гегель – представляет собою нечто великое в гражданском обществе: законы ведут к процветанию государства, и свободная собственность есть основное условие его блеска [10, с. 247].

В первые месяцы были сделаны определенные шаги в сторону справедливости и защиты собственности. В ноябре 1991 года в один и тот же день были приняты два закона: один из них касался возвращения в порядке амнистии конфискованных судами

жилых домов¹²; другой – об амнистии осужденных, в связи с провозглашением государственной независимости Азербайджанской Республики¹³.

Кроме этого, в июле 1992 года АР присоединилась к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 года и Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах 1966 года. Такие виды наказания, как ссылка и переселение были исключены из уголовного кодекса, осужденные к ссылке или переселению были освобождены от отбывания наказания, а также сняты судимости с осужденных к этим видам наказания¹⁴.

Однако социально-политическая обстановка не позволяла приступить к основательной либерализации и гуманизации уголовного закона. В своем выступлении в заседании парламента 15 июня 1993 г. Г. Алиев говорил: «я с полной ответственностью осознаю сегодняшнее тяжелое, сложное и напряженное положение Азербайджанской Республики» [17, с. 9].

Летом 1994 года парламент республики принял Постановление «О состоянии борьбы с преступностью в республике и мерах по усилению борьбы с преступностью»¹⁵, а глава государства подписал Указ «О мерах по усилению борьбы с преступностью, укреплению законности и правопорядка»¹⁶.

В Уголовный кодекс республики были внесены многочисленные изменения и санкции за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, основ конституционного строя и безопасности государства, государственной власти, интересов государственной службы, порядка управления, военной службы, мира и безопасности человечества.

Это привело к превалированию задачи защиты общественного порядка, общественной безопасности и конституционного строя страны от преступных

¹² О возвращении в порядке амнистии, конфискованных и изъятых судами Азербайджанской Республики жилых домов : закон Азербайджанской Республики от 6 ноября 1991 г. № 248-XII // Законодательство стран СНГ – Азербайджан : сайт. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2895 (дата обращения: 24.11.2024).

¹³ Об амнистии в связи с провозглашением государственной независимости Азербайджанской Республики лиц, осужденных судами Азербайджанской Республики : закон Азербайджанской Республики от 6 ноября 1991 г. № 250-XII // Законодательство стран СНГ – Азербайджан : сайт. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2897 (дата обращения: 24.11.2024).

¹⁴ О вопросах исключения депортации и перевода из системы наказания Уголовного Кодекса Азербайджанской Республики : постановление Милли Меджлиса АР от 27 октября 1992 г. № 351 // Известия Верховного Совета Азербайджанской Республики. 1992. № 20. Ст. 882.

¹⁵ О состоянии борьбы с преступностью в республике и мерах по усилению борьбы с преступностью : постановление Милли Меджлиса АР от 29 июля 1994 г. № 877 // Известия Верховного Совета Азербайджанской Республики. 1994. № 15. Ст. 192.

¹⁶ О мерах по усилению борьбы с преступностью, укреплению законности и правопорядка : указ Президента Азербайджанской Республики от 9 августа 1994 г. № 181 // Известия Верховного Совета Азербайджанской Республики. 1994. № 15. Ст. 202.

посягательств над другими, законодательной криминализации определенных поступков и замене санкций на более суровые.

Суровые наказания, следовательно, не суть сами по себе нечто несправедливое, а находятся в определенном соотношении с состоянием общества в данную эпоху; один и тот же уголовный кодекс не может годиться для всех времен, и преступления суть мнимые существования, которые могут влечь за собою большие или меньшие наказания [10, с. 240].

К середине 90-х годов социально-политическая ситуация в стране стала стабилизироваться, что позволило государству обратить внимание на свои внешнеполитические функции. В мае 1996 года Азербайджанская Республика присоединилась к международным конвенциям «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» 1948 года, «О неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества» 1968 года и «О пресечении преступления апартеида и наказании за него» 1973 года.

В связи с этим, в апреле 1998 году были приняты два Закона, предусматривающие внесение многочисленных системных изменений в Уголовный кодекс 1978 года. В этом же году АР присоединилась ко Второму Факультативному протоколу Международного пакта о гражданских и политических правах от 15 декабря 1989 года, направленный на отмену смертной казни¹⁷. В связи с этим из Уголовного кодекса были исключены положения о смертной казни¹⁸.

В дальнейшем политика государства в сторону смягчения санкций, следовательно, гуманизация уголовного кодекса продолжилась.

Решением Конституционного суда Республики статья, предусматривающая конфискацию имущества, в части изъятия всего имущества, являющегося личной собственностью осужденного, была признана утратившей свою силу.

Указом Президента Азербайджанской Республики рабочей группе по реформе судебно-правовой системы было поручено в соответствии общепринятыми стандартами и нормами ускорить подготовку проекта Уголовного кодекса¹⁹. Кроме

¹⁷ О присоединении ко Второму Факультативному Протоколу к Международного пакта о гражданских и политических правах, направленных на отмену смертного приговора : закон Азербайджанской Республики от 11 декабря 1998 года № 582-IQ : послед. ред. // Информационная система Континент : сайт. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30617004 (дата обращения: 21.01.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹⁸ О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Исправительно-Трудовой кодексы Азербайджанской Республики в связи с отменой смертной казни в Азербайджанской Республике : закон АР от 10 февраля 1998 года № 431-IQD // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 1998. № 2. Ст. 85.

¹⁹ О мерах по углублению сотрудничества между Азербайджанской Республикой и Советом Европы и защите интересов Азербайджанской Республики в Европе : указ Президента АР от 14 мая 1999 года № 158 // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 1999. № 5. Ст. 319.

этого, поручено было обеспечить реализацию проектов Совета Европы в Азербайджане по правовым реформам²⁰.

В итоге в 1999 году был принят новый Уголовный кодекс, в котором задачи и принципы стали соответствовать общемировым базовым ценностям регулирования уголовно-правовых отношений.

В целом процессе развития задач и принципов уголовного права Азербайджана были присущи те же закономерности, которые проявлялись в истории уголовного права других народов. Задачи и принципы уголовного закона были релевантны своему времени. По мере развития политических, экономических, идеологических и социокультурных детерминант социума число задач и принципов увеличивалось. Но предопределяющими фактором был уровень понимания аксиологии таких категорий, как жизнь, смерть, свобода, справедливость, гуманизм, а также правосознания общества, ее отношение к праву и правовым явлениям.

В тоже время задачи уголовного права Азербайджана характеризовались дискретностью, обусловленной как объективными, так и субъективными причинами, которые предопределяли принципы уголовной ответственности. В разные периоды истории дискретность задач и принципов уголовного права обуславливалась приобретением или потерей суверенитета, мировосприятием, обусловленной верой в существование сверхъестественного мира, уровнем угрозы против государственной власти и общественной безопасности, средств и методов, с помощью которых осуществлялась власть в государстве, изменениями в правовой идеологии и системе ценностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сигалов, К.Е. Пространственно-временной континуум права // Право и образование. 2007. № 6. С. 59–70.
2. Малиновский, А. А. Принципы уголовного права (сравнительно-правовой анализ) // Международное уголовное право и международная юстиция. Сравнительное правоведение. 2008. № 4. С. 27–30.
3. Dəmirli, M. Ə., Ələsgərli Ə.R. Azərbaycan hüquq tarixi: cinayət hüququ (qədim zamanlardan 1920-ci ilədək). Bakı : Azərnəşr, 1999. 204 s.
4. Соколова, В. С. Опыт морфологической транскрипции и перевод / И. А. Смирнова. Подготовка материалов к изданию и редактирование. СПб.: Наука, 2005. 544 с.
5. Мамедова, Ф. Д. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н.э. – VIII в. н. э.). Баку: Элм, 1986. 284 с.
6. Графский, В. Г. Всеобщая история права и государства: Учебник для вузов 2-е изд. Переаб и доп. М.: Норма, 2007. 752.
7. Musayev Ə. Qurani kərim. Bakı: Din, 2015. 467 s.
8. Дашков, Г. В. Великая Яса Чингисхана в борьбе с преступностью в России // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики : материалы международной научно-практической конференции к юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Юрия Ильича

²⁰ Там же.

Скуратова / Улан-Удэ, 14 июня 2017 г. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет, 2018. С. 63–66.

9. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией : в 12 т. Т. 3 / под ред. А. П. Берже. Тифлис : Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1869. 767 с.

10. Гегель, Г. Философия религии : в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. 532 с.

11. Минникес, И. В. Развитие норм и институтов уголовного права в Закавказье в начале XIX века / И. В. Минникес, Н. М. Саламов // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 6. С. 766–774.

12. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией : в 12 т. Т. 4 / под ред. А. П. Берже. Тифлис : Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1870–1019 с.

13. Об уничтожении пытки. Именной указ от 27 сентября 1801 г., данный Сенату // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., тип. 2-го отделения СЕИВК, 1830. Т. XXVI. № 20022.

14. О учреждении внутреннего в Грузии управления. С приложением манифеста к грузинскому народу, постановления внутреннего управления Грузии и штата. Именной указ от 12 сентября 1801 г., данный Сенату // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., тип. 2-го отделения СЕИВК, 1830. Т. XXVI. № 20007.

15. Монтескье, Ш. Л. Избранные произведения / общ. ред. и вступ. ст. М. П. Баскина. М.: Издательство политической литературы, 1955. 800 с.

16. Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti (1918-1920). Parlament (Stenoqrafik hesabatlar). I cild. Bakı: Azərbaycan nəşriyyatı, 1998. 975 s.

17. Əliyev Heydər. Müstəqilliyimiz əbədir. B.: Azər nəşr, 2006. 528 s.

REFERENCES

1. Sigalov, K. E. Prostranstvenno-vremennoj kontinuum prava [The space-time continuum of law]. Pravo i obrazovanie – Law and education. 2007, no. 6, pp. 59 – 70.

2. Malinovskij, A. A. Principy ugovnogo prava: sravnitelno pravovoj analiz [Principles of criminal law: comparative legal analysis]. Sravnitelnoe pravovedenie – Comparative Jurisprudence. 2008, no 4, pp. 27–30.

3. Dəmirli, M. Ə., Ələsgərli, Ə. R. Azərbaycan hüquq tarixi: cinayət hüququ (qədim zamanlardan 1920-ci ilədək). Bakı: Azər nəşr, 1999, 204 p.

4. Sokolova, V. S. Opyt morfologicheskoy transkripcii i perevod [The experience of morphological transcription and translation]. St. Petersburg. 2005, 544 p.

5. Mamedova, F. D. Politicheskaya istoriya i istoricheskaya geografiya Kavkazskoj Albanii (III v. do n.e. – VIII v. n. e.) [Political history and historical geography of Caucasian Albania (III century BC – VIII century AD)]. Baku, 1986, 284 p.

6. Grafskij, V. G. Vseobshaya istoriya prava i gosudarstva: Uchebnik dlya vuzov [The Universal History of Law and the State: Textbook for universities]. Moscow, 2007, 752 p.

7. Musayev, Ə. Qurani kərim. Bakı: Din, 2015, 467 p.

8. Dashkov, G. V. [The Great Yasa of Genghis Khan in the fight against crime in Russia] Aktualnye problemy sovremennoj yuridicheskoy nauki i praktiki: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: k yubileyu doktora yuridicheskikh nauk, professora, zaslužennogo yurista RF Yuriya Iliche Skuratova [Actual problems of modern legal science and practice: proceedings of the International Scientific and Practical Conference: on the anniversary of Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation Yuri Ilyich Skuratov]. Ulan-Ude, 2018, pp. 63–66.

9. Berge, A. P. Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej: V 12 t. T. 3 [Acts collected by the Caucasian Archaeological Commission: In 12 volumes, vol. 3] 1869, 767 p.
10. Gegel, G. Filosofiya religii [Philosophy of religion]. Moscow, 1975, 532 p.
11. Minnikes, I. V., Salamov, N. M. Razvitie norm i institutov ugovnogo prava v Zakavkaze v nachale XIX veka [The development of norms and institutions of criminal law in Transcaucasia in the early 19th century]. Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal – All-Russian Journal of Criminology. 2021, no. 6, pp. 766–774.
12. Berzhe, A. P. Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej [Acts collected by the Caucasian Archaeological Commission]. 1870, 1019 p.
13. Imennoj, dannyj Senatu «Ob unichtozhenii pytki» // PSZRI. Sobr. 1. SPb., tip. 2-go otdeleniya SEIVK [The nominal one given to the Senate "On the abolition of torture" // PSRI. Sobr. 1. SPb., type. of the 2nd department of SEIVK], 1830. No 20022.
14. Imennoj ukaz, dannyj Senatu, «O uchrezhdenii vnutrennego v Gruzii upravleniya». S prilozheniem manifesta k gruzinskemu narodu, postanovleniya vnutrennego upravleniya Gruzii i shtata. 12 sentyabrya 1801 g. PSZRI. Sobr. 1. SPb., tip. 2-go otdeleniya SEIVK [The nominal decree given to the Senate "On the establishment of internal Administration in Georgia". With the attachment of the manifesto to the Georgian people, the resolutions of the Internal Administration of Georgia and the state. September 12, 1801 // PSZRI. Sobr. 1. SPb., type. of the 2nd department of SEIVK], 1830. No 20007.
15. Monteske, Sh. Izbrannye soobsheniya [Selected messages]. 1955, 800 p.
16. Azərbaycan, Xalq Cümhuriyyəti (1918-1920). Parlament (Stenoqrafik hesabatlar). I cild. Bakı: Azərbaycan nəşriyyatı, 1998, 975 p.
17. Əliyev, Heydər. Müstəqilliyimiz əbədir. B.: Azər nəşr, 2006, 528 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Саламов Натиг Мухтар оглы, кандидат юридических наук, юрист Государственной службы по вопросам имущества при Министерстве экономики Азербайджанской Республики (AZ5500, Республика Азербайджан, г. Шеки, проспект Гейдара Алиева 9А); преподаватель Азербайджанского государственного педагогического университета (AZ5500, Республика Азербайджан, г. Шеки, улица М. Расулзаде, 305), ORCID 0000-0001-7284-5019, Researcher ID: N-1331-2018, РИНЦ AuthorID: 1153811.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Salamov Natig Mukhtar oglu, Candidate of Legal Sciences, lawyer of the State Service for Property Issues under the Ministry of Economy of the Republic of Azerbaijan (AZ5500, Republic of Azerbaijan, Sheki City, Heydar Aliyev Avenue 9A); lecturer of the Humanities Department of the Azerbaijan State Pedagogical University (AZ5500, Republic of Azerbaijan, Sheki city, M. Rasulzadeh str., 305), ORCID 0000-0001-7284-5019, Researcher ID: N-1331-2018, РИНЦ AuthorID: 1153811. e-mail: natiksalamov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 31.01.2025; одобрена после рецензирования 21.02.2025; принята к публикации 17.04.2025.

The article was submitted 31.01.2025; approved after reviewing 21.02.2025; accepted for publication 17.04.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 2 (113). С. 248–258.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
Vol. no. 2 (113). Pp. 248–258.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.985

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Серета Ольга Викторовна

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск,
Российская Федерация, o.v.sereda@mail.ru

Введение. Статья посвящена исследованию вопроса выявления и расследования коррупционных преступлений в сфере лесопромышленного комплекса, уделено отдельное внимание их латентности и недостаточному вниманию со стороны правоохранительных органов.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили решения суда и материалы уголовных дел о незаконной рубке лесных насаждений – ст. 260 УК РФ. В ходе исследования применены такие методы как: диалектический метод познания; анализ данных; анкетирования и интервьюирования респондентов, метод экспертных оценок и другие.

Результаты исследования позволили определить существующие проблемы в расследовании коррупционных преступлений именно в данной сфере, показали неэффективность некоторых оперативно-тактических мероприятий по выявлению преступлений в сфере лесопромышленного комплекса, поставили вопрос о необходимости разработки эффективных методов расследования.

Выводы и заключения. Проведенный автором анализ позволил предложить необходимость разработки специальной методики расследования коррупционных преступлений в упомянутой сфере. Разработан ряд рекомендаций по эффективному расследованию, основанный на ситуационном подходе, наступательности расследования, учете типичных защитных версий обвиняемых и использовании средств криминалистического обеспечения компромиссов по уголовному делу.

Ключевые слова: коррупционное преступление, лесопромышленный комплекс, криминальная коррупция, незаконная рубка лесных насаждений, следственная ситуация, особенности расследования преступлений, эффективное расследование преступлений, принцип наступательности расследования

Для цитирования. Серeda, О.В. Некоторые особенности расследования коррупционных преступлений в сфере лесопромышленного комплекса // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 248–258.

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

SOME FEATURES OF THE INVESTIGATION OF CORRUPTION CRIMES IN THE TIMBER INDUSTRY

Olga V. Sereda

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russian Federation,
o.v.sereda@mail.ru

Introduction. The article is devoted to the study of the issue of detection and investigation of corruption crimes in the timber industry, special attention is paid to their latency and insufficient attention from law enforcement agencies.

Materials and Methods. The materials of the study were court decisions and materials of criminal cases on illegal logging of forest plantations – Article 260 of the Criminal Code of the Russian Federation. In the course of the research, such methods were used as: dialectical method of cognition; data analysis; questionnaires and interviews of respondents, the method of expert assessments and others.

The Results of the Study made it possible to identify existing problems in the investigation of corruption crimes in this area, showed the ineffectiveness of some operational and tactical measures to identify crimes in the timber industry, raised the question of the need to develop effective investigative methods.

Findings and Conclusions the analysis carried out by the author allowed us to suggest the need to develop a special methodology for investigating corruption crimes in this area. A number of recommendations for effective investigation have been developed, based on a situational approach, the aggressiveness of the investigation, taking into account typical defensive versions of the accused and the use of forensic tools to ensure compromises in a criminal case.

Keywords: corruption crime, timber industry, criminal corruption, illegal logging of forest plantations, investigative situation, features of crime investigation, effective investigation of crimes, the principle of offensive investigation

For citation: Sereda, O. V. Nekotorye osobennosti rassledovaniya korrupcionnyh prestuplenij v sfere lesopromyshlennogo kompleksa [Some features of the investigation of corruption crimes in the timber industry]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no 2 (113), pp. 248–258.

Ежегодные отчеты органов внутренних дел о результатах оперативно-служебной и следственной деятельности в Красноярском крае и других богатых лесом регионах России¹, дают нам информацию о том, что правоохранительные органы уделяют определенное внимание выявлению и расследованию фактов подкупа и иных коррупционных действий в отношении лиц, осуществляющих контроль и надзор в сфере лесопользования. Регулярно раскрываются и расследуются коррупционные хищения и нецелевое использование бюджетных средств, выделяемых на развитие лесной инфраструктуры.² Стоит отметить, что лесопользование является одной из составных частей целой совокупности отношений в сфере лесопромышленного комплекса, куда, помимо самого лесопользования, входит переработка, продажа, экспорт древесины и лесоматериалов, а также связанные с перечисленным отношения предпринимателей и государственных органов [1].

Ранее мы приводили понятие преступлений в сфере лесопромышленного комплекса (далее – ЛПК), под которыми понимаются совокупность запрещенных уголовным законом умышленных корыстных деяний (экологических, коррупционных, должностных, экономических и иных), совершаемых, как правило, с коррупционной составляющей, в сфере лесного хозяйства, лесной, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной промышленности, вспомогательных производств и сервисов, где основным предметом преступных посягательств является лес и лесоматериалы [2]. Исходя из уголовно-правового критерия, нами были выделены «основные», «сопутствующие коррупционные» и «иные сопутствующие» преступления в данной сфере. При этом мы понимаем, что в лесопромышленной сфере «основными» преступлениями являются незаконные рубки лесных насаждений (ст. 260 УК РФ).

Проводя криминалистическое исследование преступлений в сфере ЛПК, была выделена любопытная закономерность, указывающая, что для совершения анализируемых преступлений в сфере ЛПК в крупном и особо крупном размере, и это, в первую очередь касается «незаконной рубки», предварительно или одновременно совершается коррупционное преступление, без которого совершение незаконных рубок в больших масштабах практически невозможно. Коррупционная составляющая зачастую придает внешнюю видимость законности противоправной деятельности

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://мвд.рф> (дата обращения: 05.12.2024).

² Экс-министр лесного хозяйства Красноярского края получил срок за взятки // Lenta.ru – Новости России и мира сегодня : сайт. URL: <https://lenta.ru/news/2024/01/19/eks-ministr-lesnogo-hozyaystva-krasnoyarskogo-kraya-poluchil-srok-za-vzyatki/> (дата обращения: 05.12.2024); Экс-глава лесничеств в Красноярском крае приговорен к 6,5 года колонии // Новости Красноярского края : новостной сайт. URL: <https://gnkk.ru/news/yeks-glava-lesnichestv-v-krasnoyarskom-k/> (дата обращения: 05.12.2024); Экс-главу департамента Минобороны приговорили к 17 годам по делу о лесе // RBK.ru : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/11/2024/67446f029a794717149d37e7> (дата обращения: 05.12.2024); В Бурятии экс-руководителю РАЛХ дали четыре года условно // Новости Улан-Удэ и Бурятии – МК в Бурятии : сайт. URL: <https://ulan.mk.ru/incident/2021/07/07/v-buryatii-eksrukovoditelyu-ralkh-dali-chetyre-goda-uslovno.html> (дата обращения: 05.12.2024).

организованных преступных формирований в сфере лесопромышленного комплекса и дает возможность получать на порядок большую незаконную прибыль от реализации полученного леса или лесоматериалов, нежели если они были бы добыты и произведены законным способом [3].

Коррупционные преступления должностных лиц в сфере ЛПК являются частью преступной деятельности более высокого уровня, чем рубка леса (с точки зрения степени общественной опасности). Именно эти преступления в настоящее время недостаточно выявляются и, соответственно, не всегда эффективно расследуются. В связи с этим, как мы считаем, назрела необходимость выделения коррупционных преступлений в сфере ЛПК в отдельную категорию и создания отдельной самостоятельной методики их расследования.

Забегая вперед, отметим, что недостатком современного состояния расследования преступлений в сфере ЛПК, по мнению респондентов – действующих сотрудников оперативных подразделений, работников прокуратуры, других правоохранительных органов, была и остается высокая латентность коррупционных преступлений в этой сфере, преимущественная борьба с единичными, реже с серийными, незаконными рубками лесных насаждений. При этом наблюдается, по сути, искусственное снижение степени общественной опасности действий лиц, их совершающих, в связи с возмещением ущерба до вынесения итогового решения по делу. Отсюда – назначение уголовных наказаний, не связанных с реальным лишением свободы, и продолжение преступной деятельности в сфере ЛПК, только уже рецидивистами, в более латентной форме.

Стоит отметить, что одним из последствий латентности данного вида преступлений является снижение доверия граждан к правоохранительной системе и ухудшение восприятия эффективности борьбы как с коррупцией, так и с нарушениями в сфере лесопромышленного комплекса. Это, в свою очередь, может создавать дополнительные трудности для выявления преступлений в сфере ЛПК и привлечения виновных лиц к ответственности.

В настоящее время мы видим большой объем и постоянное повышение количества уголовных дел по ст. 260 УК РФ («Незаконная рубка лесных насаждений») в регионах, богатых лесными ресурсами. Однако имеем лишь единичные случаи выявления и расследования коррупционных преступлений в этой сфере. Поэтому, считаем, что имеется необходимость в акцентировании внимания правоприменителей на приоритете борьбы с криминальной коррупцией в сфере лесопромышленного комплекса.

Безусловно, применение уже существующих – более общих методик расследования коррупционных и должностных преступлений [4; 5; 6] возможно и при расследовании преступлений в сфере ЛПК. Однако есть значительные особенности как криминальной, так и криминалистической деятельности в данной сфере, что обеспечивает потребность в разработке специальной частной криминалистической методики.

На наш взгляд, правоохранительные органы, проводя расследование преступлений в сфере ЛПК, должны приоретизировать борьбу с коррупцией, а не с

мелкими преступлениями, квалифицируемыми по ст. 260 УК РФ. Борьба с криминальной коррупцией является более серьезной проблемой, чем точечная борьба с незаконной рубкой лесных насаждений. При этом несомненно, что борьба с коррупцией требует системного подхода к выявлению и расследованию преступлений в сфере ЛПК, а не разовых акций по пресечению преступных действий в указанной сфере. Коррупция в сфере ЛПК подрывает не только экономическую стабильность в отрасли, она ухудшает экологическую ситуацию многих регионов и разрушает доверие граждан к правоохранительной системе, которая не может контролировать данную отрасль.

Рассмотрим деятельность по выявлению и раскрытию преступлений в сфере ЛПК в Красноярском крае, где такого рода преступления всегда уделяется особое внимание. Например, в 2023 году ГУ МВД России по Красноярскому краю отчиталось о позитивном опыте реализации правоохранительными органами комплекса организационно-практических мероприятий, направленных на пресечение преступлений и правонарушений в лесном и лесоперерабатывающем комплексе. Так, в период активной фазы лесозаготовок проводятся мероприятия по пресечению транспортировки и реализации древесины, заготовленной без соответствующих разрешений. За 2023 год в лесном хозяйстве выявлено 628 преступлений, в т. ч. 350 – тяжких и особо тяжких и 455 – в крупном и особо крупном размере (речь идет о составах незаконной рубки – ст. 260 УК РФ).³

Выявление указанного рода преступлений способствует проведение оперативно-тактических операций «Лес», «Колея», «Ель», реализуемых оперативными подразделениями уголовного розыска непосредственно в периоды заготовки древесины, на территориях, близких к местам производства заготовки, выезда транспортировочной техники из лесных массивов [7, 8].

При проведении оперативно-тактических операций сотрудники выбирают место для постановки стационарного поста, который позволяет максимально контролировать выбранную территорию. Как правило, это пересечение лесных дорог в лесных массивах, переправ через реки из лесных массивов и подобные места, которые используются для выезда и заезда на лесные участки. При этом стоит учитывать, что активная фаза заготовки древесины – это поздняя осень и зима, когда грунт, по которому передвигается лесозаготовительная и транспортировочная техника, становится максимально стабильным (твердым). Также оперативными сотрудниками могут использоваться различные беспилотные летательные аппараты (БПЛА) при патрулировании лесных массивов и труднодоступной местности вокруг.

При проведении таких операций ранее, до 2014–2015 годов, они показывали довольно высокую эффективность, что отражено в информационно-аналитических справках ГУ МВД по региону за 2015 год и ранее. В рамках проводимого на территории края оперативно-профилактического мероприятия «Лес» совместно со Службой по контролю в сфере природопользования и Агентством лесной отрасли регулярно проводились рейдовые мероприятия в лесных массивах. Был установлен контроль за

³ Главное управление МВД России по Красноярскому краю : официальный сайт. URL: <http://24.мвд.рф> (дата обращения: 05.12.2024).

транспортировкой древесины на автодорогах. По итогам проведения оперативно-тактического мероприятия «Лес» в 2015 году было возбуждено 8 уголовных дел по фактам перевозки незаконно заготовленной древесины на общую сумму более 3 млн. рублей с целью сбыта (ст. 191.1 УК РФ). Все они успешно расследованы и рассмотрены судом в 2015–2016 годах, обвиняемым вынесены обвинительные приговоры. В основных лесозаготовительных районах края (Богучанский, Абанский, Енисейский) на постоянной основе была организована работа оперативно-рейдовых групп ГУ МВД, оснащенных необходимым транспортом повышенной проходимости, в том числе, был задействован вертолет ГУ МВД. В результате принятых мер в указанный период, сотрудниками полиции было выявлено 595 преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ, направлено в суд 256 уголовных дел в отношении 334 лиц. Изъято более 8,5 тыс. кубометров древесины. Сумма возмещенного ущерба составила 25,1 млн рублей.⁴

После 2022 года, результативность данных оперативно-тактических мероприятий упала, даже несмотря на более высокую, в некоторых районах, техническую оснащенность их проведения.

В результате настоящего исследования, в частности, применения метода экспертных оценок, как разновидности интервьюирования оперативных сотрудников об эффективности реализации оперативно-тактических операций «Лес» и «Колея», в нескольких богатых лесом районах Красноярского края⁵ мы совместно с респондентами пришли к некоторым выводам:

– Выставление стационарных постов становится малоэффективным в связи с тем, что лица, совершающие незаконную рубку лесных насаждений в крупном и особо крупном размерах, используют современную высокотехнологическую технику. Например, при производстве самой рубки используются машины с механизмом быстрого удаления веток от ствола дерева. Это позволяет бригаде, производящей рубку, находиться на месте совершения преступления непродолжительное время. При транспортировке древесины используются более легкие и маневренные, или, наоборот, более проходимые, лесовозы. Это позволяет оперативно вывозить древесину не только по существующим лесным дорогам, но и по бездорожью.

– Преступниками используются различные БПЛА для наблюдения за территорией вокруг мест незаконной рубки. Соответственно им становятся известными места вновь установленных стационарных постов, иные данные оперативной обстановки.

– Высокая, по мнению проинтервьюированных оперативных сотрудников, коррумпированность правоохранительной системы и иных государственных органов в лесных регионах. К тому же небольшое количество жителей того или иного населенного пункта способствует тому, что все друг друга знают. Информация об установке поста с правоохранителями будет очень скоро известна лицам, осуществляющим незаконную рубку лесных насаждений.

⁴ Там же.

⁵ По данному вопросу было опрошено семь сотрудников уголовного розыска Ирбейского, Уярского и Партизанского районов Красноярского края, участвующих на постоянной основе в выявлении указанного рода преступлений.

Изучение практики показало, что есть два пути, два направления выявления и расследования коррупционных преступлений в сфере ЛПК:

- первое: от типичной следственной ситуации выявленной незаконной рубки;
- второе: от иных следственных ситуаций (инициативное проведение ОРМ, прокурорских и иных проверок, ревизий, от ситуаций расследования иных преступлений и т. п.).

Для простоты понимания обозначим эти направления выявления и расследования коррупционных преступлений в сфере ЛПК номерами соответственно 1 и 2.

С направлением № 1 на практике возникают следующие трудности. Если задержана группа рубщиков, производящих рубку незаконно, практика показывает, что существует проблема в доказывании их умысла на преступление, в том числе на предварительный сговор группой лиц, а равно на совершение преступления в составе организованной группы (п. «а», ч. 2 ст. 260 УК РФ). Исполнители преступлений – рубщики отрицают свою причастность к преступлению. Типичная защитная версия: не было умысла, не был осведомлен о том, что нанявшее его лицо не имело законных оснований рубить лес.

Поэтому часто в отношении исполнителей уголовные дела прекращаются, используемая ими техника (орудия преступления) возвращаются. В итоге не только коррупционное преступление (связь с лесником или директором лесничества), но даже их участие в преступлении в составе организованной группы не будет выявлено и доказано [9]. Таким образом, уходят от ответственности непосредственные исполнители – «рубщики». В свою очередь, у организатора преступлений типичной позицией защиты является: преступление совершено впервые, возмещение ущерба до вынесения итогового решения суда. Как итог – лицо привлекается по ч. 1–2, реже – по ч. 3 ст. 260 УК РФ (с учетом размера установленного ущерба). Осужденный приговаривается к штрафу или лишению свободы, но не реально, а условно.

Для эффективной реализации указанного направления расследования № 1 рекомендуется проверить версии о наличии коррупционной составляющей в преступной деятельности:

1) Исходная версия: имеется коррупционная связь между организатором незаконной рубки непосредственно с должностным лицом в лесничестве.

Версия–следствие: имело место взяточничество, иные коррупционные преступления, превышение полномочий (ст. 286 УК РФ), иные составы служебных преступлений.

2) Исходная версия: сам организатор незаконной рубки является должностным лицом или управленцем коммерческой или иной организации (примечание 1 к ст. 201 УК РФ), то есть совершает незаконную рубку с использованием служебного положения (признак по п. «в» ч. 2 ст. 260 УК РФ).

Версия–следствие: поскольку организатор – должностное лицо или управленец, то его действия не охватываются полностью диспозицией п. «в» ч. 2 ст. 260 УК РФ. Его действия подлежат квалификации по совокупности с преступлением, предусмотренном соответствующей частью ст. 201 УК РФ – злоупотребление

полномочиями. В результате проверки такой следственной версии создается неблагоприятная для него ситуация высокого риска применения более строгих мер пресечения (залог, домашний арест, содержание под стражей). Это в свою очередь, формирует благоприятную следственную ситуацию для следователя, когда он может предложить сотрудничество обвиняемому, некий предусмотренный законом компромисс. Суть компромисса: обвиняемый дает правдивые показания на лиц в органах государственной власти и органах местного самоуправления, которые помогали ему придать видимость законности его незаконным действиям в обмен на досудебное соглашение о сотрудничестве, иные варианты компромисса [10; 11].

Направление расследования под номером 2, где следователь исходит от иных следственных ситуаций более вариативно и подразумевает выдвижение и проверку множества иных следственных версий. Это направление выходит за пределы настоящего исследования.

В заключение хотелось бы отметить, что для обеспечения эффективного расследования коррупционных преступлений в сфере ЛПК и шире – всех преступлений в сфере ЛПК, необходимо создание отдельной частной методики расследования преступлений первой группы. Основными принципами реализации этой частной методики является:

- применение ситуационного подхода;
- наступательность расследования;
- учет типичных защитных версий обвиняемых и их адвокатов;
- широкое использование средств криминалистического обеспечения компромиссов по уголовному делу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дицевич, Я. Б., Белых, О. А., Русецкая, Г. Д. Противодействие преступности в сфере лесопользования: проблемы и перспективы // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 2. С. 308–317.
2. Гармаев, Ю. П., Середа, О. В. Понятие и признаки преступлений в сфере лесопромышленного комплекса / Ю. П. Гармаев, // Аграрное и земельное право. 2022. № 9 (213). С. 134–138.
3. Середа, О. В. Понятие коррупционного преступления в сфере лесопромышленного комплекса // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6 (234). С. 467–470.
4. Бардачевский, Р. И. Роль следственных ситуаций в планировании расследования коррупционных преступлений : специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бардачевский Руслан Игоревич. Москва, 2023. 251 с.
5. Гулина, Е. В. Особенности криминалистической методики расследования коррупционных преступлений в сфере высшего образования : специальность 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гулина Елена Витальевна. Краснодар, 2019. 230 с.

6. Санькова, Е. В. Взаимодействие следователей Следственного комитета Российской Федерации с оперативными подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации при расследовании преступлений коррупционной направленности : специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Санькова Екатерина Валерьевна. Москва, 2023. 259 с.

7. Иванов, П. И., Кузнецов, П. Г. Об опыте проведения оперативно-профилактических мероприятий «Лесовоз – 2014» (по материалам УТ МВД России по ДФО) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 110–115.

8. Середа, О. В. О состоянии преступности в сфере незаконной рубки лесных насаждений (на примере Красноярского края) // Альманах лектория. Майские правовые чтения на Енисее : Сборник научных трудов. Том Выпуск 9. Красноярский государственный аграрный университет, 2022. С. 114–117.

9. Середа, О. В. К вопросу об организованной преступной деятельности лиц, совершающих преступления в сфере лесопромышленного комплекса // Актуальные проблемы частно-правовых и публично-правовых отношений в сфере рационального использования и охраны окружающей среды : мат-лы регионал. (межвузовской) науч.-практ. конф., Красноярск, 24–25 ноября 2022 г. / Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2023. С. 46–49.

10. Попова, Е. И. Некоторые типичные ситуации, связанные с противодействием стороны защиты по уголовным делам, по которым применяются компромиссные формы уголовного судопроизводства // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : мат-лы X междунар. науч.-практ. конф., г. Иркутск, 1 октября 2021 г. / Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России) : отв. ред. А. М. Бычкова, Н. В. Кешикова. Том 1. Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. С. 131–136.

11. Попова, И. А. Тактико-криминалистическое обеспечение компромиссных процедур в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 30 с.

REFERENCES

1. Dicevich, Ya. B. Protivodeistvie prestupnosti v sfere lesopolzovaniya: problemi i perspektivi [Countering crime in the field of forest management: problems and prospects]. Vserossiiskii kriminologicheskii jurnal - All-Russian Journal of Criminology. 2017, vol. 11, no. 2, pp. 308-317.

2. Garmaev, Yu. P. Ponyatie i priznaki prestuplenii v sfere lesopromishlennogo kompleksa [The concept and signs of crimes in the field timber industry complex]. Agrarnoe i zemelnoe pravo. Agrarian and land law. 2022, no. 9(213), pp. 134-138.

3. Sereda, O. V. Ponyatie korrupcionnogo prestupleniya v sfere lesopromishlennogo kompleksa [The concept of a corruption crime in the sphere of the timber industry]. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika Law and the state: theory and practice. 2024, no. 6 (234), pp. 467-470.

4. Bardachevsky, R. I. Rol sledstvennih situacii v planirovanii rassledovaniya korrupcionnih prestuplenii specialnost 5.1.4 – «Ugolovno-pravovie nauki» dissertaciya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk [The role of investigative situations in planning the investigation of corruption crimes : specialty: 5.1.4 «Criminal law sciences»: dissertation for the degree of Candidate of Law]. Moscow, 2023, 251 p.

5. Gulina, E. V. Osobennosti kriminalisticheskoi metodiki rassledovaniya korrupcionnih prestuplenii v sfere visshego obrazovaniya : specialnost 12.00.12 «Kriminalistika; sudebno-ekspertnaya deyatel'nost; operativno-rozisknaya deyatel'nost» dissertaciya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk [Features of the criminalistic methodology for investigating corruption crimes in the field of higher education : specialty 12.00.12 «Criminalistics; forensic expert activity; operational investigative activity»: dissertation for the degree of Candidate of Law]. Krasnodar, 2019, 230 p.

6. Sankova, E. V. Vzaimodeistvie sledovatelei Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federacii s operativnimi podrazdeleniyami organov vnutrennih del Rossiiskoi Federacii pri rassledovanii prestuplenii korrupcionnoi napravlenosti : specialnost 5.1.4 – «Ugolovno-pravovie nauki» dissertaciya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk [Interaction of investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation with operational units of the internal affairs bodies of the Russian Federation in the investigation of corruption-related crimes: specialty: 5.1.4 – «Criminal Law sciences» : dissertation for the degree of Candidate of Law]. Moscow, 2023, 259 p.

7. Ivanov, P. I. Ob opite provedeniya operativno-profilakticheskikh meropriyatii «Lesovoz – 2014»: po materialam UT MVD Rossii po DFO [On the experience of carrying out operational and preventive measures "Lesovoz - 2014" (based on the materials of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Far Eastern Federal District)]. Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015, no. 2(20), pp. 110-115.

8. Sereda, O. V. O sostoyanii prestupnosti v sfere nezakonnoi rubki lesnih nasajdenii - na primere Krasnoyarskogo kraya [On the state of crime in the field of illegal logging of forest plantations (on the example of the Krasnoyarsk Territory)] Almanah lektoriya. Maiskie pravovie chteniya na Enisee: Sbornik nauchnih trudov. Krasnoyarskii gosudarstvennii agrarnii universitet - Almanac of the lecture hall. May legal readings on the Yenisei : A collection of scientific papers. Volume Issue 9. Krasnoyarsk : Krasnoyarsk State Agrarian University, 2022, pp. 114-117.

9. Sereda, O. V. [On the issue of organized criminal activity of persons committing crimes in the field of the timber industry]. Aktualnie problemi chastno-pravovih i publichno-pravovih otnoshenii v sfere racionalnogo ispolzovaniya i ohrani okrujayuschei sredi: materialy regionalnoi mejvuzovskoi, nauchno-prakticheskoi konferencii [Actual problems of private-legal and public-legal relations in the field of rational use and environmental protection : materials of the regional (interuniversity) scientific and practical conference]. Krasnoyarsk, 2023, pp. 46-49.

10. Popova, E. I. [Some typical situations related to the opposition of the defense in criminal cases, in which compromise forms of criminal proceedings are used]. Problemy sovremennogo zakonodatelstva Rossii i zarubejnih stran Materialy X Mejdunarodnoi

nauchno-prakticheskoi konferencii [Problems of modern legislation of Russia and foreign countries : Materials of the X International Scientific and Practical Conference. Volume 1]. Irkutsk, 2021, pp. 131-136.

11. Popova, I. A. Taktiko-kriminalisticheskoe obespechenie kompromissnih procedur v ugovnom sudoproizvodstve avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Tactical and forensic support of compromise procedures in criminal proceedings: abstract of the thesis ... cand. Jurid. Sciences]. Saratov, 2011, 30 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Серёда Ольга Викторовна, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и основ судебной экспертизы. Юридический институт, заместитель директора по учебной работе Красноярского государственного аграрного университета. 660017, Красноярск, улица Ленина, 117.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sereda Olga Viktorovna, Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure, Criminology and Fundamentals of Forensic Examination, Deputy Director of the Law Institute for Academic Affairs. Krasnoyarsk State Agrarian University. 660017, Krasnoyarsk, Lenin Str., 117.

Статья поступила в редакцию 19.02.2025; одобрена после рецензирования 19.03.2025; принята к публикации 17.04.2025.

The article was submitted 19.02.2025; approved after reviewing 19.03.2025; accepted for publication 17.04.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 259–269.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
Vol. no. 2 (113). Pp. 259–269.

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Научная статья
УДК 343.9

О БОРЬБЕ С РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Сорокун Николай Сергеевич¹, Сидорова Екатерина Закариевна²

¹ Ростовский юридический институт МВД России, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, nik-sorokun@yandex.ru

² Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, Иркутск, ketrik6@mail.ru

Введение. Данные официальной статистики свидетельствуют о том, что в современный период борьба с преступными проявлениями в обществе, в том числе рецидивной преступностью, требует особого внимания. При этом противодействие криминальным проявлениям в обществе следует рассматривать как составную часть деятельности, направленной на обеспечение национальной безопасности страны. Именно поэтому обращение к исследованию вопросов о профилактике и предупреждении различного вида преступности актуально и своевременно.

Материалы и методы. Нормативную основу настоящего исследования составили такие правовые акты, как Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и др. В работе использованы официальные актуальные статистические данные, характеризующие рецидивную преступность. В качестве ключевых методов исследования выступили метод описания, метод анализа статистических данных, метод синтеза, метод описания и др.

Результаты исследования. Концепция государственной политики в сфере противодействия рецидивной преступности отводит профилактической деятельности приоритетное место в общей системе мер борьбы с этой разновидностью преступлений. Ресоциализация лиц, освобожденных из мест лишения свободы, – одно из значимых направлений в предупреждении рецидивной преступности. Выделяют различные виды профилактики рецидивной преступности, такие как общая, специальная и индивидуальная профилактика. Так, если меры общей профилактики направлены на улучшение всех сфер жизни общества, то меры специальной профилактики ориентированы в первую очередь на работу с криминальным контингентом. Мерами специальной профилактики могут выступать разработка и реализация программы предупреждения рецидивной преступности, криминологической основой которых должны служить специальные исследования данной разновидности преступности с

выделением общих процессов детерминации и специфических, касающихся именно этой категории преступников.

© Сорокун Н. С., Сидорова Е. З., 2025

Выводы и заключения. В настоящее время проблематика борьбы с рецидивной преступностью актуальна. Целесообразным является рассмотрение профилактики рецидивной преступности как меры, направленной на обеспечение национальной безопасности страны в целом. Именно поэтому важно продолжать борьбу с подобным видом преступности и учитывать современные способы ее превенции.

Ключевые слова: рецидивная преступность, профилактика рецидива, пенитенциарная профилактика, осужденные лица, ресоциализация осужденных

Для цитирования: Сорокун, Н. С., Сидорова, Е. З. О борьбе с рецидивной преступностью на современном этапе / Н.С. Сорокун, Е.З. Сидорова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 259–269.

5.1.4. Criminal Law Sciences

Original article

ON COMBATING RECIDIVISM AT THE PRESENT STAGE

Nikolay S. Sorokun¹, Ekaterina Z. Sidorova²

¹ Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation, nik-sorokun@yandex.ru

² East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, ketrik6@mail.ru

Introduction. Official statistics show that in the modern period, the fight against criminal manifestations in society, including recidivism, requires special attention. At the same time, countering criminal manifestations in society should be considered as an integral part of activities aimed at ensuring the national security of the country. That is why the appeal to research on the prevention and prevention of various types of crime is characterized by its relevance and timeliness.

Materials and methods. The normative basis of this research consists of such legal acts as the Criminal Code of the Russian Federation, the Penal Enforcement Code of Russia, etc. The paper uses official current statistical data characterizing recidivism. The key research methods were the description method, the statistical data analysis method, the synthesis method, the description method, etc.

Results of the study. The concept of state policy in the field of combating recidivism assigns preventive activities a priority place in the overall system of measures to combat this type of crime. The re-socialization of persons released from prison is one of the important directions in the prevention of recidivism. Problematic issues related to this have been present before, which is why the state has always sought to resolve this issue. There are various types of prevention of recidivism, such as general, special and individual prevention. So, if general prevention measures

are aimed at improving all spheres of society, then special prevention measures are primarily focused on working with the criminal population. Special prevention measures can include the development and implementation of a program for the prevention of recidivism, the criminological basis of which should be special studies of this type of crime, highlighting the general processes of determination and specific ones related specifically to this category of criminals.

Findings and conclusions. Currently, the problem of combating recidivism is characterized by its relevance. It is advisable to consider the prevention of recidivism as a measure aimed at ensuring the national security of the country as a whole. That is why it is important to continue the fight against this type of crime and take into account modern ways of its prevention.

Keywords: recidivism, recidivism prevention, penitentiary prevention, convicted persons, resocialization of convicts

For citation: Sorokun, N. S., Sidorova, E. Z. O bor'be s recidivnoj prestupnost'yu na sovremennom etape [On the fight against recidivism at the present stage]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, Vol. no. 2 (113). pp. 259–269 (in Russ.).

Рецидивная преступность, несмотря на предпринимаемые меры борьбы с ней, в настоящее время укрепляет свои позиции. Согласно официальным статистическим данным МВД России, за 2024 год было выявлено 375 086 лиц, которые совершили преступления и при этом ранее совершали уголовно наказуемые деяния. Доля названной категории лиц в общем числе выявленных преступников составляет около 60 %¹. Сказанное свидетельствует о необходимости дальнейшей борьбы с рецидивной преступностью, поскольку вышеприведенные показатели говорят о том, что, к сожалению, к повторному совершению уголовно наказуемых деяний обращается большинство привлеченных к уголовной ответственности лиц. Это говорит о том, что выходящие из мест лишения свободы лица уже приобрели стойкие антисоциальные установки, «профессиональные» преступные навыки, они фактически лишены возможности официального трудоустройства, за исключением наиболее низкооплачиваемых должностей. Все это свидетельствует о повышенной опасности рецидивной преступности и актуальности исследуемой тематики.

Негативная тенденция роста рецидивной преступности в России представляет собой прямую угрозу национальной безопасности государства. Мастерство, с которым преступники-рецидивисты зачастую совершают преступления, свидетельствует о том, что рецидив преступлений сегодня находится на уровне, угрожающем социально-экономическим, духовным и нравственным устоям общества, а также формирует отрицательные черты российского государства на международном уровне [1, с. 63].

¹ Состояние преступности : Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 06.02.2025).

Диспозиции статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации² – это уголовно-правовые предписания, установленные для охраны тех системообразующих ценностей (благ), на которых строится современная цивилизация. Объекты, подлежащие особой охране, обозначены в Конституции России³. Они же воспроизведены в УК РФ в качестве родовых объектов преступлений. Такая иерархия соотнобразуется с общепризнанным положением о том, что Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу (ч. 1 ст. 15). Иными словами, обеспечение национальной безопасности уголовно-правовыми средствами – это охрана провозглашенных Конституцией Российской Федерации принципов и ценностей.

Очевидным является то, что вечного для всех времен и народов состояния безопасности не существует. Однако происходящие в стране и на международной арене политические изменения приводят к тому, что в настоящее время первоочередной задачей выступает защита интересов обороны и государства. При этом расстановка приоритетов в системе жизненно важных интересов России – сложное дело. Устойчивое развитие может обеспечить только баланс индивидуальных, государственных, национальных и общечеловеческих интересов.

В перечне составляющих национальную безопасность подвидов безопасности личности отведено важнейшее место, именно ее обеспечение имеет первостепенное значение, поскольку без личности, без человека не будет ни общества, ни государства, ни информации, ни экономики и т. д. Именно поэтому важно обращать внимание на вопросы предупреждения тех угроз национальной безопасности страны, которые опасны для уровня защищенности интересов личности и общества. К таким угрозам, несомненно, следует отнести преступность, в том числе преступность рецидивную.

Борьба с рецидивной преступностью является одним из способов обеспечения национальной безопасности в целом и безопасности личности в частности. В научной литературе уделяется большое внимание как понятию и видам рецидива, так и особенностям превенции рецидивной преступности [2, с. 70]. Следует отметить, что в настоящее время отечественный законодатель уделил особое внимание вопросам назначения уголовного наказания при различных видах рецидива. Объясняется это тем, что рецидивная преступность характеризуется повышенной общественной опасностью, а значит, требует особого подхода при назначении нового уголовного наказания (при совершении нового преступления).

² Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 06.05.2025).

³ Российская Федерация. Конституция : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : послед. ред. // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 06.05.2025).

Уголовно-правовые предписания о рецидиве преступлений в уголовном законе уже претерпевали изменения⁴. В целом в УК РФ регулярно вносятся те или иные изменения и дополнения. На протяжении всего времени действия УК РФ законодатель регулярно изменял нормы, регламентирующие как вопросы Общей части УК РФ (в том числе положения о рецидиве преступлений), так и вопросы ответственности за совершение преступлений против закрепленных в Конституции Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина. Однако стремление законодателя криминализировать как можно большее число посягательств на различные сферы жизнедеятельности человека не всегда позволяет соблюсти принцип системности построения УК РФ и нередко приводит к вынужденной корректировке той или иной вновь введенной нормы законодательства.

Примеров изменений и дополнений УК РФ достаточно. К ним можно отнести выделение категории «малолетние» из общей категории лиц, находящихся в беспомощном состоянии; включение норм с административной преюдицией, в которых статус преступления приобретают административные правонарушения; исключение и последующее возвращение клеветы в УК РФ; упоминание о достижении несовершеннолетним половой зрелости в статьях о половой неприкосновенности личности и исключение этого понятия из УК РФ и другое.

В научной литературе можно встретить различные предложения относительно того, каким образом можно было бы изменить некоторые уголовно-правовые нормы [3, с. 119]. Например, установить уголовную ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции не за повторное административное правонарушение, а за совершение такого действия в отношении лица, не достигшего 16-летнего возраста. Неоднократная продажа алкоголя лицам в возрасте от 16 до 18 лет оставалась бы административно наказуемым деликтом, влекущим повышенную административную, но не уголовную ответственность.

Вместе с тем нельзя не признать, что ряд новелл УК РФ является своевременными. Оправданным представляется дополнение уголовного закона статьями, устанавливающими ответственность за действия, результатом которых может стать самоубийство или покушение на самоубийство (ст. 110.1 УК РФ, ст. 110.2 УК РФ), а также изменение редакции ст. 110 УК РФ. Появление данных норм устранило пробел уголовного закона, касающийся возможности привлечения к ответственности тех, кто умышленно доводит людей до самоубийства или склоняет их к этому, в том числе с использованием сети «Интернет».

Изначально задумывавшийся как законопроект, направленный на защиту наиболее уязвимых членов общества – несовершеннолетних – и включавший положения, целью которых являлось предотвращение самоубийств среди детей и подростков, итоговая версия документа содержала положения, охватывающие

⁴ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон № 162-ФЗ : принят Гос. Думой 21 ноября 2003 г. : одобрен Советом Федерации 26 ноября 2003 г. послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45408/ (дата обращения: 06.05.2025). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

действия в данной сфере, направленные против любого человека независимо от его возраста. Несовершеннолетие выступало в роли квалифицирующего признака.

Вместе с тем, введенные в УК РФ новые статьи, устанавливающие ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ) и за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ), можно было бы признать видом подстрекательских и пособнических действий, которым придан статус самостоятельной нормы. Аналогично законодатель поступил при закреплении в отдельной статье УК РФ, например, ответственности за содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ).

Однако, несмотря на сходство законодательных конструкций построения указанных норм, между ними есть существенное отличие. Предусмотренные в ст. 205.1 УК РФ склонение, вербовка, пособничество и иные действия являются разновидностью действий соучастников, поскольку закрепляют ответственность за содействие в совершении (либо за склонение к совершению) деяний, являющихся самостоятельными видами преступлений (террористический акт, угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля и др.). Подстрекательство к самоубийству либо пособничество в его совершении исключаются, ввиду того что самоубийство по российскому уголовному закону преступлением не признается.

Установив запрет на совершение действий, подстрекающих лиц к самоубийству либо способствующих ему, законодатель тем самым предусмотрел дополнительные механизмы, направленные на охрану жизни человека. Однако редакция диспозиций статьями 110.1, 110.2 УК РФ небезупречна. Субъект данных преступлений общий. Между тем, по данным МВД России, кураторами и администраторами групп в сети «Интернет», провоцирующих подростков на совершение самоубийств, являются, в том числе, и несовершеннолетние в возрасте 13–15 лет [4, с. 217]. Привлечь их к уголовной ответственности нельзя, и их действия останутся безнаказанными. При этом понижение возраста наступления уголовной ответственности до 14 лет за деяния, предусмотренные статьями 110.1, 110.2 УК РФ, вряд ли будет выглядеть обоснованным.

Внесение в УК РФ рассматриваемых изменений было обусловлено ростом самоубийств в России в последние годы, включая подростковый суицид. Однако в настоящее время наблюдается тенденция к снижению показателей суицидального поведения граждан [5, с. 71]. Представляется, что кроме появления уголовно-правового запрета на действия по склонению к самоубийству или содействию его совершения, на снижение количества суицидов повлияли и иные факторы. Только криминализация деяния не в состоянии эффективно противостоять преступным проявлениям в данной либо в иной другой сфере. Приоритетными являются мероприятия, проводимые в рамках государственной политики в области охраны детей.

Если рассматривать борьбу с преступностью как меру обеспечения национальной безопасности страны, то следует подчеркнуть, что обеспечение

национальной безопасности Российской Федерации в любой сфере возможно только путем консолидации усилий государства, уполномоченных органов, общественных организаций и объединений, всех граждан. При этом приоритетным направлением должно оставаться обеспечение безопасности личности.

Важно учитывать, что концепция государственной политики в сфере противодействия рецидивной преступности, нормы уголовного и иного законодательства отводят профилактической деятельности приоритетное место в общей системе мер борьбы с этой разновидностью преступлений. Ресоциализация лиц, освобожденных из мест лишения свободы, – одно из значимых направлений в предупреждении рецидивной преступности. Проблемные вопросы, с этим связанные, присутствовали и ранее, именно поэтому государство всегда стремилось к урегулированию данного вопроса.

На рубеже XIX–XX века внимание ученых-правоведов и правоприменителей к проблемам социальной адаптации осужденных позволило перенести центр тяжести борьбы с рецидивной преступностью с репрессивных мер в сторону профилактических. При этом опасность рецидивной преступности заключается в первую очередь в том, что во многих случаях при выявлении лиц, ранее судимых, прослеживается их связь с преступными сообществами, незаконным оборотом оружия, наркотических средств, связь с преступным профессионализмом и т. п. В этой связи следует заключить, что борьба с рецидивной преступностью на современном этапе характеризуется актуальностью. Эффективная профилактика преступлений, совершаемых лицами, ранее судимыми, выступает, во-первых, составной частью общего предупреждения преступности в Российской Федерации; во-вторых, одним из важных направлений по предупреждению совершения других видов общеуголовных преступлений, борьбу с которыми осуществляют органы внутренних дел. При этом в рамках компетенции, определенной законодательством Российской Федерации, органы внутренних дел являются не единственным субъектом, осуществляющим профилактическую деятельность в отношении лиц, ранее привлекаемых к уголовной ответственности.

Исследуя историю вопроса противодействия рецидивной преступности в нашей стране, следует отметить, что, наиболее часто используются лишь такие профилактические меры, как посещение ранее судимого лица по месту его жительства и профилактическая беседа с таким лицом. Чтобы избежать возможности повторного совершения нарушений закона, необходимо, прежде всего реализовывать общую профилактику, то есть комплекс мероприятий, проводимых государством, обществом и их институтами по выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений и правонарушений с последующим их устранением, с целью устранения противоречий в различных сферах жизни общества. Профессор А. И. Долгова определяет общую профилактику в виде системы мер по устранению процессов детерминации и причинности преступности, воздействующих на все население или отдельные его группы, выделяемых по общим экономическим, социальным и иным критериям, и при этом создающих вероятность преступного поведения практически всех представителей таких социальных групп [6, с. 220].

Как отмечает профессор Г. А. Аванесов, эффективность общей профилактики обеспечивается в той мере, в какой общепрофилактические мероприятия удерживают граждан от преступлений, которые они в противном случае могли бы совершить [7, с. 408]. Государство и общество располагают большими возможностями осуществления общей профилактики и повышения ее эффективности. В случае, если это вид деятельности осуществляется систематически, целенаправленно, интенсивно и на прочной правовой и научной основе, можно ожидать хороших результатов в части снижения темпов преступности в целом и отдельных ее разновидностей, пресечения процессов обнищания значительной части населения, предупреждения втягивания новых лиц в преступную деятельность и т.д. В рамках этой профилактики могут выделяться такие ее направления, как уголовно-процессуальная, уголовно-исполнительная, криминологическая и т. п. [8, с. 142]. С учетом имеющих место трудностей реализации всего комплекса мер правового характера к ранее судимым лицам, оптимальным решением этой проблемы может стать корректировка соответствующих положений УК РФ и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации⁵. Так, в ст. 86 УК РФ можно предусмотреть возможность установления судом ограничений лицам, отбывшим наказание в колонии строгого или особого режима или в тюрьме и не достигшими определенной степени перевоспитания (однако нужно понимать, что данный показатель будет носить оценочный характер, а значит, может породить определенные злоупотребления со стороны тех или иных субъектов). В свою очередь, в уголовно-исполнительном законодательстве можно предусмотреть более четко описанную процедуру подготовки администрацией исправительных учреждений ходатайств в суд об установлении ограничений лицам, отбывшим наказание в этих учреждениях и не вставшим на путь исправления; или предусмотреть обязанность администрации исправительного учреждения своевременно уведомлять органы внутренних дел обо всех освобождаемых лицах после ими отбытия наказания по избранному данными лицами месту жительства.

Говоря о специализированном воздействии на индивида, при решении вопроса о недопущении совершения новых преступлений, важно, что на данном уровне цель борьбы с преступностью является основополагающей, ведущей и единственной, по сравнению с общей профилактикой.

В зависимости от особенностей применения мер профилактического воздействия и этапов воздействия на объект можно выделить раннюю, непосредственную, пенитенциарную и постпенитенциарную профилактику. При этом борьба с рецидивной преступностью должна строиться на основании реализации всех видов и форм профилактической работы.

⁵ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : УИК : принят Гос. Думой 18 декабря 1996 г. : одобрен Советом Федерации 25 декабря 1996 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/0844bcb33376fe7ba64f9de457550a2c022849f6/ (дата обращения: 06.05.2025). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

Как мы уже говорили, в научной литературе выделяется такой вид профилактики рецидивной преступности, как общая профилактика. Можно также выделить специальную и индивидуальную профилактику. Так, если меры общей профилактики направлены на улучшение всех сфер жизни общества, то меры специальной профилактики ориентированы в первую очередь на работу с криминальным контингентом. При осуществлении специальной профилактики (предупреждения) выделяются повышено криминогенные и повышено виктимные социальные группы, сферы деятельности и объекты. Если речь идет о преступлениях, совершаемых ранее судимыми лицами, то мерами специальной профилактики могут выступать разработка и реализация программы предупреждения рецидивной преступности, криминологической основой которых должны служить специальные исследования данной разновидности преступности с выделением общих процессов детерминации и специфических, касающихся именно этой категории преступников.

Говоря об индивидуальном уровне профилактики рецидивной преступности, необходимо учитывать, что данный вид криминологического предупреждения происходит с целью нейтрализации внутренних причин и условий становления криминогенной мотивации у конкретного лица. Именно поэтому в таких ситуациях речь должна идти об индивидуальном воздействии на личность рецидивиста (как реального, так и потенциального).

Подчеркнем, что указанные формы и виды профилактической работы должны включать в себя разнообразные меры социально-экономического, политического, культурно-просветительского, медицинского, педагогического, правового и правоохранительного характера. Органы внутренних дел участвуют в профилактических мероприятиях в соответствии с предоставленными законом полномочиями и в пределах своих функциональных обязанностей наряду с другими государственными органами, учреждениями, организациями.

Кроме того, органы внутренних дел, осуществляя специальную профилактику, проводят мероприятия оперативно-профилактического характера с помощью специфических средств и методов, присущих оперативно-розыскной деятельности, предусмотренных федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»⁶ и использованием имеющихся оперативных сил и возможностей, с целью предупреждения и пресечения административных правонарушений и преступлений.

Если говорить о профилактике такого вида рецидивной преступности, как пенитенциарная преступность, то в данном случае практикоориентированной является такая мера превенции, как периодическое измерение (путем бесед, анонимного анкетирования и т. п.) степени напряженности в коллективе с тем, чтобы своевременно пресекать источники криминализации осужденных, устранять причины роста криминальной напряженности, в том числе связанные с обострением межнациональных отношений [9, с. 80].

⁶ Об оперативно-розыскной деятельности : Федер. закон № 144-ФЗ : принят Гос. Думой 5 июля 2005 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 06.05.2025).

Если говорить о постпенитенциарной работе с рецидивоопасным контингентом, то такая профилактика должна быть направлена, прежде всего, на процесс ресоциализации данных преступных элементов.

Обращая внимание на пенитенциарную профилактику рецидивной преступности, то в данном случае профилактическое значение имеет и предусмотренное законом право суда предусмотреть для условно осужденных лиц определенные требования к поведению, направленные на то, чтобы стимулировать восстановление позитивных потребностей и интересов (например, трудоустроиться, возобновить учебу) или затруднить поддержание контактов с антиобщественной средой. Осужденному разъясняется, что нарушение этих требований влечет замену условного осуждения реальной мерой наказания.

В завершение проведенного исследования следует констатировать, что в настоящее время проблематика борьбы с рецидивной преступностью актуальна. Целесообразным является рассмотрение профилактики рецидивной преступности как меры, направленной на обеспечение национальной безопасности страны в целом. Именно поэтому важно продолжать борьбу с подобным видом преступности и учитывать современные способы ее превенции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Денисов, А. Д. Общая характеристика осужденных, совершивших преступление при рецидиве // Российский следователь. 2019. № 11. С. 63–67.
2. Степашин, В. М. Об учете рецидива преступлений при назначении наказания // Журнал российского права. 2010. № 9 (165). С. 70–76.
3. Лопашенко, Н. А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2022 г.: аналитический обзор // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 4 (197). С. 115–135.
4. Акаева, К. А., Западнова, Ю. А. К вопросу о противоправной деятельности «групп смерти» // К. А. Акаева, Ю. А. Западнова // Эпомен. 2020. № 41. 213–223.
5. Самоубийства среди детей и подростков в России / А. В. Голенков, К. А. Егорова, Я. Д. Тайкина, Ф. В. Орлов // Суицидология. 2023. Т. 14. № 4 (53). С. 71–80.
6. Долгова, А. И. Криминология : кр. учеб. курс / А. И. Долгова 4-е изд., перераб и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 368 с.
7. Криминология : учебник / Г. А. Аванесов, Е. А. Антонян, С. В. Иванцов и др. : под науч. ред. Г. А. Аванесова, Е. А. Антонян : под общ. ред. З. Б. Соктоева, С. В. Иванцова. 8-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 447 с.
8. Боков, А. В. Организация борьбы с преступностью / под ред. Г. А. Аванесова. М.: Закон и право, 2003. 174 с.
9. Ларин, В. А. Социальная напряженность в местах лишения свободы как фактор, детерминирующий совершение преступлений // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2012. № 3. С. 79–82.

REFERENCES

1. Akayeva, K. A., Zapadnova, Yu. A. K voprosu o protivopravnoj deyatel'nosti «grupp smerti» [On the issue of illegal activities of "death groups"]. Epomen – Epomen. 2020. No 41. Pp. 213–223.

2. Bokov, A. V. Organizatsiya bor'by s prestupnost'yu [Organization of the fight against crime]. Moscow, 2003. 174 p.
3. Golenkov, A. V., Egorova, K. A., Taykina, Ya. D., Orlov, F. V. Samoubijstva sredi detej i podrostkov v Rossii [Suicides among children and adolescents in Russia]. Suicidologiya – Suicidology. 2023. No 4(53). Pp. 71–80.
4. Denisov, A. D. Obshchaya harakteristika osuzhdennyh, sovershivshih prestuplenie pri recidive [General characteristics of convicts who committed crimes during recidivism]. Rossijskij sledovatel' – Russian investigator. 2019. No 11. Pp. 63–67.
5. Dolgova, A. I. Kriminologiya: uchebnik [Criminology: textbook]. Moscow, 2018. 368 p.
6. Kriminologiya: uchebnik [Criminology: textbook]. Moscow, 2023. 447 p.
7. Larin, V. A. Social'naya napryazhennost' v mestah lisheniya svobody kak faktor, determiniruyushchij sovershenie prestuplenij [Social tension in places of deprivation of liberty as a factor determining the commission of crimes]. Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta – Bulletin of the Maikop State Technological University. 2012. No 3. Pp. 79–82.
8. Lopashenko, N. A. Osnovnye itogi reformirovaniya ugolovnogo zakonodatel'stva v 2022 g.: analiticheskiy obzor [The main results of the reform of criminal legislation in 2022: an analytical review]. Lex Russica. 2023. No 4(197). Pp. 115–135.
9. Stepashin, V. M. Ob uchete recidiva prestuplenij pri naznachenii nakazaniya [On accounting for recidivism of crimes when sentencing]. Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law. 2010. No 9(165). Pp. 70–76.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сорокун Николай Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Ростовский юридический институт МВД России, 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Сидорова Екатерина Закариевна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sorokun Nikolay Sergeevich, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 344015, Rostov-on-Don, st. Eremenko, d. 83.

Sidorova Ekaterina Zakariyevna, Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Senior Lieutenant of Police. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 664074, Irkutsk, st. Lermontova, d. 110.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 17.04.2025.

The article was submitted 10.02.2025; approved after reviewing 12.03.2025; accepted for publication 17.04.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 2 (113). С. 270–285.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
Vol. no. 2 (113). Pp. 270–285.

Научная статья
УДК 343.13

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПСИХОЛОГА И ПЕДАГОГА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Шаевич Антон Александрович¹, Бельков Владислав Александрович²

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация, saant@list.ru

²Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация, vladislav-cherem78@mail.ru

Введение. В статье проводится исследование участия педагога и (или) психолога при проведении следственных действий. Посредством изучения указанного вопроса формируются имеющиеся проблемы, которые не позволяют эффективно использовать возможности психолога и (или) педагога на предварительном следствии. В рамках проводимого исследования осуществляется анализ соответствующих научных трудов, законодательства и правоприменительной практики для определения возможностей решения имеющихся проблем.

Материалы и методы. В ходе исследования были использованы общенаучные и частнонаучные методы, которые позволили подробно раскрыть имеющиеся проблемы участия психолога и (или) педагога в проведении следственных действий, провести анализ сложившейся ситуации с позиции науки и практики, а также определить дальнейшие пути совершенствования и преодоления проблем в указанной сфере.

Результаты исследования. В ходе проведённого исследования выявлены проблемы, не позволявшие в должной мере эффективно работать психологу и (или) педагогу при проведении следственных действий и процесса расследования в целом. Установлено, что в настоящее время имеются проблемы определения задач участия психолога или педагога на этапе предварительного расследования; вопросы законодательной регламентации деятельности педагога и психолога; задачи информированности педагога и психолога о процессуальных правах; вопросы о профессиональных и иных требований, предъявляемые к педагогу и психологу; сложные аспекты поиска педагогов и психологов в организациях и решение вопросов с их работодателем; решение иных организационных вопросов участия психолога и педагога.

Выводы и заключения. В завершении статьи авторы приходят к выводам о том, что указанные проблемы подлежат только комплексному решению. В качестве такого решения предлагается: качественное закрепление в различных письменных источниках всей совокупности сведений, необходимых для эффективной работы психолога и (или) педагога при расследовании преступлений; изменение подхода со стороны следственных и иных правоохранительных органов к роли психолога и (или) педагога как к лицу, способному повысить эффективность расследования преступления; понимание психологом и педагогом своей роли при проведении конкретного следственного действия или в процессе расследования в целом.

Ключевые слова: Уголовное судопроизводство, тактико-криминалистическое обеспечение, психолог, педагог, несовершеннолетний, следственные действия

Для цитирования: Шаевич, А. А., Бельков, В. А. Отдельные проблемы участия психолога и педагога в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 270–285.

SOME PROBLEMS OF PARTICIPATION OF A PSYCHOLOGIST AND PEDAGOGUE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Anton A. Shaevich¹, Vladislav A. Belkov²

¹East Siberian institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, saant@list.ru

²Baikal State University, Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision, vladislav-cherem78@mail.ru

Introduction. The article studies the participation of a teacher and (or) psychologist in investigative actions. By studying this issue, existing problems are formed that prevent the effective use of the capabilities of a psychologist and (or) teacher during the preliminary investigation. As part of the study, an analysis of relevant scientific works, legislation and law enforcement practice is carried out to determine the possibilities of solving existing problems.

Materials and Methods. In the course of the study, general scientific and specific scientific methods were used, which made it possible to reveal in detail the existing problems of the participation of a psychologist and (or) teacher in investigative actions, to analyze the current situation from the standpoint of science and practice, and to determine further ways to improve and overcome problems in this area.

The Results of the Study. In the course of the study, problems were identified that prevented a psychologist and (or) teacher from working effectively during investigative actions and the investigation process as a whole. It was established that at present there are problems in defining the tasks of the participation of a psychologist or teacher at the stage of preliminary investigation; issues of legislative regulation of the activities of a teacher and psychologist; tasks of informing teachers and psychologists about procedural rights; questions about professional and other requirements imposed on teachers and psychologists; complex

aspects of finding teachers and psychologists in organizations and resolving issues with their employers; resolving other organizational issues of participation of a psychologist and teacher.

Findings and Conclusions. In conclusion of the article, the authors come to the conclusion that these problems can only be solved comprehensively. As such a solution, the following is proposed: high-quality consolidation in various written sources of the entire set of information necessary for the effective work of a psychologist and (or) teacher in investigating crimes; a change in the approach of investigative and other law enforcement agencies to the role of a psychologist and (or) teacher as a person capable of increasing the effectiveness of a crime investigation; understanding by a psychologist and teacher of their role in conducting a specific investigative action or in the investigation process as a whole.

Keywords: Criminal proceedings, tactical and forensic support, psychologist, teacher, minor, investigative actions

For citation: Shaevich, A. A., Belkov, V. A. Otdel'nye problemy uchastiya psihologa i pedagoga v ugovnom sudoproizvodstve [Some problems of participation of a psychologist and pedagogue in criminal proceedings]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no 2 (113), pp. 270–285.

Среди исследователей в области криминалистики и уголовного процесса проблемы производства следственных действий с участием несовершеннолетних, по-прежнему, вызывают повышенный интерес, что отражается в достаточно большом количестве исследований и публикаций по этой тематике. В научных работах, посвященных участию несовершеннолетних в уголовном процессе, обязательно рассматриваются вопросы использования педагогических и психологических знаний при проведении следственных действий. Важно подчеркнуть, что первое упоминание о привлечении педагогов и психологов в уголовном судопроизводстве было отражено ещё в ходе судебной реформы 1864 года [1, с. 133], однако дискуссии относительно некоторых проблем в этой сфере не теряют своей актуальности и по настоящее время. Современные авторы научных работ выражают свою позицию, отражаемую в нескольких страницах, абзацах или даже целых параграфах, отмечая например, что тактико-криминалистическое обеспечение допроса несовершеннолетнего продолжает совершенствоваться, а разрабатываемые тактические рекомендации, с учетом складывающейся ситуации, позволяют преодолеть скрытый или открытый конфликт и получить сведения, имеющие значение для уголовного дела [2, с. 52].

Вопросы участия педагога и (или) психолога при производстве отдельных следственных действий или всего процесса расследования в настоящее время имеют множество проблем различного рода. Пристальное внимание ученых и активная научная дискуссия не привела к устранению имеющихся проблем в правоприменительной практике, что крайне негативно влияет на эффективность всего уголовного судопроизводства. В процессе исследования данного вопроса были установлены следующие проблемы.

1. Задачи участия психолога или педагога на этапе предварительного расследования.

Стоит отметить, что публикации по этому вопросу достаточно противоречивы, что может привести к неправильному пониманию функций педагога и (или) психолога, а также его профессиональных задач в уголовном процессе. Как отмечает Е. А. Зайцева, несмотря на всю очевидность позиции законодателя по вопросу о дифференциации форм применения специальных познаний в условиях действующего нормативного регулирования, в ряде научных публикаций, а также на уровне диссертационных исследований продолжают дискуссии о целесообразности придания статуса самостоятельных процессуальных участников таким сведущим лицам, как педагог и психолог [3, с. 10].

Отсутствие четкого понимания цели и задач педагога (психолога), например, во время проведения такого следственного действия как допрос является одной из причин негативного отношения некоторых правоприменителей к участию данных лиц в уголовном процессе. Одной из основных проблем, вытекающих из этой ситуации, является непонимание значимости участия педагога и (или) психолога в допросах несовершеннолетних со стороны сотрудников правоохранительных органов, которые часто воспринимают это лишь как формальное требование закона. Такой подход, в свою очередь, приводит к пассивному поведению педагогов и (или) психологов, которое сводится к молчаливому присутствию при производстве следственных действий или позднее в суде. Более того, подобное отношение выражается в достаточно грубой формулировке, которую часто можно услышать, как от привлекающей, так и от привлекаемой сторон, когда отмечают, что «их (психологов и педагогов) приглашают принять участие при производстве допроса в качестве мебели». Однако законодатель безусловно закладывает совершенно иной смысл участия указанных лиц в процессе расследования, иначе логическая целесообразность и последующая эффективность участия вызывает только закономерные вопросы. В этой ситуации во многом сложившаяся практика, по сути, вычеркивает таких лиц из числа самостоятельных участников уголовного процесса.

Как верно отмечается в исследованиях по тактике допроса, успех следственного действия во многом зависит от уровня коммуникативных навыков допрашивающего, включая умение понимать людей, их интересы и особенности социализации [4, с. 142]. Это особенно актуально при работе с несовершеннолетними, где психолог или педагог играют ключевую роль в установлении доверительного контакта и создании комфортной обстановки для получения достоверных показаний.

При этом исходя из смысла, заложенного законодателем в нормах уголовно-процессуального закона, осуществляемую психологом и (или) педагогом деятельность при производстве следственных действий, принято делить на две составляющие:

- на поддержку несовершеннолетнего и смягчение воздействия травмирующих психику факторов допроса,
- на облегчение работы следователя в получении и адекватном использовании информации, как об этом пишет ряд авторов - оказывать помощь в преодолении противодействия со стороны несовершеннолетнего [5, с. 26].

По сути, эти два направления не вызывают каких-либо сомнений, однако, на самом деле можно выделить и третью составляющую, о которой в частных разговорах говорят сами педагоги и психологи, имеющие богатый опыт участия в подобных действиях. Речь идет о том, что иногда приходится иметь дело с такими категориями несовершеннолетних, при выстраивании коммуникации с которыми, помощь психолога для «смягчения воздействия травмирующих психику факторов допроса» нужна не допрашиваемому, а допрашивающему (чаще всего это молодая девушка, недавно закончившая институт). Однако в любом случае решаемая задача будет связана с неоценимой помощью в обеспечении психологического контакта с участниками процессуального действия [6, с. 105].

При этом, постановка и реализация этих выше указанных задач будет существенно различаться в зависимости и от возраста (иногда каждый год – два имеет большое значение) и от процессуального статуса допрашиваемого. Стоит отметить, что в научной литературе, на данный момент, наблюдается некоторый «перекос» в сторону исследования вопросов участия педагогов (психологов) в допросах несовершеннолетних, выступающих в качестве подозреваемых, относительно допросов несовершеннолетних, выступающих в качестве свидетелей и потерпевших. Кроме того, эти проблемы могут отличаться и на разных этапах уголовного процесса, так самый первый допрос в ходе предварительного расследования, и допрос уже в ходе судебного разбирательства, представляют собой разные ситуации. Большое значение также имеет квалификация совершенного преступления и степень участия каждого лица в реализации преступного умысла, однако это уже можно отнести к частным случаям, как и другие обстоятельства конкретного уголовного дела.

Развивая мысль о выполняемых функциях при производстве расследования в целом, можно отметить, что помощь педагога и (или) психолога может иметь важное значение не только при допросе. При производстве следственных действий (любых), проводимых как в условиях конфликтных, так и бесконфликтных ситуаций с тактической точки зрения участие психолога и (или) педагога может способствовать получению и закреплению необходимых сведений. Конечно, в первую очередь речь идёт об очной ставке (там конфликт всегда имеется между сторонами). Однако и при проведении проверки показаний на месте участие психолога и (или) педагога может позволить несовершеннолетнему чувствовать себя более комфортно и как следствие – дать максимально объёмные сведения относительно выполняемых действий и роли каждого лица в совершении преступления. В дополнение можно отметить, что у следователя (дознателя) посредством использования потенциальных возможностей экспертных оценок огромных массивов информации, находящейся в открытом доступе, имеется возможность прогнозирования и аналитики уголовно-процессуальной деятельности [7, с. 84], в том числе проводимой при активной роли психолога и (или) педагога. Так, известна ситуация, когда в ходе очной ставки подозреваемый, в моменты пока следователь не смотрел в его сторону, жестами и мимикой угрожал несовершеннолетнему подозреваемому, в результате чего тот полностью отказался от своих прежних показаний. Психолог это видел и сообщил следователю только после окончания следственного действия. Можно признать, что

свою основную задачу в ходе следственного действия он не выполнил, в результате чего пришлось потратить много сил и времени на исправление ситуации.

Исходя из всего этого педагог и (или) психолог не должен быть пассивным, являясь лишь молчаливым статистом. При этом и сам следователь (дознатель) очевидно должен быть готов к активной роли такого лица (лиц) как специалиста, способного повысить эффективность проводимого следственного действия. Помочь несовершеннолетнему подобрать нужные слова, описать конкретную ситуацию, настроить на работу и дачу показаний, в том числе в условиях конфликтного поведения другой стороны, предопределять корректное поведение и субординацию, а также решать иные полезные задачи. В противном случае результаты участия педагога и (или) психолога при производстве следственного действия просто нулевые.

Как верно указывает О. В. Трубкина, в некоторых сложных конфликтных ситуациях расследования использование специальных психологических знаний «...принесет наибольшую пользу в случае постоянного взаимодействия следователя с одним либо несколькими специалистами-психологами при непрерывном сопровождении расследования уголовного дела, при тесном взаимодействии и обмене информацией как при производстве следственных действий, так и изучении всех документов, характеризующих личность несовершеннолетнего, составлении его психологического портрета с признаками фрустрации и ее интенсивности, выявлением фрустраторов, их природы, характера, сопутствующих субъектов, возможности и способов нейтрализации» [8, с. 222].

2. Законодательная регламентация деятельности педагога и психолога.

При изучении вопроса о тактических рекомендациях участия указанных лиц безусловно следует опираться на уголовно-процессуальное законодательство, которое в совокупности с тактическими приемами позволяет достигать высоких результатов расследования по любому преступлению [9, с. 75]. По сути эффективность разработок тактических рекомендаций по этим вопросам, в некоторой степени (нельзя, пожалуй, назвать её решающей, но не стоит и игнорировать её значимость) зависит от имеющихся противоречий в понимании и трактовке законодательной регламентации в этой области. Перечислим некоторые из этих проблем, которые служат предметом дискуссий в среде ученых процессуалистов и не только:

1. Психолог и педагог – это новая самостоятельная процессуальная фигура или это специалист [10, с. 183]. Согласно ст. 58 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁷ специалист – лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях), профессиональные компетенции которого, законодатель счел необходимым обозначить в данном случае [3, с. 12].

2. В соответствии с ч. 1 ст. 280 УПК РФ при производстве допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля, имеющего физические или

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 11.01.2025).

психические недостатки, в судебное заседание привлекается психолог и (или) педагог, т. е. имеются все основания для участия психолога и педагога одновременно.

3. При допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, в согласно ч. 3 ст. 425 УПК РФ, предусматривается уже участие только педагога или только психолога, что позволяет некоторым авторам отмечать непоследовательность и произвольность правовых решений, принятых законодателем, представляется, что в ст. 425 УПК РФ предусмотрены меньшие правовые гарантии при проведении допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и подсудимого в сравнении со ст. 280 УПК РФ, регламентирующей допрос потерпевшего и свидетеля [11, с. 395-396].

4. Также вызывают дискуссии такие аспекты как критерии допуска психолога или педагога к участию в проведении следственных действий, их права и обязанности, а некоторые авторы полагают: «... что законодатель должен определить функции педагога и психолога и цели их участия именно в процедурах с несовершеннолетними» [12, с. 89].

Скорее всего некоторые из этих моментов невозможно или нецелесообразно жестко регламентировать на законодательном уровне, так, например, установленные критерии по образованию, стажу и т.п. могут значительно осложнить организацию участия подобных лиц в уголовном судопроизводстве. Однако вспоминается ситуация с появлением в УПК РФ нового вида доказательств – «заключение специалиста» в 2003 году и те многостраничные дискуссии, которые развернулись среди ученых относительно того, чем должно отличаться заключение специалиста от заключения эксперта по оформлению, содержанию, назначению и т.п. и зачем оно вообще необходимо. Нельзя сказать, что Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»⁸ (далее – ППВС РФ) окончательно поставило точку во всех этих обсуждениях, но определенную ясность оно всё же внесло. В данном случае подобное разъяснение может помочь и будет предпочтительным решением, сразу по нескольким причинам. При изучении какой-либо проблемы научными работниками всегда следует помнить, что в своей работе практические работники руководствуются официальными документами (статьями законов, а не статьями журналов, пусть даже рецензируемых ВАК). Упомянутый выше источник – ППВС РФ является, с одной стороны, официальным документом, который отражает официальную точку зрения высшего органа судебной власти в государстве, а не частное мнение ученого, что дает все основания ссылаться на него в правоприменительной деятельности. С другой стороны – он не является источником права, т. е. если в нем будут указаны рекомендованные критерии, которым должен соответствовать привлекаемый психолог (педагог), а следователь не сможет найти идеально отвечающего всем этим рекомендациям

⁸ О судебной экспертизе по уголовным делам : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2010 № 28 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/ (дата обращения: 11.01.2025).

специалиста (но отвечающего требованиям УПК РФ), оснований для признания данного следственного действия недействительным по формальным признакам не будет.

3. Информированность педагога и психолога о процессуальных правах.

К сожалению, и такая проблема имеется в правоприменительной практике на настоящее время. При этом какая-то определенная часть этого вопроса лежит на поверхности и в принципе можно ограничиться лишь ей. Речь о том, что педагоги и (или) психологи по роду своей профессиональной деятельности, как правило, не владеют знаниями в области уголовно-процессуального права и не всегда понимают свои функции при проведении следственных действий. Для этого следователю (дознавателю) необходимо не только официальное зачитывание соответствующих положений уголовно-процессуального кодекса о правах и обязанностях (этот аспект не всегда выполняется на практике в полном объеме), но и подробное разъяснение процедурных и иных аспектов участнику судопроизводства в случае наличия уточняющих вопросов. Обычно, в силу нехватки времени или низкой организации работы такие вопросы являются большой редкостью, что приводит к непониманию собственных прав и обязанностей.

Однако другая часть проблемы находится гораздо глубже. Она заключается в постановке проблем следователем (дознавателем), которые призвано решить участие педагога и (или) психолога при производстве следственных действий. В данном случае под проблемой понимаются общие, типовые трудности и противоречия, возникающие в связи с особенностями участия несовершеннолетнего в следственном действии, которые вытекают из его возрастных особенностей, а также частный набор задач и вопросов, которые необходимо решить в данном конкретном случае. И вот об этом крайне редко задумывается следователь (дознаватель).

Следователь (дознаватель) на этапе планирования должен определять цели и задачи проведения конкретного следственного действия, и исходя из этого, прогнозировать выполняемую роль участников события. В отсутствии чёткого понимания, заинтересованности, внятной тактической роли и поддержки от «организующей стороны» и психолог и (или) педагог не способны реализовать имеющийся профессиональный потенциал при проведении следственного действия.

4. Профессиональные и иные требования, предъявляемые к педагогу и психологу.

В настоящее время соответствующие требования, предъявляемые для возможности участия конкретного лица в качестве педагога или психолога отдельно не указаны.

В действующем законодательстве только в 2013 году путём внесения дополнений в ст. 5 УПК РФ было впервые в российском уголовном судопроизводстве закреплено понятие педагога [13, с. 129]. Согласно п. 62 ст. 5 УПК РФ это – педагогический работник, выполняющий в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся.

Определение психолога в УПК РФ отсутствует.

Таким образом возникает множество вопросов в связи с возможностью участия педагога и (или) психолога в проведении следственного действия и вот некоторые из них:

- **Образование.** В законодательстве отсутствует упоминание о наличии у такого лица высшего образования, поэтому вопрос об уровне образования (бакалавриат, специалитет, магистратура) тоже можно считать открытым. По сути не решенным является вопрос о возможности (или не возможности) участия лица, имеющего средне специальное образование.

- **Стаж.** Требований к стажу тоже не установлено законодательством. Насколько это является обоснованным вопрос весьма открытый, но думается, что малоопытный психолог или педагог навряд ли смогут эффективно выполнять свою функцию.

- **Требования к занимаемой должности и организации.** Касаемо педагога указано, что он должен быть работником образовательной организации (без каких-либо дополнений, хотя образовательных организаций существует огромное множество и специфика их работы может существенно различаться). К психологу таковые требования отсутствуют. Что касается занимаемой должности, то педагог должен осуществлять обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся. Законодательные требования к занимаемой психологом должности не установлены. При этом можно задаться вопросом и о том, какой период времени конкретное лицо работает на занимаемой должности.

Если отталкиваться от закона, то воспитатель дошкольного учреждения, который два дня работает на своей должности, может вполне участвовать в проведении следственного действия. К психологу вообще нет ни каких требований, что является в корне не верным.

Говоря об этой проблеме можно понять логику законодателя, который не хотел бы сужать рамками указанных требований возможности для поиска лица для его участия в следственных действиях. И вполне возможно, что в тексте УПК РФ таких требований может и не быть, но они могут содержаться, например, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В конечном счете, указанные обстоятельства несут потенциальную угрозу в виде рисков эффективности участия педагога и (или) психолога в проведении следственного действия, поскольку такой человек в силу своего образования, стажа, занимаемой должности по сути может не являться носителем необходимых профессиональных компетенций и не обладать должными навыками.

5. Поиск педагогов и психологов в организациях и решение вопросов с их работодателем.

Как уже упоминалось ранее у следователя (дознателя) должен быть план проведения следственного действия, исходя из которого определяется роль психолога и (или) педагога в его реализации. Иными словами, если педагог и (или) психолог нужен для формального выполнения требований УПК РФ и пассивного поведения, тогда в принципе подойдет любое лицо. В таких случаях следователь (дознатель) обращается в образовательное учреждение и (или) организацию (подразделение), в

котором имеются психологи. Далее эта организация направляет психолога и (или) педагога, который принимает участие в следственном действии и в принципе этот вариант всех устраивает.

Совсем другое дело, когда следователь (дознатель) стремится провести следственное действие с максимальной эффективностью и для этих целей нужно лицо, обладающее необходимыми требованиями. И в таких случаях «сухое» обращение в организацию весьма часто приводит к тому, что отправляют не самого эффективного работника, ибо самые нужные чаще всего плотно задействованы в самом рабочем процессе. Поэтому в тактических целях лучше всего следователю (дознателю) изначально определиться, какого конкретного человека он хотел бы видеть при производстве следственного действия. Например, при вопросе об участии педагога Самиулина Я. В. заметила, что в большинстве случаев приглашаются педагоги из учебного заведения, в котором учится несовершеннолетний, что является весьма правильным, поскольку несовершеннолетний и педагог знакомы, что с большей степенью повлечет положительное установление психологического контакта [14, с. 66]. Если же такой психологический контакт прогнозируется следователем (дознателем) как не самый лучший (предварительно выяснив особенности личностных отношений между педагогом и несовершеннолетним), то может быть приглашен иной педагог, с которым результативность следственного действия может быть выше. Например, это может быть педагог, работающий в учреждении, в котором несовершеннолетний посещает занятия в спортивной сфере или дополнительного обучения по иностранным языкам или иным дисциплинам (например, при подготовке к ЕГЭ). Аналогичный подход следует распространить при поиске психолога, когда в безусловном приоритете выступает школьный психолог.

Если же психолог и (или) педагог, которого знает несовершеннолетний, не имеют с ним должного контакта, тогда следует воспользоваться услугами частнопрактикующих специалистов или работников организаций, отталкиваясь при формулировании критериев поиска на профессиональные качества. В любом случае решение задачи по поиску хорошего работника для проведения следственного действия является весьма сложной, поскольку для её достижения потребуются решение организационных вопросов и с его работодателем (отправить запрос или повестку, подобрать время проведения действия, которое бы устраивало стороны и многое другое). Однако полученный результат эффективно проведённого следственного действия выступит в качестве вознаграждения за проделанную работу.

При этом как обратная сторона медали на практике возникает вопрос, когда какой-либо педагог и (или) психолог один раз принял участие в следственном действии, а потом его номер телефона распространился по всему отделу и теперь его одолевают постоянные просьбы вновь и вновь оказать содействие сотрудникам правоохранительных органов. В случае, когда такой педагог или психолог сам с радостью готов принимать участие в следственных действиях на регулярной основе, то ситуация является успешным примером взаимодействия, однако чаще всего указанные работники совсем не хотят это делать в постоянном режиме, а отказать не удобно – эффективность такого участия с тактической точки зрения резко снижается.

6. Решение иных организационных вопросов участия психолога и педагога.

Таких вопросов действительно предостаточно на практике, складывающейся по-разному на территории разных субъектов Российской Федерации. Среди подобных вопросов следует выделить:

- Оплата участия в проведении следственного действия. Вопрос о суммах выплат можно назвать дискуссионным, однако надо понимать, что хороший работник получает достойную оплату своего труда. И в случае, если он поедет рано утром на проверку показаний месте за 80 км от районного центра по гравийной дороге, такая оплата должна быть как минимум не ниже, чем на его основном месте работы. При этом важно выплачивать причитающееся вознаграждение в максимально разумный срок. Не должно возникать ситуаций, когда в течение длительного времени ожидают положенных выплат за участие в проведении следственного действия.

- Транспортные проблемы. Этот вопрос особенно актуален для районных и межрайонных подразделений, в которых фактор расстояний играет важную роль. Например, следователю, который находится в районном центре, необходимо провести допрос несовершеннолетнего, и он решает привлечь для этого педагога из образовательного учреждения, в котором обучается сам несовершеннолетний. Для этого потребуются проехать 50 км по грунтовой дороге, потратив на это час-полтора и потом аналогичным образом вернуться назад. Естественно, что желающих принять участие крайне мало.

Вышеуказанные проблемы в своей совокупности выступают в качестве фактора, который самым негативным образом сказывается на выполнении психологом и (или) педагогом задач в рамках уголовного судопроизводства. Решение этих проблем видится в выполнении комплекса действий, направленных на достижение общей цели с разных векторов для получения итогового результата. Безусловно, таких решений может быть много, однако фундаментальное значение могут иметь только три из них, затронутые в этой статье:

1. *Качественное закрепление в различных письменных источниках всей совокупности сведений, необходимых для эффективной работы психолога и (или) педагога при расследовании преступлений.* Речь идет об уголовно-процессуальном законодательстве, постановлениях пленума Верховного Суда Российской Федерации, методических рекомендациях, утверждённых приказами различных министерств и ведомств, а также иных источниках. При этом каждый такой источник должен давать максимально информативные положения, которые смогут найти одобрительные отклики у правоприменителей. Например, методические рекомендации следователя (дознавателя), использующиеся в конкретном районе или субъекте Федерации должны содержать перечень организаций, в которых работают психологи и (или) педагоги, чья работа в уголовном судопроизводстве показала высокую эффективность. Смысл максимально простой – чем меньше будет пробельности информации для подготовки и проведения следственного действия с участием таких лиц – тем выше результативность.

2. *Изменение подхода со стороны следственных и иных правоохранительных органов к роли психолога и (или) педагога как к лицу, способному повысить*

эффективность расследования преступления. Здесь стоит отметить, что исходя из криминалистической классификации участников уголовного судопроизводства в рамках двух основных групп (субъектов криминалистически значимой информации и субъектов криминалистических знаний) [15, с. 57] следователь (дознатель) состоит вместе с психологом и педагогом в одной группе – группе субъектов криминалистических знаний и должны общими усилиями решать поставленные задачи, по сути помогая друг другу. При этом положительно решить данный, который скорее лежит в области психологии и организации труда, возможно путём, например, создания информационных писем об успешной практики использования таких лиц при проведении следственных действий. Когда у следователя (дознателя) будет иметься возможность сравнения своих результатов (в первую очередь не самых успешных) с результатами других лиц, которые сумели добиться более высоких показателей в схожей ситуации – тогда можно будет сказать, что «лёд тронулся». А в случае закрепления в информационном письме пошагового и весьма ясного (в том числе и для малоопытных сотрудников) алгоритма действия для получения качественного результата можно будет констатировать, что «лёд растаял». Плюс, безусловно, важно проведение на систематической основе работы по повышению квалификации работников правоохранительных органов, осуществляющих взаимодействие с психологом и (или) педагогом.

3. Понимание психологом и педагогом своей роли при проведении конкретного следственного действия или в процессе расследования в целом. Для этого необходима работа сотрудников правоохранительных органов, которые способны чётко обозначить цели проведения следственного действия и поставить конкретные задачи психологу и (или) педагогу. В этой связи следователю (дознателю) на стадии подготовки стоит использовать моделирование, которое позволяет познать неопознанное посреди построения и использования мысленных (электронных, физических) моделей [16, с. 88], что в конечном счете влечёт возможность прогнозирования действия отдельных лиц при последующем проведении следственного действия. При этом необходимо учитывать, что психолог и педагог могут быть не знакомы с уголовным судопроизводством и деятельностью правоохранительных органов, то есть нужно быть готовым к скрупулёзной работе с людьми со множеством уточняющих вопросов. В свою очередь от психологов и педагогов потребуются уточнять поставленную задачу и задавать дополнительные вопросы, если что-то оказалось не ясным или не до конца понятным и быть психологически готовыми к выполнению активной роли при проведении процесса расследования для максимальной эффективности планируемого результата. Формальный подход к выполнению обязанностей и безынициативность в поведении должны стать основанием к тому, что более это лицо не будет привлекаться к участию в расследовании преступления.

В заключении хочется отметить, что это только некоторые вопросы и пути их решения, которые тормозят эффективное использование положений законодательства в части участия педагога и (или) психолога в проведении следственного действия. Решение поставленных задач и развитие тактики участия педагога и (или) психолога в

уголовном судопроизводстве самым благоприятным образом отразятся в практической сфере, что существенно повысит уровень результативности расследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Марковичева, Е. В., Татьяна, Л. Г. Проблемы участия педагога и психолога в уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2017. Т. 27. № 2. С. 133–138.
2. Тактико-криминалистическое обеспечение допроса несовершеннолетнего / К. В. Муравьев, А. Б. Соколов, П. В. Козловский, А. П. Алексеева // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4 (75). С. 47–52.
3. Зайцева, Е. А. Спорные аспекты идентификации процессуального статуса педагога и психолога в уголовном судопроизводстве // Судебная экспертиза. 2019. № 1 (57). С. 5–18.
4. Усачев, С. И. Некоторые тактические особенности проведения допроса представителя потерпевшего при расследовании мошенничества в сфере автострахования // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1 (17). С. 140–146.
5. Харченко, Д. А., Третьякова, Е. И. Особенности преодоления противодействия расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними, при производстве вербальных следственных действий // ГлаголЪ правосудия. 2022. № 1 (27). С. 21–28.
6. Жданова, Я. В. Правовой статус педагога (психолога) по уголовным делам с участием несовершеннолетних лиц // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2015. Т. 25. №. 4. С. 105–107.
7. Машков, С. А. «Большие данные» и криминалистика: возможности и перспективы // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 2. С. 78–86.
8. Трубкина, О. В. Фрустрация как фактор, детерминирующий характер противодействия раскрытию и расследованию преступлений несовершеннолетними // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 2 (30). С. 215–226.
9. Миллюс, А. И. Тактические особенности обеспечения участия подозреваемого (обвиняемого) при проведении судебных экспертиз // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2025. № 1. С. 69–77.
10. Усачев, А. А. Участие психолога в производстве следственных действий // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2014. № 2. С. 179–183.
11. Аширбакиев, Р. М. Участие педагога и психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого: проблемы нормативного регулирования // Вопросы российской юстиции. 2023. № 27. С. 392–400.
12. Миронова, А. В., Мандырка, Ю. С. Обеспечение прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства при проведении процессуальных действий // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 3(94). С. 86–90.

13. Артёмов, С. В. К вопросу о законодательном регулировании участия педагога в уголовном судопроизводстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 1 (23). С. 129–133.

14. Самиулина, Я. В. Отдельные проблемы привлечения педагога и психолога к производству следственных действий, с участием несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 5 (31). С. 63–67.

15. Фойгель, Е. И. О криминалистической классификации участников уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 2 (36). С. 51–59.

16. Степаненко, Д. А. Моделирование в процессе проверки алиби подозреваемого, обвиняемого // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 4 (34). С. 87–94.

REFERENCES

1. Markovicheva, E. V., Tatyana, L. G. Problemy uchastiya pedagoga i psihologa v ugolovnom processe [Problems of participation of a teacher and a psychologist in criminal proceedings]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i Pravo – Vestnik of the Udmurt University. Series: Economics and Law. 2017, vol. 27, issue 2. pp. 133-138.

2. Murav'ev, K. V., Sokolov, A. B., Kozlovskij, P. V., Alekseeva, A. P. Taktiko-kriminalisticheskoe obespechenie doprosa nesovershennoletnego [Tactical and forensic support for the interrogation of a minor]. Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii – Scientific vestnik of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019, no. 4 (75), pp. 47-52.

3. Zaitseva, E. A. Spornye aspekty identifikacii processual'nogo statusa pedagoga i psihologa v ugolovnom sudoproizvodstve [Controversial aspects of identifying the procedural status of a teacher and a psychologist in criminal proceedings]. Sudebnaya ekspertiza – Forensic examination. 2019, no. 1 (57), pp. 5-18.

4. Usachev, S. I. Nekotorye takticheskie osobennosti provedeniya doprosa predstavatelya poterpevshego pri rassledovanii moshennichestva v sfere avtostrahovaniya [Some tactical features of the interrogation of the victim's representative during the investigation of fraud in the field of auto insurance]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra – Forensic science: yesterday, today, tomorrow. 2021, no. 1(17), pp. 140-146.

5. Kharchenko, D. A., Tretyakova, E. I. Osobennosti preodoleniya protivodejstviya rassledovaniyu prestuplenij, sovershennyh nesovershennoletnimi, pri proizvodstve verbal'nyh sledstvennyh dejstvij [Features of overcoming resistance to the investigation of crimes committed by minors during verbal investigative actions]. Glagol' pravosudiya – Verbal of Justice. 2022, no. 1 (27), pp. 21-28.

6. Zhdanova, Ya. V. Pravovoj status pedagoga (psihologa) po ugolovnym delam s uchastiem nesovershennoletnih lic [Legal status of a teacher (psychologist) in criminal cases involving minors]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i Pravo – Vestnik of Udmurt University. Series: Economics and Law. 2015, vol. 25, issue. 4, pp. 105-107.

7. Mashkov, S. A. «Bol'shie dannye» i kriminalistika: vozmozhnosti i perspektivy [“Big Data” and Forensic Science: Possibilities and Prospects]. Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya – Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings. 2024, no. 2, pp. 78–86.
8. Trubkina, O. V. Frustratsiya kak faktor, determiniruyushchij harakter protivodejstviya raskrytiyu i rassledovaniyu prestuplenij nesovershennoletnimi [Frustration as a factor determining the nature of resistance to the disclosure and investigation of crimes committed by minors]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra – Forensic science: yesterday, today, tomorrow. 2024, vol. 30, no. 2, pp. 215–226.
9. Milus, A. I. Takticheskie osobennosti obespecheniya uchastiya podozrevaemogo (obvinyaemogo) pri provedenii sudebnyh ekspertiz [Tactical features of ensuring the participation of a suspect (accused) during forensic examinations]. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Bulletin of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2025, no. 1, pp. 69–77.
10. Usachev, A. A. Uchastie psihologa v proizvodstve sledstvennyh dejstvij [Participation of a psychologist in the production of investigative actions]. Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya – Siberian criminal procedural and forensic readings. 2014, no. 2, pp. 179–183.
11. Ashirbakiyev, R. M. Uchastie pedagoga i psihologa v doprose nesovershennoletnego podozrevaemogo, obvinyaemogo, podsudimogo: problemy normativnogo regulirovaniya [Participation of a teacher and a psychologist in the interrogation of a minor suspect, accused, defendant: problems of regulatory regulation]. Voprosy rossijskoj yusticii – Issues of Russian Justice. 2023, no. 27, pp. 392–400.
12. Mironova, A. V., Mandyrka, Yu. S. Obespechenie prav nesovershennoletnih uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva pri provedenii processual'nyh dejstvij [Ensuring the rights of minor participants in criminal proceedings during procedural actions]. YUrist"-Pravoved" – Jurist-Pravoved. 2020, no. 3 (94), pp. 86–90.
13. Artemov, S. V. K voprosu o zakonodatel'nom regulirovanii uchastiya pedagoga v ugolovnom sudoproizvodstve [On the issue of legislative regulation of the participation of a teacher in criminal proceedings]. Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016, no. 1 (23), pp. 129–133.
14. Samiulina, Ya. V. Otdel'nye problemy privlecheniya pedagoga i psihologa k proizvodstvu sledstvennyh dejstvij, s uchastiem nesovershennoletnego podozrevaemogo, obvinyaemogo [Certain problems of involving a teacher and a psychologist in the production of investigative actions with the participation of a minor suspect, accused]. Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta – Vestnik of the Samara Law Institute. 2018, no. 5 (31), pp. 63–67.
15. Foigel, E. I. O kriminalisticheskoy klassifikacii uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva [On the forensic classification of participants in criminal proceedings]. Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya – Siberian criminal procedural and forensic readings. 2022, no. 2, pp. 51–59.

16. Stepanenko, D. A. Modelirovanie v processe proverki alibi podozrevaemogo, obvinyaemogo [Modeling in the process of checking the alibi of a suspect, accused]. Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya – Siberian criminal procedural and forensic readings. 2021, no. 4, pp. 87–94.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шаевич Антон Александрович, кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры информационных технологий. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Бельков Владислав Александрович, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора. Байкальский государственный университет. 664027, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shaevich Anton Aleksandrovich, Candidate of legal sciences, Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of Information Technologies. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 664074, Irkutsk, Lermontova str.110.

Belkov Vladislav Aleksandrovich, Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision. Baikal State University, 664027, Irkutsk, Lenina str. 11.

Статья поступила в редакцию 19.01.2025 одобрена после рецензирования 21.02.2025; принята к публикации 17.04.2025.

The article was submitted 19.01.2025; approved after reviewing 21.02.2025; accepted for publication 17.04.2025.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025 № 2 (113). С. 286-297.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025
Vol. no. 2 (113). Pp. 286-297.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья
УДК 343.85:351.74

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРОФУЧЁТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Щеглов Александр Иванович

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Российская Федерация,
sanja-2015@bk.ru

Введение. В статье представлены и обоснованы признаки, которые раскрывают содержание дефиниции «профучётная преступность» как отдельного вида преступности, требующего комплексного криминологического исследования.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили результаты научных изысканий по криминологии, нормы действующего законодательства Российской Федерации и отдельных стран ближнего зарубежья, ведомственные нормативные правовые акты МВД России, регулирующие порядок осуществления профилактики преступлений, статистические сведения ФКУ «ГИАЦ МВД России». В ходе исследования применен диалектический метод, проведен анализ научных, нормативно-правовых источников, использованы приёмы обобщения и группировки данных, а также метод сравнительного правоведения.

Результаты исследования позволили обосновать наличие характерных признаков для профучётной преступности. Рассмотреть данный вид преступности через систему профилактического учета лиц участкового уполномоченного полиции (далее – УУП), совершивших умышленные преступления, а также выделить критерии, в соответствии с которыми, указанные лица представляют повышенную общественную опасность, требующую дополнительного контроля со стороны правоохранительных органов, и считаются специальными субъектами, к которым применимы специальные меры профилактики.

Выводы и заключения. Проведенный анализ законодательства, научной литературы позволил раскрыть признаки профучётной преступности как самостоятельного вида преступности, посредством которых было представлено содержание дефиниции «профучётная преступность», а также выделены критерии, позволяющие считать лиц, состоящих на профилактическом учете специальными субъектами, к которым применимы специальные меры профилактики.

Ключевые слова: криминологическое законодательство, профучётная преступность, лицо, состоящее на профилактическом учете, повышенная общественная опасность

Для цитирования: Щеглов, А.И. Понятие и признаки профучётной преступности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (113). С. 286-297.

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

CONCEPT AND CHARACTERISTICS OF RECORDED CRIME

Alexander I. Shcheglov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russian Federation, sanja-2015@bk.ru

Introduction. The article presents and substantiates the features that reveal the content of the definition of “professional crime” as a separate type of crime that requires a comprehensive criminological study.

Materials and Methods. The materials of the study were the results of scientific research in criminology, the norms of the current legislation of the Russian Federation and individual neighboring countries, departmental regulatory legal acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia governing the procedure for implementing crime prevention, statistical data of the Federal State Institution "GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia". The study used the dialectical method, analyzed scientific, regulatory and legal sources, used methods of generalization and grouping of data, as well as the method of comparative law.

The Results of the Study allowed to substantiate the presence of characteristic features for professional crime. To consider this type of crime through the system of preventive registration of persons who have committed certain categories of crimes, and also to identify the criteria according to which the said persons represent an increased public danger, requiring additional control from law enforcement agencies and are considered special subjects to whom special preventive measures are applicable.

Findings and Conclusions. The conducted analysis of legislation and scientific literature made it possible to reveal the characteristics of preventive crime as an independent type of crime, through which the content of the definition of “pro-registered crime” was presented, and criteria were identified that make it possible to consider persons on preventive registration as special subjects to whom special preventive measures are applicable.

Keywords: criminological legislation, professional crime, person on preventive register, increased public danger

For citation: Shcheglov, A. I. Ponyatie i priznaki profuchyotnoj prestupnosti [Concept and characteristics of recorded crime]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no.2 (113). Pp. 286-297.

В научных исследованиях по криминологии преступность рассматривалась с различных точек зрения, указывались ее качественные и количественные показатели, сфера общественных отношений, наличие социального статуса, а также половозрастные признаки. В свою очередь Г. А. Аванесов констатировал ее постоянство как «относительно массового, исторически изменчивого социально-правового явления, слагающегося из совокупности преступлений, совершаемых в данном государстве в тот или иной период времени» [1, с. 181].

Ю. М. Антонян в целом обосновывает ее существование, не только как объекта криминологических исследований, но и как явления, которое носит социальный, правовой и массовый характер [2, с. 53].

А. Л. Репецкая рассматривает преступность как социальный феномен, присущий любой стране. При этом она «считается высоко репрезентативным качественным образованием, которое носит массовый характер» [3, с. 151-152]. Следует отметить, что статистические показатели того или иного вида преступности во многом зависят от правовой регламентации в уголовном законе конкретных деяний, которые в тот или иной период времени государство рассматривает в качестве преступных.

Другие исследователи указывают на видовое разделение преступности. При этом в основе такой дифференциации заложены различные критерии (характеристика вины; возраст; пол; служебное положение; сфера общественных отношений), которые позволяют более качественно осуществлять прогнозирование, мониторинг и внедрять передовые меры предупреждения. А. И. Долгова указывает, что в основе дифференциации преступности отражены два базовых явления: «совокупность преступлений на основе одного или нескольких критериев и проявление преступности как сложного социального явления в разных сферах жизнедеятельности» [4, с. 487].

По мнению М. П. Клейменова, преступность – это комплексное явление, которое складывается из массы отдельных преступлений, обладает свойствами общественной опасности и противоправности для противодействия которой, специально разрабатывается криминологическое законодательство [5, с. 115-116].

Выделение профучётной преступности в отдельный вид преступности, не является случайным, а обусловлен наличием ранее указанных критериев и объективно существующих признаков.

Первым признаком профучётной преступности является наличие особого криминологического законодательства, в котором содержатся нормы, направленные на противодействие преступности в целом, и по отдельным ее видам. Как справедливо отмечает М. П. Клейменов «криминологическое законодательство как система международных, федеральных и региональных нормативных правовых актов криминологического содержания и направленности существует и развивается» [6, с. 154].

На законодательном уровне термин «преступность» упоминается в п. «е» ч. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которым Правительство Российской Федерации «осуществляет меры по борьбе с преступностью». Упоминание термина «преступность» содержится в ст. 23 Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», который устанавливает полномочия Правительства Российской Федерации в борьбе с преступностью.

Важнейшим с криминологической точки зрения нормативным правовым актом, фактически подтверждающим наличие «профучётной преступности», является Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 182-ФЗ). В законе прямо указано, что развитие системы профилактического учета лиц, склонных к противоправному поведению является одним из основных направлений профилактики правонарушений (п. 3. ч. 1 ст. 6 ФЗ № 182-ФЗ). Рассматриваемый криминологический закон относит профилактический учет (далее – профучёт) к формам профилактического воздействия (п. 4 ч. 1 ст. 17 ФЗ № 182-ФЗ) и определяет, что профучёт – это не только самостоятельная мера профилактического воздействия, но и правовой инструмент информационного обеспечения деятельности всех субъектов профилактики правонарушений (ч. 1 ст. 21 ФЗ № 182-ФЗ). При этом законодатель указал на необходимость применения профучёта вместе с профилактическим надзором, который заключается в наблюдении за поведением лица, состоящего на профилактическом учете и соблюдением им ограничений, установленных в соответствии с Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

Учетные и надзорные функции, в отношении лиц, состоящих на профучёте, законодатель возложил на полицию, тем самым усилив ранее закреплённое за данным правоохранительным органом основное направление деятельности – предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений (п. 2 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»).

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 в компетенцию МВД России входит разработка и принятие мер по предупреждению преступлений, по выявлению и устранению причин и условий, способствующих их совершению¹.

В свою очередь на уровне МВД России (ведомственном уровне) была разработана система профилактического учета лиц определенных категорий, основания, порядок, а также необходимость применения мер профилактического воздействия в процессе проведения индивидуальной профилактической работы.

¹ Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209309/ (дата обращения: 12.01.2025). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

Согласно п. 1.4.3 приказа МВД России от 24 августа 2023 г. № 619 субъектами ведомственной системы профилактики реализуется направление по развитию системы профилактического учета лиц, склонных к совершению правонарушений².

Другим ведомственным приказом МВД России были установлены категории лиц, подлежащие постановке на профучёт. При этом индивидуальная профилактическая работа и применение к ним мер профилактического воздействия была поручена участковому уполномоченному полиции³.

Объективное, а также нормативное существование профучётной преступности можно проследить на примере криминологического законодательства зарубежных стран, в частности Республики Беларусь и Республики Казахстан. Причем критерии выбора лиц, которых необходимо ставить на профучёт и контролировать их поведение в целях недопущения повторных преступлений будут примерно схожими.

Так, Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» в ст. 28 определяет, что профилактический учёт представляет собой наблюдение за поведением гражданина в целях предупреждения с его стороны подготовки или совершения правонарушений, а также оказания на него профилактического воздействия. Этот же закон определил закрытый перечень лиц, подлежащих постановке на профучёт.

Наличие системы профучёта представлено в криминологическом законодательстве Республики Казахстан, при этом работа с лицами, которые представляют интерес для профилактики правонарушений входит в непосредственную компетенцию органов внутренних дел. Участковые инспектора полиции осуществляют меры по профилактике правонарушений, а также ведут профилактический учет и осуществляют профилактический контроль.

Для понимания общности критериев выбора специальных субъектов, подлежащих постановке на профучёт в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации, следует конкретизировать категории лиц, которых государство взяло под контроль в связи с совершением не только преступлений, но и административных правонарушений, которые посягают на общественный порядок и общественную безопасность. При этом следует отметить, что оно обязало участковых

² О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений : приказ МВД России от 24 августа 2023 г. № 619 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460122/ (дата обращения: 12.01.2025). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

³ О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности (вместе с «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке», «Наставлением по организации службы участковых уполномоченных полиции») : приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328491/ (дата обращения: 12.01.2025). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

инспекторов милиции и участковых уполномоченных полиции наблюдать за их поведением, а также применять к ним меры общей и индивидуальной профилактики правонарушений.

На профучёт в Республике Беларусь ставятся следующие категории лиц:

- совершивших насилие в семье; лица, полностью отбывшие основное и дополнительное уголовное наказание (реальное лишение свободы);
- состоящих под превентивным надзором; лица, состоящие под профилактическим наблюдением;
- осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, и иным мерам уголовной ответственности.

В соответствии со ст. 28 Закона Республики Казахстан от 29 апреля 2010 г. № 271-IV «О профилактике правонарушений» на профучёт ставится лицо:

- в отношении, которого принято решение об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в виде лишения свободы; состоящее под административным надзором;
- в отношении, которого принято решение об освобождении из мест лишения свободы после отбывания наказания за совершение тяжкого и особо тяжкого преступления или судимого два и более раз к лишению свободы за умышленные преступления;
- в отношении, которого вынесен обвинительный приговор суда о признании виновным в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления с назначением уголовного наказания и освобождением от его отбывания в связи с тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания; принято решение суда об освобождении осужденных из мест лишения свободы в связи с тяжелой болезнью, которые были осуждены за совершение тяжкого и особо тяжкого преступлений.

В Российской Федерации постановке на профучёт подлежат лица:

- в отношении, которых установлен административный надзор;
- освобожденные из мест лишения свободы и имеющие непогашенную или неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления; преступления при рецидиве преступлений; двух и более ч. 1 ст. 234.1 УК Российской Федерации;
- за совершение умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего;
- допускающие правонарушения в семейно-бытовой сфере;
- за совершение административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность при проведении публичных или официальных спортивных мероприятий.

Схожесть категории лиц, совершивших умышленные преступления, в системе профилактического учета Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан свидетельствует не только о высоком уровне потенциальной общественной опасности, исходящей от указанных субъектов, но и необходимости проведения комплексного криминологического изучения исследуемого вида преступности для своевременного и эффективного ее предупреждения.

Вторым признаком профучётной преступности считается наличие специального субъекта, к которому относится лицо, совершившее умышленное преступление, привлеченное к уголовной ответственности либо ранее судимое (со снятой либо непогашенной судимостью), поставленное уполномоченными должностными лицами на основании и в порядке, предусмотренном действующим законодательством на профучёт. Иными словами, субъект, после совершения определённого (умышленного) правонарушения, попадает в поле зрения правоохранительных органов, которые, выполняя свою контрольно-надзорную функцию, ставят его на профилактический учет, проводят с ним индивидуальную профилактическую работу в целях недопущения повторного совершения правонарушений и поддержания надлежащего уровня общественной безопасности и правопорядка.

Таким образом, в расчёт профучётной преступности мы не берем преступления, совершенные по неосторожности и несовершеннолетними лицами. Более того, лица, совершившие административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность при проведении публичных или официальных спортивных мероприятий, являясь учетной категорией, с которой проводится индивидуальная профилактическая работа, к числу преступников не относятся, однако законодатель подчеркивает их потенциальную общественную опасность возможность совершения преступлений против общественной безопасности, такие как: «Хулиганство» (ст. 213 УК РФ); «Массовые беспорядки» (ст. 212 УК РФ); «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» (ст. 212.1 УК РФ) и другие.

Существующий зарубежный опыт свидетельствует о том, что наличие специального субъекта, в отношении которого проводятся установленные законом профилактические мероприятия, является ключевым признаком, по которому следует выделять «профучётную преступность». В данном случае это будет совершеннолетний, вменяемый гражданин Российской Федерации, который в соответствии с требованиями ведомственной Инструкции МВД России⁴ при наличии необходимых оснований (совершение умышленного преступления, привлечение к уголовной ответственности, освобождение из мест лишения свободы, установление административного надзора и др.), по инициативе УУП поставлен на профучёт для проведения с ним индивидуальной профилактической работы.

Сразу следует оговориться что законодатель, формируя систему профучёта специальных субъектов, заложил несколько критериев характеризующих причинный комплекс выбора определенной категории лиц.

Первый критерий – уровень общественной опасности, ранее совершенных подучетными лицами умышленных преступлений (тяжкие, особо тяжкие, в отношении несовершеннолетних, рецидивисты и т. п.), либо административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность при проведении публичных или официальных спортивных мероприятий.

⁴ Там же.

Второй критерий – массовость совершения преступлений. Совершенно очевидно для криминологического анализа преступности является тот факт, что преступления в семейно-бытовой сфере занимают от 30 до 40 % общего количества преступлений, совершенных на территории Российской Федерации.

Третий критерий, – причинно-следственный комплекс совершения преступлений и личностный компонент потенциального правонарушителя. Как известно условиями совершения корыстных и насильственных преступлений, как правило, выступают алкоголь и наркотики.

Четвертый критерий – потенциальная опасность массового совершения преступлений против общественного порядка и общественной безопасности, а также преступлений против государственной власти. Наличие в системе профучета лиц, совершивших административные правонарушения, совершенно оправдано, так как они на момент постановки на профучет совершили умышленные противоправные деяния и в основной своей массе потенциально готовы к совершению преступлений. В этой связи совершенно справедливой выступает точка зрения профессора В. В. Денисенко, о том, что «системный характер преступности и административной деликтности требует комплексного использования уголовно-правовых и административных средств воздействия, как части организационно-правовых мер профилактики преступности и воздействия на лиц, совершивших преступления и административные проступки» [7, с. 6].

Следует сразу уточнить, формируя категории лиц (специальных субъектов), подлежащих постановке на профучёт законодатель исключил неосторожную преступность и административную деликтность, за исключением отдельных административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность при проведении публичных или официальных спортивных мероприятий [8, с. 46].

Анализ содержания действующих нормативных правовых актов, а также специальной юридической литературы указывает на то, что в настоящее время при фактическом существовании «профучётной преступности» отсутствует ее понятие, отличительные признаки и не представлена ее криминологическая характеристика. Кроме того, нет конкретного целостного, комплексного понимания данного вида преступности и в правоприменительной практике. По большому счету работа УУП ведется с конкретным человеком, а в статистическую отчетность от должностного лица, осуществляющего расследование уголовного дела, поступают сведения об отдельных видах совершенных общественно-опасных деяний.

На самом деле, исходя из требований действующего законодательства и научной трактовки дефиниции «преступность» напрашивается усеченное (узкое) понимание содержания термина «профучётная преступность», которое будет включать в себя совокупность отдельных вновь совершенных преступных деяний лицами, состоящими на профучёте. Однако многие следователи и дознаватели не берут во внимание тот факт, что лица, состоящие под административным надзором, одновременно состоят на профучёте. Узость такого понимания профучётной преступности подтверждается проведённым нами сравнительным анализом статистических карточек формы № 2 на

лицо, совершившее преступление, заполняемых сотрудниками органа дознания или следствия.

Полагаем, что наличие «профучётной преступности» следует рассматривать в более широкой трактовке исходя из трех ключевых признаков, которые в дальнейшем помогут нам сформулировать определение рассматриваемого нами вида преступности.

Первый критерий – нормативный. Во-первых, наличие системы профучёта, законодательно сформулировано. Развитие системы профучёта, а также осуществление индивидуальной профилактической работы с подконтрольными категориями граждан входит в компетенцию МВД России. В соответствии с пп. «в» п. 1 Указа Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 250 «Вопросы организации полиции», выявление и устранение причин преступлений и административных правонарушений, а также условий, способствующих их совершению, входит в непосредственную компетенцию службы участковых уполномоченных полиции.

Во-вторых, нахождение перечисленных категорий граждан на профучёте решает стоящие перед УК РФ задачи, связанные с охраной прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, а также с предупреждением преступлений (ч. 1 ст. 2 УК РФ).

Второй критерий – практический. В соответствии с данным критерием именно лица указанных категорий, обладают высоким потенциалом совершения повторных преступлений, находясь на профучёте. Не смотря на применение мер общей профилактики преступлений происходит стабильное (постоянное) пополнение категорий профучёта лицами, которые ранее там не состояли либо через определенное время попали повторно. В подтверждение представленного нами критерия, следует указать позицию профессора В. Д. Филимонова, о том, что для определенных категорий лиц, в частности «ранее уже совершавшим преступные деяния, рецидивистам, лицам, ранее подвергавшимся ответственности за умышленные административные правонарушения присуще сформировавшееся личностное свойство – направленность лица на удовлетворение своих потребностей посредством поведения, носящего общественно опасный характер» [9, с. 141]. Именно с данными гражданами осуществляется индивидуальная профилактическая работа УУП.

В качестве примера приведем статистику ФКУ «ГИАЦ МВД России» из раздела 5 формы 578 «Профилактика» за пятилетний период с 2019 по 2023 годы. Всего по России за указанный период поставлено на профучёт 831 492 граждан. Из них в 2019 г. – 198 52; в 2020 г. – 172 712; в 2021 г. – 173 635; в 2022 г. – 157 341; в 2023 г. – 129 252. Для сравнения следует указать количество граждан за указанный период, которые были сняты с профучёта в связи с осуждением лица к лишению свободы и направления его к месту отбывания наказания. Всего за указанный период снято с профучёта в связи с осуждением лица к лишению свободы и направления его к месту отбывания наказания – 129 066. Из них в 2019 г. – 29517; в 2020 г. – 23 975; в 2021 г. – 27 852; в 2022 г. – 25 834; в 2023 г. – 21 888⁵.

⁵ Форма статистической отчетности «О профилактической работе органов внутренних дел» «Профилактика» (код 578).

Третий критерий – формальный. Суть данного критерия заключается в том, что граждане, состоящие на профучёте, обязаны иметь гражданство Российской Федерации, проживать на территории обслуживаемого административного участка, обладать правоспособностью и дееспособностью. При этом, совершенные противоправные деяния должны соответствовать той категории профучёта, в которую гражданин будет занесен на определенный период времени в соответствии с требованиями действующего законодательства. Важным моментом для признания специального статуса лица, считается соблюдение порядка его постановки на профучёт и его уведомление об этом в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации. В данном случае мы полностью разделяем позицию профессора В. А. Плешакова «что определение круга лиц, требующих профилактического воздействия, при отсутствии законных оснований может повлечь за собой произвольные решения, а тем самым – ущемление прав граждан» [10, с. 176].

Исходя из перечисленных нами критериев, существует необходимость обоснованного выделения «профучётной преступности», т. к. именно состояние, структура и динамика преступности лиц, из числа состоящих на профучёте отражает эффективность и результативность системы профилактики, в том числе с учётом недостатков такой системы.

Принимая во внимание ранее перечисленные нами критерии профучётной преступности, следует обратить внимание на тот факт, что в основе выделения рассматриваемого вида преступности будет специальный субъект. Данным субъектом будет считаться лицо, ранее совершившее умышленное преступление, обладающее высоким потенциалом, совершения повторных преступлений, проживающее на определенной территории (административном участке), которое в силу объективных и субъективных причин и условий без надлежащего применения мер профилактического воздействия, через постановку на профилактический учет, способно вновь совершить общественно-опасное деяние. В свою очередь правоохранительные органы (сотрудники исправительных учреждений и должностные лица полиции) обладают необходимыми сведениями о склонности и направленности таких лиц к противоправному поведению и поэтому для предотвращения общественно-опасных последствий они подпадают под контроль и подвергаются законодательно урегулированному профилактическому воздействию через систему профучёта.

Подводя итоги, следует отметить, что профучётную преступность следует рассматривать как массовое, социально-негативное, динамично развивающееся системное явление, которое существует повсеместно и проявляется в совокупности умышленных уголовно наказуемых деяний, совершенных специальными субъектами, а именно, лицами, состоящими на профучёте, на определенной территории за конкретный (учетный) период времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Криминология : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Г. А. Аванесов и др. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 495 с.

2. Антонян, Ю. М. Криминология. Избранные лекции. М. : Логос, 2004. 448 с.
3. Репецкая, А. Л. Современное состояние, структура и тенденции российской преступности // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 1 (54). С. 151–156.
4. Криминология: учебник для вузов / под общей ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2005. 912 с.
5. Клейменов, М. П. Исследование преступности в России // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2024. № 1. С. 115–118.
6. Клейменов, М. П. Криминологическое законодательство и криминологическое право в России // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 2. С. 148–159.
7. Денисенко, В. В. Административная деликтность как элемент оперативной обстановки и объект организационно-правового воздействия органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. 18 с.
8. Дерюга, А. Н. Профилактика и предупреждение административных и иных правонарушений: теоретико-прикладные сходства и отличия // Административное право и процесс. 2016. № 10. С. 44–49.
9. Филимонов, В. Д. Роль генезиса преступления в формировании его общественной опасности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 137–146.
10. Криминология : учебник для вузов / А. Ф. Агапов, Л. В. Барина, В. Г. Гриб и др.; под ред. В. Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ. 2006. 528 с.

REFERENCES

1. Avanesov, G. A. Kriminologiya [Criminology]. Moscow, 2006, 495 p.
2. Antonyan, Yu. M. Kriminologiya. Izbrannye lektsii [Criminology. Featured lectures]. Moscow. 2004, 448 p.
3. Repeckaya, A. L. Sovremennoe sostoyanie, struktura i tendencii rossijskoj prestupnosti [Current state, structure and trends of Russian crime]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo – Vestnik of Omsk University. Series: Law. 2018, no. 1 (54), pp. 151-156.
4. Dolgovoy, A. I. Kriminologiya [Criminology]. Moscow. 2005, 912 p.
5. Klejmenov, M. P. Issledovanie prestupnosti v Rossii [Research of crime in Russia]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo – Vestnik of Omsk University. Series: Law. 2024, no. 1, pp. 115-118.
6. Klejmenov, M. P. Kriminologicheskoe zakonodatel'stvo i kriminologicheskoe pravo v Rossii [Criminological legislation and criminological law in Russia]. Lex Russica (Russian law). 2018, no. 2, pp. 148-159.
7. Denisenko, V. V. Administrativnaya deliktност' kak element operativnoj obstanovki i ob"ekt organizacionno-pravovogo vozdejstviya organov vnutrennih del: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.02 [Administrative delinquency as an element of the operating conditions and an object of procedural and legal influence of internal affairs bodies: extended abstract of dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.02]. Volgograd. 1998, 18 p.

8. Deryuga, A. N. Profilaktika i preduprezhdenie administrativnyh i inyh pravonarushenij: teoretiko-prikladnye skhodstva i otlichiya [Prevention of administrative offenses and other law violations: theoretical and practical similarities and differences]. Administrativnoe pravo i process – Administrative Law and Procedure. 2016, no. 10, pp. 44-49.

9. Filimonov, V. D. Rol' genezisa prestupleniya v formirovanii ego obshchestvennoj opasnosti [The role of the genesis of a crime in the development of its social danger]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Vestnik of Tomsk State University. Law. 2018, no. 30, pp. 137-146.

10. Agapov, A. F., Barinova, L. V., Grib, V. G. Kriminologiya [Criminology]. Moscow, 2006, 528 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щеглов Александр Иванович, старший преподаватель кафедры огневой и технической подготовки. Барнаульский юридический институт МВД России. 656038, г. Барнаул, улица Чкалова, 49.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shcheglov Aleksandr Ivanovich, Senior Lecturer, Department of Fire and Technical Training. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 656038, Barnaul, Chkalova Str., 49.

Статья поступила в редакцию 13.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 17.04.2025.

The article was submitted 13.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 17.04.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.

2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.

3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее – Институт) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащем его полнотекстовую версию.

4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.

5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.

6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.

7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.

8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.

9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.

10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются

по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.

11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.

12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.

13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в информационно-коммуникационной сети Интернет.

14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.

15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.

16. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом Института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия дает всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, ученая степень, ученое звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передается рецензентом для учета и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.

25. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

26. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем – пять страниц печатного текста (не включая аннотацию и списка источников), оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем – пятнадцать страниц печатного текста (не включая аннотацию и списка источников), оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: РТ Astra Serif.

Размер шрифта: 13 кегль.

Междустрочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм). Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине».

Фотографии, рисунки представляются отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в черно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации **не** представлять как сканированное изображение.

В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке источников. Затекстовые библиографические ссылки оформляются как «Список источников». Внутритекстовые ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке источников (затекстовых ссылках) и страниц, на которые ссылается автор (например, [2, с. 46]). Список источников оформляется в соответствии с **ГОСТ Р 7.0.5–2008** (обязательно *с указанием издающей организации (издательства) и полным количеством страниц*). Список источников оформляется по степени упоминания в тексте, в соответствии с **ГОСТ Р 7.0.7–2021**. Рекомендуем использовать: snoska.info (онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников).

Сноски (если есть) – концевые (**нумерация сквозная**).

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, ученое звание, ученую степень, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять-семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения (данные разделы не должны дублировать слово в слово текст разделов научной статьи). Образец оформления статьи размещен на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesiirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утвержденной приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. Отзыв не является рецензией на статью.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

К представленному научному материалу должна прилагаться справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, заверенная личной подписью.

Порядок направления рукописей и издания журнала

Для опубликования в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные научные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, согласие на обработку персональных данных, а также подписанный автором лицензионный договор.

Документы представляются в редакцию журнала в электронном виде (через личный кабинет на сайте журнала **<https://vestnikesiirk.ru>**).

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков настоящего журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта <https://vestnikesiirk.ru>.

**ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ**

Научно-практический журнал
№ 2 (113) 2025

Редактор: И. Л. Рязанцева
Технический редактор: Л. Е. Ким
Редактор-переводчик: Е. С. Фидель
Дизайн обложки: М. А. Полянская

НИИРИО ФГКОУ ВО ВСИ МВД России,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110